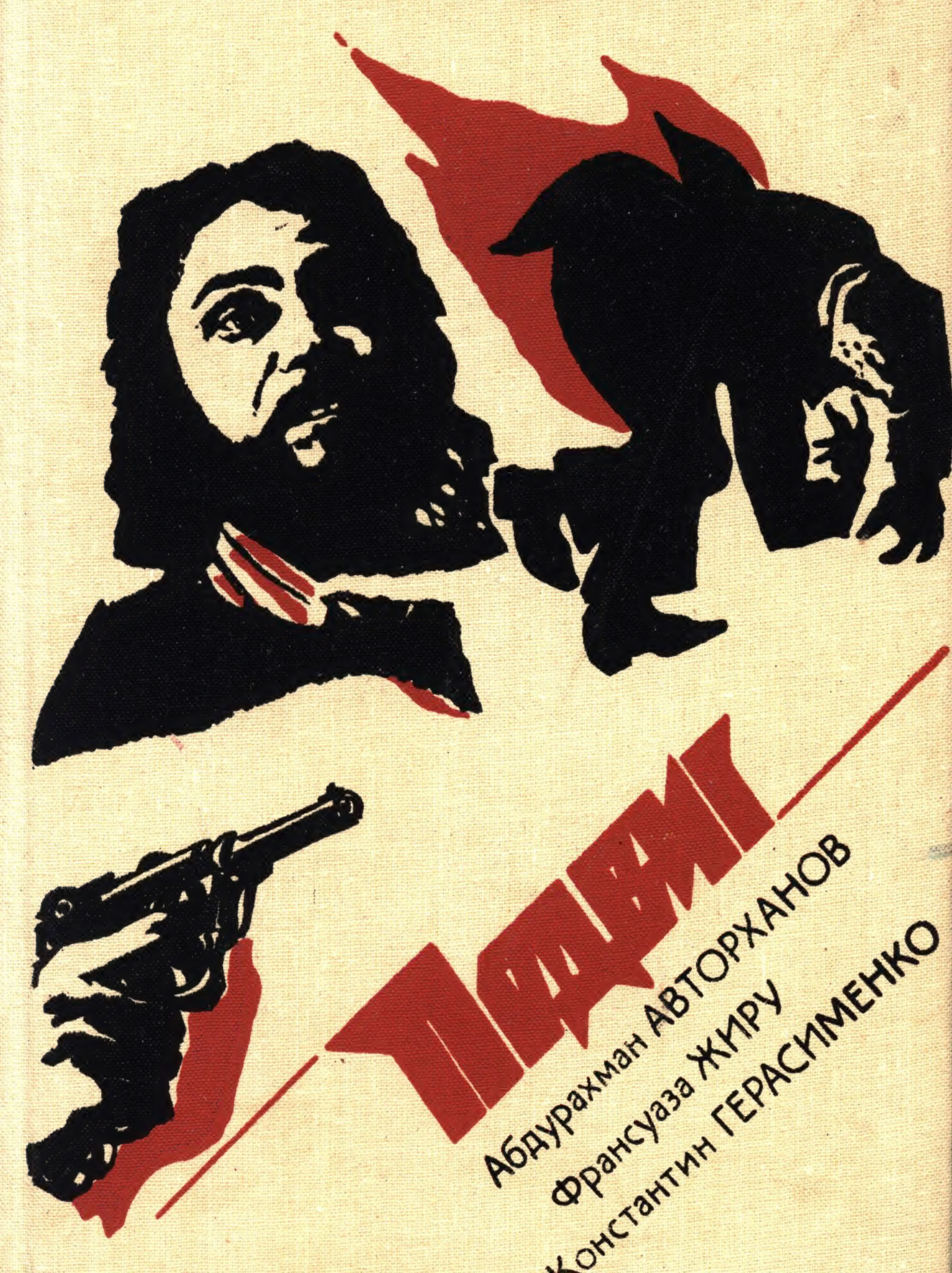
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

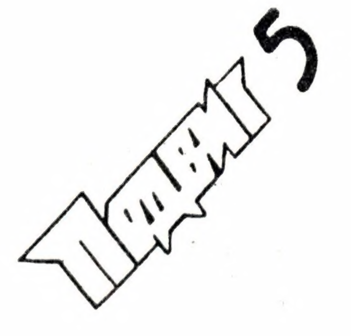

БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА, ГЕРОИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА, ГЕРОИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА, ГЕРОИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ В 10 ТОМАХ

Под редакцией
А. Шевелева
В. Черняка

Санкт-Петербург – Москва
Акционерное общество «Прибой»
Журнал «Сельская молодежь»
1992 г.

БИБЛИОТЕКА ДЕТЕКТИВА,
ГЕРОИКИ И ПРИКЛЮЧЕНИЙ
ТОМ 5

Абдурахман АВТОРХАНОВ

ЗАГАДКА СМЕРТИ СТАЛИНА

ИССЛЕДОВАНИЕ

Франсуаза ЖИРУ

ШАНТАЖ

РОМАН

Константин ГЕРАСИМЕНКО

МАХНО

ОЧЕРК

Санкт-Петербург – Москва
Акционерное общество «Прибой»
Журнал «Сельская молодежь»
1992 г.

Абдурахман АВТОРХАНОВ
ЗАГАДКА СМЕРТИ СТАЛИНА
ИССЛЕДОВАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

На вершине пирамиды советской партократии не было достаточно места для двух преступных гениев — для Сталина и Берия. Рано или поздно один должен был уступить место другому — или оба погибнуть во взаимной борьбе. То и другое случилось почти одновременно. Данное произведение и посвящено реконструкции исторического процесса последних пяти лет сталинского правления (1948-1953), приведшего к этому.

При тиранических режимах политика есть искусство чередующихся интриг. Придворные интригуют, чтобы оказаться поближе к тирану, а тиран — чтобы натравливать их друг на друга, ведь придворные, постоянно соперничающие между собой, не способны организовать заговор против своего владыки. В подобного рода интригах Сталин и его клика не имели себе равных.

Сталин окружил себя людьми, преданность которых обусловливалась не общественными идеалами, а лишь соображениями карьеры. Каждый из них боролся за Сталина, ибо Сталин — это власть, но, чтобы они не объединились против него в борьбе за эту власть, Сталин разжигал среди них взаимную ненависть. Эта тактика имела и еще одно преимущество: когда Сталину было нужно «пустить в расход» кого-нибудь из своей клики, он делал это по доносам одних, при энтузиазме других и при молчаливом согласии остальных.

У большевистской правящей элиты было атрофировано самое элементарное чувство коллегиальной солидарности для спасения своих отдельных представителей — хотя бы ради своего собственного спасения. Этим воспользовался Сталин до войны, на пути к единоличной тирании. Этим Сталин продолжал пользоваться и после войны, пока самый способный из его учеников — Берия — не превзошел своего учителя.

Если каждый из членов последнего сталинского Политбюро умер или умрет своей смертью, то это благодаря тому, кого они убили, — Берия. Если не состоялась вторая, куда более грозная, чем в ежовщину, «великая чистка», если сотни тысяч людей были спасены от чекистских пуль, а миллионы — от концлагерей, то этим, вероятнее всего, страна обязана тоже Берия. Это не было его целью, но это было его невольной заслугой.

Когда Сталин решил ликвидировать свою «старую гвардию» (молотовцев), апеллируя к «молодой гвардии» (маленковцам), Берия первый разгадал его стратегический план — уничтожить всех членов Политбюро по шаблону 20-х и 30-х годов: «старую гвардию» — при помощи «молодой гвардии», «молодую гвардию» — при помощи «выдвиженцев». Но Сталин просчитался: его окружали теперь не идейные простофили 20-х, не политические евнухи 30-х годов, а его же духовные двойники, выпестованные им самим, по его

собственному криминальному образу мышления и действия. Но на высоте криминального искусства самого Сталина стоял среди них только один Берия. К счастью народов СССР, Бог лишил Сталина разума в тот самый момент, когда он направил его гнев в сторону Берия.

С уму непостижимой оплошностью Сталин выдал себя, сформулировав обвинение кремлевских врачей-«заговорщиков»: ведь обвинение всей сети верховных органов госбезопасности в попустительстве «заговорщикам» было прямо направлено против Берия. Берия слишком хорошо знал и Сталина, и судьбу своих предшественников, чтобы строить иллюзии. Сталину теперь нужна была его голова. У Берия не было никаких других средств спасти ее, кроме того, как лишить самого Сталина его собственной головы.

Вот так и был организован беспримерный по трудности, но и блестящий по технике исполнения заговор Берия против Сталина. Организатор заговора доказал, что он превзошел Сталина в том, в чем последний считался корифеем: в искусстве организации политических убийств!

Естественно, в результате власть Сталина оказалась у Берия. Члены Политбюро, судьбой которых Берия теперь мог распоряжаться, решили отнять у него власть. Возглавленный Хрущевым, был создан второй, беспримерный по трусости заговор — против Берия, заговор, который, по существу, был убийством из-за угла. Впрочем, таким же был и организованный впоследствии заговор против самого Хрущева — с той лишь разницей, что его оставили в живых.

Все три заговора (против Сталина, против Берия и против Хрущева) свидетельствуют об одном: советский режим не может менять своих правителей легальными методами. Так было всегда. Так будет и дальше.

Не абстрактные спекуляции, не искусственные конструкции, а логика целой цепи косвенных доказательств, называемых в юриспруденции уликами, привела меня к окончательному выводу: Сталин умер в результате заговора. Заговор этот не был импровизацией. Он был лишь последним актом той продолжительной послевоенной трагедии, в которой актеры как бы поменялись ролями: предназначенные к гибели герои умертвили «бессмертного», чтобы самим остаться в живых. С такой же уверенностью я не могу этого утверждать о втором аспекте моей темы: как был умерщвлен Сталин? Коллапс как последствие шока от заседания Политбюро с последующим вредительским лечением или яд замедленного действия, полученный от Берия? Впрочем, собранные мною улики для того или другого случая я предоставляю на суд самого читателя.

Я не буду останавливаться на характеристике использованных мною советских и западных источников, но скажу несколько слов о книге «Хрущев вспоминает» («Khrushchev Remembers»), изданной на английском языке. Подлинность этих мемуаров Хрущева подвергалась в печати сомнению. Я не разделяю такой оценки. Около 80-85 процентов фактов, приведенных в книге, мы знаем из многих других высказываний Хрущева в беседах с разными лицами или из его официальных речей, а остальной текст мемуаров никаких сенсационных разоблачений не содержит.

Немного надо сказать и о моих частных источниках информации из СССР. В этом отношении я оказался в несколько более выгодном положении, чем другие историки на Западе. Объясняется это тем, что КГБ широко разрекламировал мою книгу «Технология власти» (1959): на многих политических процессах в Москве, Ленинграде, Киеве и в других городах она

фигурировала — в издании самиздата — как вещественное доказательство против подсудимых (за нее мастера фальсификации из ЦК сочинили мне биографию, в которой нет ни одного слова правды, кроме моего имени). Уже в той книге я написал, что загадочная смерть Сталина последовала, вероятно, в результате заговора четверки (Берия, Маленкова, Хрущева, Булганина) и что подозрительно само это подчеркивание в официальном сообщении о месте смерти Сталина: «Сталин умер в Москве на своей квартире» (Авторханов А. Технология власти. 1959, с.282, 295). Все мои дальнейшие поиски за истекшие пятнадцать лет и были посвящены этой «загадке смерти Сталина». Но так как «Технологию власти» переиздал не только самиздат, но и ЦК КПСС — для партийной элиты в издательстве «Мысль» с грифом «запрещенная литература», — то у нее оказался относительно широкий круг читателей. Отсюда и приток ко мне по разным каналам дополнительных сведений о том, как происходили некоторые из описываемых мною послевоенных событий. К сожалению, я лишен возможности использовать их полностью. Для этого еще не наступило время. Исключение сделано только в тех случаях, когда аутентичность материала кажется бесспорной или поддается объективной проверке.

1975 г. *А.Авторханов*

Примечание. При цитировании высказываний Ленина автор пользовался двумя изданиями: 1) Ленин В.И. ПСС и 2) Ленин В.И. Соч., изд.3-е. Если нет специальных оговорок, то напечатанные курсивом места в цитатах выделены автором. — *Ред.*

Глава первая

«ВЕРХОВНЫЙ» ДЕЗЕРТИР

Когда большевистского завоевателя Грузии, соратника Ленина и врага Сталина, Буду Мдивани вели в 1937 году на расстрел, то он крикнул на весь коридор Метехского замка: «Пусть Сталин не забывает, что за Дантоном последовала очередь Робеспьера!» Сталин делал в дальнейшем все, чтобы грузинский Дантон не оказался пророком.

До войны с этой задачей он, не без учета урока Робеспьера, справился блестяще. Робеспьер посылал на эшафот лишь отдельные группы из Конвента, великодушно оберегая сам Конвент, но тогда Конвент послал его туда же. Сталин, как диктатор, поступил более разумно: разделавшись со своими ультрареволюционными гебертистами (троцкистами) и правооппортунистическими дантонистами (бухаринцами) при помощи большевистского Конвента, Сталин послал под конец на эшафот и этот слепо преданный ему Конвент — ЦК 1934 года. Сталин, если речь шла о его личной безопасности, не искал врагов — он уничтожал потенциальных врагов (группами, классами и даже целыми народами), считая, что уничтожить их, когда они станут действительными врагами, будет трудно, а может быть, и невозможно.

Но после второй мировой войны Сталин вновь увидел сгущающиеся грозовые тучи на партийном небе. Везде мерещились предатели и заговорщики в масках верных лакеев. И на одном из приемов в честь своего семидесятилетия — в декабре 1949 года, когда ему была представлена делегация его земляков, — Сталин вновь вспомнил слова Мдивани. Он вообще не любил баловать своих земляков вниманием, а это навязанное ему представление особенно расстроило его.

Повод был пустяковый. Сталин, ставший с годами не только мнительным, но и суеверным, увидел зловещее предзнаменование в том, что среди земляков, приехавших приветствовать его из Грузии, был и один — не то танцор, не то писатель — по фамилии Мдивани, родственник или однофамилец Буду Мдивани. «Этот бес Берия нарочно выискал его, чтобы испортить мне настроение призраком Буду», — решил Сталин.

Не потому ли он был в тот день особенно холоден с грузинами? Ведь все заметили, как невежливо Сталин отозвался на восторженную оду

одного тбилисского поэта. Приветствуя Сталина в стихах на грузинском языке, поэт пожелал ему жить так долго, как живут многие кавказцы, — сто лет! Легенда утверждает, что Сталин сделал поэту выговор, повторив слова одного римского кардинала, сказанные в аналогичной ситуации: «Зачем такие ограничения?»

В реплике Сталина чувствовался явный упрек — его давно объявили богом, боги же бессмертны, а тут ему напоминают, что он когда-то умрет. Догадливый поэт исправил свою ошибку в следующем году в день выборов в Советы, поместив под большим портретом Сталина в «Правде» новые стихи:

На радость нам, на страх врагам
Живи, отец, *всегда.*

Это тоже была одна из странностей стареющего Сталина, по приказу которого умерщвляли миллионы людей, но в присутствии которого вообще нельзя было говорить о смерти. Даже о своих врагах, расстрелянных им еще до войны, он любил говорить древнеримской формулой о казненном: «Он жил!» — Зиновьев жил, Бухарин жил, Троцкий жил, даже Ленин жил, но он, Сталин, живет и будет жить долго, долго... Хотя Сталин ни в какого Бога не верил, но библейские сказания о долголетии людей в ту древнейшую эпоху наводили его на фантастические размышления, граничащие с верою в чудо.

Нашумевший в свое время на весь мир академик Александр Богомолец однажды похвалился, что Сталин — самый компетентный читатель его книги «Продление жизни». Своей внутренней вере в собственное долголетие Сталин нашел у Богомольца научное обоснование. Это и было причиною того, что Сталин не только предоставил в распоряжение академика почти неограниченные средства для дальнейших исследований по продлению жизни человека, но и сделал его Героем Социалистического Труда и членом Верховного Совета СССР. Однако бедный академик, который обещал продлить жизнь Сталина за сотню лет, сам едва прожил шестьдесят пять лет. Вероятно, Богомолец был единственным человеком, смерть которого повергла Сталина в глубокую меланхолию. То была тоска по потерянной вере в чудо-долголетие.

Чем мрачнее становился Сталин, тем ненавистнее ему делались люди — безразлично, ближние или дальние, друзья или враги. Впрочем, друзей у него никогда и не было, были только — люди полезные, бесполезные и вредные. Полезных он эксплуатировал, бесполезных гнал в шею, а вредных ликвидировал без малейшего проявления личной ненависти.

Конечно, Сталин думал о смерти, но удивительно — он всегда думал о насильственной смерти и один раз даже решил напугать этой смертью своих «друзей», каждый из которых был в его глазах кандидатом в убийцы. Со слов Хрущева мы знаем о его грозном предупреждении по адресу потенциальных брутов из Политбюро: «Вы слепы, как новорожденные котята, что вы будете делать без меня?» — спрашивал их Сталин.

Партийная пропаганда с конца 20-х годов постоянно утверждала: Сталин не только корифей всех наук, не только ясновидец в политике — он и непревзойденный полководец всех времен и народов. Но под тяжестью вести о нападении Гитлера на СССР Сталин, потерявший всякую волю к действию, оказался не только паникером, но и дезертиром в прямом смысле этого слова.

Гитлеровское нападение было спровоцировано самим Сталиным. Организовав великую инквизицию против народов, уничтожив весь руководящий состав партии, государства и Красной Армии, заключив антизападный пакт с Гитлером, Сталин прямо-таки пригласил его к нападению на СССР. В кругах партийного актива Сталин оправдывал пакт «политикой дальнего прицела»: дадим, мол, Гитлеру и Западу истощиться во взаимной драке, пока они оба не станут на колени, а вот тогда не Гитлер, а мы продиктуем «новый порядок» Европе. Но эти расчеты не оправдались, и Гитлер широким фронтом двинулся на Россию.

22 июня 1941 года вечером Сталин ворвался в здание Министерства обороны СССР и начал разносить площадной бранью всю Красную Армию как армию предателей и трусов. После этого краткого «налета» на Министерство обороны он в панике удрал в свою подмосковную крепость, которая почему-то называлась дачей. На экстренное совместное заседание Политбюро, Совета Министров и Верховного Совета 22 июня 1941 года, созванное через несколько часов после начала войны, он явиться отказался.

Целой толпе «верных соратников и учеников Сталина» ничего не оставалось, как вместе с Генеральным штабом отправиться на его дачу в Кунцево. Тут же на импровизированном заседании Политбюро и правительства Сталину предложили выступить с обращением к народу, партии, армии об организации обороны против гитлеровских агрессоров. Сталин наотрез отказался (тогда это обращение поручили Молотову). Сталину предложили как председателю правительства возглавить Главное командование Красной Армии. Сталин наотрез отказался (тогда это поручили маршалу Тимошенко).

Когда члены Политбюро начали напоминать Сталину о его личной ответственности в случае катастрофы, Сталин перешел в контрнаступление и обвинил Молотова в предательстве за подписание пакта с Риббентропом, а Ворошилова и Жданова назвал саботажниками соглашения с англо-французской военной миссией, приезжавшей в Москву еще до Риббентропа. На возражение, что все это делалось ведь по прямому предложению самого Сталина, Сталин с не свойственной ему горячностью вскочил с места, обложил всех матом и исчез в один из своих тайников, точные входы и выходы из которых не знала даже его личная охрана. «Соратники» не осмелились его разыскивать, не дождавшись его возвращения, вернулись в Москву и приступили к принятию только самых неотложных мер.

Советские послы в столицах будущих союзных государств не получали никаких директив, а послов этих государств в Москве никто не

принимал. Майский, советский посол в Лондоне, уже после свержения Хрущева писал в своих мемуарах:

«Наступил второй день войны — из Москвы не было ни звука, наступил третий, четвертый день войны — Москва продолжала молчать. Я с нетерпением ожидал каких-либо указаний от Советского правительства, и прежде всего о том, готовить ли мне в Лондоне почву для заключения формального англо-советского военного союза. Но ни Молотов, ни Сталин не подавали никаких признаков жизни. Тогда я не знал, что с момента нападения Германии Сталин заперся, никого не видел и не принимал никакого участия в решении государственных дел. Именно в силу этого 22 июня по радио выступил Молотов, а не Сталин, и советские послы за границей в столь критический момент не получили никаких директив из центра» («Новый мир», 1965, № 2).

По законам военного времени Сталин заслуживал как дезертир и предатель родины расстрела.

Когда дела на фронтах приняли более благоприятный оборот, Сталин начал разыгрывать из себя героя, но Хрущев говорит:

«Я знаю, каким героем он был. Я видел его, когда он был парализован от страха перед Гитлером, как кролик, загипнотизированный удавом. На первом этапе войны, когда дела шли для нас скверно, я не видел ни одного документа или приказа, подписанных Сталиным: «Верховное Главнокомандование», «Генеральный штаб» — таковы были подписи под документами и приказами, но никогда не было там имени самого Сталина. Даже и после того, как мы отбросили немцев от Москвы и Сталин начал постепенно приходить в себя, не произошло изменения в этой практике подписывания. Это не было случайно...» («Khrushchev Remembers». Little. Brown & Co., 1971, pp.180-181).

В докладе на XX съезде КПСС Хрущев от имени ЦК засвидетельствовал:

«Было бы неправильно забывать, что после первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил конец. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: «Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда».

После этого в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его и сказали, что необходимо немедленно предпринять определенные шаги, чтобы улучшить положение на фронте» («Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС», с.35-36)*.

* Что Сталин был в панике, свидетельствует и семейная хроника. Так, тетка Светланы Аллилуевой, Евгения Аллилуева, рассказала о своей встрече со Сталиным в августе 1941 года (через два месяца после начала войны): «Я никогда не видела Иосифа таким подавленным и растерянным. Я приехала к нему, думая найти поддержку, надеясь, что он подбодрит меня... Каков же был мой ужас, когда я нашла его самого в состоянии, близком к панике» (Светлана Аллилуева. Только один год. Harper &Row, 1969, с.324).

Убедить Сталина, что гитлеровская тактика блицкрига хороша в странах без тыла, но не в такой гигантской стране, как СССР, было невозможно.

Удивительная метаморфоза произошла у советских маршалов и генералов в оценке поведения Сталина в начале войны. При Хрущеве они единодушно писали о дутом военном гении Сталина и его паническом поведении. Эти же маршалы и генералы, однако, возносят Сталина до небес при Брежневе. Но иногда и при новом генсеке сквозь густой дым фимиама, который курят Верховному, все же сверкают искры правды. Вот сцена из «Блокады» А.Чаковского, большого приверженца Сталина:

«Сдавленным голосом Молотов произнес:

— Германское правительство объявило нам войну.

Эти слова застали Сталина на его пути в дальний угол комнаты. Услышав их, он круто повернулся. И именно в этот момент все увидели, что в нем произошла какая-то неуловимая, но несомненная перемена. Казалось, что Сталин сбился с пути, заблудился, потерял зрение... Наконец Сталин сказал (военным):

— Дайте директивы, чтобы наши войска отбили атаки врага, прикажите пока не переходить границу.

Все (члены Политбюро. — *А.А.*) с горечью и даже со страхом ощутили, что на этот раз его голос прозвучал как-то ненатурально. Сталин был подавлен, угнетен, и это поняли все» («Знамя», 1968, № 11, с.48).

По рассказу Чаковского, когда накануне нападения Гитлера нарком обороны маршал Тимошенко и начальник Генерального штаба генерал Жуков явились к Сталину с докладом и доложили ему, что, по всем данным, предстоит нападение Германии, Сталин обвинил их, что они поддаются провокационным донесениям и сеют панику. После этого он их не очень вежливо выставил из своего кабинета и запретил им перевод армии на «оперативную готовность № 1» (это означало перевод армии в состояние высшей боевой готовности). Но вот теперь, когда подтвердилось то, что предсказывали Тимошенко и Жуков, «...поздним вечером Сталин и несколько членов Политбюро неожиданно появились в здании Наркомата обороны... Обычно внешне спокойный, медлительный в разговорах и движениях Сталин на этот раз не смог сдержаться. Он обрушился гневными, обидными упреками на руководителей Наркомата обороны и Генштаба. Потом, поникший, ссутулившийся, вышел из здания и уехал в свой кунцевский дом... Никто его не видел. Он не появлялся в Кремле. Никто не слышал его голоса в телефонных трубках. Он никого не звал. И никто из тех, кто в эти дни ежечасно ожидал его вызова, не решался ехать к нему незваным. На членов Политбюро, наркомов, руководителей Наркомата обороны, Генштаба и Политуправления армии сразу же обрушились тысячи дел больших и малых, связанных с осуществлением военных мероприятий в стране и на фронтах. Однако, с утра и до глубокой ночи занятые этими делами, они не раз спрашивали себя: где же Сталин?» (там же,с.51).

Сталин бежал с поста, оставив страну и армию без руководства, на произвол Гитлера. Однако, если бы Чаковский был до конца верен исторической правде, он добавил бы: единственный человек, который осмелился поехать к Сталину и предложил ему вернуться из своего кошмарного состояния к реальной жизни, а значит, и к руководству войной, был Берия. Если даже Берия это не удалось, то можно себе представить глубину ужаса, который овладел Сталиным. Хрущев сообщил, что ему рассказал Берия после визита к Сталину. На настойчивый призыв Берия взять руль войны в свои руки Сталин ответил: «Все потеряно. Я сдаюсь» («Khrushchev Remembers», vol. II, p. 7).

Настолько Сталин потерял голову. Если Сталин не потерял ее и физически, то лишь потому, что во главе армии не оказалось людей, ставивших интересы страны выше своей карьеры. Молодые же командиры, как Жуков, Говоров, Еременко, Чуйков, и даже те, которые были направлены в действующую армию прямо из концлагерей, как Горбатов, Мерецков, Рокоссовский, были настолько загипнотизированы мифом о величии Сталина, что в их головы не приходила мысль о наказании первого дезертира страны. К тому же они мало знали о том, как функционирует преступная машина власти Сталина, и отгораживались от «высокой политики» традиционной формулой: «Мы — солдаты, а не политики».

Бои, битвы, сражения и войну выиграли они, а не Сталин, но обратите внимание: сразу же после победы все успехи своего стратегического и даже оперативного искусства они приписывают Верховному (легенда о «десяти сталинских ударах»). Однако сам начальник Генерального штаба времен войны маршал Василевский засвидетельствовал (уже при Брежневе), что более или менее квалифицированно руководить войной Сталин стал только с весны 1943 года, в ходе сражения под Курском. Стало быть, его руководство Сталинградской битвой — легенда кинорежиссеров. Вот это свидетельство: «Пожалуй, в полной мере владеть методами и формами руководства вооруженной борьбой по-новому Сталин стал лишь в ходе сражения на Курской дуге» («Комсомольская правда», 17.9.74, статья доцента В.Барабанова).

Народы СССР, несмотря на Сталина, войну выиграли, но какой ценой! К семидесятилетию Сталина Микоян писал: «Руководство т.Сталина обеспечило народам нашей страны завоевание великих побед с наименьшими потерями» («Правда», 21.12.49). *«Наименьшие потери»* свелись к тому, что Россия потеряла в этой войне 20 миллионов человек только одними убитыми, а инвалидами вернулось еще столько же.

Сталин понимал, что, принеся такие жертвы, народ захочет жить по-человечески, будет ждать перемен. Сталин понимал, что война отучила людей бояться смерти. В течение четырех лет каждый советский солдат много раз встречался с нею лицом к лицу. 20 миллионов не вернулось с этой встречи, а те, кто уцелел, вернулись с физическими и духовными травмами. И вернувшиеся были грозны в своем молчаливом ожидании. Собственных солдат Сталин боялся не меньше, чем солдат

Гитлера в начале войны. «Эти люди взяли Берлин, они могут взять и Москву» — эта мысль не покидала его до последнего вздоха в Кунцеве.

Во время войны неимоверно выросло влияние на Сталина и на судьбу страны двух (из пяти) членов Государственного Комитета Обороны — Маленкова и Берия. Они стали фактическими руководителями Политбюро, хотя формально и не входили в его состав. (ГКО был создан 30 июня 1941 года и поставлен над Политбюро, Советом Министров и Президиумом Верховного Совета СССР. Первоначально в него входили: Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Ворошилов). Не только судьба войны, но и судьба самого Сталина оказалась в их руках.

Да это и понятно. Когда под влиянием катастрофы на всех фронтах против немцев паника Сталина переросла в безнадежное отчаяние и он прямо признался, что гибель СССР уже предрешена, эти два человека проявили не только присутствие духа, но и колоссальные организаторские способности. Они восстановили оборону при помощи политической полиции (Берия) и партаппарата (Маленков). По их предложению была создана Ставка Верховного Главнокомандования.

Формально Верховным Главнокомандующим был Сталин, фактически — его первые заместители: по армии — Жуков, по войскам НКВД — Берия. Политически Ставка находилась в руках Берия и Маленкова. Без их разрешения не только главнокомандующие фронтов, но и члены Политбюро, входившие в состав военных советов фронтов (Хрущев, Жданов, Булганин), не имели права непосредственно связываться со Сталиным.

Надо хорошо знать психологию Сталина, чтобы понять, почему после победоносного окончания войны свои первые удары он нанес как раз этим трем организаторам победы — Берия (освобожден от непосредственного руководства НКВД), Маленкову (отправлен в Туркестан), Жукову (отправлен командовать округом). Их присутствие около Сталина после того, что они видели и узнали о нем во время войны, было постоянным вызовом его нечистой совести.

Были, однако, соображения и более веские: судьба Сталина и в послевоенное время находилась бы в руках триумвирата (Берия — Маленков — Жуков) времен войны, если бы он их не отстранил от непосредственного оперативного руководства полицией, партией, армией. Разматывать весь сложный клубок последующих событий мы можем только при учете этого обстоятельства.

Глава вторая

«ВНУТРЕННИЙ КАБИНЕТ» СТАЛИНА

Одной из основ тирании Сталина был его необыкновенный инстинкт самосохранения, выражавшийся в безошибочном подборе личных сотрудников и личной охраны. Если Сталину рекомендовали со стороны кого-нибудь в сотрудники, то Сталин никогда этой рекомендации не

следовал, даже если за ней стояли органы политической полиции или аппарата ЦК. Сталин самолично комплектовал свой штаб. Работник, подобранный по признакам, только одному Сталину ведомым, проходил свой испытательный стаж по заданиям Сталина и под его непосредственным наблюдением. Тот, кто выдерживал это испытание, навсегда входил в «живой инвентарь» внутреннего кабинета» Сталина. Опираясь на этот «кабинет», Сталин и захватил «необъятную власть», о которой Ленин пишет в своем «Завещании».

«Внутренний кабинет», названный во внутрипартийных документах секретариатом т.Сталина, поначалу возглавлял старый революционер Иван Петрович Товстуха. До революции 1905 года он вращался в разных, между собою соперничавших социал-демократических группах, преимущественно меньшевистских, а после поражения революции, отбыв ссылку в Сибири, сделал резкий поворот влево. Эмигрировав во Францию, Товстуха записался в 1913 году в парижскую «группу ленинцев» РСДРП. Человеку проворному, смелому и не признававшему «рыцарских предрассудков» в политической борьбе, линия Ленина на Пражской конференции (1912) — окончательный разрыв с меньшевиками — пришлась по душе. Товстуха связал свою революционную карьеру с делом Ленина, сотрудничал в различных ленинских изданиях, проявляя весьма похвальные, с точки зрения Ленина, «сыскные» способности не только в политике, но и в литературе. Товстуха принял деятельное участие в октябрьском перевороте в Москве, сделался видным советским работником, а в 1919 году Сталин забрал его в Наркомнац — начальником своей канцелярии, членом коллегии наркомата.

На X съезде партии (март 1921) Ленин ввел «осадное положение» (запрещение групп или фракций, запрещение критики аппарата ЦК и линии Политбюро), и весь старый Секретариат ЦК (Крестинский, Преображенский, Серебряков), поддержавший во время профсоюзной дискуссии Троцкого и Бухарина против Ленина, Зиновьева, Сталина, был сменен. Секретариат возглавил сталинский выдвиженец Молотов, а его помощником Сталин рекомендовал своего секретаря Товстуху. Так Молотов и Товстуха оказались во главе аппарата ЦК за год до генсекства Сталина, вроде как бы сталинской «дозорной команды».

О Товстухе шла слава, что он произведения Ленина знает лучше, чем сам Ленин. Поэтому его назначили помощником Л.Б.Каменева по подготовке издания Собрания сочинений Ленина (согласно решению IX съезда в 1920 году). Не только все опубликованные произведения, но и весь личный архив Ленина оказался в руках Товстухи, как бы по праву «партийной национализации». Но что было в руках Товстухи, оказалось и в руках Сталина, когда через год он стал генсеком.

Пользуясь своим положением, Сталин спровоцировал Товстуху на партийно-государственное преступление, которое привело бы к суду над ними обоими, если бы Ленин был здоров. Дело касается истории получения Лениным немецких денег во время первой мировой войны. Когда Временное правительство обвинило Ленина в получении этих

денег через Я.С.Ганецкого за шпионаж в пользу Германии, то Ленин уклонился от суда, заявляя, что он ничего общего не имел и не имеет с Я.С.Ганецким, который назван в сообщении прокуратуры связным между ним и немецким главным агентом в Стокгольме — доктором Парвусом. В своем ответе прокурору от 22-26 июля 1917 года Ленин писал: «Прокурор играет на том, что Парвус был связан с Ганецким, а Ганецкий связан с Лениным. Но это прямо мошеннический прием, ибо все знают, что у Ганецкого были денежные дела с Парвусом, а у нас с Ганецким никаких» (ПСС, т.34, с.31). Вся партия тоже стояла на точке зрения Ленина, что Временное правительство просто в политических целях клевещет на Ленина. Правда, узкая верхушка партии знала то, что теперь знает весь мир из-за публикации архива немецкого министерства иностранных дел издательством «Oxford University Press» («Germanu and the Revolution in Russia 1915-1918», ed. Z.A.Zeman), а именно: Ленин действительно получал многомиллионные суммы денег на организацию революции в России, чтобы тем самым выключить ее из войны. Этот вопрос разбирался на VI съезде партии (август 1917-го): явиться ли Ленину и Зиновьеву на суд, чтобы опровергнуть «клевету»?

Сталин был за явку Ленина. Сталин внес резолюцию, в которой говорилось, что Ленин и Зиновьев «явятся, если суд будет демократический, честный» («Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы». 1958, с.27-28). Но Бухарин, знающий, почему Ленин уклоняется от суда, категорически отвел резолюцию Сталина на съезде: «Что значит честный буржуазный суд? На этом суде будет ряд документов, устанавливающих связь (конечно, Ленина. — *А.А.*) с Ганецким, а Ганецкого с Парвусом, а Парвус писал о Ленине. Докажите, что Парвус не шпион» (там же, с.34). Таким образом, партия считала, что Ленин был прав, отрицая всякую связь с Ганецким, хотя верхушка партии (Зиновьев, Радек, Ганецкий, Бухарин — за границей, Сталин и Каменев — в России как редакторы «Правды», издававшейся на эти деньги) точно знала об этой связи.

Но вот с конца 1922 года Сталин начал получать от больного Ленина плохие вести: статью об «автономизации» национальных республик, в которой он Сталина называет «великорусским держимордой», «Завещание» Ленина, в котором констатируется, что, став генсеком, Сталин «сосредоточил в своих руках необъятную власть» и что он способен ею злоупотреблять, и приписку 4 января 1923 года как предложение предстоящему XII съезду снять Сталина с поста генсека, наконец, личное письмо Сталину (март 1923-го) о разрыве с ним личных отношений (все эти документы после XX съезда напечатаны в ПСС Ленина, т.45). Теперь Сталин точно знал, что первый день выздоровления Ленина будет последним днем его пребывания на посту генсека. Однако Сталин совсем не думает капитулировать перед Лениным. Сталин решил обороняться, наступая. Здесь как раз и пригодился Товстуха. Товстуха разыскал в личном архиве Ленина документы, которые дискредитировали лидера большевиков как немецкого агента. Таких оказалось, вероятно, много, но Сталин решил использовать именно те документы,

которые разоблачают ложь Ленина, что он не только никаких денег не получал от Ганецкого, но даже и никаких связей с ним не имел. По заданию Сталина Товстуха опубликовал следующие два письма: 1) 12 апреля 1917 года Ленин пишет из Петрограда в Стокгольм Ганецкому и Радеку: «Дорогие друзья! До сих пор ничего, ровно ничего: ни писем, ни пакетов, ни денег от вас не получили... Будьте архи-аккуратны и осторожны в отношениях»; 2) 21 апреля 1917 года Ленин пишет Ганецкому: «Деньги от Козловского получены (Козловский — петроградский адвокат-большевик, связной между фирмами-разведками Стокгольм-Петроград. — *А.А.*)... В общем выходит около 15 большевистских газет» (это отчет деньгодателю. — *А.А.*). Эти два письма были опубликованы, конечно, без ведома Ленина, в журнале «Пролетарская революция» (1923, № 9, сентябрь), который редактировал сам Товстуха. Мораль публикации: вечный эмигрант, немецкий агент и лжец Ленин, который получал немецкие деньги без ведома партии и ее ЦК в России, хочет ликвидировать постоянного организатора и руководителя подпольного большевистского ЦК в России — Кобу-Сталина. Разумеется, публикация вызвала бурю негодования Ленина и близких к Ленину против... Товстухи. Сталину, чтобы не раскрылась пружина всей этой антиленинской интриги, пришлось пожертвовать Товстухой. Он был уволен из ЦК, и тогда его место занял А.Н.Поскребышев.

В лице Поскребышева, бывшего помощником Товстухи, Сталин нашел более чем достойного преемника. Александр Николаевич Поскребышев почти на протяжении тридцати лет был вторым «я» Сталина. О масштабе власти этого «канцеляриста» можно судить хотя бы по тому, что со временем доступ к первому «я» — Сталину — лежал через второе «я» — через Поскребышева. Речь идет не о входе в служебный кабинет Сталина (хотя это тоже контролировалось Поскребышевым), а о входе в мозговую лабораторию Сталина. Члены ЦК и даже члены Политбюро, когда они хотели узнать, как думает или будет думать Сталин, узнавали, что же думает Поскребышев. Недаром сам Сталин называл его «Главным». Это не значит, что Поскребышев подсказывал Сталину, как действовать в той или иной ситуации, но он почти всегда безошибочно угадывал эти действия и влиял на них.

Поскребышев пришел в ЦК в то самое время, когда Сталин, став генсеком, приступил к чистке старого, троцкистского, и к созданию нового, сталинского, аппарата ЦК. Он был на двенадцать лет моложе Сталина, но уже имел значительные «заслуги»: Поскребышев, как председатель Баранчинского совдепа и член Екатеринбургского губернского совдепа, подписал приговор от 16 июля 1918 года о расстреле Николая II, его супруги и их малолетних детей. Пройдя первое революционное крещение — убийство царской семьи, — Поскребышев посвятил себя палаческой профессии: поначалу как один из руководителей политотдела Особой Туркестанской армии он занимался уничтожением «буржуазных националистов» Туркестана, а потом как председатель уездного ревкома в Златоусте и губревкома в Уфе —

физическим уничтожением сибирских крестьян, поддерживавших адмирала Колчака.

Скоро выяснилось, что Поскребышев не просто каратель, а каратель с большими задатками партийного организатора. Поэтому Поскребышев был назначен заведующим орготделом Уфимского губкома партии. Вот оттуда Сталин его и забрал к себе в канцелярию ЦК. Молодой светлокудрый сибирский башибузук на глазах своего хозяина превратился к концу карьеры в лысого, обрюзгшего, желчного, всевластного старика.

На XX съезде Хрущев сообщил, что Сталин около себя терпел только одного человека — «своего верного оруженосца Поскребышева». В книге «Хрущев вспоминает» («Khrushhev Remembers») Хрущев уточняет эту характеристику: Поскребышев «был преданнейшим псом Сталина. Он не был глуп, он сосредоточил в своих руках столько власти, что начал важничать. Он начал вести себя надменно с каждым, демонстрируя откровенное презрение к любому члену Президиума (Политбюро), кто более не пользовался расположением Сталина. Например, он злобно рычал на Молотова и Микояна, когда те впали в немилость Сталина. Поскребышев бывал невыносимо агрессивным. Он находился ближе к Сталину и поэтому раньше всех нас узнавал, на кого пала тень сталинского подозрения или неудовольствия. Поэтому тот, против которого восстал Поскребышев, считался предназначенным быть очередной жертвой» (с.292).

Понять, как человек, который не состоял ни членом Политбюро, ни членом Секретариата ЦК, мог играть такую роль, можно только при анализе механизма личной власти Сталина.

Биограф Сталина, который не поставит в центр своего анализа «внутренний кабинет» Сталина, состоявший из «секретариата т.Сталина» и «особого сектора», мало что поймет в биографии Сталина, в его восхождении к личной диктатуре, в секрете его феноменальных успехов. «Внутренний кабинет» — выдающееся изобретение Сталина, сделанное еще при жизни Ленина, когда признанным диктатором считалось не отдельное лицо, а коллектив — Политбюро. Уникальность этого изобретения заключалась в том, что личная диктатура была замаскирована отсутствием всякого внешнего ее проявления. Члены не только ЦК, но и Политбюро не видели никакого «кабинета» у Сталина, а лишь техническую канцелярию, состоящую из самых обыкновенных технических чиновников. Однако Ленин углядел нечто большее в «канцелярии» Сталина: «Т.Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть» (ПСС, т.45, с.345-346). Размышляя над тем, как Сталин может использовать эту «необъятную власть, Ленин в упомянутом «Завещании» 4 января 1923 года предлагает снять Сталина с поста генсека. Тогда и выяснилось, что Сталин — великий мастер маскировки: члены Политбюро настолько уверовали в «серость» Сталина (Троцкий: «Сталин — выдающаяся посредственность»), что посчитали требование Ленина больной фантазией его мозга.

Идею «личного кабинета» Сталин, вероятно, позаимствовал из николаевской эпохи. Николай I, после восстания декабристов разочаровавшись в главной опоре — в дворянстве, решил опираться на бюрократию. Первым шагом было создание «личной канцелярии Его Императорского Величества» с четырьмя отделениями. Важнейшими были личное Первое отделение и Третье отделение. В Третьем отделении было сосредоточено руководство политической полицией и жандармским корпусом. Сталин, разочаровавшись в главной опоре большевизма — в старой большевистской элите, решил уничтожить ее не только политически, но и физически и создать новую опору власти из новой партийной бюрократии, которую стали потом называть партаппаратчиками. Знаменитую формулу Ленина «дайте нам организацию революционеров, и мы перевернем Россию» Сталин применил к советской России: «Кадры решают все!»

Подбор этих новых кадров был поручен двум другим членам «внутреннего кабинета»: Ежову и Маленкову.

Для понимания роли «внутреннего кабинета» нужно знать, что представляли собой его две составные части: «секретариат т.Сталина» и «особый сектор» ЦК.

Ни одно решение Секретариата, Оргбюро, Политбюро и пленума ЦК, ни одно решение Совета Министров, ни один указ Верховного Совета СССР не принимались без того, чтобы они не были обсуждены и предрешены в «секретариате т.Сталина». Поэтому он и был частью «внутреннего кабинета» Сталина с соответствующим штатом высококвалифицированных чиновников-экспертов как по внутренней, так и по внешней политике. Таково было «первое отделение» личной канцелярии Сталина.

Однако сталинское «третье отделение» — «особый сектор» ЦК, подчиненный тому же Поскребышеву, был, пожалуй, беспрецедентным учреждением во всей мировой истории диктатур и деспотий (достаточно упомянуть, что в «особом секторе» выдвинулись все три будущих министра госбезопасности — Абакумов, Меркулов и Серов, а также МВД — Круглов). «Особый сектор» — кодовое слово для обозначения системы служб личной политической полиции Сталина.

Впервые «особый сектор» в партийных документах упоминается в 1934 году без расшифровки его функций, но с косвенными указаниями, что это просто прежний «секретный подотдел» ЦК, переименованный теперь в «особый сектор». Но прежний «секретный подотдел» представлял собою вполне нормальную службу по личному учету кадров партии и по охранению секретных документов партии и правительства. Поскольку эти функции действительно перешли к новому сектору, а в системе партаппарата бывшие «секретные подотделы» тоже были переименованы в спецсекторы: обкомов, крайкомов и республиканских ЦК, то продолжали считать, что произошло простое переименование.

На майском пленуме ЦК 1935 года нарком внутренних дел СССР Генрих Ягода и секретарь президиума ЦИК СССР Авель Енукидзе рассказали пленуму ЦК о таких фактах, значение которых едва ли они сами тогда понимали.

Произошло это так. В связи с убийством Кирова началась негласная чистка высших учреждений партии и правительства. Речь еще не шла об арестах, а только об увольнении из правительственных учреждений «социально чуждого элемента». Специальная комиссия ЦК подвергла проверке штат Кремля. В Кремле жили или работали: руководители партии и правительства со своими семьями, «курсанты» так называемой школы ВЦИК (на самом деле — охранный батальон, получивший наименование «сталинского батальона»), высшие учреждения партии и правительства, а также многочисленный обслуживающий технический персонал как учреждений, так и музеев Кремля. На майском пленуме ЦК комиссия доложила, что большинство технических служащих Кремля оказались «классово чуждым элементом», многие обслуживали дворцы и достопримечательности Кремля еще при Николае II. Комиссия увидела в этом беспечность НКВД при проверке людей и формализм Секретариата ЦИК СССР, который ведал назначением и снятием этого персонала.

Енукидзе отвел обвинение, сославшись на то, что люди, обслуживающие дома Кремля, были оставлены еще по указанию Ленина как «буржуазные специалисты» (ибо только они знали, как организовать уход за памятниками Кремля). Новых же людей на работу в Кремль назначал «особый сектор» ЦК, а они, Ягода и Енукидзе, только оформляли их.

Это заявление явилось для пленума совершенной новостью: служащие Кремля проверяются не НКВД СССР, а внутренним НКВД Кремля и его комендатурой, которые подчинены не Ягоде, а «особому сектору»! Так впервые пленум ЦК узнал, что Сталин создал свою политическую полицию, не подчиненную общегосударственной полиции.

Постепенно начали выясняться и общие функции «особого сектора»: организация службы личной безопасности Сталина (охрана Кремля, охрана дач Сталина и путей к ним, медико-санитарный надзор за пищей Сталина, контроль над медико-врачебным обслуживанием Сталина), а также организация службы безопасности членов Политбюро и правительства.

Важнейшая функция «особого сектора» заключалась не столько в охране членов Политбюро и правительства от «врагов народа» (мы знаем, как «охранял» Сталин Кирова), сколько в том, чтобы охранять самого Сталина от потенциального заговора. Поэтому-то эти «руководители партии и правительства» не только были лишены права подбирать себе личную охрану, но даже их прислуга, врачи, садовники, парикмахеры назначались «особым сектором».

На том же пленуме ЦК стало известно и о существовании при «особом секторе» «службы перлюстрации», которая подвергала переписку членов ЦК и правительства куда более строгой цензуре, чем это делал знаменитый «Черный кабинет» Меттерниха, перлюстрировавший почту членов австро-венгерского правительства.

Я уже указывал, что у «особого сектора» была своя сеть — спецсекторы обкомов, крайкомов и центральных комитетов республик. Начальники спецсекторов назначались непосредственно «особым секто-

ром» ЦК и подчинялись, и то формально, только первым секретарям названных комитетов. В зданиях парткомов спецсекторы занимали изолированные помещения, куда имел право входа только первый секретарь и заведующий орготделом. У начальника каждого спецсектора был специальный штат, часто меняющийся код для связи с ЦК, прямой провод, особая фельдъегерская служба НКВД, которая доставляла в Москву и из Москвы особо секретные директивы и информацию.

Начальник спецсектора заведовал и агентурой; агенты спецсектора на партийном языке назывались партинформаторами и занимались шпионажем против руководителей данной области или республики*. Еще одна деталь — обязанности протокольного секретаря на заседаниях бюро обкомов всегда выполнял начальник спецсектора. Таким образом, шпионская служба «особого сектора» в центре дополнялась шпионской службой спецсекторов на местах. Под надзором были и «большие вожди», и областные.

Конечно, этим делом занимался и местный НКВД, отстраивавший с 1925 года собственную сексотскую сеть в партии (Ленин был против, считая каждого коммуниста внештатным чекистом). Но Сталин полагал, что местные чекисты слишком связаны с местными партийными руководителями в бытовом плане и поэтому не всегда могут сигнализировать центру о местном «сепаратизме», а вот люди спецсектора ни с кем не связаны и зависят только от «особого сектора» ЦК в Москве. «Особому сектору» практически подчинялась и шпионская сеть в армии (особые отделы и политотделы и даже начальники секретно-политических отделов НКВД).

Такой идеально организованный шпионаж среди элиты партии давал Сталину возможность, где бы он ни находился, точно и достоверно знать, что думает и чем занят любой его «соратник» в центре или любой сатрап в провинции. Со Сталиным никогда бы не случилось то, что случилось с Хрущевым 13 октября 1964 года в Сочи. Нажимом определенной кнопки Сталин легко бы взорвал скопище потенциальных заговорщиков еще до их сговора.

Самое важное значение в деле безопасности своего режима Сталин придавал организации политической полиции. Здесь Сталин следовал мудрому совету Макиавелли: «Только те меры безопасности хороши, надежны и длительны, которые зависят от тебя самого и от твоих собственных способностей». Никто из лидеров большевизма, включая Ленина, не имел такого, как Сталин, опыта по практическому изучению сильных и слабых сторон лучшей политической полиции в мире — царской полиции. Из тридцати восьми лет своей дореволюционной биографии двадцать Сталин провел в сфере действия политической полиции либо как арестант (его арестовывали семь раз и пять раз ссылали), либо как поднадзорный.

---

* Мое удивление было беспредельным, когда, будучи заведующим орготделом Чеченского обкома партии, я совершенно случайно прочел предназначенную шифровке шпионскую информацию нашего начальника спецсектора Соковых против первого секретаря обкома партии, члена ЦКК Хасмана.

Сталин был «профессиональным революционером» по рецепту Ленина, а Ленин на вопрос «что делать?», чтобы «профессиональные революционеры» в условиях русского полицейского режима могли действовать успешно, отвечал: «профессиональные революционеры» партии должны превосходить по мастерству конспиративной техники своего врага — русскую тайную полицию. Сталин-Коба и был таким «профессиональным революционером». Он доказал свое превосходство над полицией на деле как непосредственный организатор вооруженных грабежей на Кавказе (эксов), в том числе и знаменитого вооруженного ограбления Тифлисского казначейства средь бела дня, со многими убитыми и ранеными (1907). В результате этого грабежа Коба-Сталин направил за границу, в кассу Ленина, более 300 тысяч рублей. Даже после того, как непосредственный помощник Сталина по этим грабежам армянин Камо и ряд других участников были арестованы, Сталин остался вне подозрения. Это и означало: владеть полицейской техникой лучше, чем сама русская полиция владела ею.

Вполне естественно, что во главе всей конспиративной техники большевистской партии в России, как член ее ЦК с 1912 года, стоял Сталин. Столь же естественно, что Сталин был единственным членом Политбюро ЦК, введенным накануне октябрьского переворота в состав конспиративного центра восстания — «Военно-революционного центра». После успешного переворота этот центр был переименован во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию (ВЧК). Сталин остался в составе ее руководящей коллегии как представитель ЦК. Ее номинальный председатель Дзержинский и его помощники — Менжинский, Ягода, Лацис, Бокий — были ставленниками Сталина. С первых же дней создания этого страшного учреждения и до своей смерти Сталин не выпускал его из своих рук. Сталин раньше и лучше всех лидеров большевизма понял, что чекизм есть душа и тело коммунистического режима.

Поскольку Сталин свою личную безопасность отождествлял с безопасностью государства, то он и пришел к выводу, что прочность советской системы правления — следствие прочности и неуязвимости его личной власти. Отсюда — идея организации личного кабинета Сталина как легального органа в системе ЦК под невинным названием «секретариат т.Сталина». Но легальный орган, превращенный в руководящий политический механизм, стал постепенно нелегальным: во-первых, по уставу партии, во-вторых, потому, что, будучи на бумаге техническим органом аппарата ЦК, он на деле был поставлен и над ЦК, и над государством. Это случилось не в один день. Процесс превращения этой технической канцелярии Сталина в надпартийную силу продолжался пятнадцать лет (1922-1937).

Во время войны, когда Сталин, охваченный паникой, отказался на время от всякой власти, пострадал и «внутренний кабинет», а Политбюро и Секретариат ЦК вновь приобрели свою старую уставную власть. Но после перелома и победоносного окончания войны Сталин решил вернуться к старой практике правления. Однако он очень скоро

убедился, что это не так просто и едва ли осуществимо в прежнем масштабе: во-первых, из-за Берия и Маленкова, во-вторых, из-за послевоенной атмосферы и прихода новых людей, которые выросли в войне и из войны. Но Сталин не был бы Сталиным, если бы не решился это сделать, хотя и в другой форме и окольными путями.

Сталин временно перенес центр тяжести с институции («внутренний кабинет») на личности. Он снимал с руководящих постов в государстве «политиков» и полководцев первого ранга (хотя и преданных ему, но видевших его во время паники и дезертирства), заменяя их «неличностями», лишенными всяких политических и бонапартистских амбиций. Что будут думать о нем лишенные власти военные лидеры — Сталина мало беспокоило, а чтобы «политики» не «взбунтовались», но и не могли сосредоточить в своих руках хоть какую-нибудь власть, Сталин, назначал их своими «заместителями» по правительству (иначе говоря, делал их министрами без портфелей). Вот после этого Сталин начал постепенно восстанавливать власть «внутреннего кабинета». Два человека вновь приобретают свое былое значение: генерал-лейтенант А.Н.Поскребышев и генерал-лейтенант Н.С.Власик. Никто не может иметь доступ к Сталину, минуя этих лиц, даже члены Политбюро. Исключения бывали, если Сталин сам вызывал кого-нибудь, чаще всего на обеды-попойки. Сталин не только управлял текущими делами через этих двух лиц, но им он доверил и свою личную безопасность. Посторонняя сила могла подкрасться к Сталину только через кризис этой идеальной службы его личной безопасности. Иначе говоря, никто не мог бы убрать Сталина раньше, чем не уберет этих двух лиц. Но убрать их тоже никто не мог, кроме самого Сталина.

Характеристику Поскребышева мы уже дали. Что же представлял собой другой временщик Сталина — генерал Власик? Это был Аракчеев и Распутин в одном лице: бездушный солдафон и хитрейший мужик. В русской и Советской армиях это, вероятно, единственный случай, когда малограмотный, простой солдат, минуя всякие курсы и школы, добрался до чина генерал-лейтенанта. Мало того, он выступал толкователем мнений Сталина по вопросам культуры. Власик побил рекорд по длительности служения у Сталина — он единственный, сумевший удержаться с 1919 года и почти до самой смерти Сталина.

Весьма интересную характеристику дает Власику дочь Сталина Светлана Аллилуева. Она пишет: «Приходится упомянуть и другого генерала, Николая Сергеевича Власика, удержавшегося возле отца очень долго, с 1919 г. Тогда он был красноармейцем, приставленным для охраны, и стал потом весьма властным лицом за кулисами. Он возглавлял всю охрану отца, считал себя чуть ли не ближайшим человеком к нему и, будучи сам невероятно малограмотным, грубым, глупым (? — *А.А.*), но вельможным, дошел в последние годы до того, что диктовал некоторым деятелям искусства «вкусы товарища Сталина»... А деятели слушали и следовали этим советам... Наглости его не было предела... Не стоило бы упоминать его вовсе — он многим испортил жизнь, — но уж до того была колоритная фигура, что мимо него не

пройдешь. При жизни мамы (до 1932-го. — *А.А.*) он существовал где-то на заднем плане в качестве телохранителя. На даче же отца, в Кунцеве, он находился постоянно и «руководил» оттуда всеми остальными резиденциями отца, которых с годами становилось все больше и больше... Власик данной ему властью мог делать все, что угодно» («Двадцать писем к другу». Лондон. 1967, с. 121-122).

Чеченцы говорят: волк, шествующий к горной вершине, рискует своей жизнью. Так погибло много «сталинских волков» — от рук самого же Сталина. Но, жертвуя такими волками, как Поскребышев и Власик, Сталин не знал, что он впервые в своей жизни стал орудием чужой воли. Как это случилось, мы увидим дальше.

Глава третья

БЕРИЯ — МАРШАЛ ЖАНДАРМЕРИИ

Из истории мы знаем, как удивительно сбывались пророчества иных учителей о будущности их незаурядных учеников. Учитель истории сухумского училища превзошел своих предшественников.

— Ты, Лаврентий, — сказал он одному из своих учеников, — будешь знаменитым кавказским абреком, как Зелимхан, или не менее знаменитым русским полицейским, как Фуше.

Берия стал и — и. Сначала он был красным абреком в бакинском подполье и в меньшевистской Грузии в 1920-1921 годах, а потом на протяжении пятнадцати лет — большевистским Фуше при Сталине.

В училище, которое Берия окончил в 1915 году в возрасте шестнадцати лет, за ним прочно закрепилась кличка Сыщик, которой он гордился. История этой клички ярко рисует будущего шефа советской тайной полиции. В училище часто случались разные кражи, у учителей исчезали портмоне, папки, у учеников разные мелочи. И Лаврентий за определенную мзду начинал розыск и почти всегда находил украденное. Неудивительно: в большинстве случаев он сам и крал.

Две его кражи вызвали шум во всех школах Сухуми.

Классный наставник, ведший записи о поведении учеников, чуть не потерял службу, так как Берия украл весь его «архив» и через подставных лиц продавал ученикам их «характеристики». Следствие так и не установило виновного.

Второй случай был связан с самим директором училища. Директор был злой и ограниченный человек казарменного толка, живший по заветам Бенкендорфа и Уварова — «самодержавие, православие, народность». Если он слышал о каком-либо проступке ученика, то он не «наставлял» его, а просто исключал. Однажды Берия решил проучить директора. У окружного школьного инспектора во время его очередного визита в училище стащили бумажник с довольно крупной суммой денег. Подозрение пало на учеников. Их поголовно обыскали, но безрезультатно. Тем временем полиция получила анонимку о месте на-

хождения бумажника. Явился пристав, попросил директора открыть его письменный стол — о ужас! — в нем нашли бумажник со всеми деньгами! Директор получил удар, а потом исчез. Хотя и догадывались, что это дело рук Берия, но доказать этого никто не мог. Лишь после революции Берия рассказал, как он организовал эту операцию.

Еще мальчиком Берия понял полицейскую философию: любить доносы — презирать доносчиков. Он никогда ни на кого сам не доносил. Но если ему хотелось кому-нибудь отомстить или просто нашкодить, то он рассказывал о проступке, часто даже им самим вымышленном, тому ученику, которого знал как доносчика.

Берия был всегда первым учеником. Особенно выдающимися были его способности в точных науках. Берия любил ловить учителей на ошибках, задавать им каверзные вопросы. Учителю истории, человеку весьма радикальных взглядов, но связанному официальной программой преподавания, Берия однажды задал чисто провокационный вопрос: «Кого надо больше любить — царя, Россию или Грузию?» Вот этот вопрос и вызвал приведенное выше саркастическое замечание учителя.

Однако полицейско-сыскные способности Берия вовсю развернулись лишь после переезда в Баку. Он поступил в Бакинское техническое училище, которое окончил с отличием, получив звание дипломированного техника-архитектора. За это время в России произошли — одна за другой — две революции, а сама Россия вышла из войны. В истории его тогдашней деятельности Берия не давал копаться никакому биографу. Если кто пытался это делать, того чекисты убивали.

Сухие официальные справки об этом периоде не только неполны, но отчасти и ложны. Вот они: в марте 1917 года Берия вступил в партию большевиков (на самом деле он вступил в партию в 1919 году, а Сталин задним числом установил ему дооктябрьский стаж, так же был установлен, например, стаж и Ежову: вместо 1918 года — 1917-й); в июне 1917 года Берия ушел на румынский фронт, а в конце 1917 года вернулся в Баку (на самом деле Берия дезертировал и в Баку за взятку оформил «освобождение» от военной службы по «инвалидности»); в 1918-1919 годах Берия был на подпольной работе в Баку (в чем же конкретно она заключалась — никогда не сообщалось). Бакинские годы Берия предопределили его головокружительную полицейскую карьеру сразу в четырех разведках — советской, мусаватистской, турецкой и английской (за это его потом официально и назовут агентом международного империализма). Его служба в этих разведках (иногда прямая, иногда через резидентов) не вызывает сомнения, но все еще не выяснен главный вопрос: служил ли Берия «из любви к профессии» или по заданию Чека? (Баку был в те годы центром акций всех больших разведок держав Антанты и Четверного союза.)

Первая поддающаяся проверке связь Берия установилась с мусаватистской, а через нее с турецкой разведкой, которая, в свою очередь, была связана с немецкой разведкой. С мусаватистами Берия свел его друг по бакинскому училищу Мирза Бала, будущий видный деятель независимой республики Азербайджан. Мирза Бала познакомил Берия

и с начальником бакинской городской полиции Мир-Джафаром Багировым, оказавшимся одновременно и советским агентом. С тех пор Берия и Багиров неразлучны в полицейской карьере, даже расстреляют их по одному и тому же делу (хотя Багирова и годом позже). Копии информации, которую Берия давал Багирову для мусаватистской разведки, Багиров переправлял и в штаб 10-й Красной армии в Царицыне. В штабе армии обратили внимание на исключительную ценность этой информации и предложили Багирову «специализировать» Берия по чисто военной разведке. Берия вернейшим инстинктом сыщика понял, с кем имеет дело, и решил взять быка за рога: он написал политический трактат на грузинском языке о том, как организовать в Баку советскую военную разведку, и направил его наркому национальностей грузину Сталину-Джугашвили, в то время бывшему в Царицыне. Вскоре Берия вызвали к резиденту Чека и ЦК в Баку Микояну.

Однотипы сходятся плохо, контрасты — быстрее. Микояна и Берия объединяло только одно: их непостижимый врожденный нюх карьеристов и граничащий с гениальностью дар сыщиков в политике. В остальном они были антиподы: Микоян — армянин, Берия — грузин (в кавказских предрассудках эта разность немаловажна, ведь Мдивани предлагал провести деарменизацию Тифлиса, заявляя, что «пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — это совсем не значит «все армяне, в Тифлис собирайтесь!». Микоян получил богословское образование, а Берия — техническое. В молодости Микоян действительно был верующим марксистом, а Берия никогда не верил ни в Бога, ни в Маркса; Микоян был преимущественно политиком, потом полицейским, Берия был преимущественно полицейским, потом политиком; Микоян был преданным мужем и примерным отцом, у Берия каждая приглянувшаяся ему женщина должна была стать его любовницей, а его незаконнорожденным детям вряд ли кто знал счет; наконец, Микоян был способен подписывать приказы об убийствах, но, кажется, лично никого не убивал, а Берия часто подписывал приказы после того, как он кого-нибудь убивал (включая старых большевиков), — об этом рассказывал Хрущев на XX съезде.

Работая в бакинском подполье помощником Микояна по делам иностранных разведок, Берия продолжал, минуя не только Микояна, но и Дзержинского, связываться со Сталиным. Постепенно Берия сделался ценнейшим осведомителем Сталина, работающим в среде старых кавказских большевиков — соперников Сталина. Микоян прекрасно знал, что и о нем самом Берия информирует Сталина. Но куда легче перехитрить лису, чем Микояна. Он решил оградить себя от полицейского зуда Берия и нашел для этого верное средство. Каждый свой политический доклад в Москву, в ЦК и в Чека Микоян «строго доверительно» показывал Берия, а из этих докладов Берия вычитывал, как Микоян высоко ценит его работу. Расчеты Микояна вполне оправдались — Берия начал расхваливать Сталину до небес политические акции Микояна, чтобы придать его свидетельству о самом себе надлежащий вес.

Там же, в Баку, в 1919 году Берия впервые связался и с англичанами. Об этом открыто рассказывали на Кавказе до назначения Берия начальником Закавказского ОГПУ в конце 20-х годов. Но если о работе Берия для английской разведки говорили, основываясь лишь на рассказах отдельных лиц, то о его работе на мусаватистскую разведку сохранились документы. О них говорил на пленуме ЦК в 1937 году член ЦК ВКП(б), бывший первый секретарь ЦК коммунистов Азербайджана, нарком здравоохранения СССР Г.А.Каминский. Сообщив об этом, Хрущев сказал на XX съезде: «Едва пленум ЦК успел окончиться, как Каминский был арестован и расстрелян». Если бы Берия работал в иностранных разведках по заданию Чека и ЦК, что считалось «подпольной революционной работой», Сталин на пленуме, несомненно, дал бы соответствующую справку, как это бывало в других аналогичных случаях. Он этого не сделал. Поэтому пленум полагал, что дни Берия сочтены, но сочтены оказались дни его разоблачителя.

После оккупации Азербайджана Красной Армией в мае 1920 года Берия начал работать помощником начальника бакинского ГПУ, а начальником стал его прежний покровитель, бывший лжемусаватист Багиров.

Январь 1921 года. На призыв Буду Мдивани из штаба Орджоникидзе в Баку к своим землякам вступать в ряды Красной Армии, идущей на «освобождение» Грузии, из тысяч грузин, живущих вне Грузии, отозвалось едва два десятка. Среди них был и молодой чекист Лаврентий Берия. На сборном пункте добровольцев Берия зачислили в ЧОН (полицейские войска ЧК — ГПУ — НКВД).

В конце февраля 1921 года независимая Грузия пала. Первым учреждением, организованным большевиками в «освобожденной» стране, была Чека, а первым ее следователем из грузин — Лаврентий Берия. Рядовым чекистским следователем Берия пробыл около двух лет. Несмотря на его усердие, особых шансов на продвижение по службе у него не было, но тут произошло событие, послужившее началом его большой профессиональной карьеры как чекиста и большевика.

«Освобожденная» Грузия тщетно пыталась освободиться от своих «освободителей». Осенью 1921-го и осенью 1922 годов произошли два восстания против большевиков. Оба были успешно подавлены, но настоящего умиротворения не наступило. Стычки и волнения повторялись периодически. Советское правительство предложило грузину Сталину поехать на Кавказ и объяснить своим землякам, что они играют с огнем. Сталин выполнил задание, и перед отъездом чекисты и друзья устроили ему пышные проводы. Как обычно, ели шашлык, пили кахетинское и говорили еще раз о «чистке Грузии». На банкете соблюдали чисто кавказский этикет: выборный распорядитель пира — тамада — предлагал тосты и диктовал порядок. Гостей, по обычаю, обслуживал самый младший из присутствующих: он молча стоял за столом, аккуратно наливал вино и предупредительно исполнял указа-

ния тамады, а сам пил только после знака председательствующего. Когда были наполнены вином последние рога (по старинному обычаю грузины пьют вино из рога), тамада, который до сих пор мало пил, неохотно говорил, хотя весьма охотно слушал, произнес краткую заключительную речь на грузинском языке.

— Много сорняка накопилось в Грузии. Надо перепахать Грузию! — таковы были его последние слова.

Старые грузинские большевики Мдивани, Махарадзе, Орхалашвили молча проглотили и вино и тост. Но молодой прислужник, в нарушение всякого кавказского церемониала, сам ответил тамаде: «И сорняк истребим, и Грузию перепашем» — и залпом выпил вино, на этот раз уже без приглашения тамады. Присутствующие вопросительно переглянулись, но тамаде ответный тост весьма понравился.

Тамадой был Сталин, а прислужником — Лаврентий Берия. После банкета Сталин уехал, а Берия на следующий же день был назначен заместителем начальника Чека. Это было в конце 1922 года, и Берия было ровно двадцать три года.

Но Грузия туго поддавалась «перепашке». В 1924 году происходит новое, уже всеобщее, вооруженное восстание Грузии, руководимое подпольным паритетным комитетом социал-демократов и национал-демократов. Это была последняя попытка освободиться. Восстание было подавлено с нечеловеческой жестокостью. Руководители восстания были расстреляны, а участники (до пяти тысяч человек, по официальным данным грузинских националистов) были ликвидированы («истребление сорняка»!). Душой и телом этой операции был новый шеф ГПУ Лаврентий Берия. Таким образом, Берия сдержал свое слово Сталину, и Сталин не замедлил ответить взаимностью: Берия назначили начальником грузинского ГПУ и наградили высшим боевым орденом — Красного Знамени. С этих пор карьера Берия знает лишь блестящие успехи без единого поражения.

Когда создается Закавказская Федерация, Берия получает пост заместителя начальника Закавказского ГПУ. Сам начальник Закавказского ГПУ старый большевик и член ЦКК Павлуновский находится целиком во власти своего молодого и энергичного помощника, ибо знает, что единственный человек в Закавказье, входящий в кабинет Сталина без доклада, — это Берия.

Но крепкое и многообещающее доверие Москвы отравляла растущая ненависть в собственной среде. Даже в грузинских правительственных кругах относились к карьере Берия с подозрительностью; эта подозрительность перешла в прямую ненависть, когда в Тбилиси стало известно, что Берия — личный осведомитель Сталина и Менжинского (тогдашнего шефа ОГПУ) даже по делам интимным и семейным, касающимся членов грузинского правительства.

Но если в правительственных кругах борьба с Берия сводилась лишь к анекдотам и жалобам на него в Москву (впрочем, только поднимавшим его в глазах Кремля), то народ решил расправиться с ним по-сво-

ему. Известно несколько случаев покушений на его жизнь, от одного из которых (в 1930 году) Берия спасся просто чудом.

Грузинские террористы, узнав, что Берия поехал во Владикавказ, устроили ему засаду у перевала Военно-Грузинской дороги. Когда едущие из Владикавказа три новых «бьюика» поравнялись с трущобой, в которой сидели террористы, был открыт огонь. Первая машина, в которую была брошена граната, взлетела в воздух, вторая и третья под непрерывным огнем террористов прибавили газу, преодолели подъем и бешено помчались в Тбилиси, бросив первую машину и не приняв боя. Террористы подошли к горящему автомобилю: пассажиры — один высший офицер Генерального штаба Красной Армии и три чекиста — мертвы. Через несколько часов Берия послал в Москву отчет о горячем бое с бандитами. Уцелевшие чекисты, из которых кое-кто был действительно ранен (в спину), были награждены. За это дело самого Берия наградили вторым орденом Красного Знамени. (Берия был самый «орденоносный» человек в СССР — одних орденов Ленина у него было целых семь штук!)

Даже тогда, когда Сталин успешно покончил со своими врагами в Москве и «слева» (троцкисты) и «справа» (бухаринцы), в родной Грузии он пользовался слабым влиянием и еще меньшим уважением, ибо, как говорят, нет пророка в своем отечестве. Грузинские старые большевики, многие из которых были учителями Сталина по подпольной работе на Кавказе, не все были склонны признавать его непогрешимым отцом народов. В своей борьбе против них Сталин и Орджоникидзе заходили иной раз так далеко, что как-то с явно провокационной целью подсунули грузинскому советскому правительству даже проект постановления о введении таможенных границ между советской Грузией и РСФСР, а также о запрещении грузинкам выходить замуж за русских. Грузины его отвергли и рассказали об этом XII съезду (см: XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. 1923, с. 472).

Именно эти старые грузинские большевики, которым Сталин приклеил криминальный ярлык «национал-уклонисты», один раз одержали победу над Сталиным. Предсмертное политическое завещание Ленина снять Сталина с поста, его статья об «автономизации», его письмо Буду Мдивани против Сталина и предполагаемый суд над ним и Орджоникидзе во многом были продиктованы требованием старых грузинских большевиков. Последние были убеждены, что если им удастся при помощи Ленина довести Сталина и Орджоникидзе до суда, то тем не миновать расстрела: обоим вменялись в вину не только политические, но и уголовные преступления — такие, как убийство в 1922 году старого большевика, руководителя вооруженного грабежа Тифлисского казначейства в 1907 году в пользу Ленина Камо (Тер-Петросяна).

Но Ленин умер, не успев расправиться со Сталиным (некоторые из старых грузинских большевиков полагали, что Сталин отравил его), а их друг Троцкий сам оказался в опале. У Сталина была не только хорошая память, но и редкое терпение. Через десять лет Сталин руками Берия ликвидировал всех грузинских «национал-уклонистов», почти

весь состав правительства был пропущен через инсценированный суд, и все до единого расстреляны. Последний сорняк был истреблен, и Грузия была перепахана. Вот тогда Берия и назначили секретарем Компартии Грузии, а потом и секретарем Заккрайкома. Как это произошло, рассказывает реабилитированный после семнадцати лет концлагеря Снегов:

«30 октября 1931 года на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) Картвелишвили, секретарь Закавказского краевого комитета, сделал доклад. Присутствовали все члены краевого исполкома; из них один я остался в живых. Во время этого заседания И.В.Сталин в конце своей речи внес предложение, касающееся организации секретариата Закавказского краевого комитета, которое заключалось в следующем: первый секретарь — Картвелишвили; второй секретарь — Берия... Картвелишвили ответил, что он хорошо знает Берия и по этой причине категорически отказывается работать с ним. Сталин предложил оставить этот вопрос открытым и разрешить его в процессе самой работы. Два дня спустя пришло решение, согласно которому Берия получал партийную должность, а Картвелишвили должен был быть выслан из Закавказья» (Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.46).

Но даже став партийным секретарем Грузии и Закавказья, Берия не получил известности за пределами Кавказа. Впервые о существовании Берия партия узнала только в 1935 году, когда Берия на экстренном пленуме ЦК Грузии сделал трехдневный доклад об истории большевизма. Суть доклада: Ленин в Петербурге и Москве, а Сталин в Тбилиси и Баку начиная с 1898 года одновременно и почти независимо друг от друга закладывали основы большевизма. Фальсификация истории была прямо-таки фантастической, но зато политический успех Берия — колоссальным. За год до этого Берия был впервые избран членом ЦК ВКП(б) на XVII партсъезде.

Однако в великую чистку 1937 года чуть было не погиб и сам Берия. В 1936 году на пост главы НКВД вместо Ягоды были выдвинуты две кандидатуры — Николая Ивановича Ежова и Лаврентия Павловича Берия. Шансов у старого чекиста Берия было больше, чем у только что выдвинувшегося Ежова. Но Сталин (как полагают, по чисто национальным соображениям) предпочел Ежова. Однако Ежов понимал, что, пока в резерве есть Берия, его позиция не тверда, а поэтому и решил ликвидировать заодно с «ленинской гвардией» и несомненного члена «сталинской гвардии» Лаврентия Берия. Но тут-то Ежов, собственно, и допустил роковую для себя ошибку. Узнав от своих друзей из аппарата центрального НКВД, что Ежов занят созданием на него «дела», Берия немедленно прилетел из Тбилиси в Москву и доложил это Сталину. Назначенная ЦК комиссия под председательством В.Молотова установила больше, чем ожидал даже сам Берия: в папках следователей Ежова нашли показания о вражеской работе... Кагановича, Андреева, Микояна, Ворошилова, Калинина, Берия и других. Во «врагах народа» не числились пока что лишь два человека из всего ЦК —

Молотов и сам Сталин. Дни Ежова были сочтены. Его без шума убрали с поста и расстреляли в 1940 году. Берия — «сигнализатора антисталинского заговора» — назначили наркомом внутренних дел в звании комиссара государственной безопасности СССР (1938).

Первой операцией Берия как нового руководителя НКВД была радикальная чистка в чекистском корпусе. Тысячи старых, заслуженных чекистов были арестованы, расстреляны или сосланы в концлагеря. Миллионы заключенных хотели видеть в выступлении Берия против чекистов начало своей реабилитации, тем более что начались пересмотры многих дел, метод физических пыток на допросах, кроме как для «известных врагов народа», был отменен, режим в тюрьмах и концлагерях был немного облегчен.

Однако Ежову и ежовцам мстили не за народ, а за власть, ими чуть было не погубленную. Что Берия — это тот же Ежов, только более утонченный и квалифицированный, показал новый террор, развернувшийся в связи с войной. И надо признать, что Сталин (даже при той поддержке, которую оказывали ему западные союзники) не удержался бы на троне, если бы не Берия и его аппарат НКВД. Красная Армия не хотела воевать, народ жаждал поражения собственного правительства, видя в этом единственную возможность спасти себя и страну. Положение было катастрофичным, но Берия, введенный в состав Комитета Обороны СССР и несший единоличную ответственность за политико-моральное состояние тыла и фронта, не растерялся. Оружие страха вновь было пущено в ход — начались массовые аресты. В Красной Армии были введены карательные команды «Смерш» («Смерть шпионам») и заградительные отряды (отряды НКВД с приказом стрелять по отступающим или переходящим в плен). Ко всему этому была введена публичная смертная казнь через повешение как на фронте, так и в тылу. Народ, поставленный перед выбором: чекистская веревка на шею или немецкая пуля в грудь, — выбрал последнюю, тем более что люди Гиммлера и Розенберга, словно в тайном заговоре со Сталиным и Берия, сами толкали на это своими зверствами в оккупированных областях и в лагерях для военнопленных.

Так Берия спас Сталина. За это Сталин и произвел его в беспримерный в истории чин: Берия стал маршалом жандармских войск социалистического государства.

После войны Берия освободили от руководства НКВД. Он был назначен заместителем Сталина по линии государственной безопасности. Из 14 юридических заместителей Сталина по Совету Министров только Берия фактически был им. Уступая по партийному стажу «старой гвардии», Берия по независимости и инициативности, а также как старый профессиональный полицейский, не знал равных себе во всем Советском государстве. Не случайно председателем Комиссии по атомной энергии, созданной в 1946 году, был назначен также чекист Берия — отец «отцов» советских атомных и водородных бомб.

Не владея ни одним из иностранных языков (по-русски он говорил с грузинским акцентом, как и Сталин), Берия тем не менее был наиболее осведомленным членом Политбюро и во внешней политике. Информацию о ней он получал из первых рук, через свою агентурную заграничную сеть.

Глава четвертая

ДВА ВРЕМЕНЩИКА — МАЛЕНКОВ И ЖДАНОВ

Собираясь вступить в джунгли интриг Кремля, приведем сначала характеристику, которую дает Светлана Аллилуева двум другим ведущим героям того времени — Маленкову и Жданову:

«Семья Маленкова была, пожалуй, наиболее интеллигентной из всех остальных на этом «высоком уровне». Он был инженером-электриком по образованию, а жена его долгие годы была директором Энергетического института... два сына и дочь воспитывались в рамках русской интеллигентной семьи — без потуг на вельможную роскошь... Дом был простым... Два сына Маленкова учились в специальной школе на английском языке... Маленков был, очевидно, наиболее здравомыслящим... из Политбюро... Программа развития легкой промышленности, предложенная им в марте 1953 года, нашла самый живой отклик... Он сразу завоевал популярность — и это его погубило. Изгнанный из правительства, он уехал в Казахстан... В Москву он ни разу не ездил «на поклон»... Политбюро это раздражало... Маленков становился в очередь за хлебом, как и все население небольшого городка. Это было сочтено «дерзким вызовом» правительству...

Андрей Жданов был из семьи инспектора гимназий... Жданов был студентом Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии в Москве, когда началась первая мировая война, а затем революция. Тогда он стал большевиком... Когда было нужно, Жданову поручалось выступать о внешней политике, об истории философии, о международном рабочем движении. В конце концов его возненавидели все как исполнительного адъютанта и возможного «наследника Сталина»... На искусство Жданов действительно смотрел с ханжески-пуританских позиций, столь распространенных в партии. Их лучше всего выразила однажды жена Жданова: «Илья Эренбург так любит Париж, потому что там — голые женщины». Природа образного мышления в музыке, живописи, кино была Жданову так же чужда, как высшая математика. Но он рвался в бой... закусив удила, чтобы быть «большим роялистом, чем сам король»... Взаимоотношения внутри Политбюро были сложными, запутанными и взаимно недобрыми. В доме у Ждановых Маленкова называли только презрительной кличкой Маланья из-за его круглого, женоподобного лица« («Только один год», с.358-363).

Георгий Маленков был выдающимся пионером классической сталинской партократии. Недоучившийся студент Московского высше-

го технического училища (МВТУ), он обратил на себя внимание в 20-х годах в борьбе с троцкистами и зиновьевцами своими скрупулезно ортодоксальными «проектами» резолюций на партийных собраниях против оппозиции. Правда, его резолюции, как правило, отвергались, так как почти все партийные организации московских вузов были троцкистскими, но зато на бедном интеллектуалами небе Сталина взошла новая яркая звезда: Маленков сделался штатным оратором на вузовских собраниях от самого Московского комитета партии.

Собственно, зеленый свет карьере Маленкова открыли Троцкий и Каменев. Накануне десятой годовщины Октября (1927) троцкисты решили созвать общемосковское антисталинское собрание в МВТУ. Как рассказывал в своей «Истории ВКП(б)» Ярославский, на это собрание не допускались официальные представители МК и ЦК. Троцкий пишет:

«Оппозиция очень искусно подготовила большое собрание в МВТУ, — набилось свыше двух тысяч человек. Большая толпа осталась на улице. Я и Каменев говорили около двух часов. ЦК выпустил воззвание к рабочим разгонять собрание оппозиции силой. Воззвание было только прикрытием для тщательно подготовленных нападений на оппозицию со стороны боевых дружин под руководством ГПУ. Сталин хотел кровавую развязку...» («Моя жизнь». 1930, ч.II, с.277-280). Вот эта «кровавая развязка» и была поручена бывшему студенту МВТУ, тогда ответственному инструктору ЦК Георгию Максимилиановичу Маленкову. Он повел «боевую дружину» «добровольцев-рабочих» (на самом деле — переодетых чекистов) на штурм здания МВТУ. Хорошо зная все ходы и выходы, Маленков со своей дружиной легко проник в здание и бесцеремонно выставил оттуда того, кто в октябре 1917 года взял штурмом Зимний дворец.

Наивно было бы говорить о каких-либо идейных убеждениях партаппаратчиков типа Маленкова. Это люди с эластичной совестью и бездонным властолюбием. Сталинцы впервые в истории нашли рецепт органического синтеза партийной политики и уголовщины. Согласно этому рецепту все моральные категории и общепринятые нормы человеческого поведения находятся в постоянной диалектической трансформации: зло может превратиться в добродетель, бесчестие — в честь, долг — в предрассудок, подлость — в подвиг, и наоборот. И весь этот свой «моральный кодекс коммунистов» сталинцы применяют не только в борьбе с врагами вне партии, но и в борьбе за власть между собой, внутри самой партии, причем побеждают наиболее ловкие, прибегающие к еще никем не использованным новинкам политической подлости. Вся биография Маленкова — цепь таких подлостей.

Беглый взгляд на даты иллюстрирует взлет и падение этого временщика Сталина. Маленков родился в 1902 году в Оренбурге, в семье губернского чиновника. В 1920 году вступил в партию. 1921-1925 годы — учился в МВТУ. 1925-1930 годы — работал в ЦК, сначала сотрудником учетно-информационного подотдела ЦК, потом членом «секретариата т.Сталина» и одновременно протоколистом Политбюро.

1930-1934 годы — заместитель, а потом и заведующий орготделом МК (его начальниками были секретари МК Каганович и Хрущев). 1934-1939 годы — заведующий отделом кадров ЦК, член ЦК с 1939 года. С 1939 года — секретарь ЦК по кадрам. 1941-1945 годы — секретарь ЦК, заместитель председателя Совнаркома СССР, член ГКО. 1946 год, июль — опала, некоторое время в ссылке в Туркестане. 1948 год, лето — возвращение в ЦК на пост первого после генсека секретаря. 1953-1955 годы — наследник Сталина на посту председателя Совета Министров СССР. 1957 год — исключен из ЦК. 1962 год — исключен из партии.

Все-таки и в своем падении Маленков умудрился остаться в живых в отличие от своего долголетнего друга, соратника и сопреступника Берия, которого он так опрометчиво предал, чтобы потом самому быть преданным. Тщетно было бы искать в советских публикациях прямое указание на то, что Маленков в 1946 году временно потерял должность секретаря ЦК, но есть много косвенных доказательств этого.

Коммунистические владыки, уравнявшие свои народы в бесправии, неравны между собою. Для демонстрации этого неравенства Сталин ввел такой чувствительный кремлевский протокол «размещения вождей», малейшее изменение в котором сигнализировало о перемене положения людей в пирамиде власти. Впервые этот протокол был введен после ликвидации троцкистов и бухаринцев, когда членов Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК начали перечислять не по алфавиту, а по важности занимаемого места. Он начинался со Сталина и шел дальше по нисходящей линии. Вот по этой линии вы судили, кто есть кто, а главное — кто кого передвинул. Так как тайны постоянного движения «шкалы вождей» не всегда были известны «Правде», ТАСС и радио, то всякие сообщения, в которых перечислялись вожди, сначала согласовывали с Агитпропом ЦК.

В «протоколе культов» Кремля Маленкова начали отодвигать с первых мест с конца 1947 года. Глубины падения он достиг, заняв восьмое место при перечислении членов Политбюро на заседании сессии Верховного Совета СССР в феврале 1948 года: 1) Сталин, 2) Молотов, 3) Жданов, 4) Берия, 5) Ворошилов, 6) Микоян, 7) Каганович, 8) Маленков, 9) Вознесенский (Хрущев на этой сессии отсутствовал). Но уже после возвращения из Туркестана и начавшейся опалы Жданова протокол выглядит иначе: Жданов исчезает якобы по болезни, а Маленков занимает четвертое место («Правда», 27.7.48). В почетном карауле у гроба Жданова 2 сентября 1948 года Маленков стоит рядом со Сталиным, а напротив стоят Берия и Молотов (см.фото в «Известиях»). Вот для того, чтобы Маленков после почти двухлетнего перерыва вновь занял место около Сталина, Жданову надо было очутиться в гробу! Этому предшествовала полная внутреннего драматизма борьба между учениками Сталина.

Постоянное и непосредственное руководство партией во время войны, единоличное распределение высших партийных, полицейских, военных кадров сделало Маленкова фактически первым секретарем ЦК

после Сталина. Таким образом, он стоял одновременно и над членами Политбюро, не будучи сам ни его членом, ни даже кандидатом. Возвращенный на работу в ЦК Жданов, с 1934 года (когда Маленков еще не входил в состав ЦК) постоянно бывший секретарем ЦК, естественно, претендовал на роль первого секретаря ЦК. Однако пленум ЦК в марте 1946 года утвердил в этой должности Маленкова и сделал его членом Политбюро, причем в «протоколе культов» его имя стояло сразу после имени Сталина, а это означало: Маленков — кронпринц.

Жданов, сделанный из одного с Маленковым теста, пользующийся таким же доверием у Сталина, хорошо знал, что сесть в кресло первого секретаря ему удастся, только если он сможет ловко и бесшумно столкнуть с него Маленкова. Задача эта не была легкой, но недаром Жданов любил так часто повторять знаменитую формулу Сталина: «Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». Крепость Маленкова Жданов начал осаждать по мало защищенным подступам к ней, а потом предпринял и концентрированное наступление, удачно применяя наиболее эффективные приемы большевистского «морального кодекса».

Интересна характеристика Жданова, данная Милованом Джиласом:

«Он был образованным человеком и в Политбюро считался крупным интеллектуалом. Несмотря на его общеизвестную узость и начетничество, я сказал бы, что его знания были достаточно обширны. Но несмотря на то, что он понемногу разбирался во всем, даже в музыке, я не думаю, чтобы он обладал обширными знаниями в одной определенной области — это был типичный интеллектуал, который накапливал сведения из разных областей посредством марксистской литературы». (Цит.здесь и далее по русскому изданию «Разговоры со Сталиным». «Посев», 1970, с.140).

Жданов, прекрасно разбиравшийся в психологии Сталина, обвинил Маленкова в преступном легкомыслии, приведшем к развалу советского «атомного шпионажа» в связи с бегством Гузенко из советского посольства в Канаде (из разоблачения в печати Гузенко стало известно, что все сообщения и информация по «атомному шпионажу» посылались лично на имя Маленкова, кроме того, лица для такой секретной работы тоже подбирались непосредственно канцелярией Маленкова). Вторая атака против Маленкова, рассчитанная на использование патологической подозрительности Сталина, обещала еще больший успех: Жданов донес на маршала Жукова, заместителя Сталина по Министерству обороны и главнокомандующего сухопутными войсками. Используя свои знания о жизни и взглядах Жукова (полученные, когда Жуков был в Ленинграде главнокомандующим, а Жданов — членом военного совета Северо-Западного фронта), Жданов начал уверять Сталина, что протеже Маленкова — маршал Жуков — метит в русские Бонапарты. Донос запал в душу Сталина. Он сам часто задумывался над непонятной ему личностью своенравного маршала, внимательно читал участившиеся в западной прессе пророчества о будущем русском Бонапарте, повторяя про себя, что «нет дыма без огня», и не

забывая, что Жуков был единственным человеком, которого не он учил, а который его учил.

Чтобы проиллюстрировать сказанное, я хочу немного отступить от темы и привести один эпизод. Когда немцы в октябре 1941 года подошли к Москве так, что могли уже видеть Красную площадь в бинокль, Сталин хотел перебраться в Куйбышев (туда уже переехали ЦК во главе с Андреевым и Совнарком во главе с Вознесенским), но Жуков категорически заявил — Москва сдана не будет. Известно много случаев, когда Жуков резко возражал Сталину.

Когда теперь читаешь документы хрущевских времен, да и мемуары Жукова, то удивляешься не столько мужеству Жукова, сколько его поразительному невежеству в отношении психологии советского диктатора. Много раз Жуков напрашивался под пулю чекистов, и все-таки Сталин не давал команды стрелять. Почему? Потому что Сталин быстро и безошибочно раскусил боевого генерала: как солдат — великан, как политик — ноль! Бонапарты пекутся не из такого теста. Любому генералу Красной Армии с политическим складом мышления такой, например, диалог стоил бы головы.

29 июля 1941 года. Кабинет Сталина. Обсуждается вопрос о Киеве. «...«А как же Киев?» — спросил Сталин. Я знал, что означали два слова: «Сдать Киев», но я не мог бы поддаваться чувствам, а как человек военный, обязан был предложить единственно возможное, на мой взгляд, решение в сложившейся обстановке. «Киев придется оставить, — ответил я. — На западном направлении нужно немедленно организовать контрудар с целью ликвидации ельнинского выступа. Этот плацдарм противник может использовать для удара на Москву». — «Какие там еще контрудары, что за чепуха? — вспылил Сталин. — Как вы могли додуматься сдать врагу Киев?» Я не мог сдержаться и ответил: «Если вы считаете, что начальник Генерального штаба способен только чепуху молоть, тогда ему здесь делать нечего. Я прошу освободить меня от обязанностей начальника Генерального штаба и послать на фронт. Там я, видимо, принесу больше пользы родине». — «Вы не горячитесь, — сказал Сталин. — А впрочем, если так ставите вопрос, мы без вас можем обойтись... Идите, работайте, мы тут посоветуемся и тогда позовем вас». Минут через 40 меня вызвали. «Вот что, — сказал Сталин, — мы посоветовались и решили освободить вас...» — «Куда прикажете мне отправиться?» — «А куда вы хотите?» — «Могу выполнять любую работу. Могу командовать дивизией, корпусом, армией, фронтом». — «Не горячитесь, не горячитесь! Вот вы говорили об организации контрудара под Ельней. Ну и возьмитесь за это дело. Мы назначили вас командующим Резервным фронтом. Когда вы можете выехать?» — «Через час ...» (Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.,1969, с.311-312).

Что Жданов метит вовсе не в Жукова, а в Маленкова, Сталин отлично видел, но это было в его характере — поощрять доносы членов Политбюро и натравливать их друг на друга. Безопасность его личной диктатуры во многом основывалась на междуусобице партийных бояр.

Пока бояре соревновались в любви к Сталину методами доносов, Сталин знал, что никакой заговор на верхах против него невозможен.

Жданов начал уверять Сталина, что такой бонапартистский заговор возможен как раз из-за преступного легкомыслия Маленкова, покровительствующего Жукову и рекламирующего его мнимые заслуги в войне. В своих стараниях дискредитировать Жукова как полководца Жданов доходил в буквальном смысле до анекдотов:

«После войны Сталин начал говорить всякую чепуху о Жукове, и, между прочим, следующее: «Вы хвалили Жукова, но он этого не заслуживает. Говорят, что перед каждой операцией Жуков брал в руку землю, нюхал ее и говорил: «Мы можем начинать наступление», или же наоборот: «Задуманная операция не может быть проведена» (Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.38). Хрущев великолепно знал, что автором таких анекдотов был Жданов, но он умолчал об этом, ибо иначе пришлось бы рассказать всю правду о Сталине.

То, что впоследствии получило название «ждановщина», вовсе не было поворотом к мракобесию лишь в области культуры. Ждановщина — это последовательный возврат к довоенному сталинизму и во внутренней и во внешней политике. Жданов легко мог убедить Сталина, что именно после войны стала актуальна опасность выхода из повиновения народа, партии и армии, если будет продолжена оппортунистическая политика Маленкова, Хрущева и их сторонников по поощрению частной инициативы в строительстве жилых домов в освобожденных районах, по нарушению колхозного устава в сторону увеличения приусадебных участков (Маленков возглавлял и Комитет по новой советизации освобожденных областей), по поощрению курса на раздувание рядов партии за счет политически сомнительных элементов.

Но грехом всех грехов Маленкова Жданов выставил то, на что Сталин всегда держал ухо востро: Маленков потерял революционную бдительность, и в стране подняли голову потенциальные шпионы-«западники», «космополиты», «низкопоклонники», лжеученые типа маленковского ставленника Александрова (глава Агитпропа ЦК). В национальных республиках (особенно на Украине у Хрущева и в Белоруссии у Пономаренко) орудуют буржуазные националисты в литературе и бандеровцы в лесах. В Советской Армии с ведома Маленкова партийные органы фактически ликвидированы и царствуют личные ставленники Жукова, этого известного врага института политкомиссаров.

Еще более порочна внешнеполитическая концепция Маленкова: вместо ставки на большевизацию восточноевропейских стран Маленков поддерживает «национальные фронты» коммунистов с буржуазными националистами; вместо разоблачения империалистических замыслов «плана Маршалла» он считает возможным принять его помощь на определенных условиях; вместо ставки на мировую революцию

Маленков проповедует «мировое движение за мир» и идеологическое сосуществование с империалистическими государствами.

Жданов действовал не в одиночку. Он по методу Сталина собрал вокруг себя обиженных Маленковым членов Политбюро (Молотов, Каганович, Ворошилов, Андреев), легко убедив их, что у них власть узурпировал Маленков, изолировавший Сталина не только от членов Политбюро, но и от источников объективной информации о внутренних и внешних делах. Чтобы аппарат власти начал функционировать нормально, надо убрать оттуда Маленкова и маленковцев — так рассуждал Жданов.

Б.И.Николаевский, особенно тщательно изучивший этот этап внутрипартийной борьбы, писал: «Блок, сложившийся в это время против Маленкова в Политбюро, был блоком «идеологов», заботившихся о возвращении к старым традициям и к правоверному сталинизму довоенного времени... решающим было желание партийных «идеологов» старших поколений восстановить свою довоенную роль в жизни партии и страны» («Материалы конференции Института по изучению истории и культуры СССР». 1953, с.132). Последующая история подтвердила и другое наблюдение Николаевского: «Решающие схватки на этом первом этапе относятся к весне и лету 1946 года, когда решался вопрос о назначении нового начальника Политического управления Министерства вооруженных сил и о проведении послевоенной чистки в армии. Жданов на этот пост ввел своего ближайшего помощника генерала Шикина. Это назначение встретило сопротивление маршала Жукова, тогда заместителя Сталина по Министерству вооруженных сил. Борьба закончилась победой Жданова и опалой Жукова... Шикин начал жестокую чистку командного состава армии» (там же, с.132-133).

Вот тогда Жданов достиг цели: в июле 1946 года Сталин снял Маленкова с поста секретаря ЦК и послал в Туркестан. Маршала Жукова сослали в провинцию командовать округом. Хрущев тоже был снят с должности первого секретаря ЦК Украины (март 1947-го), но был оставлен на Украине в качестве председателя украинского Совета Министров. Для чистки Украины и надзора за Хрущевым был назначен союзник Жданова Каганович — в качестве первого секретаря ЦК Украины. Заодно первый секретарь ЦК Белоруссии, член Московского ЦК маленковец Пономаренко был заменен никому не известным инструктором аппарата ЦК Гусаровым, учеником Жданова.

Жданов занял место Маленкова и приступил к «холодной войне» как внутри СССР, так и за границей. Цель «холодной войны» внутри страны — психологический накал атмосферы по подготовке к новой «великой чистке». Операция эта готовится, конечно, по заданию Сталина, который дает Жданову и неограниченные полномочия по подбору кадров. Но чтобы расставить новые кадры, надо очистить аппарат от старых. Это и происходит. Вместо изгоняемых маленковцев назначаются чистокровные ждановцы из Ленинграда.

Особенно возвышаются два бывших помощника Жданова: Н.Вознесенский и А.Кузнецов. Н.Вознесенский назначается первым заместителем Сталина по правительству вместо Маленкова и в обход Берия. Сталин делает его также членом семерки, которую Сталин создал, чтобы Политбюро делегировало ей свои функции. (Назначение разных комиссий Политбюро, обладающих правами Политбюро, но со включением в них и не членов Политбюро, было испытанным методом Сталина обходить Политбюро, если он предпринимал что-нибудь против его членов.)

Второе из этих назначений оказалось роковым для самого Жданова. Он рекомендовал, и Сталин утвердил секретарем ЦК по госбезопасности и армии бывшего помощника Жданова по Ленинградскому обкому А.Кузнецова. Неожиданно получив такое высокое назначение и пользуясь покровительством Жданова, Кузнецов решил, что он теперь может давать директивы не только всяким там Меркуловым и Абакумовым, но и самому Берия, да еще чистить органы от бериевцев. Это было трагическое заблуждение не столько полицейского дилетанта Кузнецова, сколько догматика Жданова. С этого и началась их гибель.

Берия понял, что допустил тягчайшую ошибку, недооценив политическое значение опалы Маленкова, и начал принимать энергичные меры к его возвращению в Москву. Путь к реабилитации Маленкова лежал через дискредитацию Жданова и его клики. Как это сделать, для таких партийно-полицейских талантов, как Берия и Маленков, не было проблемой. Поскольку Маленкова не вывели из состава Политбюро, он часто приезжал в Москву на заседания и легко мог договориться с Берия о деталях плана по ликвидации ставленников Жданова, по опыту зная, что тогда будет просто справиться и с самим Ждановым.

На XX съезде Хрущев, выгораживая и себя и Маленкова, тогда еще сидевшего в Президиуме ЦК, «ленинградское дело» приписывал одному Берия:

«Повышение Вознесенского и Кузнецова встревожило Берия... именно Берия «предложил» Сталину, что он, Берия, со своими сообщниками сфабрикует против них материалы в форме заявлений и анонимных писем...» (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.41). Только после исключения Маленкова из ЦК в 1957 году Хрущев сообщил, кто же был первым сообщником Берия, назвав Маленкова, но умолчав о третьем сообщнике — о себе самом. В определенном смысле борьба между Ждановым, Молотовым, Кагановичем, Ворошиловым и другими старыми большевиками, с одной стороны, и Маленковым, Берия, Хрущевым — с другой, была отражением конфликта двух поколений — дооктябрьских и послеоктябрьских большевиков.

Ленин любил повторять, что лису можно перехитрить, воспользовавшись ее чрезвычайной осторожностью. Можно ставить фальшивые капканы на виду, чтобы лиса, осторожно обойдя их, попала бы в настоящий скрытый капкан. Серии таких фальшивых капканов ставят Берия и Маленков против Сталина начиная с 1948 года, с тем чтобы в настоящий капкан попал сначала тот, кто вызвал падение Маленкова и возвышение «ленинградской мафии», — Жданов.

Карьера Жданова была стремительной, но неровной. Во время организации убийства Кирова Сталиным и в последующей чистке Ленинграда от кировцев он был правой рукой Сталина в Секретариате ЦК. Во время войны и он и Ворошилов, руководя Северным фронтом в Ленинграде, доказали Сталину свою полную несостоятельность, дав немцам окружить Ленинград. Сталин Ворошилова грубо выкинул (назначив на его место Жукова), но оставил почему-то Жданова. Отозванному из Ленинграда и назначенному первым (после генсека) секретарем ЦК (1945) Жданову Сталин дал возможность реабилитировать себя подготовкой новой послевоенной «великой чистки». Жданов взялся за это со свойственным ему лакейским усердием, но из-за предпринятых против него подвохов со стороны Берия и Маленкова Сталин начал подозревать, что Жданов под влиянием своей властной и честолюбивой жены ведет двойную игру.

Как всегда в подобных случаях, для противовеса Жданову и контроля Сталин притащил в ЦК в качестве секретаря и Суслова (1947). Хорошо зная, каким весом при Сталине обладает Берия (со Сталиным Суслов встречался лишь на редких заседаниях Секретариата ЦК, но никогда — частным образом), Суслов с самого начала сделал на него ставку в своей карьере.

Суслов был до войны координатором работы НКВД и партии сначала в аппарате ЦКК, а потом и в Комитете партконтроля при ЦК. Официальный его ранг был невысок. В списках сотрудников партконтроля он числился лишь инспектором, но этот ранг делал его номенклатурным работником ЦК. Во время «великой чистки» Суслов, уже поднявшись до чина заместителя председателя Комитета партконтроля Ежова, вместе с ним участвовал в составлении знаменитых списков актива партии, направляемых Сталину и членам Политбюро для утверждения смертных приговоров.

На XX съезде Хрущев сказал, что в 1937-1938 годах Сталину было направлено 383 таких списка (см. «Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС», с.28).

Когда Берия занял место Ежова в ноябре 1938 года, Суслов начал для Берия составлять уже другие «списки» — тех, кто внутри партии выполнял функции внутрипартийных чекистов: функционеров сети партконтроля для работы в НКВД вместо ликвидированных ежовцев. Ближе познакомился Берия с Сусловым во время войны на Кавказском фронте, где оба были членами военного совета и руководили депортацией кавказских народов. После войны по рекомендации Берия и Маленкова Суслов был назначен чрезвычайным парторгом ЦК в Прибалтику с неограниченными правами для чистки «освобожденных» республик. Успешно депортировав примерно четвертую часть населения Прибалтики в Сибирь, Суслов доказал, что ему можно доверить любой пост. Таким образом, из партийного и полицейского контролера среднего ранга получился идеолог и теоретик партии, конечно, как противовес Жданову, тоже ведь претендовавшему на второе место в марксизме-ленинизме после самого «корифея». Этого-то Суслова и

завербовали Маленков и Берия, готовя против ждановцев удар, известный под именем «ленинградское дело».

Официально никогда не сообщалось, в чем же его суть. Из частных высказываний Хрущева было известно, что ленинградцы никакого заговора не устраивали, а лишь внесли предложение создать Российскую Коммунистическую партию со своим ЦК и центром в Ленинграде, туда же перевести из Москвы Совет Министров РСФСР. Р.Конквест тоже приводит слухи (из других источников) о желании ждановцев перенести центр РСФСР в Ленинград, а это не могло не насторожить Сталина (см.: Robert Conguest. Power and Poliy in the USSR. London. 1961, p. 103). Дело в том, что Российская республика парадоксальным образом — единственная союзная республика в составе СССР, не имеющая своей российской, или русской, коммунистической партии. За это предложение и ухватились мастера великих комбинаций Берия и Маленков, используя против ждановцев своих ставленников как по линии ЦК (Суслов), так и по линии МГБ (Абакумов) и заручившись поддержкой обиженного Хрущева на Украине.

«Оперативный план» Берия и Маленкова против ждановцев все еще остается достоянием секретных архивов ЦК. Официальным историкам партии он так же недоступен, как и нам. Однако еще живы возвращенные из лагерей старые большевики, имевшие доступ к этим архивам в качестве экспертов во время работы Комиссии ЦК по реабилитации жертв культа личности. Живы и многие опальные вельможи из окружения Маленкова. Может быть, от них и идут слухи о сути «ленинградского дела»...

Согласно слухам ждановцам приписывался следующий план. Поскольку Сталин стар и сам же требовал после окончания войны освободить его от главных должностей, надо наметить ему преемников. В связи с этим надо разгрузить ЦК ВКП(б) от непосредственного руководства Российской Федерацией и создать РКП(б) во главе со своим ЦК и с центром в Ленинграде. Одновременно надо реорганизовать и структуру ЦК, создав должность почетного председателя ЦК. Им назначить Сталина, передав должность Генерального секретаря Жданову. Председателем Совета Министров СССР назначить Вознесенского, первым секретарем ЦК РСФСР — А.Кузнецова; на место Кузнецова в ЦК ВКП(б) поставить Родионова, освободив его от должности председателя Совета Министров РСФСР. МГБ и МВД вновь воссоединить и во главе поставить секретаря Ленинградского обкома Попкова. Сомневаясь, что такие предложения действительно могли исходить от ждановцев, мы все же должны заметить, что толчок для подобных слухов подал сам Сталин, если он вообще сам не спровоцировал ждановцев на их предложения. Существует официальный советский документ, проливающий некоторый свет на данный вопрос. Это следующий отрывок из мемуаров адмирала Н.Г.Кузнецова, опубликованных в ленинградском журнале «Нева» (1965, № 5, с.161):

«Парад Победы состоялся 24 июня 1945 года... Когда парад закончился, высокое начальство задержалось в небольшом здании за высо-

кой кремлевской стеной... Получился импровизированный банкет. В центре внимания, конечно, был Сталин. Все успехи и победы приписывались только ему. Между прочим, именно здесь были высказаны предложения о присвоении Сталину звания генералиссимуса, о награждении его вторым орденом Победы и присвоении звания Героя Советского Союза».

Однако к концу банкета Сталин сделал заявление, за которое вполне резонно могли ухватиться его верноподданные ученики из группы Жданова. Вот это заявление в изложении Кузнецова:

«Когда многочисленные тосты сделали свое дело и настроение еще больше поднялось, взял слово Сталин. Напомнив, что ему идет 67-й год, неожиданно заговорил о том, сколько лет он еще может оставаться на своих постах. «Что же, я еще два-три года поработаю, а потом должен буду уйти» — таков был смысл выступления Сталина. Я не берусь судить, было ли это его искреннее желание или ему просто хотелось посмотреть, какой эффект произведет на окружающих столь необычное заявление... Мне неизвестно, высказывал ли Сталин подобные мысли когда-нибудь еще, допустим, в узком кругу, и почему он отказался от них».

Он «отказался от них», по всей вероятности, позднее, когда Берия, Маленков и Хрущев возможные деловые предложения ждановцев о создании РКП (б) могли представить Сталину как «заговор против партии и правительства», то есть против самого Сталина. Ход конем Берия и Маленкова был столь неожиданным и оглушительным, что Жданов залег в кремлевскую больницу, а Сталин это, как всегда в таких случаях, оценил как признак его «нечистой совести».

Большой козырь в руки врагов Жданова-отца дал и его сын — Юрий Жданов (один из руководителей отдела науки ЦК): он публично объявил Лысенко шарлатаном, тогда как Лысенко свирепствовал в ученом мире по мандату ЦК. Как стало потом известно, выступление Жданова-сына было организовано Сусловым по заданию Берия в провокационных целях. Потом тот же Суслов предложил Жданову-сыну написать письмо Сталину с раскаяньем, и тот, как дисциплинированный коммунист, согласился. Жданов-сын признался, что пошел против ЦК, он обещал исправиться, но по замыслу врагов Жданова-отца все должны были вычитать из этого письма то, чего в нем нет: Жданов-отец воспитал врага Сталина, да еще притащил его в аппарат ЦК. Письмо опубликовано в «Правде» 7 августа 1948 года. Через три недели объявили, что Жданов-отец умер «от паралича болезненно измененного сердца при явлениях острого отека легких» («Известия», 1.9.48).

После смерти Жданова в короткий срок были ликвидированы ждановцы. Еще на похоронах Жданова на Красной площади рядом со Сталиным на Мавзолее Ленина стояли три ждановца — секретарь ЦК по МГБ, МВД и армии А.Кузнецов, секретарь Ленинградского обкома Попков и член Политбюро и первый заместитель Сталина по правительству Н.Вознесенский. Не прошло и нескольких месяцев, как первые два попали в подвалы Лубянки, а Вознесенский — под домашний

арест. Вскоре начали «оформлять» и «московскую мафию» — арестовали председателя Совета Министров РСФСР Родионова, а секретарь Московского комитета и ЦК Г.Попов очутился сначала под домашним арестом, а потом его сослали куда-то на Волгу.

Таким образом, к концу 1949 года Берия и Маленкову удалось отстроить позиции для будущего удара по Сталину.

Глава пятая

БОРЬБА ЗА СОВЕТИЗАЦИЮ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

После войны догматик Жданов явно не успевал следовать ни функционированию, ни диалектике мыслительного аппарата Сталина. Можно только удивляться, как мог Жданов, так близко стоя к Сталину, не знать, что «политика дальнего прицела» Сталина в восточноевропейских странах — не их национально-коммунистический суверенитет, а их поглощение Советским Союзом. Конечно, Сталин об этом прямо не мог говорить, но он поручил идеологам Коминформа П.Юдину и В.Григоряну разработать проблему «народных демократий как переходной формы к социалистической демократии». Соответствующие статьи Юдина уже печатались в советской прессе. Но планируемое Сталиным вступление восточноевропейских стран (кроме Восточной Германии) в состав СССР должно было пройти через ряд подготовительных этапов. Так, сначала нужно было бы создать нечто вроде британского «содружества наций» (Commonwealth) на основе марксистско-ленинской идеологии. В обращение был пущен даже аналогичный термин: «социалистическое содружество народов». Разница была лишь в том, что путь к британскому «содружеству наций» лежал от колоний через доминионы к независимым государствам, а Сталин хотел проделать тот же путь, но в обратном порядке — от независимых государств к коммунистическим доминионам, потом к колониям.

Эта идея с явно направленным против Жданова острием тоже была подсказана Берия и Маленковым, а обоснована созданной им специальной группой экспертов из советских юристов (А.Вышинский, Д.Чесноков). Обосновать эту идею было проще простого. Надо полагать, что эксперты опирались на следующие принципы ленинизма: «Республика Советов... является формой более высокого типа демократических учреждений, но и *единственной формой*» (Сталин И. Вопросы ленинизма, с.35; подчеркнуто Сталиным. — *А.А.*).

Национальный суверенитет не цель, а средство, не главное, а подчиненное требование большевизма. Ленин пишет: «Отдельные требования демократии, в том числе самоопределение, не абсолют, а *частичка* общедемократического (ныне: общесоциалистического) мирового движения. Возможно, что в отдельных конкретных случаях частичка противоречит общему, тогда надо отвергнуть ее» (Соч.,

т.XIX, с.257-258). А как быть с большевизмом, который как будто чисто русский продукт? Подходит ли он другим странам? Ответ Ленина предельно ясен: «Большевизм есть образец тактики для всех» (там же, т.XVIII, с.386). Далее в своем докладе по обоснованию Программы РКП(б) на VIII съезде партии (1919) Ленин доказывал, что все вновь возникающие коммунистические государства присоединятся к Советской России и вместе с нею составят общую, без границ, «Всемирную Советскую республику». Ленин добавлял: «Может быть, будет у нас общая Программа, когда создастся Всемирная Советская республика» (VIII съезд РКП(б). Протоколы, с.101).

Жданов же начал проводить не политику советизации, а, наоборот, политику десателлизации под лозунгом укрепления суверенитета восточноевропейских стран по отношению к Западу. Очень скоро выяснилось, что такая политика бьет рикошетом и по СССР. Маленков и Берия легко убедили Сталина, что политика Жданова ведет к росту центробежных сил в Восточной Европе и поощрению там национализма не столько против Запада, сколько против СССР. Жданов не понимает, что в результате советских побед во второй мировой войне, по признанию самих западных союзников (Ялта, февраль 1945г.), восточноевропейские страны входят в сферу влияния СССР. Мы обязались только восстановить там демократию, и мы должны ее восстановить в ее высшей, советской форме.

Такова была линия Берия и Маленкова. Ее и начала проводить советская политическая полиция, используя тот же Коминформ, но минуя штаб Жданова. Первыми заметили это чехословаки и решили выйти из Коминформа. Февральским заговором 1948 года Берия предупредил их намерения, но находившиеся и политически и геополитически в лучших условиях югославы безнаказанно покинули Коминформ. Это и убило Жданова в глазах Сталина. Югославский конфликт был страшен Сталину как прецедент, который может стать примером для других стран и расстроить всю стратегию их советизации. Надо было ликвидировать «прецедент», но как? Первый план, вероятно, сводился к военному выступлению против Тито; в беседе с Хрущевым Сталин сказал: «Стоит мне пошевелить мизинцем, и Тито больше не будет. Он падет» (Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.43).

Чтобы создать психологическую атмосферу для этого «шевеления мизинцем», Сталин, по плану Берия и Маленкова, начинает ликвидацию друзей и коллег Жданова по Коминформу. Разворачивается кампания против титоистов в странах-сателлитах. Многие эпизоды этой драматической борьбы — все еще тайна полицейских архивов Москвы и восточноевропейских столиц. Тито даже отправил в тюрьму Джиласа за разглашение некоторых из этих эпизодов («Разговоры со Сталиным»). Однако часть этой истории поддается приблизительной реконструкции.

Прежде всего Жданову ставилось в вину, что он был инициатором трех провалившихся советских акций: организации партизанской вой-

ны генерала Маркоса в Греции, создания берлинской блокады и предъявления требования к Турции разрешить СССР создать морские базы в районе проливов (включая и движение «советских армян» и «советских грузин» за воссоединение с Армянской ССР и Грузинской ССР бывших армяно-грузинских районов в Восточной Анатолии). Все это не только позорно провалилось, но и послужило еще толчком к созданию НАТО и провозглашению доктрины Трумэна о защите Греции и Турции. Однако более важным было другое обвинение: Жданов в легкомысленном, преступном сговоре с Георгием Димитровым и с Тито готовил создание Балканской федерации. Правда, идея принадлежала Димитрову, но Жданов почему-то счел, что это и есть ленинско-сталинская доктрина о социалистической федерации. Соблазнительной была и перспектива включения туда «освобождающейся» Греции, что имел в виду Димитров.

Журнал «World Report» (июнь 1947г.) приводит высказывание Димитрова: «Может, будет сначала федерация Югославии, Болгарии, Албании, а потом присоединятся Румыния, Польша, Чехословакия и, может быть, Венгрия» (Э б о н М. Маленков. 1953, с.55).

21 января 1948 года в Софии Димитров устроил пресс-конференцию и подробно обосновал преимущества и необходимость Балканской федерации. Подчиненная непосредственно Жданову «Правда» опубликовала это предложение Димитрова с явным намеком на одобрение. Тем временем Тито узнал, что член ЦК КПЮ А.Гебранг — агент советской разведки, систематически информирующий советского посла о заседаниях ЦК, а может быть, и о связях Тито с Димитровым. Берия и Маленкову легко было доказать Сталину, что Балканская федерация придумана как противовес и политическому и экономическому доминированию СССР в восточноевропейских странах. 28 января 1948 года «Правда» печатает заявление от редакции о федерации. Человеку, знакомому с особенностями публицистического языка Сталина, было ясно, кто автор этого заявления. Приведем его целиком:

«В редакцию «Правды» поступил ряд запросов читателей с разных концов СССР, смысл которых сводится к следующему: означает ли помещение в «Правде» заявления тов.Димитрова на пресс-конференции в Софии, что редакция солидаризуется с позицией т.Димитрова по вопросу о целесообразности федерации или конфедерации Балканских и придунайских стран, включая сюда Польшу, Чехословакию, Грецию, и о необходимости создания таможенной унии между ними. В связи с этим редакция «Правды» считает необходимым сделать следующее разъяснение: 1) «Правда» не могла не поместить заявление т.Димитрова, опубликованное в органах печати других стран, при этом понятно, что «Правда» не могла внести каких-либо изменений в это заявление. 2) Однако это не означает, что редакция «Правды» солидаризуется с т.Димитровым в вопросе о федерации и таможенной унии указанных выше стран. Наоборот, редакция «Правды» считает, что эти страны нуждаются не в проблематической и надуманной федерации или конфедерации и не в таможенной унии, а в укреплении и защите

своей независимости и суверенитета путем мобилизации и организации внутренних народно-демократических сил, как правильно сказано об этом в известной декларации девяти коммунистических партий».

Чисто сталинская логика: все эти страны должны быть независимыми друг от друга, чтобы тем вернее зависеть от СССР. Если бы Димитров выдвинул идею о федерации Балканских стран с СССР, то, разумеется, у Сталина не было бы никаких возражений.

Нельзя не привести некоторые выдержки из ценнейшего исторического первоисточника, посвященного этому периоду, — книги Милована Джиласа «Разговоры со Сталиным». В начале февраля 1948 года болгары и югославы были вызваны к Сталину. На встрече присутствовали с советской стороны — Сталин, Молотов, Жданов, Маленков, Суслов, Зорин; со стороны Болгарии — Димитров, Коларов, Костов (потом казненный); от Югославии — Джилас, Кардель и Бакарич. Взяв первым слово, Молотов сообщил о серьезных разногласиях между СССР, с одной стороны, и Болгарией и Югославией — с другой. В качестве примера Молотов приводил подписание (без консультации с СССР) союзного договора между Югославией и Болгарией. Когда Молотов начал критиковать план федерации Димитрова, Сталин его прервал:

«Товарищ Димитров слишком увлекается на пресс-конференциях — не следит за тем, что говорит. А все, что он говорит, что говорит Тито, за границей воспринимают, как будто это сказано с нашего ведома. Вот, например, у нас тут были поляки. Я их спрашиваю: что вы думаете о заявлении Димитрова? Они говорят: разумное дело. А я им говорю: нет, это неразумное дело. Тогда они говорят, что и они думают, что это неразумное дело — если таково мнение Советского правительства. Потому что они думали, что Димитров сделал заявление с ведома и согласия Советского правительства, и поэтому и они его одобряли» («Разговоры со Сталиным», с.164-165).

Молотов добавил, что Болгария старается создать федерацию с Румынией, «даже не посоветовавшись об этом с Советским правительством» (там же, с.165). Когда Димитров, защищаясь, сказал, что говорил о федерации лишь в общих чертах, вмешался Сталин: «Нет, вы договорились о таможенном союзе, о согласовании промышленных планов» (там же). Молотов продолжал мысль Сталина: «А что такое таможенный союз и согласование экономики, как не создание одного государства?» (Там же.)

Димитров заметил в свою защиту, что Болгария и Югославия никакого договора не заключили, они сделали лишь общее заявление о намерениях в этом направлении. Сталин опять грубо прервал его: «Да, но вы не посоветовались с нами! Мы о ваших отношениях узнаем из газет! Болтаете, как бабы на перекрестке, что вам взбредет в голову, а журналисты подхватывают!» (Там же, с.166.)

Димитров еще раз постарался оправдаться, заявив: «Верно, мы ошиблись. Но мы учимся и на этих ошибках во внешней политике» (там

же, с.167). Сталин не принял оправдания. Джилас замечает: «Сталин резко и насмешливо сказал: «Учитесь! Занимаетесь политикой пятьдесят лет и — исправляете ошибки! Тут дело не в ошибках, а в позиции, отличающейся от нашей» (там же).

Здесь Димитрову на помощь пришел старый ветеран коммунизма, болгарский соратник Ленина Коларов. В связи с этим произошел любопытный диалог. Коларов сказал: «Я не вижу, в чем тут ошибка товарища Димитрова, — ведь мы проект договора с Румынией предварительно посылали Советскому правительству, и оно никак не возражало против таможенного союза...» (там же, с.168). Сталин обратился к Молотову: «Присылали нам проект договора?» Когда Молотов ответил утвердительно, Димитров осмелел: «...проект посылался в Москву, я не предполагал, что вы могли иметь что-либо против» (там же, с.169). Это окончательно взорвало Сталина, он не любил, когда его утверждения опровергались фактами. Для него факты вовсе не были упрямыми вещами. Он отчитал героя Лейпцига как мальчишку: «Ерунда! Вы зарвались, как комсомолец. Вы хотели удивить мир — как будто вы все еще секретарь Коминтерна. Вы и югославы ничего не сообщаете о своих делах, мы обо всем узнаем на улице — вы ставите нас перед совершившимися фактами!» (Там же.)

Проезжая через Белград в Москву по очередному вызову на «отдых» и «беседы», Димитров советовал югославам оставаться твердыми в своем споре с Москвой (югославская газета «Борба», 29.9.49). Но из этой поездки Димитров больше не вернулся. Зная о методах расправы Сталина с неугодными лидерами коммунизма, зная об инициативе и упорствовании Димитрова по созданию Балканской федерации, зная (из свидетельства Милована Джиласа) о выпадах Сталина в адрес Димитрова, мы можем считать вполне обоснованными комментарии мировой печати о том, что Димитров умер не естественной смертью. Советское официальное сообщение («Правда», 3.7.49) гласило, что Димитров скончался 2 июля 1949 года «после продолжительной и тяжелой болезни (печень, диабет) в санатории «Барвиха» близ Москвы». За год до этого на Валдае, в санатории «умер» и Жданов.

Только теперь, в ноябре 1949 года, Сталин решил созвать в Будапеште совещание Коминформа (под руководством Суслова). Центральным был доклад сталинского ставленника в Румынии Г.Георгиу-Дежа: «Югославская компартия во власти убийц и шпионов». В резолюциях, привезенных Сусловым, Тито инкриминировалось столько политических грехов и уголовных преступлений против коммунизма, в пользу США, что было странно: почему Сталин еще не пошел войной против Тито? Это не случилось, видимо, не столько из-за сочувствия Югославии со стороны мирового общественного мнения (с ним Сталин никогда не считался), не из уважения к каким-либо нормам международного права (оно для Сталина — пустышка), сколько из-за страха перед вероятным взрывом освободительной войны народов Югославии, в которую неизбежно были бы втянуты и другие народы стран-сателлитов, а может быть, и США. Все это заставляло Сталина

стараться устранить Тито путем внутренних заговоров (недавнее раскрытие заговора югославских сторонников Коминформа доказывает, что Кремль и в этом отношении остался верён Сталину).

У Сталина была привычка приписывать врагу собственные преступные намерения. Примерами этого полна история его борьбы за ленинский трон. Так же он действует, уже будучи на троне. Во время войны своему достойному единомышленнику от инквизиции, но безнадежному ефрейтору от политики — Гитлеру — Сталин приписал такую оголенную политическую философию варваров, которую не вычитаешь даже у Макиавелли: «Человек, говорит Гитлер, грешен от рождения, управлять им можно только с помощью силы. В обращении с ним позволительны любые методы. Когда этого требует политика, надо лгать, предавать и даже убивать... Я освобождаю человека, говорит Гитлер, от унижающей химеры, которая называется совестью. У меня то преимущество, что меня не удерживают никакие соображения теоретического или морального порядка» (Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 1952, с.28-29). Гитлер так мог действовать, но никак не говорить, ибо при такой открыто аморальной философии он никогда не пришел бы к власти в морально здоровой и высококультурной Германии. Сталин сочинил за него эту цитату, ибо сам тоже так думал, а главное — так действовал. Теперь Сталин приписывает Тито свой собственный режим и преступления, им совершаемые. Сталин, видимо, навсегда запомнил мораль одного из героев «Стихотворения в прозе» Тургенева:

«Если вы желаете хорошенько насолить и даже повредить противнику, — говорил один старый пройдоха, — то упрекайте его в том самом недостатке или пороке, который вы за собою чувствуете. Негодуйте... упрекайте. Во-первых, это заставит других думать, что у вас этого порока нет. Во-вторых, негодование даже может быть искренним... Вы можете воспользоваться укорами собственной совести. Если вы, например, ренегат, — упрекайте противника в том, что у него нет убеждений. Если вы сами лакей в душе, — говорите ему с укоризной, что он лакей, лакей цивилизации, Европы, социализма!

— Можно даже сказать: лакей без лакейства, — заметил я.

— И это можно, — подхватил пройдоха».

Все это невольно приходит на ум при изучении истории борьбы между Сталиным и Тито. Когда обострение отношений между СССР и Югославией достигло высшей точки, Сталин лично составил «дипломатическую» ноту на имя правительства Югославии. Об этом авторстве Сталина говорит не только стиль ноты, но и ее содержание: в ней сказано то, что никто, кроме Сталина, не осмелился бы написать, ибо невольно создается впечатление, что обрисован не столько югославский, сколько сталинский советский режим и Коммунистическая партия Советского Союза:

«В марксистских партиях съезды собираются не для того, чтобы славословить вождей, а для того, чтобы критически рассмотреть деятельность существующего руководства и, если потребуется, обновить его или заменить новым руководством. Во всех марксистских партиях,

где существует внутрипартийная демократия, такой способ изменения руководства является естественным и вполне нормальным... (Это косвенный ответ, почему Сталин не созывал своего съезда четырнадцать лет! — *А.А.*) О каком демократическом характере власти может идти речь, когда во всей Югославии гестаповские методы управления, когда попирается всякое свободное выражение мысли, попираются все человеческие права, когда югославские тюрьмы переполнены... когда Югославская коммунистическая партия превращена в отделение политической полиции» (точь-в-точь как и у Сталина).

Сталин переходит к описанию ужасов в югославских тюрьмах, к методам пыток, которым подвергают русских эмигрантов, подозреваемых в службе в советской разведке. Объявив белых эмигрантов (которые до сих пор считались у него «белобандитами») «гражданами СССР», Сталин возмущается издевательствами Тито над ними во время допросов: одного заставили стоять двадцать часов без движения, не давая ему спать двое суток (у Сталина средняя норма была десять суток), другого били палкой по ночам во время допроса, третьего избивали и шесть раз сажали в карцер (все это дилетантство по сравнению с практикой НКВД). Сталин спрашивает:

«Можно ли режим, практикующий такие безобразия и такое бесчеловечное отношение с людьми, называть народно-демократическим? Не вернее ли будет сказать, что режим, допускающий такие издевательства, является фашистско-гестаповским режимом?»

Сталин кончает явной угрозой интервенции:

«Советское правительство считает нужным заявить, что оно не будет мириться с таким положением и будет вынуждено прибегнуть к другим, более действенным средствам... чтобы защищать права и интересы советских граждан в Югославии и призвать к порядку зарвавшихся фашистских насильников» («Правда», 21.8.49).

Сталин так и не успел оккупировать Югославию и «призвать к порядку» Тито. Однако следует ему верить: он собирался это сделать. Его более «либеральные» наследники дважды доказали, оккупировав Венгрию (1956) и Чехословакию (1968), что суверенитет восточноевропейских стран — чистейшая фикция, если в какой-либо мере задеты интересы великодержавного империализма Советского правительства.

После смерти — или убийства — Димитрова Сталин занялся чисткой стран-сателлитов от сторонников федерации. Состоявшийся в конце 1949 года процесс единомышленников Димитрова — Трайчо Костова и других членов ЦК и правительства Болгарии — не оставляет никакого сомнения, что план Димитрова о Балканской федерации и явился главным обвинением как против них, так и против всех восточноевропейских титоистов. Только удивляет, почему обычно ультраосторожный Сталин открыто обвинил на этом процессе болгарских коммунистов в «преступной идее» Балканской федерации, которую он ранее критиковал в «Правде» как идею Димитрова. Сталин должен был предвидеть, что именно в этой связи внезапная смерть Димитрова под Москвой вызовет вполне резонные подозрения, что Сталин, опасаясь открыто судить такого человека, как «тигр Лейпцига», решил убить его

тайно. Кроме того, Сталин проявил смелость, граничащую с не свойственным ему легкомыслием, заставив Костова «признаться», что план федерации придумал вовсе не Димитров, а Тито еще к концу войны, чтобы оторвать Балканы от СССР. Вот это «признание»:

«Кардель подчеркнул, что сейчас налицо наиболее благоприятный момент для осуществления идеи федерации, так как мир еще занят войной и присоединение Болгарии к Югославии под видом федерации пройдет сравнительно безболезненно. Только надо действовать быстро и решительно, чтобы поставить мир перед совершившимся фактом... Югославы, затевая дело создания федерации, имеют в виду попросту поглотить Болгарию, поставить ее в полную зависимость от Югославии, чтобы таким образом легче оторвать ее вместе с Югославией от СССР» («Правда», 1.12.49, «Обвинительный акт Главной Прокуратуры Народной Республики Болгарии по делу Трайчо Костова и его сообщников»).

«Оторвать Балканы от СССР» — вот тут-то и была зарыта сталинская собака! Поэтому-то и должны были умереть сначала Жданов и Димитров, а теперь Костов.

Фарисейство Сталина было беспрецедентным. Согласно заведенному в Кремле порядку венки у гроба партийных лидеров ставились только от учреждений и организаций, но никогда от лиц, даже от Сталина. Впервые Сталин нарушил этот порядок, поставив венок с трогательной надписью: «Дорогому другу и товарищу Георгию Михайловичу Димитрову. И.Сталин». Тут невольно вспоминается другая надпись Сталина на авторском экземпляре «Вопросов ленинизма»: «Другу моему и брату — Сергею Мироновичу Кирову. И.Сталин». Нигде так опасно не жили «друзья» и «братья» Сталина, как в его собственной империи.

Глава шестая

ПОДГОТОВКА НОВОЙ «ВЕЛИКОЙ ЧИСТКИ»

После смерти Жданова ждановщина получила другой псевдоним: сусловщина. Маленков и Берия, раньше исподтишка поддерживавшие Суслова против Жданова, теперь легализовали связь с ним и убедили Сталина, что Суслов куда больше «теоретик» марксизма, чем Жданов. Поэтому к нему перешли и юридически все прерогативы Жданова по линии идеологии.

Перед Сусловым Сталин поставил задачу поднять ждановщину на следующую ступень. Это означало переход от разоблачений «космополитов» и «низкопоклонников» к разоблачению новых «врагов народа»: ученых-«вредителей» во всех науках, «правых оппортунистов», «сионистов» и «буржуазных националистов» по всей стране. Под какую-нибудь из этих категорий мог быть подведен любой гражданин СССР — от члена Политбюро до рядового колхозника. Это означало переход от устрашения к устранению «врагов народа». Это означало далее, что

устраняемые, как и в 30-е годы, должны каяться публично в несодеянных преступлениях. Это означало, наконец, стремление втянуть все взрослое население СССР в коллаборацию с тайной полицией согласно лозунгу партии 1937 года: «Каждый гражданин СССР — сотрудник НКВД» (см.«Правду» от 21.12.37, доклад Микояна к двадцатилетию НКВД — ЧК).

В чем смысл такой коллаборации? Русский философ и публицист Г.Федотов сделал глубокое замечание: «Нужно славить власть даже тогда, когда ее ненавидишь. Но Сталин пошел дальше. Он изобрел систему, которой не знало человечество. Он поставил своей целью заставить каждого гражданина совершить какую-нибудь подлость, чтобы раздавить его чувство достоинства, чтобы сделать его способным на все... Сломить раз и навсегда волю человека, осквернить его совесть, сделать его предателем, клеветником — вот цель. Такой уж никогда не сможет смотреть людям в глаза. Он сделает все, что мы от него потребуем... От оклеветанных и смертельно замученных людей требуется акт самобичевания и отречения от своих идей. И здесь та же цель: раздавить морально писателя и ученого. Он слишком гордо носит голову. Он воображает, что служит науке и искусству. Он служит нам; он оплачиваемая государством проститутка, и пусть не забывает этого» («Новый журнал» (Нью-Йорк), 1949, № XXI, с.249-250).

Да, именно такова была цель Сталина в запланированной новой чистке. Увертюрой к ней и явилось «ленинградское дело». Официально о нем ничего не было сообщено. Даже постановление ЦК от 13 июля 1949 года о разгроме редакции журнала «Большевик» (теперь «Коммунист») и выговоре заведующему Агитпропом ЦК Д.Шепилову за восхваление книги Вознесенского «Военная экономика СССР в период Отечественной войны» (в свое время одобренной Сталиным и удостоенной Сталинской премии) оставалось в тайне. Главный редактор «Большевика» ждановец Федосеев был снят со своего поста; были выведены из редакции и несомненные маленковцы Г.Ф.Александров и Иовчук, не проявившие достаточной бдительности. Новую редакцию составили из личных ставленников Маленкова — Абалина (главный редактор), Л.Ильичева, Кружкова, Григоряна, Буркова и Мясникова. Только в конце декабря 1952 года, в разгар новой борьбы в ЦК, постановление это было пересказано Сусловым в его погромной статье против «мягкотелых» ждановцев.

Догадываться, что на верхах идет разгром и пока что летят головы одних ленинградцев, учеников Жданова, партия начала после мартовской сессии Верховного Совета СССР в 1949 году. Надо было соблюсти внешнюю легальность, и поэтому на сессии как бы в рабочем порядке сообщили, что 5 марта 1949 года Вознесенский освобожден от должности. Заодно освобождены и его соратники.

Поскольку бывший ждановец Косыгин, предавший своего долголетнего покровителя и перешедший теперь к Маленкову, не только продолжал оставаться заместителем Председателя Совета Министров СССР, но на той же сессии был еще назначен министром легкой промышленности СССР, а о Кузнецове ничего не сообщалось, то никто не думал, что Кузнецов (после кратковременного пребывания во главе

Ленинградского исполкома), Попков, Родионов уже проходят «конвейер» пыток в подвалах Берия и Абакумова, а Вознесенский сидит под домашним арестом и пишет «Политэкономию коммунизма», еще больше раздражая этим Сталина. К тому же, чтобы дезориентировать партию и общественность, снятые все еще назывались товарищами, значит, ничего, мол, не произошло. Последний раз Вознесенского и Кузнецова видели среди членов Политбюро 22 января 1949 года на вечере памяти Ленина. Только после разоблачения преступлений Сталина стало известно, что Вознесенский был расстрелян 30 сентября, а остальные во главе с Кузнецовым — 1 октября 1950 года.

Берия и Маленков не успокоились на том, что убрали с пути Жданова и ждановцев. Чтобы обеспечить свое монопольное положение при Сталине, надо было нанести удар и бывшим союзникам Жданова, то есть оторвать Сталина от всей его «старой гвардии» (Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян, Андреев). Именно людям «старой гвардии», бывшим непосредственным ученикам Ленина и долголетним соратникам Сталина в борьбе за власть, Сталин был обязан своим успешным восхождением к единоличной диктатуре. Их верность ему была абсолютна, а вера Сталина в них — ничем никогда не поколеблена.

Вот почему могло казаться на первый взгляд, что Берия и Маленков берутся за безнадежное дело, — но они за него взялись столь основательно, а их мастерство в применении «сталинской диалектики» оказалось столь высокого класса, что Сталин скоро начал допускать недопустимое: Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович, Андреев могут быть орудием сионистского заговора против него, даже больше — они могут быть англо-американскими шпионами.

Однако Сталин мыслил по-своему весьма логично: если он сам прибегал к поддержке царской полиции в борьбе с соперниками (например, с Шаумяном), если Ленин получал деньги от немецкой разведки для развала России, то почему ученики Ленина и Сталина не могут сейчас делать то же самое?

Прямым результатом начавшихся подозрений Сталина было искусственно созданное «сионистское дело» Лозовского, Михоэлса и других. Как еврейки, замешанные в это дело, были арестованы жены Молотова, Андреева, вдова Калинина. Жен других членов Политбюро тоже начали таскать на допросы МГБ как подруг Молотовой (Полины Жемчужиной). Вне подозрения оставались только жены «двух цезарей» — Маленкова и Берия, — хотя до тех пор они тоже считались задушевными подругами Молотовой.

У арестованных «сионистов» начали брать под пытками «чистосердечные признания» в том, как созданный во время войны Антифашистский еврейский комитет СССР вошел по поручению американской разведки в связь с Молотовым и Микояном, чтобы подготовить в СССР антисталинский переворот. Вымучивая эти нелепые «признания», Берия и Маленков учитывали одну основательно ими изученную слабость всесильного диктатора: хорошо сплетенная интрига о заговорах всегда находила дорогу в мнительный мозг Сталина. Сталин дошел до того, что даже по-собачьи преданного ему Ворошилова объявил английским шпионом и поставил на его квартире тайный микрофон.

В то же время пропагандная лаборатория Суслова начинает создавать легенду, что Берия и Маленков — «ученики Ленина» не только политически, но и физически, что они якобы работали под его непосредственным руководством (хотя Ленин и представления не имел об их существовании) наряду со старыми членами Политбюро.

Тут удивляет не столько бесцеремонность исторической фальсификации, сколько «веротерпимость» Сталина, допустившего, чтобы его ученики, дискриминируя его самого, так вызывающе апеллировали к Ленину.

Тем не менее новая легенда была официально возведена в партийную догму в одинаково сформулированных приветствиях ЦК в связи с пятидесятилетием Берия в 1949 году и Маленкова в 1952 году: «Товарищу Берия Лаврентию Павловичу. ЦК и Совет Министров СССР горячо приветствуют Вас, верного ученика Ленина, соратника товарища Сталина, выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства...» («Правда», 29.3.49), «Товарищу Маленкову Георгию Максимилиановичу. ЦК и Совет Министров СССР горячо приветствуют Вас, верного ученика Ленина и соратника товарища Сталина...» и т.д. («Правда», 8.1.52).

Под большевистским небом хотя и нет ничего постоянного, зато нет и ничего случайного. Так и здесь была обдуманная концепция партийно-полицейского аппарата: если будущие преемники Сталина, минуя Молотова и «старую гвардию», займут трон (что и случилось), то партия и народ должны знать, что тут не лжедимитрии, не «тушинские воры», а законные наследники самого Ленина. При всем том, что Сталина превратили в марксистского бога и в этом он затмил славу самого Ленина, ведь все же правили от имени и во имя Ленина.

Но быть зачисленным в «соратники Сталина» значило гораздо больше, чем то, что входит в прямой смысл этого понятия: у Сталина гораздо больше, чем у Ленина, можно было поучиться искусству властвования.

Интересно, что ликвидация ждановцев не привела к реабилитации военных друзей Маленкова и Берия. Жуков и ведущие военачальники в истекшей войне — адмирал Юмашев, маршал авиации Вершинин, маршал бронетанковых войск Богданов, маршал артиллерии Воронов, — оставались в провинции или вообще были отставлены от дел. Командующий Военно-Воздушными Силами маршал авиации Новиков даже был осужден якобы из-за доносов его подчиненного — генерала Василия Сталина, сына Сталина. Но из начальствующих военных никто и не пострадал, кроме ставленника Жданова — Шикина (его сняли с поста начальника Главного политического управления Министерства обороны, заменив Желтовым). До смерти Сталина сами «ссыльные» военные тоже никаких признаков жизни не подавали. Вероятнее всего предположить, что Сталин усилил полицейский надзор даже и за теми, кто был в центре*.

---

* Все военные знали об этом надзоре (даже в войну) и вовсе им не возмущались. Вот характерное свидетельство генерала армии Штеменко о его разговоре с маршалом Тимошенко, в штаб которого он был назначен: «*Тимошенко*: Теперь понял, что ты не тот, кем я тебя считал. *Штеменко*: А кем же вы меня считали? *Тимошенко*: Думал, что ты специально приставлен ко мне Сталиным» (Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., Воениздат, 1968, с.277).

Расчеты Сталина тут ясны и разумны. Он может и хочет противопоставить Маленкова и Берия «старой гвардии» и для этого предоставляет в их распоряжение партаппарат и его пропагандную лабораторию, но он также предусмотрительно не уступает им монопольный контроль над армией и полицией. В партаппарате сидят болтуны, а в армии и полиции — носители власти. Болтунами могут управлять Берия и Маленков, а носителями реальной власти, как и всегда, будет управлять он сам.

Только потом выяснилось, что у Сталина была и другая причина. Он собирался повторить свою общеизвестную игру — убрать врагов первой очереди руками врагов второй очереди, а потом врагов второй очереди убрать руками «выдвиженцев». «Чтобы не ошибиться в политике, надо смотреть вперед, а не назад», — говорил Сталин.

Но пока что Сталин был занят оглядыванием назад, копанием в биографиях «старой гвардии», которую он прямо связал (из-за еврейских жен) с фиктивным «делом сионистов», ведшимся в величайшем секрете и необычно долго — с 1948 года по август 1952 года.

По словам Хрущева, само дело возникло из-за простого предложения Советскому правительству со стороны Антифашистского еврейского комитета (при Совинформбюро) во главе с Михоэлсом (народный артист СССР) о создании в Крыму Еврейской автономной советской республики. Сталин решил, что это попытка оторвать Крым от СССР и поставить его под контроль Америки («Khrushchev Remembers», pp.275-276).

Чтобы не вызвать шум на Западе, особенно в Америке, Сталин предпочел самого Михоэлса не арестовывать, а имитировать автомобильную катастрофу (метод уже испытанный: в Тифлисе в 1922 году так был ликвидирован Камо, а в Ленинграде в 1934 году — охранники Кирова). Михоэлс был убит на дороге под Минском. По рассказу Хрущева, Сталин готовил ту же участь и бывшему министру иностранных дел Литвинову: это легко было сделать во время его обычных поездок на подмосковную дачу (см.там же, с.278).

«Сионистское дело» кончилось тем, что 10 августа 1952 года член ЦК, заместитель министра иностранных дел СССР, председатель Совинформбюро Лозовский и еще двадцать видных еврейских деятелей культуры и искусства были расстреляны. Жена Молотова отделалась ссылкой в Казахстан.

Хрущев много рассказывает об антисемитизме Сталина; об этом говорил еще Троцкий; об этом же писала и Светлана Аллилуева. Но сталинский антисемитизм был не зоологическим, как у Гитлера, а прагматическим. Если бы Эйнштейн родился в империи Сталина, то он атомную бомбу изобрел бы не в Америке, куда его выпустил Гитлер, а у Сталина (и только потом Сталин мог бы его ликвидировать).

В непосредственной связи с «делом сионистов» находится и снятие в марте 1949 года Молотова с поста министра иностранных дел и Микояна с поста министра внутренней и внешней торговли СССР. Тогда же был снят и ни во что не замешанный член Политбюро Булганин с поста министра Вооруженных Сил СССР (вместо него был назначен бесцветный, но слепо преданный Сталину военный бюрократ маршал

Василевский). Назначенный еще в 1946 году министром госбезопасности ученик Берия армавирский армянин Абакумов был сохранен, вероятно, чтобы использовать его против самого Берия; к тому же Абакумов блестяще оформил «ленинградское дело». Вместо ждановцев в аппарат ЦК тоже пришли новые люди — Пономаренко, Патоличев, Андрианов, Чесноков.

Факт снятия, по прямому указанию Сталина, не без основания вызвал страх у Булганина не столько за карьеру, сколько за жизнь. В те дни Булганин и произнес свою знаменитую фразу: «Когда едешь к Сталину, не знаешь, куда от него попадешь — в тюрьму или домой». Это пошло, однако, на пользу Берия и Маленкову: вечно «нейтральный» Булганин был завербован впоследствии через своего друга Хрущева в их сеть.

Скоро и Хрущев вызвал вспышку негодования у Сталина. Хрущев считал себя экспертом по сельскому хозяйству и поэтому часто писал и еще больше говорил на эту тему. Его статья в «Правде» 25 апреля 1950 года «О некоторых вопросах дальнейшего организационного укрепления колхозов» содержит много принципиально новых предложений по улучшению дел в колхозах и поднятию жизненного уровня колхозников. Иначе говоря, Хрущев, видимо, при поддержке Берия и Маленкова осмелился полезть в запретную зону личной компетенции Сталина.

Это выступление прошло безнаказанно, но когда Хрущев через год (4 марта 1951 года) повторил сказанное, добавив, что, кроме того, нужно «укрупнить колхозы» и создать на этой базе «агрогорода», да еще подписал статью «секретарь МК и ЦК», то Сталин грубо призвал Хрущева к порядку. 5 марта 1951 года на первой странице «Правды» прямо под передовой о колхозных делах напечатано: *«От редакции. Исправление ошибки.* По недосмотру редакции при печатании во вчерашнем номере газеты «Правда» статьи т.Н.С.Хрущева «О строительстве и благоустройстве в колхозах» выпало примечание от редакции, где говорилось о том, что статья т.Н.С.Хрущева печатается в дискуссионном порядке. Настоящим сообщением эта ошибка исправляется».

Как будто «Правда» имеет право делать примечания к статьям членов Политбюро, да еще объявлять их дискуссионными!

Хрущев хорошо знал (еще по истории с планом создания Балканской федерации), что значит публичное «примечание» Сталина! Это еще больше толкнуло его в объятия Берия и Маленкова.

Если разгром «врагов народа» в партии все еще происходил в глубокой тайне (даже членам Политбюро было запрещено сообщать комулибо об аресте их жен), то разгром «идеологических вредителей» среди ученых и писателей велся открыто. Под непосредственным руководством Суслова не только на всех участках идеологического фронта продолжались «разоблачения», начатые Ждановым (литература и искусство, философия), но «зоны боевых действий» еще и расширялись. Развернулись новые «дискуссии» (на самом деле в них участвовала только одна сторона — партийные ортодоксы, бичующие мнимых вредителей), которые очень скоро превратились в идеологические чистки: в физиологии — против учеников академика Павлова, в языкознании — против учеников академика Марра, в генетике — против врагов шарлатана Лысенко, в политэкономии — против друзей Вознесенского.

В двух из этих «дискуссий» решил участвовать и сам Сталин: по вопросам языкознания и политэкономии. Его научный вклад в эти «дискуссии», объявленный при его жизни вершиной марксизма, был мизерным, зато политический подтекст этого вклада — зловещим.

Оригинальным был прежде всего сам метод организации «дискуссий»: редакция «Правды» поручала какому-нибудь идеологическому функционеру выступить с погромной статьей против видных, партаппаратом до сих пор признанных научных авторитетов, а потом этим последним предоставлялось право защиты своих позиций. Те это делали с большим усердием, не подозревая о ловушке. После этого на их головы сыпались со всех сторон обвинения, больше походившие на прокурорские речи, чем на научные диспуты. Каждая «дискуссия» кончалась подачей обвиняемыми в редакцию «Правды» заявлений с признанием и покаянием, что они до сих пор занимались преступной «фальсификацией» марксизма.

Политический подтекст участия Сталина в «дискуссиях» тогда еще не был ясен и поэтому прошел незамеченным и нерасшифрованным. Только в свете последующих событий становится возможным понять истинный смысл, например, его работы «Экономические проблемы социализма в СССР».

Несколько замечаний о его участии в «дискуссии» по языкознанию. Здесь Сталин явно полез не в свою область. Кроме русского языка, он знал только грузинский. Ни преподававшегося ему в школе греческого, ни самостоятельно изучаемого им немецкого языка он так и не освоил. Пользоваться аргументацией из сравнительного языкознания (индоевропеистики) против яфетической теории академика Марра Сталин никак не мог (однако язык русской партийной публицистики Сталин знал хорошо, поэтому трактовать его грузинский акцент как его литературную неграмотность — наивно, а приписывать его «Основы ленинизма» другому лицу — примитивнейшая отсебятина). Поэтому Сталин сосредоточил свое внимание на «марксистской» методологии в языкознании, но этим не поднял марксизм в языкознании «на новую ступень», как тогда писали. Стиль его речей и писаний тоже изобилует тавтологией прописных истин, изобличающих в нем былого семинариста, толкующего тексты Священного писания по катехизису — в форме вопросов и ответов. Такими трюизмами полна и статья Сталина «Относительно марксизма в языкознании» («Правда», 20.6.50). Статья эта направлена против академика Н.Я.Марра и его школы в лингвистике.

«Лингвистический вклад» самого Сталина свелся к упомянутым трюизмам: «язык всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком», «язык есть средство, при помощи которого люди общаются друг с другом», «вне общества нет языка», «чем богаче и разностороннее словарный состав языка, тем богаче и развитее язык», «грамматика является собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении» (там же). Но дальше происходит нечто странное и неслыханное в марксизме.

Ведь Маркс, Энгельс, Ленин недвусмысленно утверждали, что язык относится к надстройке. Во всех учебниках и справочниках так и значится. Марр утверждал то же самое. Теперь Сталин заявляет, что язык

не относится ни к надстройке, ни к базису: «Язык нельзя причислять ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек. Его нельзя также причислять к разряду промежуточных явлений между базисом и надстройкой, так как таких промежуточных явлений не существует», — писал Сталин («Правда», 4.7.50).

Что же тогда язык — орудие? Нет, и не орудие, ибо, говорит Сталин, «орудия производства производят материальные блага, а язык ничего не производит или «производит» всего лишь слова... Если бы язык мог производить материальные блага, болтуны были бы самыми богатыми людьми в мире» (там же).

Зачем же Сталин затеял этот «ученый» диспут? В стратегии Сталина никогда ничего не бывало случайного: он дал сигнал к новой волне чистки среди интеллигенции и первым ее опытным участком назначил лингвистический фронт.

Подводя итоги «дискуссии», Сталин делает такое заявление, за которое любого другого он велел бы объявить врагом «ленинской партийности в науке»: «Общепризнано, что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики».

После этого органический порок собственной системы он приписывает своим подневольным подданным.

Сталин пишет: «...дискуссия выяснила, что в органах языкознания как в центре, так и в республиках господствовал режим, несвойственный науке... Дискуссия оказалась весьма полезной прежде всего потому, что она выставила на свет божий этот аракчеевский режим и разбила его вдребезги» (там же).

Сталин, критикующий «аракчеевский режим», — это уж воистину зрелище для богов!

Сейчас же закрыли Институт языка и мышления имени академика Марра при Академии наук СССР, почти весь его состав (как и его филиалов в республиках) был сослан в Сибирь.

Поскольку «вклад» Сталина был объявлен универсальной программой для всех наук, чистка развернулась и во всех других институтах Академии наук по тому же методу, что и в Институте языкознания: в Институте физиологии имени Павлова, в Институте эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности, — их руководители во главе с академиками Орбели и Сперанским были изгнаны и высланы. Начатая еще в 1948 году чистка в институтах истории, Институте права, Институте философии Академии наук СССР продолжалась с новым ожесточением. Даже трижды вычищенная Академия сельскохозяйственных наук СССР находила все новые и новые жертвы*.

Однако самой интересной и в конечном счете самой роковой для Сталина оказалась экономическая дискуссия.

---

* Когда вконец распоясавшегося главу этой академии академика Лысенко спросили, почему вся западная генетика — ложь, а каждое его дилетантское слово — истина, кто же ему дал патент на безгрешность, Лысенко невозмутимо заявил: «Я отвечаю. ЦК партии рассмотрел мой доклад и одобрил» (Лысенко Т.Д. Агробиология. 1949, с.645).

Глава седьмая

УДАР ПО ВОТЧИНЕ БЕРИЯ

По крови и языку Сталин был грузином, но о грузинском менталитете Сталина говорить не приходится. Великолепное определение национальности Сталина дал его сын, мальчик Вася, когда он сообщил своей сестре Светлане необычную новость: «А знаешь, наш отец *раньше* был грузином!» Перестав быть грузином, Сталин все-таки не мог избавиться от комплекса нерусскости, стараясь преодолеть его показной проповедью сверхрусскости в национальном вопросе. На этой почве и возникло уже упоминавшееся первое «грузинское дело» Сталина в 1922 году, когда Сталин был только что назначен Генеральным секретарем ЦК.

Именно в Грузии он вечно искал остатки недобитого национализма. Поскольку все эти грузинские дворяне, меньшевики и «национал-уклонисты» давным-давно были физически уничтожены (кроме успевших эмигрировать), Сталин теперь выискивал «националистов» среди руководящих молодых коммунистов. Так как они были прямыми учениками и личными ставленниками другого грузина — Берия, то накапливалось много материала для будущего столкновения и с самим Берия.

До сих пор этого не происходило из-за исключительной изворотливости Берия. Как только Сталин начинал подготавливать новую чистку Грузии, Берия сам превентивно проводил ее, не задевая лишь первого секретаря ЦК, неизменного К.Чарквиани. Таким образом, Берия снимал одних своих учеников, ставил на их место других, не менее ему преданных, и спасал своего верного ставленника Чарквиани. Пока Сталин узнавал, какие люди теперь в Грузии пришли к власти, проходило немалое время.

Так было создано и руководство 1949 года — из людей, выдержавших все предыдущие чистки. Правда, большинство руководителей республики и областей Берия подобрал из своих сородичей — мингрельцев, но это и считалось гарантией стабильности руководящих кадров, а заодно и концом периодических чисток, от которых страдала главным образом грузинская интеллигенция. На все ответственные посты Берия поставил людей, которым абсолютно доверял: либо чекистов из своего окружения, либо своих личных друзей, о которых в Москве знали так же мало, как и в Грузии. Так были назначены не только секретари ЦК, но и все секретари обкомов, горкомов и райкомов Грузии.

Говорят, когда Берия представил очередной список секретарей ЦК (в состав ЦК Грузии на XIV съезде) на утверждение Оргбюро ЦК, Сталин иронически спросил: «Они что, все члены партии?» За иронией скрывался первый выговор Сталина Берия за все время его долголетней преданной службы. Берия хорошо знал Сталина и понял это как зловещий сигнал возможного ухудшения их взаимоотношений.

Дальнейшие события показывают, что Сталин в действиях Берия в Грузии увидел нелояльность к себе. Как всегда в таких случаях, он начал рыться в старых «личных делах» Берия (делая людей своими «соратниками» и «учениками», Сталин никогда не уничтожал дискредитирующие их данные в архивах ЦК). А там лежали не только те весьма интересные документы, о которых мы уже говорили, но и те, о которых рассказала Аллилуева:

«Он (Берия. — *А.А.*) завладел доверием отца и очень скоро пролез с его поддержкой в первые секретари ЦК Грузии. Старая закавказская большевичка О.Г.Шатуновская рассказывала мне, как потрясены были все партийцы Грузии этим назначением, как упорно возражал против этого Орджоникидзе... Шатуновская говорила мне, что роль Берия во время гражданской войны на Кавказе была двусмысленной... Он был прирожденный провокатор и, как разведчик, обслуживал то дашнаков, то красных, по мере того как власть переходила то к одним, то к другим. Шатуновская утверждает, что однажды нашими военными Берия был арестован — он попался на предательстве и сидел, ожидая кары, — и что была телеграмма от С.М.Кирова (командовавшего тогда операциями в Закавказье) с требованием расстрелять предателя. Этого не успели сделать, так как последовали опять военные действия и всем было не до этого маленького человечка. Но об этой телеграмме, о том, что она была, знали все закавказские старые большевики; знал о ней и сам Берия («Двадцать писем к другу», с.130-131).

Однако на заседании ЦК при поддержке Маленкова и Хрущева список новых назначений, представленный Берия, был утвержден. Его же и командировали для оформления этих назначений на пленуме ЦК Грузии. Теперь Берия знает, что за любые казусы в Грузии он будет лично ответствен перед Сталиным, и принимает все меры, чтобы опять сделать Грузию «образцовой республикой» в глазах Сталина. (Это было безнадежно, если уж у Сталина появилось сомнение в «партийности» новых ставленников Берия.)

Берия, знавший все фибры души (или бездушия) Сталина, допустил еще одну непростительную для него психологическую оплошность: новое руководство Грузии начало раздувать культ Берия, тогда как культ для всех должен был быть один — Сталина.

XIV съезд Коммунистической партии Грузии (январь 1949г.) проходит именно под знаком культа Берия. Во время этого съезда орган ЦК Грузии «Заря Востока» в двух номерах (от 27 и 29 января) считает нужным напомнить грузинскому народу, что у него не один, а два «отца»: Берия и Сталин. Но так как до Сталина далеко, а Берия лично или через своих учеников постоянно присутствует в Грузии, да еще «заботится» о процветании Грузинской республики, то подхалимы явно перегибают палку, восхваляя Берия, и этим вредят ему самому.

Особенно это сказалось во время выборов в ЦК. Новое руководство выдвинуло в состав почетных членов ЦК кандидатуры Сталина и Берия, но во время тайных выборов «единогласно» прошел только Берия, а за Сталина многие голосовать воздержались. Получился скандал, и,

чтобы выйти из положения, счетная комиссия съезда опубликовала лишь сообщение об избрании Сталина и Берия в члены ЦК, но без обычного слова «единогласно».

Эта неслыханная дерзость учеников Берия нашла свое демонстративное отражение даже на страницах «Правды» (30.1.49) в сообщениях о съездах партий Азербайджана и Грузии. В сообщении из Баку сказано: «Бурной овацией было встречено сообщение счетной комиссии о том, что членом ЦК КП(б) Азербайджана единогласно избран т.И.В.Сталин». Тут же рядом перепечатано и второе сообщение — из Тбилиси: «Овацию съезда вызвало сообщение комиссии о том, что членом ЦК КП(б) Грузии избран т.И.В.Сталин. Членом ЦК Грузии избран также т.Л.П.Берия». «Единогласно», раз его не было для Сталина, отсутствует и для Берия. Кто знал скрупулезность протоколистов из ЦК и догматиков из «Правды», тот вычитал из этих двух сообщений открытый выговор и Берия и Компартии Грузии.

Сталин, конечно, знал все это, но он был удивительно терпелив, внимательно регистрировал события, давая им идти своим ходом, иногда провоцируя их развитие в выгодном для себя и гибельном для потенциального противника направлении. Вопреки сложившемуся о нем суждению, Сталин давал своим сотрудникам возможность опровергнуть свое критическое мнение о них фактами. Заклинаниям он никаким не верил, наоборот, они даже вызывали в нем недоверие. Коэффициент его доверия к людям, даже самым близким, равнялся нулю, если в их действиях он не видел непосредственной выгоды для себя. Этой выгоды Сталин и не видел в действиях Берия в Грузии, а потому решил лично взяться за ее новую чистку. Он ее провел без Берия, ибо она была чисткой против Берия. Так возникло последнее «грузинское дело» Сталина.

Сталин знал, что для этой операции министр госбезопасности Абакумов не подходит. По рассказам Хрущева, Абакумов любой шаг и даже прямое распоряжение Сталина прежде всего согласовывал с Берия. Ясно, он мог бы выдать Берия все сталинские планы. Поэтому Сталин заменил его старым партаппаратчиком С.Д.Игнатьевым, которого и направил в Грузию с чрезвычайными полномочиями и целым эшелоном чекистов, чтобы арестовать всех друзей Берия в руководстве республики, ее областей и даже некоторых пограничных с Турцией районов.

По масштабу Грузии эта новая чистка в ноябре 1951 года превзошла даже «великую чистку» 1937-1938 годов. Были сняты и арестованы как «буржуазные националисты» 427 секретарей обкомов, горкомов и райкомов партии (эта цифра была названа в «Правде» от 30.1.53), арестован почти весь руководящий состав ЦК и правительства Грузии: секретари ЦК Барамия, Джибалидзе, Шадурия, Председатель Президиума Верховного Совета Гогуа, главный прокурор республики Жониа, министр юстиции Рапава, первый секретарь ЦК комсомола Зоделава. Из 11 членов бюро ЦК Грузии 7 было арестовано. Сам Чарквиани избег ареста тем, что вовремя изменил Берия и перешел на сторону тех, кому Сталин поручил провести чистку, — заменившего его на посту перво-

го секретаря ЦК А.Мгеладзе и министра госбезопасности Грузии генерала Рухадзе.

По этому «делу» были арестованы не только грузинские личные друзья Берия, но и весь актив партии из Мингрелии, а поэтому и само «дело» называлось в партийных документах «мингрельским».

Массовые аресты были произведены также среди рядовых партийцев и беспартийных, особенно среди интеллигенции. Сколько из них погибло — неизвестно, но Хрущев говорил на XX съезде КПСС: «Тысячи невинных людей пали жертвой самодурства и беззакония».

Созванный почти через год после партийного переворота XV съезд партии (сентябрь 1952г.) одобрил арест своего ЦК, признал работу всех горкомов, Аджарского обкома и Мингрельского райкома «неудовлетворительной». На этом съезде, в отличие от предыдущего, Берия не только не хвалили, но его имя вообще было табу.

В докладе А.Мгеладзе очень глухо говорилось о «серьезных ошибках, допущенных старым руководством», и о «буржуазном национализме» в творчестве грузинских писателей, но ни слова не было сказано, почему же за «ошибки» людей целыми группами арестовывают и без суда расстреливают.

Съезд на этот раз избрал Сталина членом ЦК КП(б) Грузии «единогласно» (но без Берия) и приветствовал его «при долго не смолкающих овациях *всех* делегатов» («Правда», 20.9.52). Первым секретарем ЦК был утвержден А.Мгеладзе (до этого он был секретарем Абхазского обкома), вторым секретарем — В.Цховребашвили, третьим — В.Буджиашвили, Председателем Совета Министров был назначен З.Кецховели, но фактическим хозяином Грузии стал член бюро ЦК, министр госбезопасности Грузии генерал Рухадзе.

По примеру 30-х годов при Министерстве госбезопасности Грузии была создана чрезвычайная тройка (состав: председатель — Рухадзе, члены — первый секретарь ЦК Мгеладзе и главный прокурор республики). Ей были даны права заочно приговаривать людей к расстрелу или к заключению до двадцати лет. Через эту тройку были пропущены тысячи людей. Но чистка на этом не кончилась, она лишь вступила в новую, самую ответственную фазу, призванную решить судьбу самого Берия.

Рухадзе с прикомандированными к нему генералами из личной полиции Сталина должен был организовать над старым ЦК политический процесс, обвинив его в создании «буржуазно-националистического контрреволюционного центра Грузии». По замыслу его режиссеров, «центр» этот связался с мусаватистами и грузинскими националистами в эмиграции с целью отторгнуть Грузию от СССР и присоединить ее к Турции.

Почему же Сталин сочинил столь нелепую легенду о желании грузин войти в состав Турции, с которой они находились в вековой вражде и спасаясь от которой они, собственно, в 1801 году и очутились добровольно в составе Российской империи? Зачем ему понадобился союз между грузинскими националистами и азербайджанскими мусавати-

стами, который сами они никогда не могли заключить — ни на Кавказе во время революции, ни в эмиграции после нее?

Сталин любил повторять: «Дыма без огня не бывает». В данном случае Сталин решил сам напустить отсутствующий «дым», и у него было для этого достаточное основание: ведь шпионское «крещение» Берия произошло в Баку в 1918 году именно в мусаватистской разведке.

Всеведущему Сталину было известно и то, о чем Берия думал, что он не знает: человек, завербовавший Берия в мусаватистскую разведку, жил теперь в Грузии и возглавлял центр мусаватистов.

Сталин знал и то, что Берия считал своим величайшим секретом, а именно — руководитель мусаватистов очутился в Турции потому, что его нелегально отпустил туда через грузино-турецкую границу председатель ГПУ Грузии Берия.

И как бы в довершение «цепи улик» Сталина против Берия произошло и последнее «чудо» — друзья Берия по «Мусавату» действительно заключили союз с грузинскими эмигрантами по созданию Мюнхенского института по изучению СССР (1951), который, по мнению Кремля, был филиалом ЦРУ для политических диверсий против СССР.

Говоря об этом «деле» на XX съезде, Хрущев не хотел да и не мог быть до конца искренним, иначе ему пришлось бы сообщить, что Сталин его создал только для того, чтобы подготовить ликвидацию Берия. Тем не менее этот вывод сам по себе напрашивается из общей характеристики этого «дела» Хрущевым:

«Очень показательно... дело мингрельской националистической организации, якобы существовавшей в Грузии. Как известно, ЦК КПСС вынес резолюции, касающиеся этого дела, в ноябре 1951 года и в марте 1952-го. Эти резолюции были вынесены без предварительных обсуждений в Политбюро. Они были *лично продиктованы Сталиным* и содержали тяжкие обвинения против многих преданных коммунистов. На основе подложных документов было доказано, что в Грузии якобы существовала националистическая организация, целью которой была ликвидация советской власти в республике с помощью империалистических держав. В связи с этим в Грузии был арестован ряд партийных и советских работников. Позднее было доказано, что это было клеветой... Как выяснилось, никаких националистических организаций в Грузии не было. Тысячи невиновных людей пали жертвой самодурства и беззакония. Все это случилось под «гениальным» руководством Сталина, «великого отца грузинского народа», как грузины любили говорить о Сталине» (Доклад на закрытом заседании XX съезде КПСС, с.42-43).

Позже Хрущев все-таки признался: «Мое чувство, что Сталин боялся Берия, подтвердилось, когда Сталин создал «мингрельское дело». Я абсолютно уверен, что это дело было сфабриковано, чтобы убрать Берия, который сам был мингрельцем» («Khrushchev Remembers», p.336).

Вот и еще доказательство, что «дело» это было направлено против Берия: 5 марта 1953 года умер Сталин, но даже еще до его похорон в

Тбилиси прибыл новый эшелон чекистов во главе со старым ставленником Берия В.Г.Деканозовым (он был раньше заместителем министра иностранных дел). Деканозов и его помощники произвели новые аресты.

На этот раз были арестованы из 11 членов бюро ЦК 8 человек: первый секретарь ЦК Грузии Мгеладзе (назначен Мерцхулава), Председатель Совета Министров Кецховели, министр госбезопасности генерал Рухадзе, даже бывший первый секретарь ЦК Чарквиани (вероятно, за измену Берия)... — и десятки других ответственных лиц, помогавших создать дело против Берия. Одновременно были освобождены из тюрьмы все уцелевшие руководители старого ЦК и старого правительства.

В апреле была созвана сессия Верховного Совета Грузии для утверждения состава нового правительства. Выступая на этой сессии, новый Председатель Совета Министров Б.М.Бахрадзе сказал:

«Я хочу заверить, что все кандидаты, представленные здесь для руководства министерствами, являются членами нашей могучей Коммунистической партии (запоздалый ответ на вопрос Сталина? — *А.А.*). Они воспитаны грузинской парторганизацией, которую в течение долгих лет вел лучший сын Грузии, выдающийся руководитель великого Советского государства товарищ Лаврентий Павлович Берия. (Продолжительные аплодисменты.)» («Заря Востока», 15.4.53).

Создавая свое последнее «грузинское дело», Сталин явно недооценил выдающихся качеств Берия: его бездонное властолюбие, неповторимое ханжество и Каиново бездушие были вполне на уровне сталинских. Об этих качествах писала Светлана Аллилуева:

«Я считаю, что Берия был хитрее, вероломнее, коварнее, наглее, целеустремленнее, тверже — следовательно, сильнее, чем отец...» («Двадцать писем к другу», с.130).

Такое утверждение, конечно, может вызвать серьезные возражения, но в нем есть и большая доля правды. Сталин перехитрил всех своих предшественников и соратников, но вот Сталина перехитрил только Берия. Это мы еще увидим из дальнейшего.

После «грузинского дела» Берия знал, что Сталин готовит ему судьбу Менжинского, Ягоды и Ежова. Когда-то гениальный, но к концу жизни притупившийся криминальный ум Сталина начал давать осечки: он повторяет старые уголовные трюки 30-х годов, так досконально изученные, а иногда и подсказанные тем же Берия. Еще Гераклит знал, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Сталин хотел доказать, что это возможно.

Глава восьмая

РАЗНОГЛАСИЯ МЕЖДУ ПОЛИТБЮРО И СТАЛИНЫМ

Если выразиться образно, то в послевоенные годы Сталин правил страной, как рулевой в бурную погоду на океане, бездумно бросающий дырявую лодку навстречу грозным волнам. Пассажиры же ее — члены

ЦК — то беспрерывно выкачивали воду со дна лодки, то отчаянно метались с одного борта на другой, чтобы сбалансировать ее движение, но неумолимый рулевой балансировал ее тем, что бросал их за борт одного за другим.

Сколько их было выброшено за последние три года по «ленинградскому делу», по «сионистскому делу», по «грузинскому делу», по начавшемуся «московскому делу», в которое, по замыслу Сталина, могли бы быть включены остальные уцелевшие пассажиры сталинской лодки?!

Не важно, что сами пассажиры подсказывали рулевому, кого первым вышвырнуть, важно другое: все они знали, что при этом рулевом та же участь рано или поздно постигнет каждого из них. Самое главное — это почувствовали теперь и Берия, и Маленков.

Их последняя акция против «старой гвардии» Сталина, их ядовитые стрелы наносили, правда, тяжкие раны «старогвардейцам», но, увы, бумерангом разили и самих метателей. Во-первых, «старогвардейцы» не оставались в долгу, в свою очередь, донося на доносчиков. Во-вторых, Сталин пришел к выводу, что в сложившихся условиях лучше всего — уничтожить всех: и «старогвардейцев» и «младогвардейцев», по рецептам 20-х годов.

Берия и Маленков великолепно научились читать затаенные мысли Сталина и разгадали весь его стратегический план. А тогда произошло то, что Сталин считал абсолютно исключенным: по инициативе Берия и Маленкова члены Политбюро пришли к спасительному для них компромиссу и заключили оборонительный союз против замыслов Сталина. Результатом этого союза и было решение Политбюро созвать августовский пленум ЦК (1952) и назначить на нем созыв съезда партии.

По формально действующему уставу партии съезды ее должны были созываться не реже одного раза в три года. Последний съезд был до войны — в марте 1939 года. Сталин, охотно соглашаясь на аккуратное проведение выборов в советский лжепарламент, никак не соглашался на выборы нового ЦК на очередном съезде партии. Так было пропущено более четырех сроков созыва съезда. За это время началась и окончилась Великая Отечественная война, были приняты важнейшие международные и внутренние решения, находящиеся в компетенции только съезда партии, а Сталин и не думал его созывать. Более того, даже пленум того довоенного ЦК, члены которого в войну сыграли столь решающую роль в политической организации фронта и тыла страны, не созывался уже более пяти лет (по уставу его надо созывать раз в три месяца).

Трудно найти другую причину несозыва съезда, кроме боязни Сталина, что «ученики» в рамках устава легально лишат его единоличной власти. Опасения его не были беспочвенными.

После «ленинградского дела» Сталин начинает терять контроль над аппаратом партии и полиции в той же мере, в какой растет там влияние Маленкова и Берия. То, что Хрущев рассказывает в своих воспоминаниях (т.1) об истории созыва XIX съезда (если этот рассказ правильно

изложен), — карикатура на правду, к тому же безграмотная с точки зрения функционирования партийно-полицейской машины.

Хрущев, жаловавшийся на XX съезде, что Сталин не хотел созвать съезд партии, теперь говорит, что Сталин вызвал к себе членов Политбюро и предложил созвать съезд, но не сообщил повестки дня. Через некоторое время Сталин сказал, что будут доклады Маленкова, Хрущева и Сабурова, члены Политбюро это приняли к сведению, и повестка дня не обсуждалась.

Однако так не было.

Сталин не хотел никакого съезда партии, пока не проведена намеченная вторая «великая чистка», — в этом сомневаться не приходится (XVIII съезд тоже был созван только после первой «великой чистки» в 1939 году). Поэтому инициатором созыва съезда он быть не мог. Далее, совсем нелепо заявление, что Политбюро не обсудило и не утвердило в деталях, текстуально все проекты докладов на предстоящем съезде (лживость этого доказывается уже тем, что проекты докладов Хрущева об уставе и Сабурова о пятилетке были за несколько недель до съезда опубликованы в «Правде» для обсуждения в печати и на партийных конференциях).

Да, конечно, объявление о созыве съезда и его повестке дня было опубликовано за подписью одного генерального секретаря ЦК — Сталина. Но так делалось всегда. Самым поразительным был беспрецедентный факт: впервые за время сталинского правления политический отчет ЦК делал не Сталин, а Маленков.

Это сразу вызвало недоумение: что произошло? Либо Сталин нездоров, либо он намеренно выдвинул главным политическим докладчиком ЦК избранного им кронпринца. Только потом мы узнали, что оба предположения были ложными. Сталин был здоров, писал большие «дискуссионные» статьи, присутствовал на съезде и даже выступил в конце съезда с краткой речью (не по существу работы съезда, а с обращением к иностранным компартиям, что, как мы дальше увидим, тоже имело свое значение). И в кронпринцы Сталин никого не намечал, хорошо зная всю опасность такого предприятия.

Остаются два других предположения: либо Сталин отказался делать доклад на съезде, организованном и созванном вопреки его воле, либо Политбюро, не разделявшее теперь многие из практических предложений и мероприятий Сталина, решило поручить доклад Маленкову, открытие съезда — Молотову, закрытие — Ворошилову.

Опальный Хрущев, которого партийные интересы заставляют придерживаться определенной схемы, какую-то часть правды всегда обволакивает туманом лжи. Он хочет нас уверить, что и поручения Молотову и Ворошилову тоже исходили от Сталина. Но этим он опровергает самого себя.

В самом деле, по официальным выступлениям того же Хрущева на XX съезде мы знаем, что после XIX съезда, во время первого организационного пленума нового ЦК, Сталин обвинил Молотова в шпионаже

в пользу Америки и Ворошилова в шпионаже в пользу Англии, а их жены-еврейки по тем же обвинениям уже сидели в подвалах Лубянки.

Но из отчетов о XIX съезде мы знаем, что его торжественно открыл Молотов и торжественно закрыл Ворошилов. По партийной традиции, эти почетные обязанности раньше исполнял Ленин, а так как Сталин отказался их перенять, то был заведен новый порядок: открывали и закрывали съезды два разных лица из наиболее популярных старых членов Политбюро.

Спрашивается, как мог Сталин оказать такой почет тем, кого он в конце того же съезда собирался разоблачить как шпионов? Таких чудес не бывало даже в империи Сталина. Ясно, что они были выдвинуты не Сталиным, а Политбюро в результате вышеупомянутого «исторического компромисса», как ясно и то, что от расправы Сталина их спас партийно-полицейский аппарат во главе с Маленковым — Берия.

Тот, кто думает, что Сталину было все подвластно, что стоило ему только «пошевелить мизинцем» — и все его враги взлетят на воздух, забывает, что власть Сталина основывалась на абсолютном повиновении непосредственных возглавителей машины властвования. Они теперь вышли из повиновения. Что же мог делать Сталин один, без них? Выйти на Красную площадь и призвать народ к бунту?

До разбора работы XIX съезда и анализа итогов пленума ЦК надо бросить еще раз беглый взгляд на недавнее прошлое.

Наивно думать, что политическое развитие в руководстве партии и государства определялось лишь взаимными интригами сталинцев, или объявлять кажущийся бессмысленным жестокий террор Сталина результатом паранойи. И интриганы, и Сталин боролись не только за власть, но и за определенный курс внутренней и внешней политики Кремля. Сталин никого не убивал из любви к убийству. Не был он и садистом, и еще меньше — параноиком.

Такие оценки его действий вытекают из неправильной «антропологической» предпосылки: Сталина рассматривают как человека со всеми человеческими атрибутами, а поэтому все его нечеловеческие поступки сводят к душевной болезни. Между тем все поступки, действия, преступления Сталина целеустремленны, логичны и строго принципиальны. У него нет зигзагов душевнобольного человека: помрачение ума, а потом просветление, восторг сейчас, меланхолия через час, злодеяние сегодня и раскаяние завтра, как бывало с действительно больным Иваном Грозным. Сталин был политик, действующий уголовными методами для достижения цели. Более того. Он представлял собою уникальный гибрид политической науки и уголовного искусства, превосходя этим всех других политиков. Сталин был принципиально постоянным в своих злодеяниях: в восемнадцать лет он выдал свой марксистский кружок в Тифлисской духовной семинарии жандармам (оправдывая себя тем, что так он сделал кружковцев революционерами); в двадцать восемь лет он руководил убийством людей на Эриванской площади в Тифлисе во время вооруженного ограбления казначейства; в тридцать восемь лет он лично командовал в Царицыне

массовыми расстрелами пленных «белогвардейцев»; в сорок восемь лет начал подготовку к истреблению крестьянства; ему было пятьдесят восемь лет, когда по его приказу в 1937-1938 годах чекисты умертвили миллионы невинных людей; ему было уже семьдесят лет, когда он без суда расстрелял дюжину членов ЦК, своих ближайших помощников. Теперь он решил взяться за остальных.

Сумасбродные действия, как говорит Хрущев?

Ничуть не бывало.

Целеустремленные и целеоправданные действия с гениальным чутьем предвидения. Если бы Сталину удалось уничтожить Политбюро 1952 года, он, вероятно, жил бы подольше, а антисталинского XX съезда партии в истории вовсе не было бы.

К XIX съезду партии Сталин оказался в полной изоляции от остальных членов Политбюро по важнейшим вопросам международной и внутренней политики. Достаточно беглого анализа спорных вопросов, чтобы видеть глубину разногласий.

Так, Сталин просто проспал радикальную революцию в мировой политике и дипломатии в результате появления термоядерного оружия. Советские трубадуры Сталина как-то писали, что когда президент Трумэн на Потсдамской конференции сообщил Сталину эпохальную новость о том, что американцы изобрели беспримерное оружие — атомную бомбу, то Сталин перевел разговор на тему о погоде. Но трагизм положения в том и заключался, что на Сталина эта бомба действительно не произвела должного впечатления.

Назначив Берия председателем советской атомной комиссии с заданием либо изобрести атомную бомбу усилиями советских ученых, либо украсть атомные секреты у Америки и Англии, Сталин, однако, не стал вести миролюбивую политику хотя бы до тех пор, пока будет готова советская бомба. Наоборот, он искусственно, порою вызывающе, провоцировал крупные международные кризисы один за другим: форсированная большевизация восточноевропейских государств в нарушение всех союзнических договоров, попытка аннексии иранского Азербайджана, предъявление к Турции требования о военных базах в районе проливов, организация движения советских армян и грузин за возвращение Турцией армянских и грузинских земель, организация гражданской войны в Греции, требование о передаче Ливии Италией Советскому Союзу, берлинская блокада, корейская война — все это Сталин делал, когда у него еще не было серийного производства атомных бомб.

Можно себе представить, на каком языке Сталин собирался разговаривать после того, как ведомство Берия наладит это производство!

Коренное разногласие между Сталиным и Политбюро возникло именно по вопросу о политике мира. Политбюро стояло на той же точке зрения, что и Запад: в эпоху термоядерного оружия результатом войны будет лишь самоубийство человечества. Поэтому Политбюро пересмотрело основное положение Ленина, гласившее: в эпоху империализма мировые войны абсолютно неизбежны, как неизбежна мировая коммунистическая революция на руинах этих войн. В Политбюро думали, что поскольку в атомную эпоху войны могут быть только атом-

ными, а следовательно, и не приводящими к революции, то от этого учения Ленина и основанной на нем международной политики Кремля надо отказаться.

Политбюро приводило и другие аргументы: образовавшаяся после второй мировой войны мировая социалистическая система и движение широких масс за мир во всем мире способны предупредить новые войны. Это самое важное разногласие между Сталиным и Политбюро доказывается анализом партийных документов. В этой связи придется остановиться на полемической работе, выпущенной Сталиным и приуроченной им к XIX съезду партии: «Экономические проблемы социализма в СССР» (сентябрь 1952г.).

Никакая другая работа Сталина после войны так много не цитировалась советологами, как «Экономические проблемы социализма в СССР», но только одна она так и осталась непонятой на Западе. Это вполне естественно. Западные исследователи читали только текст, но не читали и не поняли подтекста, поскольку не знали причин, вызвавших к жизни «Экономические проблемы...».

Сталин здесь вовсе не занимался теорией, вовсе не был занят открытиями новых абстрактных законов марксизма в политэкономии, он спорил с другими ведущими руководителями ЦК по важнейшим вопросам дальнейшего развития внутренней и внешней политики СССР. Что Сталин спорит с ними, знали только эти руководители ЦК, но ни советский народ, ни партия, ни тем более западные исследователи этого не знали и знать не могли.

Это непонимание усугублялось еще и тем, что как раз те, против кого выступал Сталин, первыми объявили, на словах, «Экономические проблемы...» «гениальным вкладом» Сталина в марксизм, чтобы на деле саботировать вытекающие из них практические выводы.

Обо всем этом мы узнали только после смерти Сталина. Сравнение требований Сталина в «Экономических проблемах...» и практической политики ЦК после его смерти дает нам ключ, которым мы легко открываем все тайники спорных вопросов.

Разберем сначала установки партийных документов. Вот что записало сталинское Политбюро на XX съезде:

«Миллионы людей во всем мире спрашивают: неизбежна ли новая война, неужели человечеству, пережившему две кровопролитные мировые войны, предстоит пережить еще и третью? Имеется марксистско-ленинское положение, что, пока существует империализм, войны неизбежны... Но в настоящее время положение коренным образом изменилось. Фатальной неизбежности войны нет. Теперь имеются мощные общественные и политические силы, которые располагают серьезными средствами, чтобы не допустить развязывания войны империалистами» (XX съезд КПСС. Стенографический отчет, 1956, т.1, с.37-38).

А вот как возражал Сталин:

«Говорят, тезис Ленина о том, что империализм неизбежно порождает войны, нужно считать устаревшим, поскольку выросли в настоящее время мощные народные силы, выступающие в защиту мира, про-

тив новой мировой войны. Это неверно... Чтобы устранить неизбежность войн, нужно уничтожить империализм» (Экономические проблемы социализма в СССР, 1952, с.36). Анонимами, с которыми Сталин спорил на XIX съезде («говорят»), как раз и были члены его Политбюро (это они так единодушно и доказали на следующем, XX съезде партии).

«Мирное сосуществование» — это кодовое определение для ленинской стратегии: разгромить капитализм не военной силой советской России, что вообще невозможно, а взорвать его изнутри инфильтрацией идей, людей и организацией перманентных революционных диверсий. Поэтому-то в «Программе КПСС» (1961) и записано, что мирное сосуществование «является специфической формой классовой борьбы». Надо отдать должное наследникам Сталина, что в этом споре, изменяя букве ленинизма, они остались верными его духу, что нельзя было сказать о самом Сталине.

Хотя Ленин писал о неизбежности войн в эпоху империализма, который представлялся ему последней стадией «загнивающего, умирающего капитализма», в нем все-таки хорошо было развито чувство реальности. Поэтому Ленин делал оговорку, которая сводила на нет только что им выставленный тезис, а именно: капитализм и в эпоху империализма развивается быстрее, чем до нее.

Сталин считает, что после второй мировой войны это утверждение недействительно. Он пишет:

«Можно ли утверждать, что известный тезис Ленина, высказанный им весной 1916 года, о том, что, несмотря на загнивание капитализма, «в целом капитализм растет неизмеримо быстрее, чем прежде», — все еще остается в силе? Я думаю, что нельзя этого утверждать. Ввиду новых условий, возникших в связи со второй мировой войной, (этот) тезис нужно считать утратившим силу» (там же, с.32).

Выходило, что западная экономика и техника неспособны дальше развиваться, капитализм теперь уж окончательно загнил. Отсюда логический вывод: пришло время справлять отходную по мировому капитализму! Разумеется, реалисты из Политбюро считали это опаснейшей иллюзией.

В той же работе Сталин спорил с Политбюро не только по внешнеполитическим, но и по внутриэкономическим вопросам. Он пишет:

«Цель капиталистического производства — извлечение прибылей... Цель социалистического производства не прибыль, а человек с его потребностями» (там же, с.77).

В результате такой «заботы» Сталина о человеке более 50 процентов советских предприятий работало нерентабельно. Хрущев старался выйти из этого положения чистейшим волюнтаризмом и сорвался. Более прагматичные Косыгин и Брежнев прямо записали в решении сентябрьского пленума ЦК (1965):

«Улучшить использование таких важнейших экономических рычагов, как *прибыль*, цена, премия, кредит» (КПСС в резолюциях..., 1972, т.8, с.519).

Большинство в Политбюро полагало, что всю технику машинно-тракторных станций (МТС) надо передать колхозам, а Сталин писал: кто «предлагает продажу МТС в собственность колхозам, пытается повернуть назад колесо истории... (это) привело бы не к приближению к коммунизму, а, наоборот, к удалению от него» (Экономические проблемы..., с.91).

Послесталинское руководство ликвидировало МТС и передало их технику колхозам.

Сталин писал:

«Какие мероприятия необходимы для того, чтобы поднять колхозную собственность, которая является, конечно, не общенародной собственностью, до уровня общенародной собственности? Некоторые товарищи думают, что необходимо просто национализировать колхозную собственность, объявив ее общенародной собственностью... Это предложение совершенно неправильно и безусловно неприемлемо» (там же, с.87).

Ровно через год после того, как Сталин это написал, и через шесть месяцев после его смерти и состоялся сентябрьский пленум ЦК (1953), заложивший основу национализации колхозов, а руководство Брежнева форсировало эту национализацию, превратив значительную часть колхозов в совхозы, которые и считаются «общенародной» собственностью. Да и сохранившиеся колхозы де-факто превращены в государственную собственность решением мартовского пленума ЦК и особенно неопубликованным майским решением ЦК (1965).

Сталин писал:

«Товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму... Излишки колхозного производства поступают на рынок и включаются таким образом в систему товарного обращения... Нужно выключить излишки колхозного производства из системы товарного обращения и включить их в систему продуктообмена между государственной промышленностью и колхозами. В этом суть» (там же, с.92-93).

Хрущевское руководство и — особенно последовательно и поэтому более эффективно — брежневское руководство доказали, что «суть» как раз в совершенно противоположном: в развертывании и использовании товарных отношений и других капиталистических категорий (прибыль, цена, ренты, премии) как в промышленности, так и в сельском хозяйстве.

Более того. Советская социалистическая экономика постепенно начала включаться и в орбиту мирового товарного обращения, в СССР стали приглашать капиталистов, чтобы они своими кредитами, техникой и технологией помогали строить «коммунизм».

Сталин может сколько угодно переворачиваться в гробу, но СССР от новой политики только выигрывает. И в этом отношении ученики Сталина более ленинцы, чем Сталин. Ведь это Ленин утверждал:

«Мало буржуазию побеждать, надо ее заставить на нас работать... Управлять хозяйством мы можем тогда, если коммунисты сумеют построить это хозяйство чужими руками» (Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет, 1961, с.31).

Новые руководители Кремля так и поступают.

Мы остановились лишь на тех спорных вопросах между Сталиным и Политбюро, которые легко прослеживаются по партийным документам. Однако были и разногласия, только глухо выходившие наружу.

Во внутренней политике таким было требование Сталина о новой «великой чистке» в партии, армии и государственном аппарате и продолжение, по примеру Грузии, массовой чистки от «буржуазных националистов» во всех союзных и автономных республиках. После Грузии была очередь Украины. (В начале июня 1952 года на пленуме ЦК Украины главным вопросом обсуждения и был украинский «буржуазный национализм».)

Главные же разногласия между Сталиным и Политбюро в международной политике касались новой доктрины, впервые официально сформулированной на будущем XX съезде — об упомянутом «мирном сосуществовании» в духе Ленина. Ученики и соратники Сталина считали, что «мирное сосуществование» социализма и капитализма есть, по Ленину, «генеральная линия» советской внешней политики. Сталин отвечал, что лозунг «сосуществования», собственно, выдумали идеологи американского империализма для маскировки подготовки третьей мировой войны против социалистического лагеря.

Сталин на самом деле, в полном согласии с Лениным, думал, что «генеральная линия» советской внешней политики — это курс на мировую пролетарскую революцию, а что касается «сосуществования», то Ленин даже не знал этого слова.

Очень отрицательную, даже вредную для СССР роль сыграла и другая установка Сталина: он ошибочно считал, что после второй мировой войны фактически никакого освобождения колониальных народов не произошло, сменилась только форма колониализма, и все эти Неру и Сукарно — наемные сатрапы западных империй.

Соратники и ученики Сталина полагали, что такая установка мешает Советскому Союзу войти в тыл освобождающихся колоний, привлечь их в русло советского влияния и противопоставить их бывшим метрополиям. Ученики Сталина справедливо видели здесь великое будущее советской глобальной политики экспансии, широкий выход СССР на другие континенты, мировые моря и океаны.

Ученики Сталина, действуя в духе Сталина его лучших былых времен, считали нужным и возможным материально участвовать и в создании в бывших колониях особых форм правления и социального общежития нового типа.

Теперь вернемся к XIX съезду и рассмотрим некоторые сухие факты, чаще протокольные, но иногда касающиеся и существа дела.

Один такой важнейший факт мы уже отметили — открытие съезда одним «шпионом» (Молотовым) и закрытие его другим «шпионом» (Ворошиловым).

Второй сюрприз: в нарушение всей сталинской традиции в президиум съезда не избрали трех членов Политбюро: Микояна (два сына,

генералы, сидят в тюрьме), Андреева (жена-еврейка — в тюрьме) и Косыгина (был замешан в дело ждановцев).

И еще один сюрприз: в перечислении рангового места членов Политбюро Берия, который до «мингрельского дела» твердо занимал третье место, после Молотова и Маленкова, очутился теперь на пятом месте (даже после Булганина). Так сообщает протокол утреннего заседания съезда от 6 октября. Чтобы партия не приняла это за недоразумение, протокол вечернего заседания съезда вновь повторяет ту же «иерархию культов».

Но Берия взял реванш. Он выступил на съезде с самой большой речью. И она была не только большая, а острая по стилю, высококвалифицированная политически и убедительная для слуха и ума партийных ортодоксов. Она была и единственной речью, на которой лежал отпечаток личности оратора.

Конечно, речь Берия, как и других ораторов, — это панегирик Сталину. Но его панегирик целевой: апеллируя к величию Сталина, изливаясь в верноподданнических чувствах, Берия тонко протаскивает, по существу, антисталинскую ересь — ставит партию впереди Сталина: «Вдохновителем и организатором великих побед советского народа (в войне. — *А.А.*) *была Коммунистическая партия*, руководимая Сталиным» («Правда», 9.10.52). До сих пор во всех газетах, журналах и книгах можно было прочесть, что «вдохновителем и организатором» был сам Сталин, а потом, где-то на задворках, что-то делала и партия.

Берия дал понять, что не оговорился, он кончил речь опять ссылкой на партию: «Народы нашей страны могут быть уверены в том, что Коммунистическая партия, вооруженная теорией марксизма-ленинизма...» — и в конце фразы: «под руководством т.Сталина».

Другая ересь была вызывающей. Берия не ко времени, а потому и очень смело, напомнил партии приоритеты ее национальной политики: есть разные опасности отклонения от национальной политики партии, и они следуют в таком порядке — на первом месте стоит опасность «великодержавного шовинизма» (значит, русского шовинизма), на втором месте — опасность «буржуазного национализма» (значит, опасность местного национализма) и на третьем месте — опасность «интернационального космополитизма» (значит, «сионизм» и прочие «измы»).

Можно смело предположить, что, кроме Сталина и членов Политбюро, никто на съезде не знал, что здесь Берия прямо спорит со Сталиным, считавшим «буржуазный национализм», «сионизм» и «космополитизм» главной опасностью для СССР, а русского великодержавного шовинизма не признававшим вообще.

Интересна и другая деталь: больше половины речи Берия посвятил национальной политике и национальным республикам СССР, но ни словом не обмолвился о Грузии и грузинских «буржуазных националистах», ведь для его земляков, мингрельцев, не хватило мест в тюрьмах Тбилиси, Сухуми и Батуми... Защищать их Берия не мог, но он не

осудил их, как того требовала нынешняя кампания Сталина против «буржуазного национализма».

Полным невежеством съезда в делах на верхах партии надо объяснить и то, что Берия сошел с трибуны как триумфатор. Протокол последнего заседания съезда («Правда», 15.10.52.) передвинул Берия с пятого места на его прежнее третье место!

Зато Сталин во время выборов в новый ЦК вычеркнул из списка учеников Берия — довоенных членов ЦК Меркулова и Деканозова (оба расстреляны вместе с Берия) и кандидата в члены ЦК М.М.Гвишиани.

Следует отметить еще один сюрприз: новый антибериевский ЦК Компартии Грузии торжественно внес предложение: «Первый параграф устава начать словами: «Созданная вождями пролетарской революции Лениным и Сталиным, Коммунистическая партия Советского Союза...» — и дальше по тексту, как у ЦК (там же, речь секретаря ЦК Грузии Цховребашвили).

Политбюро отвергло это предложение. Допустить, что его отвергли по инициативе Сталина, значит быть очень высокого мнения о скромности Сталина, того Сталина, который сам называл Коммунистическую партию Советского Союза «партией Ленина — Сталина» (см.: «О Великой Отечественной войне...», с.17), а в книжку своей биографии собственноручно вписал, по Хрущеву, слова: «Сталинский гений!» Нет, скромностью Сталин определенно не страдал.

Глава девятая

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОРАЖЕНИЕ СТАЛИНА

Понять Сталина можно, только постаравшись проникнуть в его политико-психологический мир и его глазами глядя на положение и перспективы развития СССР. Тогда мы увидим в действиях советского диктатора не манию преследования, не причуды и капризы старика, а железную логику основателя *данной* системы, его обоснованный страх за ее интегральность, его глубочайшую озабоченность беспечностью его учеников и соратников, его мрачные думы о завтрашнем дне. На XX съезде цитировались слова Сталина, обращенные к его ученикам и полные тревоги за будущее СССР: «Вы слепы, как новорожденные котята; что будет без меня?»

Сталин был идеален для господства над закрытым обществом — закрытым внутри, закрытым вовне. Жизнеспособность и долголетие такого общества зависели от систематической регенерации ячеек власти сверху донизу — от постоянного вычищения отработанных кадров, от постоянного возобновления армии бюрократов. Порядок Сталина не допускал ни свободной игры сил на верхах, ни гражданской инициативы в обществе, даже самой верноподданнической.

«Генеральная линия партии» была сильна своей ясностью, неуязвимостью, повелительностью. В ее лексиконе не было слова «думать», а было всем понятное и принятое слово «действовать»! «Думать» — это прерогатива самого Сталина, «действовать» — это задача всей партии. Поэтому и «порядок» был идеальным, и управлять было легко. Война внесла в «генеральную линию» дисгармонию. Люди, прошедшие через войну, от Волги к Эльбе, стали другими.

В глубине души Сталин был согласен с западными остряками: «Сталин в войну сделал только две ошибки: показал Ивану Европу и Европе Ивана». Эти Иваны притащили домой бациллы свободы и социальной справедливости: «в Германии скот живет лучше, чем у нас люди», «у американского солдата шоколада больше, чем у нашего картошки», «на Западе президенты и министры — обыкновенные грешники, а у нас боги-недотроги». Надо вернуть этот «расфилософствовавшийся», больной народ в первобытное довоенное состояние: нужен антибиотик, нужно и новое, полезное кровопускание. Чем раньше это сделать, тем быстрее он выздоровеет. «Кровь на руках врача надо отличать от крови на руках палача», — говорил еще царский министр Столыпин. То же думает и Сталин.

Этого никак не хотят понять верхи партии. Они даже не прочь начать диалог с Западом («сосуществование»!), не прочь искать его помощи в решении внутриэкономических (колебания — принять или не принять «план Маршалла») и внешнеторговых проблем СССР (предложения о «хозяйственно-технической кооперации»), а для этого готовы посягнуть на святая святых — монополию внешней торговли — и немножко приоткрыть «железный занавес» для циркуляции бизнеса. Но это ведь начало конца «генеральной линии». По каналам бизнеса двинутся в СССР тысячи, миллионы новых бацилл Запада. Их принесут не только западные Джоны и Жаны, но и циркулирующие между СССР и Западом русские Иваны: инженеры, хозяйственники, коммерсанты, туристы, студенты, спортсмены... «Железный занавес» станет дырявым, и начнется другой диалог, диалог между народом и правительством, поощряемый и подстрекаемый Западом. Случится небывалое и непоправимое: народ начнет интересоваться своим прошлым и философствовать о будущем. Появятся новые Радищевы, Белинские, Герцены. Русь духовно придет в движение, а за нею и национальные окраины, за ними и страны-сателлиты. Вот такая перспектива рисовалась Сталину, если не вернуться к старой, испытанной «генеральной линии».

Прогноз был правильный, но предупредить такое развитие дел Сталин мог бы в возрасте сорока-пятидесяти лет, а ему было уже за семьдесят; другого Сталина в Политбюро не было, да такие и рождаются раз в сотни лет. Дряхлость Сталина совпала с дряхлостью режима. Этому режиму можно было продлить жизнь не хирургией (он не выдержал бы никакой серьезной операции), а терапией. На языке политики это означало: медленный «спуск на тормозах» в поисках «сосуществования» как со своим народом, так и с внешним миром. Сталин был полон

решимости ни в коем случае не допустить этого, ошибочно полагая, что его ученики не способны пойти против его воли. Но первый организационный Пленум ЦК, избранный на XIX съезде, доказал обратное.

По неписаной партийной традиции, организационный Пленум нового ЦК происходит еще во время работы съезда... и результаты (выборы Политбюро, Секретариата и генсека) докладываются последнему заседанию съезда. Этот закон впервые был нарушен. Пленум нового ЦК происходит через два дня после закрытия XIX съезда, а именно 16 октября 1952 года. При внимательном наблюдении можно было заметить, что этот необычный прецедент был связан с трудностями создания исполнительных органов ЦК. Впоследствии стало известно, что Сталин, демонстративно игнорировавший рабочие заседания XIX съезда (из восемнадцати заседаний он посетил только два — первое и последнее, оставаясь на них по нескольку минут), был исключительно активен на Пленуме ЦК. Сталин разработал новую схему организации ЦК и его исполнительных органов. Он предложил XIX съезду вдвое увеличить членский и кандидатский состав ЦК: было избрано 125 членов и 111 кандидатов в члены ЦК. Теперь Пленуму ЦК он предложил, как бы соблюдая симметрию, избрать в членский состав Президиума (Политбюро) 25 человек, а в кандидатский состав — 11. Но дело было не в процентной норме и не в желании симметрии — Сталин смешивал своих «нечестивых» адептов из старого Политбюро со рвущимися наверх «целинниками» из областных вотчин партии. На расстоянии загипнотизированные «гением отца» и святостью его воли, партийные целинники должны были явиться орудием уничтожения «нечестивых». Знали ли они о предназначенной им роли — значения не имеет. Важно другое — старые члены Политбюро знали, что такова цель Сталина. Тогда же приняли и меры, чтобы сорвать этот план. Какие меры, мы увидим дальше, здесь лишь приведем заявление, которое ЦК устами Хрущева сделал XX съезду:

«Сталин, очевидно, намеревался покончить *со всеми старыми членами Политбюро.* Он часто говорил, что члены Политбюро должны быть заменены новыми людьми».

А вот зачем нужно было расширить состав Политбюро (Президиума):

«Его предложение после XIX съезда об избрании 25 человек в Президиум Центрального Комитета было направлено на то, чтобы устранить всех старых членов из Политбюро и ввести в него людей, обладающих меньшим опытом, которые бы всячески превозносили Сталина. Можно предположить, что это было также намерением в будущем ликвидировать старых членов Политбюро...» (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.58).

Это сообщение имеет решающее значение для раскрытия внутренних мотивов поведения старых членов Политбюро как компактной группы внутри нового Президиума, когда каждый из них убедился вслед за Берия и Маленковым, что Сталин переносит дебаты в другую плоскость — «быть или не быть». Если быть Сталину, тогда не быть им,

не только политически, но и физически. Неумолимая логика Сталина в таких ситуациях не знала полумер.

Как остановить Сталина?

Этот вопрос старые члены Политбюро пока еще не ставят. Но Сталин настойчиво толкает их к этому своими действиями.

В прежнем Политбюро, кроме Сталина, было 10 членов. Во время выборов нового Президиума ЦК Сталин дал отвод шести членам из десяти. Причем дал отвод даже и тем, кто скорее был готов добровольно подставить свои затылки под пули чекистов, чем поднять руку на Сталина, — Молотову, Ворошилову, Кагановичу, Андрееву. О поведении двух других, тоже отведенных Сталиным, — Микояна и Косыгина, — конечно, нельзя говорить столь же уверенно.

Чем же Сталин мотивировал свой отвод столь преданным и заслуженным соратникам?

Немало лет пройдет, пока историки найдут доступ к архивам ЦК того времени и ответят на этот вопрос. Всегда словоохотливый Хрущев, к сожалению, мотивы Сталина обошел молчанием. Он ограничился следующим сообщением:

«Вследствие необычайной подозрительности Сталина у него даже появилась нелепая и смехотворная мысль, что Ворошилов был английским агентом... В доме Ворошилова была даже сделана специальная установка, позволяющая подслушивать, что там говорилось. Своим единоличным решением Сталин отстранил от работы в Политбюро еще одного человека — Андрея Андреевича Андреева. Это было одним из самых необузданных проявлений произвола. Вспомним о первом Пленуме ЦК после XIX съезда партии, когда в своем выступлении Сталин, охарактеризовав Вячеслава Михайловича Молотова и Анастаса Ивановича Микояна, высказал мысль, что эти два старых работника нашей партии повинны в каких-то совершенно не доказанных проступках. Не исключена возможность, что если бы Сталин оставался у руля еще несколько месяцев, товарищи Молотов и Микоян, вероятно, не могли бы выступить с речами на сегодняшнем съезде» (там же, с.54).

После только что проведенного процесса «сионистских шпионов» Америки во главе с Лозовским и Молотовой Сталину всюду мерещились сионистские заговорщики. Таким заговорщиком в его глазах был каждый еврей, независимо от того, коммунист он или нет, более того — им был и каждый русский коммунистический лидер, если он женат на еврейке. Свои «генеалогические таблицы» Сталин расширял до вторых и третьих колен в родословии коммунистов, выискивая у них еврейских бабушек, дедушек или внуков. Так, у Хрущева нашли внучку от еврейской матери, у Берия — мать, якобы грузинскую еврейку, у Маленкова дочь замужем за евреем.

Когда Сталин, напоминая пленуму ЦК «ленинградское дело», «сионистское дело», «грузинское дело», стал разбирать членов Политбюро по косточкам, копаясь в их исторических, политических и генеалогических грехах, то выяснилось: из 11 членов Политбюро 5 оказались еврейскими родственниками (Молотов, Маленков, Ворошилов, Хру-

щев, Андреев), один — евреем (Каганович), один «полуевреем» (Берия), два — причастными к «ленинградской мафии» (Косыгин и Микоян; сын последнего был женат на дочери главы «мафии» Кузнецова), только один человек оказался чистым — безвредный и бесцветный Булганин.

Во время атак Сталина против его соратников еще никто из них не знал, какой подвох готовится тому, о ком, кажется, он ничего не сказал на пленуме: Берия.

На XIX съезде Берия, как мы видели, реабилитировал себя за «грузинское дело», но только перед съездом, что отнюдь не означало — перед Сталиным.

В Праге и Варшаве готовились два политических процесса над коммунистическими лидерами этих стран, которых спас лично Берия во время конфликта с Тито, а также процесс титовцев в Болгарии и Венгрии, тоже до сих пор пользовавшихся поддержкой Берия. Эти спасенные Берия лидеры теперь оказались «сионистами»: генеральный секретарь ЦК Компартии Чехословакии Сланский (еврей) и генеральный секретарь ЦК Компартии Польши Гомулка (женат на еврейке). Таким образом, круг большого международного заговора сионистов Америки, СССР и Восточной Европы против коммунизма замыкался (тут Сталин действовал точь-в-точь по рецепту Гитлера, только и говорившего о «заговоре мирового еврейства»).

Абсурдность концепции «еврейского заговора» и копания в генеалогии ярко выявляется в том, что у самого Сталина были еврейские родственники (внук, названный в его честь Иосифом).

Автор биографии Л.П.Берия посвятил этому подвоху Сталина против Берия следующие многозначительные строки: «Первой мишенью атаки против позиций Берия явилась Чехословакия. Все ключевые позиции власти Берия предоставил там своим союзникам... После убийства Масарика и смерти Бенеша Берия управлял этой высокоиндустриальной и цивилизованной страной через своих ставленников в чешской тайной полиции так, как это находил нужным в своих собственных интересах. Как только Игнатьев стал во главе госбезопасности, он ударил по бастиону Берия в Чехословакии. Вдруг прокатилась волна арестов, которая охватила чиновников советского аппарата в Праге, а также высокопоставленных чиновников тайной полиции Чехословакии, работавших под руководством Берия. Главными жертвами чистки оказались ставленники Берия. Чиновники были арестованы по обвинению в шпионаже, саботаже, диверсии и государственной измене, но так как они были людьми Берия, то обвинение против них косвенно наносило удары и Берия. Однако одна поразительная черта характеризует всю эту акцию. Почти все арестованные высокие чины во главе с их лидером Рудольфом Сланским (настоящая фамилия которого — Зальцман) — Бедрих Гелиндер, Рудольф Марголис, Андре Симоне, Артур Лондон и девять других протеже Берия — были евреями. Арестованных обвиняли также, что они «сионисты»... Новая чистка имела типично антисемитский привкус и была, очевидно, инсценирована

Сталиным» (W i t t l i n Th. Commissar. London. Macmillan Company. pp.366-367).

Подозрения Сталина против Берия в «варшавском деле» были еще серьезнее. Сведения о том, какую роль Сталин хотел приписать Берия, если удастся «варшавское дело», исходят от самого Гомулки (Гомулка продиктовал одному своему близкому сотруднику документ типа «Khrushchev Remembers» — «Мои 14 лет». «Мои 14 лет» опубликованы в журнале «Kurrier Polsko-Kanadyiski» (1973, № 47), стоящем близко к польскому посольству в Канаде).

С первых же дней после войны Польшей правили три человека — Берут, председатель ЦК Польской коммунистической партии (Гомулка называет его «питомцем НКВД»), член Политбюро и глава органов госбезопасности Якуб Берман (такой же «питомец НКВД») и первый секретарь ЦК Гомулка, во время войны возглавлявший борьбу польских коммунистов в тылу Польши против немцев. Первые два были личными ставленниками Берия, но Сталин, видимо, решил дискредитировать Берута и Берия арестом и показаниями против них со стороны Бермана и Гомулки.

Какие же показания хотел иметь Сталин? Он хотел узнать только одно: Берия замышлял заговор против Сталина и втянул в это дело своих польских ставленников. Послушаем самого Гомулку:

«Берут очень опасался Бермана, полагая, что тот во время следствия или процесса может сказать о нем что-нибудь весьма компрометирующее. Так, будто бы *Берия в свое время замышлял заговор против Сталина* и якобы Берут был втянут в это дело. Я не совсем уверен в этом, но мне это дело именно так излагали. Как бы там ни было, Берут очень оберегал Бермана, а одновременно и меня, ибо я должен был первым предстать перед судом. Так был составлен сценарий... Берут затягивал дело как только мог, прибегая даже к отправке в Москву ложных сведений. Например, он уверял, что я смертельно болен... Берут тянул так долго, как только мог, и в конце концов спасла положение смерть Сталина» (там же).

Все это — и чешские допросы, и варшавские «сценарии» — поступало к Берия, ибо допрашивали арестованных ставленников Берия другие его ставленники. Тут Сталин против своей воли попал в заколдованный круг. А что знал Берия, знал и Маленков, прочнейшим образом связавший с ним свою судьбу. Сталин не без тревоги наблюдал за их столь тесным сближением.

Оба наших свидетеля — Хрущев и Аллилуева — единодушны в подчеркивании спайки между Берия и Маленковым. Когда они демонстративно уединялись на каком-нибудь очередном банкете от остальных членов Политбюро, Сталин кивал головой в их сторону и говорил, согласно Хрущеву: два плута, два неразлучных мошенника!

Каждый из них знал, что если Сталин убьет одного, то обязательно убьет и другого. И спайка их была лучшим способом застраховать свою жизнь от Сталина. Эта спайка спасла жизнь и старым членам Политбюро. В этом они и убедились на последнем сталинском пленуме.

Тут мы подошли к самой загадочной проблеме: Сталин дал отвод по крайней мере 6 членам старого Политбюро — так почему же важнейшие из них (Молотов, Ворошилов, Микоян, Каганович) были все-таки избраны в члены нового Политбюро (Президиума)?

Сталин дал им отвод перед Пленумом ЦК, состоявшим из 236 членов и кандидатов. Из них только 20-25 человек знали Сталина по-настоящему, а для остальных был он непогрешимым богом. Почему же эти остальные не согласились с отводом Сталина?

Установленная процедура выборов была такова: состав ЦК избирается по бюллетеням тайного голосования, их проверяет избранная съездом счетная комиссия, протоколирует их и результаты докладывает съезду, бюллетени не уничтожают, а передают на хранение вместе с протоколами съезда в секретный архив ЦК.

Исполнительные органы ЦК: Политбюро, Секретариат, Генеральный секретарь и председатель Комитета партийного контроля при ЦК избираются открытым голосованием, если нет требования Пленума провести и эти выборы тайным голосованием.

Вот во время этого открытого или тайного голосования Пленум ЦК дезавуирует Сталина и демонстративно выбирает отведенных им людей в состав Президиума (Политбюро).

Что Сталин их отводил, известно из доклада ЦК на XX съезде, но что они все-таки были избраны, мы узнали из официального сообщения о Пленуме ЦК («Правда», 16.10.52). Это было первое историческое поражение Сталина в его партии. Как это могло случиться? Как Сталин реагировал?

Сталин не сдался. Он решил, выражаясь по-шахматному, ходом коня сразу убрать с доски «старую гвардию» и таким образом выправить свое положение. Он обратился к Президиуму: поскольку Президиум ЦК очень громоздок (25 членов и 11 кандидатов), надо выбрать из его среды маленький орган для оперативной работы преимущественно из молодых, энергичных членов Президиума. Таким органом должно было быть Бюро Президиума, вообще уставом не предусмотренное.

Цель Сталина ясна — обойти Ворошилова, Молотова, Кагановича и Микояна. Но и это ему удается только частично: избирается Бюро из 9 человек, в котором старые члены Политбюро составляют большинство: Маленков, Берия, Хрущев, Булганин, Ворошилов, Каганович против двух «молодых» — Первухина и Сабурова — и самого Сталина («Khrushchev Remembers», p.299). Молотов и Микоян остались вне Бюро. Бюро в этом составе, по Хрущеву, фактически не функционировало, а все дела решала пятерка: Сталин, Маленков, Берия, Хрущев, Булганин. Таким образом, Сталин все-таки исключил Ворошилова и Кагановича.

Как же могло случиться, что Сталину не удалось легально избавиться от нежелательных лиц? Как мог Пленум ЦК не пойти за своим «отцом и учителем»? Неужели члены Пленума ЦК не знали, что Сталин физически уничтожил 70 процентов состава Пленума ЦК 1934 года за сопротивление предложению судить Бухарина и Рыкова?

Это они, конечно, знали. Но они знали и более важную вещь: ко времени съезда власть была уже не у Сталина, а у партийно-полицей-

ского аппарата во главе с Маленковым и Берия. Теперь не Сталин контролировал аппарат, а аппарат контролировал его самого.

Сталин был бог, пока партийно-полицейский аппарат был в его руках, а теперь члены ЦК видели, что бог де-факто низвергнут.

Исчерпав все другие средства, Сталин наконец решил пойти ва-банк. Произошло событие, точно зафиксированное в доступных нам документах, но остававшееся совершенно не замеченным в литературе о Сталине.

Сталин подал тому же Пленуму ЦК заявление об освобождении его от должности Генерального секретаря ЦК: во-первых, будучи убежден, что оно не будет принято, а во-вторых, чтобы проверить отношение к этому своих ближайших соратников и учеников.

Но произошло невероятное: Пленум принял отставку Сталина!

Это было второе историческое поражение Сталина.

О том, что Сталин подал такое заявление, мы знаем из двух друг от друга независимых источников: от Светланы Аллилуевой и от бывшего военно-морского министра СССР во время войны адмирала Н.Г.Кузнецова.

В книге «Двадцать писем к другу» Аллилуева пишет: «Наверное, в связи с болезнью он (Сталин. — *А.А.*) дважды после XIX съезда (октябрь 1952 г.) заявлял в ЦК о своем желании уйти в отставку. Этот факт хорошо известен составу ЦК, избранному на XIX съезде» (с.191).

Во второй своей книге «Только один год» она пишет на ту же тему: «По словам его бывшего переводчика В.Н.Павлова, избранного на XIX съезде в ЦК, отец в конце 1952 года дважды просил новый состав ЦК об отставке. Все хором ответили, что это невозможно... Ждал ли он иных ответов от этого стройного хора? Или подозревал кого-нибудь, кто выразит согласие его заместить?.. Да и хотел ли он в самом деле отставки?» (с.340).

Мы дальше увидим, что Аллилуева ошибается, думая, что его отставка не была принята.

Об этом заявлении Сталина пишет и адмирал Кузнецов, добавляя, что ЦК принял его отставку только частично, но явно путая, в чем выразилось это «частично». Вот его слова:

«Официальную просьбу о частичном его (Сталина. — *А.А.*) освобождении я услышал позднее, на Пленуме ЦК КПСС после XIX съезда. Тогда Сталин был освобожден от поста министра обороны, но главные должности в ЦК и Совете Министров все же решил оставить за собой» («Нева», 1965, № 5, с.161).

В одном Кузнецов ошибается, и даже грубо, ибо известно, что Сталин ушел с поста министра обороны еще в 1947 году, передав этот пост Булганину.

Как же было с отставкой? Мимо цензуры проскочили два документа, из которых явствует, что «частичное освобождение» Сталина выразилось в принятии его отставки с поста генсека с сохранением за ним должности одного из секретарей ЦК и Председателя Совета Министров.

Еще при первом послесталинском «коллективном руководстве» вышел Энциклопедический словарь, где в биографии Сталина прямо и недвусмысленно написано следующее: «После XI съезда партии 3 апреля 1922 г. Пленум ЦК, по предложению В.И.Ленина, избрал Сталина Генеральным секретарем ЦК партии; на этом посту Сталин работал *до*

октября 1952 г., а затем до конца своей жизни был *секретарем* ЦК» (М., Изд. БСЭ. 1955, т.III, с.310).

То же повторено в справочном аппарате Полного собрания сочинений Ленина, вышедшем при втором, брежневском «коллективном руководстве». Там сказано: «Сталин. С 1922 по 1952 год — Генеральный секретарь ЦК партии, затем секретарь ЦК» (т.44, с.651).

Никакой случайной обмолвки тут нет. Эти документы не оставляют сомнения, что Сталин после октябрьского Пленума ЦК 1952 года перестал быть Генеральным секретарем, а был лишь одним из десяти его секретарей.

Кто же занял его место? Об этом нет никаких указаний ни в мемуарах современников, ни в официальных документах партии, однако секрета никакого не было — место Сталина в Секретариате ЦК занял, конечно, Маленков. Только теперь он назывался не Генеральный секретарь, а Первый секретарь ЦК. Власть Сталина перешла к его ученикам теперь и юридически.

Конечно, Сталин остался лидером партии, при перечислении членов Президиума и Секретариата ЦК его имя названо первым, вне алфавита. Но теперь он такой первый, который всецело зависит от вторых. Сталин не был бы самим собою, если смирился бы с этим. Следующий кризис он спровоцирует, стараясь вернуть себе прежнюю неограниченную власть.

Глава десятая

РАЗГРОМ «ВНУТРЕННЕГО КАБИНЕТА»

Анализ последующих событий показывет, что новый министр госбезопасности С.Д.Игнатьев играл двойную роль: прилежно выполнял приказания Сталина и аккуратно сообщал их тем, против кого они были направлены, Маленкову, Берия, Хрущеву. Это было не предательством, а своего рода самострахованием Игнатьева. Он знал, что никто из министров госбезопасности, уничтожавших людей по приказу Сталина, своей смертью не умер. После выполнения ими задания Сталин их также ликвидировал. Так погибли шефы советской тайной полиции, заслуженные чекисты Менжинский, Ягода, Ежов. Так сидит теперь Абакумов, на очереди стоит Берия, а после Берия Сталин ликвидирует и его, Игнатьева*.

* Таким образом Сталин не только скрывал собственные преступления, но еще и зарабатывал в глазах народа «моральный капитал». Вот, например, что он говорил о Ежове авиаконструктору А.Яковлеву:

«Однажды за ужином Сталин заговорил:

— Ежов — мерзавец! Погубил наши лучшие кадры. Разложившийся человек. Звонишь к нему в наркомат — говорят: уехал в ЦК. Звонишь в ЦК — говорят: уехал на работу. Посылаешь к нему на дом — оказывается, лежит на кровати мертвецки пьяным. Многих невинных погубил. Мы его за это расстреляли» («Цель жизни». М.,1970, с.509).

О двойной игре Игнатьева, например, в «деле врачей» сообщил XX съезду Хрущев. «На этом съезде, — сказал Хрущев, — присутствует в качестве делегата бывший министр государственной безопасности товарищ Игнатьев. Сталин ему резко заявил: «Если ты не добьешься признания врачей, мы тебя укоротим на голову» (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.44).

Зная, что Сталин при всех условиях «укоротит его на голову», Игнатьев и стал вести двойную политику. Иначе его не было бы на съезде, которым руководило старое Политбюро во главе с Хрущевым, Булганиным, Маленковым. Он, собственно, оказался и единственным уцелевшим руководящим чекистом из сталинского окружения: его заместителя Рюмина расстреляли, расстреляли его предшественника министра госбезопасности Абукумова и всех его помощников, расстреляли предшественника Абакумова министра госбезопасности Меркулова и всех его помощников, расстреляли Берия и всех его помощников, ликвидировали министров внутренних дел и госбезопасности Круглова и Серова и всех их помощников, а вот Игнатьев остался жив (в 1974 году к своему семидесятилетию он даже получил орден).

Когда после смерти Сталина Берия объединил министерства госбезопасности и внутренних дел в одно МВД СССР и сам возглавил его, то Игнатьев получил лишь повышение — его сделали секретарем ЦК КПСС по госбезопасности!

Столь удивительной способностью самосохранения, умением приспособляться к обстановке и обходить подводные рифы, да еще играть с таким огнем, как Сталин, мог обладать исключительно талантливый партаппаратчик. Им и оказался Игнатьев. Более четверти века он работал внутри партаппарата на всех уровнях: в области (Башкирия), в республиках (Узбекистан и Белоруссия), в центре (ЦК КПСС). Он был более предан аппарату, чем лицам, даже таким, как Сталин. Он был не оппортунистом, а фанатиком аппарата. В этом, вероятно, и секрет его спасения.

Естественно, что и в Министерстве госбезопасности он ощущал себя не профессиональным чекистом, а резидентом партаппарата, его посланником и исполнителем его воли. Если интересы тайной полиции приходили в столкновение с интересами партаппарата, то люди типа Игнатьева становились на сторону партии, а партию олицетворял собою партаппарат. Однако личная диктатура Сталина требовала, чтобы не партия контролировала полицию, а, наоборот, полиция контролировала партию. И теперь, когда Сталин задумал новую чистку и против партии, и против полиции, он невольно спровоцировал единение старых полицейских кадров со старыми партаппаратчиками, в результате чего ему и подсунули министром госбезопасности Игнатьева. Сталин принял нового главу полиции в уверенности, что он его перекует по своему образу и подобию. И ошибся. Игнатьев оказался истинным сталинцем, двурушником. В силу этого Игнатьев был идеальным орудием на идеальном месте для организации заговора против Сталина.

Теперь наше изложение вступает в область, где наряду с официальными данными важную роль играют и доказательства косвенные.

По Хрущеву («Khrushchev Remembers», vol. I, p.305), врачи-«заговорщики» были под арестом еще со времени XIX съезда (октябрь 1952г.); «сценарий» по делу Гомулки тоже уже был известен. В ноябре того же года судили ставленников Берия в Чехословакии (процесс Сланского); интенсивно шли допросы бериевцев в Тбилиси.

Первые же сообщения Игнатьева о ходе допросов врачей показали, что замыслы Сталина направлены не только против Берия и его чекистов, но и против всего Полютбюро.

Комментатор хрущевских воспоминаний Эдвард Кренкшоу совершенно правильно пишет, что «последняя чистка Сталина была направлена против его ближайших коллег, в первую очередь против Берия» («Khrushchev Remembers», vol.I, p.301).

Все это и привело к решению Берия предложить Сталину, чтобы он подал в отставку со всех своих постов.

На путях к предложению, а тем более к осуществлению такого решения, однако, были очень серьезные препятствия, без преодоления которых Сталин был неуязвим. Это его «внутренний кабинет» во главе с генералом Поскребышевым, его личная охрана во главе с генералом Власиком, комендатура Кремля во главе с генералом Косынкиным.

Берия отлично понимал, что Сталина можно превратить в политический труп только через физические трупы этих преданных ему служак.

Были еще две проблемы: во-первых, где предложить Сталину отставку — в Кремле, на его даче под Москвой или на его даче на Черноморском побережье (как это потом сделали с Хрущевым); во-вторых, кого из членов Президиума ЦК можно включить в «делегацию» к Сталину.

Известно было, кто не пойдет к Сталину с таким требованием: Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян — не пойдут из-за своих былых личных связей или трусости. Новые члены Президиума вообще отпадают — велика была опасность, что кто-нибуль из них выдаст весь план. Остаются те, кого Хрущев называет правительствующим «внутренним кругом» нового Бюро, куда, кроме Сталина, входили только члены негласной четверки — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, плюс ставленник этой четверки — Игнатьев. По иронии судьбы, только их Сталин и пускал к себе.

Данные Хрущева подтверждаются и воспоминаниями Аллилуевой: «В самое последнее время обычными лицами (у Сталина на даче. — *А.А.*) были: Берия, Маленков, Булганин, Микоян. Появлялся и Хрущев. С 1949 года, после ареста его жены, Молотов был фактически не у дел, и даже в дни болезни отца его не позвали» («Двадцать писем к другу», с. 192).

Местом наиболее безопасным для предъявления Сталину требования об отставке, конечно, было далекое от Москвы Черноморское побережье Грузии. Однако после создания «мингрельского дела» Сталин побаивался своих земляков и перестал ездить туда на отдых. Аллилуева

сообщает: «Последнее время он жил особенно уединенно: поездка на юг осенью 1951 года была последней» (там же, с.190). Так отпал юг. Оставались Кремль и дача под Москвой. Кремль импонировал с легальной стороны — как резиденция государства и партии. Все легальные акты должны исходить отсюда. Но если Сталин отказался бы принять требования об отставке, то одним нажатием кнопки он поднял бы тревогу не только в Кремле, но и в Москве, да и по всей стране: коммуникация здесь была идеальная. Поэтому отпадал и Кремль. Оставалось Кунцево, дача Сталина под Москвой.

Кунцево тоже было опасно, но только до тех пор, пока безотказно действовал «внутренний кабинет» Сталина. Лишите Сталина этого «кабинета», и тогда он в ваших руках — таков и был план Берия. Надо было убрать от Сталина его личного врача, начальника его личной охраны, начальника его личного кабинета, его представителя в Кремле — коменданта Кремля. Их можно было убрать только руками самого Сталина. Здесь Берия был в своей стихии.

У нас нет никаких прямых свидетельств, но нет и сомнений, что именно Берия организовал пропажу секретных документов Сталина из бюро Поскребышева, о которой рассказывает Хрущев (см.«Khrushchev Remembers», vol.I, p. 292-293). Вероятно, Берия сумел утащить у Поскребышева что-то более секретное, чем экономические рукописи Сталина, о которых говорит Хрущев. Иначе не было бы понятно заявление Сталина:

«Я уличил Поскребышева в утере секретного материала. Никто другой не мог это сделть. Утечка *секретных документов* шла через Поскребышева. Он выдал секреты» (там же, с.292). Сталин немедленно снял Поскребышева, но расстрелять не успел.

Куда легче было направить гнев Сталина против генерала Власика. Как профессиональный чекист, он был целиком в руках Берия, благодаря которому и удержался у Сталина столько лет. Но его, вероятно, никак нельзя было использовать против Сталина, зато оказалось возможным спровоцировать Сталина на его арест, что Берия и сделал. Аллилуева пишет:

«Надо сказать, что в это самое последнее время даже давнишние приближенные отца были в опале: неизменный Власик сел в тюрьму зимой 1952 года, и тогда же был отстранен его личный секретарь Поскребышев, служивший ему около 20 лет» («Двадцать писем к другу», с. 192).

«Зимой 1952 года» — это значит в декабре 1952 года, так как в октябре 1952 года Поскребышев выступал на XIX съезде партии и там был избран членом ЦК. Добавим тут же: освобожденные Поскребышевым, Власиком и их помощниками места заняли люди, выдвинутые туда через Игнатьева «внутренним кругом» — четверкой.

Есть серьезные основния предполагать, что личный врач Сталина Виноградов и начальник Лечебно-санаторного управления Кремля Егоров тоже были арестованы по плану Берия. По тому же плану, вероятно, был снят и министр здравоохранения СССР Смирнов, имев-

ший доступ к Сталину (на его место назначили никому не известного в партии, но хорошо известного Берия врача Третьякова).

Один из деятелей Коминтерна, Франц Боркенау, по свежим следам ареста кремлевских врачей высказал догадку: арест личных врачей Сталина означает заговор против него его соратников во главе с Маленковым — они хотят приставить к Сталину своих врачей, чтобы решить его судьбу (см. «Rhenischer Merkur», 23.1.53).

Сегодня уже определенно можно утверждать, что врачи из групы академика Виноградова (лейб-врача Сталина) были арестованы по доносу сексотки Берия врача Тимашук, но Сталин обратил эти аресты против самого Берия, объявив врачей «давними английскими шпионами» (как и Берия!) по доносу маршала Конева (см. «Khrushchev Remembers», vol. II, p.305).

О реакции Сталина на арест врачей рассказывала его экономка Валентина Васильевна. Так, сразу же после ареста личных врачей Сталина о них заговорили у Сталина за обеденным столом в присутствии Берия, Маленкова, Хрущева, Булганина. Аллилуева пишет:

«... «Дело врачей» происходило в последнюю зиму его жизни. Валентина Васильевна рассказывала мне позже, что отец был очень огорчен оборотом событий. Она слышала, как это обсуждалось за столом, во время обеда. Она подавала на стол, как всегда. Отец говорил, что не верит в их «нечестность», что этого не может быть, — ведь «доказательством» служили доносы доктора Тимашук, — все присутствующие, как обычно в таких случаях, молчали...» («Двадцать писем к другу», с. 192).

Аллилуева думает, что Валентина Васильевна пристрастна и защищает ее отца, но добавляет: «И все-таки надо слушать, что она рассказывает, и извлекать их этих рассказов какие-то здравые крупицы, так как она была в доме отца последние 18 лет, а я у него бывала редко» (там же).

Допускал ли сам Сталин заговор против себя со стороны Берия?

Не только допускал, но и очень опасался его как раз после войны. Вот рассказ Хрущева: «После войны Берия стал членом Политбюро, и Сталин начал тревожиться о его растущем влиянии. Более того. Сталин начал бояться его. Я тогда не знал, какие причины для этого, но позднее, когда была раскрыта вся машина Берия по уничтожению людей, все стало ясно. Практические средства по достижению целей Сталина находились в руках Берия. Сталин осознал, что если Берия способен уничтожить любого человека, на которого он укажет ему пальцем, то он, Берия, может уничтожить и любого другого по собственному выбору. Сталин боялся, что он окажется таким первым лицом, которого выберет сам Берия» («Khrushchev Remembers», vol.II, p.335).

Все известные нам из истории тираны были мнительны, трусливы, вечно воображали себя в опасности, сами разрабатывали сложнейшие правила обеспечения своей личной безопасности, выкидывали разные трюки, чтобы проверить преданность окружающих. То, что люди на-

зывают манией преследования, на самом деле было их вернейшим превентивным оружием против возможных заговорщиков. Сталин превзошел и в этом отношении всех своих предшественников.

Прежде всего он лишил потенциальных заговорщиков их излюбленного времени расправы с тиранами — ночи. Сталин был единственный в истории тиран, который ночью не спал, а работал или веселился в компании соратников у себя на даче. Ложился спать в 4 — 5 часов утра, а вставал в 11 — 12 часов дня. Вся гигантская партийная и государственная машина страны тоже приспосабливалась к этому режиму работы.

Сталин был и единственным правителем, не жившим в отведенной ему официальной резиденции — в Кремле. Вся страна думала, что Сталин живет в той трехкомнатной квартире в здании бывшего Сената в Кремле, которую описал Анри Бюрбюс, а на самом деле он жил в изолированной от внешнего мира, запрятанной в лесу, обнесенной высоким забором крепости под Москвой, которая называлась Ближней дачей при Кунцеве.

Да, ни один тиран в истории так надежно не охранялся, как Сталин при Поскребышеве и Власике, и ни одна свита не была так преданна своему владыке, как сталинская (поэтому-то у него малограмотные повара делались генералами, а личные охранники в конце концов становились министрами — Абакумов, Меркулов, Круглов).

Порядок посещения Сталина не только министрами, но и членами Политбюро был просто оскорбительным — каждый, кто шел к Сталину, независимо от чина и ранга, должен был подвергаться обыску в его личной охране.

Начальник штаба войск Варшавского Пакта С.М. Штеменко вспоминает: «В Кремль въезжали всегда через Боровицкие ворота и, обогнув здание Верховного Совета СССР, сворачивали в так называемый «уголок», где находились квартира и рабочий кабинет И.В.Сталина. Через кабинет Поскребышева входили в небольшое помещение личной охраны (Сталина) и наконец попадали к нему самому» («Генеральный штаб в годы войны», с.117).

Насколько строгой была личная охрана Сталина. показывает, например, случай, бывший с Молотовым. Однажды, возвращаясь из важной поездки в Лондон, Молотов прямо с аэродрома направился с докладом к Сталину в Кремль. Охрана нашла в кармане Молотова пистолет и не очень вежливо вытащила его оттуда. Молотов пожаловался Сталину, но Сталин поддержал свою охрану (см. Viktor Alexandrov. The Kremlin. London. 1963, p.322).

Таким же строгим был порядок охраны и дачи-крепости Сталина. Один советский писатель описал посещение дачи Сталина самим Хрущевым (Хрущев у него выведен под фамилией Заградин):

«На северо-западе от Москвы... за окраиной, по левой стороне раскинулся густой массив молодого леса. Он поднимается на вершины невысоких взгорий, спускается в ложбины, волнистыми грядами тянет-

ся до самого Кунцева. С дороги в зеленую поросль уходит ровное асфальтированное шоссе. Оно было почти всегда пустынно. Непреклонные желто-красные дорожные знаки запрещали въезжать сюда кому бы то ни было. Это Волынское. Здесь, среди леса, за глухим высоким забором прятался двухэтажный зеленый дом — дача Сталина. В один из поздних февральских вечеров мчалась черная машина, в которой ехал Заградин. Полчаса назад ему позвонили в гостиницу и сказали, чтобы он никуда не отлучался. Затем в номер явились двое молодых людей. Заградин и прежде встречал их, хотя ни имен, ни фамилий их не знал.

— Готовы, товарищ секретарь? — спросил один из пришедших и оглядел Заградина быстрым, цепким взглядом...

Скоро машина остановилась возле массивных ворот с маленьким смотровым окошком. Из калитки вышли двое офицеров. Карманным фонарем они осветили кабину, лицо Заградина, долго читали его удостоверение. ЗИМ двинулся в ворота, миновал еще один столь же высокий забор и облитый лунным светом узкий лесной коридор и резко повернул влево, взметнув за собою снежный вихрь. Пассажиров качнуло, один из сопровождающих сердито буркнул:

— Никак не привыкну к этому чертову повороту. И кому пришла мысль устроить здесь вираж?

Второй усмехнулся:

— Знал бы ты, чье это указание... — И тихо, доверительным тоном добавил: — Дача от самого въезда просматривалась. Куда это годится? Потому и поворот.

Машина остановилась у подъезда. Света в окнах не было видно, но это не смутило сопровождающих Заградина. Они знали, что сквозь тяжелые шторы свету не пробиться. У входа машину поджидали два офицера. Они тоже долго и тщательно проверяли документы и наконец открыли дверь вестибюля...

— Товарищ Сталин ждет вас в столовой. Следуйте за мною! — Приземистый краснолицый генерал указал на дверь рукой и ушел вперед...

Прошли небольшой коридор, устланный дорожкой, и остановились возле высокой двустворчатой двери. Заградин мягко ступал по ворсу ковра, ощущая незыблемую глухую тишину, наполнявшую этот дом. Ничто: ни звук постороннего голоса, ни порыв ветра, ни взрыв смеха — не проникало сюда» (Н. Сизов. Трудные годы. —«Октябрь», 1964, № 4, с. 101-102).

Хрущев сообщает, что Берия участвовал в подборе обслуги и охраны Сталина. Было время, когда Берия окружил Сталина только грузинами. Сталин обратил на это внимание и обвинил Берия, что он верит только грузинам, тогда как русские ему, Сталину, не менее преданны. Берия пришлось заменить охрану. Однако влияние Берия и на новую охрану Сталина было велико. Хрущев замечает: «Берия и после изгнания грузин продолжал контролировать и дальше свиту Сталина. Берия так долго работал в Чека, что знал всех чекистов. Они все искали

расположения Берия, и *Берия было легко их использовать для своих целей*. Поэтому Сталин не мог верить даже своей русской свите, включая и лейб-охрану» («Khrushchev Remembers», vol. I, p.336).

Однако пока Поскребышев стоял во главе «внутреннего кабинета», а Власик во главе охраны, Берия не так уж легко было бы использовать охрану Сталина «для своих целей». Но, поддавшись провокации, Сталин разгромил весь свой «внутренний кабинет». Это был с его стороны самоубийственный акт.

Легко представить, какое важное значение придавала четверка тому, чтобы место Поскребышева занял человек, способный изолировать Сталина от внешнего мира и информации и сам не знающий, почему это надо делать (у заговорщиков было много таких невольных исполнителей). Временно должность Поскребышева занял старший после него в «кабинете» — Владимир Наумович Чернуха, сибиряк, член партии с 1918 года, активный участник гражданской войны, вместе с которым Поскребышев и начал свою большевистскую карьеру в Уфе и которого он притащил в «секретариат т.Сталина» в 1925 году. Чернуха был хотя и лояльным, но ограниченным аппаратчиком из породы «канцелярских крыс». Он явно не подходил к роли нового Поскребышева, а других около Сталина не было. Вероятно, поэтому Сталин решил искать себе нового помощника вне аппарата ЦК. От нового шефа «кабинета» Сталина требовались, кроме волевых качеств и преданности, всесторонние знания функционирования партийно-чекистской машины, военного порядка и основательная теоретическая подготовка. И такой человек очень скоро нашелся: первый секретарь Ленинградского горкома КПСС Владимир Никифорович Малин. Это был кандидат с самыми высокими связями — его по прежней работе знали по крайней мере следующие члены Президиума ЦК КПСС: Андрианов, Пономаренко, Игнатьев, Маленков и Берия.

Малин был из числа тех маленковцев, которые пришли в аппарат партии в результате «великой чистки». К началу войны Маленков его сделал секретарем ЦК Белоруссии, во время войны он был назначен сначала членом военного совета армии в ранге генерала, потом заместителя начальника Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования (начальником штаба был Пономаренко). Весьма вероятно, что в этой должности Малин соприкасался и со Сталиным во время очередных докладов о партизанских делах, но зато несомненно, что по роду своей службы Малин имел тесный контакт с Берия. После войны он вновь был назначен вместе с Пономаренко и будущим министром госбезопасности Игнатьевым одним из секретарей ЦК Белоруссии. Когда в 1948 году Пономаренко был назначен секретарем ЦК КПСС, Малин попросился на учебу в аспирантуру Академии общественных наук при ЦК. Он окончил ее в 1949 году досрочно, получив ученую степень кандидата наук. В том же году, когда начался разгром ждановцев, Маленков отправил в Ленинград своих самых проверенных людей: Андрианова — первым секретарем Ленинградского обкома, и Малина — первым секретарем Ленинград-

ского горкома. Вот с этого поста в конце 1952 года Малин перебрался в кресло Поскребышева, разумеется, без его репутации грозного временщика, но достаточно властный, чтобы сыграть предназначенную ему роль — аккуратно докладывать Маленкову каждое распоряжение и движение Сталина, и достаточно умный, чтобы не претендовать на самостоятельность в данных условиях.

Как только Сталин опубликовал знаменитую статью от 13 января 1953 года об аресте кремлевских врачей, всякие гадания о замыслах диктатора кончились. Теперь все ждали — от членов Политбюро и до рядовых советских граждан — «худшего варианта»: чистки «бурной, всесокрушающей, беспощадной», которая, как и в 1937 году, должна унести в тюрьмы, лагеря и на тот свет миллионы людей, чтобы Сталин чувствовал себя еще более безопасным на своей даче-крепости. Таково именно было впечатление Заградина (Хрущева) после посещения дачи-крепости Сталина в Кунцеве.

Если этого не произошло, если сотни тысяч людей остались в живых, если миллионы были спасены от отправки в концлагеря, то это заслуга самого ненавистного после Сталина человека в СССР — Берия.

Глава одиннадцатая

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ СТАЛИНА

В роковой для себя день — 13 января 1953 года — Сталин опубликовал «Хронику ТАСС» о раскрытии органами государственной безопасности «террористической группы врачей, ставивших своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям Советского Союза». Эта публикация как раз и сократила жизнь самому Сталину.

Чтобы понять, как и почему это случилось, мы должны спросить себя: зачем Сталину нужно было «дело врачей»? На это с предельной ясностью и несвойственной ему оплошностью ответил сам Сталин в опубликованной того же, 13-го числа статье «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей». Статья не подписана, но по специфическим особенностям языка и стиля, по манере аргументации ясно, что автор ее — сам Сталин.

В «Хронике» говорится, что врачи-«вредители» работали по заданию двух иностранных разведок: американской (профессора-врачи Вовси М.С., Коган Б.Б., Фельдман А.И., Гринштейн А.М., Этингер Г.Я., Майоров Г.И.) и английской (академик Виноградов В.Н., профессора-врачи Коган М.Б., Егоров П.И.). Все арестованные, кроме Виноградова и Егорова, — евреи. Все они врачи кремлевской поликлиники и как таковые лейб-врачи членов Политбюро, правительства и высших военных чинов. Все евреи первой группы были «завербованы» в амери-

канскую разведку через международную еврейскую буржуазно-националистическую организацию «Джойнт», выдающую себя за благотворительную организацию, а члены группы Виноградова «оказались давнишними агентами английской разведки».

«Хроника» сообщила о признании врачей, что они умертвили «путем вредительского лечения» секретарей ЦК Жданова и Щербакова, хотели убить маршалов Василевского, Говорова и Конева, генерала Штеменко, адмирала Левченко. Профессор Вовси якобы заявил следствию, что получил директиву от сионистов из «Джойнта» «об истреблении руководящих кадров СССР» (заметим, что важнейших маршалов — Жукова и Булганина, а также важнейших деятелей партии — Маленкова, Берия, Хрущева — нет в числе намеченных жертв).

Если бы Сталин ограничился этой «Хроникой», то можно было бы подумать, что это лишь очередной взрыв антисемитизма и «дело врачей» — просто вариант «дела сионистов». Но передовой статьей «Правды» (от того же 13 января) Сталин преждевременно (а потому и неосторожно) раскрыл карты: дело лейб-врачей членов Политбюро выглядело как дело самого Политбюро.

Всегда богатая криминальная фантазия Сталина в «деле врачей» оказалась удивительно куцей: он просто вытащил из архива дело Бухарина, Рыкова, Ягоды и судившейся вместе с ними группы кремлевских врачей-«вредителей» (профессора Плетнева, докторов медицины Левина, Максимова и Казакова), вместо старых имен поставил новые, модернизировал обвинение и подсунул его Политбюро.

Более того. Сталин снова пустил в ход свою политическую философию того времени о классах и классовой борьбе при социализме, о «правых оппортунистах», о «врагах народа», которые тем больше размножаются, чем больше социализм имеет успехов. Вытащил и впервые тогда примененный прием признания врачей в убийстве (Плетнев, Левин, Максимов и Казаков тоже сознались, что по заданию агентов иностранных разведок, бывших членов Политбюро Рыкова, Бухарина, шефа НКВД Ягоды, они убили путем вредительского лечения члена Политбюро Куйбышева, члена ЦК Менжинского и «пролетарского» писателя Максима Горького).

Сталин настолько ослеп в своей злобе против Политбюро или настолько одряхлел умственно, что уже не видел, как шьет новое черное дело старыми белыми нитками:

«Некоторые люди делают вывод, что теперь уже снята опасность вредительства, шпионажа... но так думать и рассуждать могут только *правые оппортунисты*, люди, стоящие на антимарксистской точке зрения *затухания классовой борьбы*. Они не понимают, что наши успехи ведут не к затуханию, а к обострению борьбы, что чем усиленнее будет наше продвижение вперед, тем острее будет *борьба врагов народа*» («Правда», 12.1.53).

Кто же эти анонимные «правые оппортунисты»?

Конечно, не колхозники и даже не врачи-«вредители», а члены Советского правительства и руководители органов госбезопасности, которые, как и «правые оппортунисты» Бухарин, Рыков и Ягода, легко могут быть подведены под чекистские пули.

Впрочем, сам Сталин прямо указывает адрес искомых «врагов народа»: 1) «Некоторые наши советские органы и их руководители потеряли бдительность, заразились ротозейством»; 2) «Органы госбезопасности не вскрыли вовремя вредительской, террористической организации среди врачей» (там же).

Сталин не думает, что бесталанно повторяет прошлый трюк, сажая на скамью подсудимых врачей Кремля. Он считает их «вредительство» почти закономерностью:

«История уже знает примеры, когда под маской врачей действовали подлые убийцы, вроде врачей Левина, Плетнева, которые по заданию врагов СССР умертвили великого русского писателя Максима Горького, выдающихся деятелей Советского государства Куйбышева и Менжинского» (там же).

Левин был тогда личным врачом Сталина, как теперь Виноградов. Оба хотели убить Сталина по заданию «правых оппортунистов» и «врагов народа», находящихся на службе иностранных разведок. Сталин остался жив лишь благодаря собственной бдительности, а органы НКВД ни тогда (Ягода), ни сейчас (Берия) не вскрыли вовремя «вредительской террористической организации среди врачей».

Почему?

Ягода — потому что сам оказался и «правым оппортунистом» и «врагом народа», а почему не вскрыл Берия — Сталин хочет выяснить теперь.

Сталин заканчивает статью грозным предупреждением:

«Советский народ с гневом возмущения клеймит преступную банду убийц и их иностранных хозяев. Презренных наймитов, продавшихся за доллары и стерлинги, он раздавит как омерзительную гадину. Что же касается вдохновителей этих наймитов-убийц, то они могут быть уверены, что возмездие не забудет о них и найдет дорогу к ним, чтобы сказать им свое веское слово» (там же).

Это язык времен ежовщины, когда Сталин «нашел дорогу» к «вдохновителям» Левина и Плетнева, когда расстрелял половину Политбюро и 70 процентов всех членов ЦК.

Берия и Маленков, Хрущев и Булганин, не говоря уж о Молотове и Ворошилове, о Микояне, Кагановиче и Андрееве, отлично знали и этот язык, и свою обреченность, если Сталин останется у власти еще несколько месяцев. Об этом говорилось и на XX съезде КПСС:

«Вспомним «дело врачей-вредителей». На самом деле не было никакого «дела», кроме заявления женщины-врача Тимашук, на которую, по всей вероятности, кто-то повлиял или же просто приказал (кстати, она была неофициальным сотрудником органов государственной безопасности) написать Сталину письмо... Вскоре после ареста врачей мы — члены Политбюро — получили протоколы, в которых врачи сознавались в своей вине... Дело было поставлено таким образом,

что никто не мог проверить тех фактов, на которых основано следствие... Когда мы пересмотрели это «дело» после смерти Сталина, мы пришли к заключению, что оно было сфабриковано от начала до конца. Это позорное «дело» было создано Сталиным. У него не хватило времени, однако, довести его до конца (так, *как он себе представлял этот конец)*» (Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.44).

Каким же представлял себе этот конец Сталин?

На этот вопрос дан ясный и категорический ответ: «*Сталин, очевидно, намеревался покончить со всеми старыми членами Политбюро...» было намерение «в будущем ликвидировать старых членов Политбюро*» (там же, с.58).

С опозданием на тридцать лет Политбюро вытащило из секретного архива «Завещание» Ленина, где предлагалось снять Сталина с поста генсека, так как он способен злоупотреблять властью.

«Эта отрицательная черта Сталина... в последние годы его жизни приобрела *абсолютно нетерпимый характер*», — констатирует Политбюро (там же, с.8.)

Вот когда члены Политбюро пришли к убеждению, что Сталин хочет их ликвидировать и что характер его стал «абсолютно нетерпимым», они решили предъявить Сталину ультиматум не только об освобождении врачей, но и об уходе со всех постов. Сделать это могли лишь те, кто имел еще реальную власть, — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, опираясь на армию (Жуков, Захаров, Москаленко, Соколовский, Еременко) и полицию (Игнатьев). Спровоцированный ими же разгром «внутреннего кабинета» дал возможность предъявления этого ультиматума. Главой заговорщиков, несомненно, был Берия.

Вернемся ненадолго к взаимоотношениям Сталина и Берия. Мы уже приводили рассказ Хрущева, как Сталин боялся Берия и даже опасался заговора с его стороны. Мы видели также, что «мингрельское дело» было направлено против Берия. Далее мы видели антибериевскую подоплеку дел Сланского в Чехословакии и Гомулки в Польше. Наконец, и «дело врачей» было прежде всего «делом Берия». В этих условиях кажется странным, почему Сталин не сделал с ним того же, что со старыми членами Политбюро — Молотовым, Ворошиловым и другими, которым он просто запретил посещать его дом. Ведь Берия бывал у Сталина в любое время дня и ночи, когда хотел. Берия бывал в семье Сталина еще при его покойной жене Надежде Аллилуевой. Именно она первая предупредила мужа, что Берия — негодяй. Светлана Аллилуева пишет:

«Отвращение к этому человеку и смутный страх перед ним были единодушными у нас в кругу близких. Мама еще давно (году в 29-м), как говорил мне сам отец, «устраивала сцены, требуя, чтобы ноги этого человека не было у нас в доме». Отец говорил мне это позже, когда я была уже взрослой, и пояснял: «Я спрашивал ее — в чем дело? Приведи факты! Ты меня не убеждаешь, я не вижу фактов. А она только кричала: я не знаю, какие тебе факты, я же вижу, что он негодяй. Я не сяду с ним за один стол. Ну, — говорил я ей тогда, — убирайся вон!

Это мой товарищ, он хороший чекист, он помог нам в Грузии предусмотреть восстание мингрельцев, я ему верю. Факты, факты мне надо»...» («Двадцать писем к другу», с.18).

Вот эти факты и заставили Сталина изменить свое мнение о Берия. Аллилуева запомнила, «как была поражена словами отца», когда она однажды осталась ночевать у жены Берия, а «наутро позвонил разъяренный отец и, обругав меня нецензурными словами, прокричал: «Сейчас же езжай домой! *Я Берия не доверяю!*»...» («Только один год», с.327).

Все это Берия уже видел и чувствовал: «Берия отлично понимал, что его судьба в постоянной опасности» (там же, с.325).

Однако и изменив свое мнение о Берия, сразу избавиться от него Сталин не мог, а потому внешне ничем себя не выдавал. Сталин был не только прекрасным конспиратором, но и виртуозным артистом. Сначала войти в доверие избранной жертвы, а потом нанести ей внезапный ошеломляющий удар — таково было первое правило его криминального искусства как во внутренней, так и во внешней политике.

Сталин старается придумать что-нибудь оригинальное, чтобы замаскировать задуманный удар, но это ему явно не удается. Может быть, некоторой компенсацией его выдохшейся изобретальности служит «братанье» на участившихся попойках в Кунцеве, где он подчеркнуто предоставляет Берия роль тамады. Ведь, по кавказским обычаям, пока Берия — тамада, он может командовать и Сталиным, даже в его доме.

Один из таких пиров описала Аллилуева: «Застолья последних лет в Сочи и в Кунцеве были многолюдными и пьяными. Я видела это несколько раз и всегда быстро уходила. Отец пил немного; но ему доставляло удовольствие, чтобы другие пили и ели, и по обычной русской привычке гости скоро «выходили из строя». Однажды отец все-таки много выпил и пел народные песни вместе с министром здравоохранения Смирновым, который уже совсем едва держался на ногах, но был вне себя от счастья. Министра еле-еле уняли, усадили в машину и отправили домой. Обычно в конце обеда вмешивалась охрана, каждый «прикрепленный» уволакивал своего упившегося «охраняемого». Разгулявшиеся вожди забавлялись грубыми шутками, жертвами которых чаще всего были Поскребышев и Микоян, а *Берия только подзадоривал отца и всех.* На стул неожиданно подкладывали помидор и громко ржали, когда человек садился на него. Сыпали ложкой соли в бокал с вином, смешивали вино с водкой. Отец обычно сидел, посасывая трубку и поглядывая, но сам ничего не делал. По-видимому, Микоян и Поскребышев, которого отец называл не иначе как «Главный», были самыми безропотными. «Главного» чаще всего уводили домой в беспробудном состоянии, после того как он уже валялся где-нибудь в ванной комнате и его рвало. В таком же состоянии часто отправлялся домой Берия, хотя ему никто не смел подложить помидор. Его отец называл «Прокурором»...» (там же, с. 333-334).

«Отец пил немного, но ему доставляло удовольствие, чтобы другие много пили» — особенно Поскребышев и Берия, — как бы для того, чтобы убедиться, верна ли старая русская поговорка: «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Может быть, у Сталина был и коварный

расчет: пьяный может наболтать любую ересь, которой при желании легко воспользоваться. Однако каким бы Берия пьяным ни был, «ему никто не смел подложить помидор», только «иногда отец подтрунивал и над Берия. Он повторял один и тот же старый анекдот, адресуясь к «Прокурору», который ни от кого другого не стерпел бы насмешки... Анекдот был мрачноват, и обычно никто не смеялся» (там же, с. 334). Действительно надо бояться больше Берия, чем Сталина, чтобы в этом случае не смеяться.

Эта пьяная оргия «на высшем уровне», во время которой решались вопросы жизни и смерти миллионов, говорит не только о моральном облике «вождей», но и о том, какими методами Сталин правил ими. Опаивание их, которое выдавалось за духовную близость с ними Сталина, на самом деле было его постоянной личной разведкой против них. Он хитрил, обманывал, но «не предполагал, что может сам обмануться, и до конца своих дней следил, как бы кто другой не вздумал его коварно обмануть. Это стало его манией» (там же, с. 340).

Да, Сталин не предполагал ни того, что сам может обмануться, ни того, что это случится во время очередного, и последнего, его пира.

Сталин любил каждое свое преступление обосновывать *идеологически*, ссылкой на Ленина, если есть подходящая цитата, сочинением новой догмы, если такой цитаты нет. В основе этого идеологического обоснования должна была лежать концепция о классах и классовой борьбе. Но Ленин, как и Маркс, объяснял исторический процесс и поведение людей интересами классов и классовой борьбы только в обществе классовом, а социализм считался обществом бесклассовым (таковым в 1936 году объявил его и сам Сталин), и поэтому никакие общественно-политические явления в нем нельзя было обосновывать ссылками на классовую борьбу. Но тогда как же объяснить, что СССР кишмя кишит вредителями, диверсантами, убийцами, около десяти миллионов которых ежегодно сидит в концлагерях? В уже упомянутой статье от 13 января Сталин дал обезоруживающий своей простотой ответ: «В СССР ликвидированы эксплуататорские классы... но сохранились носители буржуазных взглядов и буржуазной морали — *живые люди* (выделено в оригинале. — *А.А.*), скрытые враги нашего народа». Вот они, эти «живые люди», объединившись в класс в бесклассовом обществе, ведут со Сталиным смертельную борьбу.

Эти тезисы Сталина лежат в основе идеологической кампании «Правды» весь январь и февраль.

18 января «Правда», дополнительно приводя сделанные Сталиным еще в ежовские времена высказывания о классах и «врагах народа», призывает в русских областях страны разоблачать этих «врагов народа», а в национальных республиках — «буржуазных националистов».

В разгар кампании, 21 января, публикуется Указ Президиума Верховного Совета СССР: «За помощь, оказанную правительству в деле разоблачения врачей-вредителей, наградить врача Тимашук Лидию Федосеевну орденом Ленина». Это уже открытый призыв к местным

сексотам-тимашукам: давайте пишите побольше доносов — тоже получите орден.

22 января «Правда» публикует доклад секретаря ЦК Михайлова к двадцать девятой годовщине смерти Ленина. Сталин знал, кому поручать доклад: Михайлов не только почти буквально повторил его статью от 13 января, но и добавил несколько острых высказываний Сталина времен ежовщины.

24 января «Правда» в связи с выборами в местные Советы настойчиво призывает народ к бдительности и сплоченности вокруг Сталина.

25 января «Правда» подчеркнуто отмечает годовщину отравления Куйбышева врачами-«вредителями».

31 января «Правда» печатает передовую статью «Воспитывать трудящихся в духе высокой политической бдительности». Статья, ссылаясь на «прошедшие за последние годы судебные процессы над бандами шпионов и вредителей в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Польше и в других народно-демократических странах, разоблачение в СССР шайки подлых шпионов и убийц», призывает страну к решительному разоблачению «скрытых врагов народа. Газета приводит примеры разоблачения «чуждых элементов» в руководящих органах министерств Украины и «космополитов», литовских и еврейских «буржуазных националистов» — в Литве.

6 февраля «Правда» публикует большую статью об арестах органами госбезопасности шпионов в разных районах СССР. Статья изобилует примерами кражи секретных документов (Поскребышев!), почему-то непременно попадающих в руки «врагов» и «изменников».

11 февраля Л.Тимашук письмом в редакцию «Правды» благодарит за «многочисленные письма и телеграммы с поздравлениями» в связи с разоблачением ею «врагов советского народа».

20 февраля «Правда» рисует «психологический» портрет Л.Тимашук. Получается нечто вроде французской Жанны д'Арк. Портрет носит невинное название: «Почта Лидии Тимашук». «Правда» хочет ответить на вопрос: как простой врач может судить о квалификации и методах лечения академиков и профессоров с мировыми именами? «У постели больного встретились два человека в белых халатах. Один ученый с большим именем и степенями, другая без ученых степеней, но с большим опытом за 20 лет работы врачом. У обоих в руках — одни и те же анализы, и у обоих перед глазами одинаковые симптомы болезни, но женщина видит, что человек с учеными степенями ставит неправильный диагноз. Неправильный диагноз — неправильное лечение и, значит, смерть. Почему он это делает? Медицинская ошибка? Но у человека со степенями слишком большие знания и опыт, чтобы он мог так грубо ошибиться. К тому же он отметает всякую попытку исправить его. Ошибки нет — значит, кто же перед тобою? Чтобы ответить на этот вопрос, нужны не час и не два, нужны многие часы напряженной работы мысли, нужны глубокие знания и полнейшая уверенность в своей правоте, и, главное, *надо быть патриотом своей Родины.* И тогда все поймешь. Да, перед ней был враг, и не один, а шайка врагов

Советского Союза, злобных, хитрых и хорошо замаскированных. Началась борьба, очень трудная борьба. Ведь те, со степенями, занимали высокое положение, они расставили вокруг «своих людей». Но женщина боролась так, как борются с врагами Родины, — не на жизнь, а на смерть».

На основании доноса той «патриотки своей Родины» Сталин и создал «дело врачей». Но Тимашук донесла лишь на одного врача — академика Виноградова. Как мы уже упомянули, этот донос Берия мог организовать для того, чтобы лишить Сталина добросовестного и лояльного личного врача. В планах о будущей болезни Сталина академик Виноградов был лишним, действительно «вредным» для Берия человеком именно из-за своей добросовестности и лояльности. Берия собирался приставить к Сталину своего врача, но это не удалось — Сталин не допускал к себе никаких врачей и перешел на медицинское «самообслуживание» из своей маленькой домашней аптечки. Берия, конечно, замышлял не это, но все же его устраивало и то, что Сталин оказался вне медицинского контроля.

В разгар бешеной кампании «Правды» против «убийц» происходят еще два убийства, выданные тогда за естественную смерть. Но теперь уже ясно, что одна смерть нужна была Сталину, а другая — Берия.

17 февраля газета «Известия» сообщала, что «безвременно» умер генерал Косынкин, руководитель комендатуры Кремля, ответственный за безопасность Сталина. Генерал был назначен на этот пост прямо из личной охраны Сталина. Человек относительно молодой, вполне здоровый, фанатично преданный Сталину и чувствовавший себя независимым от Берия, он недооценил возможностей Берия, а потому и умер «безвременно». Но убийство, нужное Сталину, было организовано весьма естественно, даже торжественно, чтобы все подумали — «человек умер на боевом посту». Речь идет о Льве Мехлисе.

В историческом становлении Сталина-тирана по части идеологии Мехлис был тем же, что Ежов и Берия по части полиции. Мехлис был единственным членом ЦК, который мог бы сказать: «Я проложил Сталину идеологическую дорогу к власти через все трупы старой гвардии Ленина, я же его сделал и великим вождем партии, и гениальным корифеем всех наук». Достаточно взять комплекты «Правды» 20-х и 30-х годов, чтобы увидеть, как ее редактор Мехлис преуспевал в достижении этой цели. Благодарный Сталин ответил взаимностью: бывшего слушателя Института красной профессуры Мехлиса сначала сделали заместителем главного редактора, потом и главным редактором «Правды», а после «великой чистки» Сталин ввел его в состав ЦК и его Оргбюро (коллегия, распределявшая высшие кадры партии и государства). Во время войны Сталин назначил его своим заместителем по Министерству обороны и начальником Главного политического управления Красной Армии в чине генерал-полковника (Хрущев, член Политбюро, был только генерал-лейтенантом). После войны Сталин его сделал министром Государственного контроля и вновь членом ЦК (на XIX съезде). Сейчас, после «дела сионистов» и нового «дела врачей-

вредителей», Сталин вспомнил известный «дефект» Мехлиса — он был евреем. Плоская логика антисемита ему и подсказала: если еврей, то сионист, а если сионист, то мог дать задание сионистским врачам (не только пациентом, но и покровителем которых он был) убить своего давнишнего соперника и преемника на посту начальника Главного политического управления Красной Армии, бывшего однокашника по ИКП — А.Щербакова. И вот, пока врачи-«вредители» ожидали суда, Сталин послал Мехлиса в «важную командировку» в Саратов. Там без шума и без свидетелей его арестовали. Переведенный в больницу Лефортовской тюрьмы в Москве, он дал нужные Сталину показания и 13 февраля 1953 года умер (см.V i k t o r A l e x a n d r o v. The Kremlin, p.325).

Мехлиса торжественно похоронили на Красной площади в присутствии многих членов Политбюро, маршалов, министров, но без Сталина. Вероятно, Сталин решил, что лицемерие тоже должно иметь меру. По крайней мере он отсутствовал не по болезни, так как 17 февраля принял посла Индии К.Менона и долго беседовал с ним. По словам К.Менона, Сталин, несмотря на свои семьдесят три года, выглядел совершенно здоровым человеком. Во время беседы Сталин рисовал на листках блокнота волков и высказал мысль, не только не относившуюся к дипломатическому разговору, но даже и не «дипломатическую». Как бы комментируя собственные рисунки, он заметил, что крестьяне поступают мудро, уничтожая бешеных волков! Сталин, конечно, думал не о своем визави и не о его ненавистном Сталину шефе Неру, а о «бешеных волках», Политбюро (см.: M e n a n K. The Flying Troika London. 1963, p.29).

Тем временем «Правда» продолжает кампанию по накаливанию политической и психологической атмосферы в стране. Статьи и корреспонденции «Правды» 8, 9, 11, 12, 16, 18, 19, 20, 22, 23, 26, 27 февраля посвящены «убийцам», «шпионам», «вредителям», «врагам народа» и «буржуазным националистам». Ни одна политическая передовая «Правды» не выходит без ссылки на «бдительность» и «врагов народа». По точным рецептам периода ежовщины «Правда» целеустремленно и систематически культивирует всеобщую шпиономанию.

Поздно вечером 28 февраля выходит «Правда» на 1 марта, в которой напечатано постановление ЦК о женском празднике — дне 8 Марта, — но и там тоже меньше всего говорится о празднике, а больше всего о «шпионах», «убийцах», скрытых «врагах народа», «буржуазных националистах».

А со следующего дня происходит нечто странное и необъяснимое: «Правда» вдруг прекращает печатать всякие материалы о «врагах народа». Более того — «враги народа» совершенно не упоминаются даже в политических статьях и комментариях. В важных передовых статьях «Правды» от 2 марта («Расцвет социалистических наций») и от 3 марта («Важнейшие условия подъема пропаганды») нет ни слова о «буржуазных националистах», «врагах народа», «шпионах» и «убийцах»!

Кампания против «врагов народа» была отменена. Отменена, конечно, не в редакции «Правды», а там, наверху. Кто же ее отменил? Сталин? Нет, конечно, не Сталин. Ее отменили те, кто начиная с 1 марта 1953 года караулил смерть Сталина. Эти «караульщики» в лице четверки — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин — совершили в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года переворот, завуалированный ссылкой на болезнь Сталина, «временно» отошедшего от власти. Четверка немедленно распределила между собою власть в обход Президиума ЦК КПСС. Всем же остальным наследникам Сталина из Политбюро — старым, законным, но не участвовавшим в перевороте, — достались вторые роли. Четверка выпустила «Правительственное сообщение», которое заканчивалось так: «ЦК и Совет Министров СССР сознают все значение того факта, что тяжелая болезнь т.Сталина повлечет за собою более или менее длительное неучастие его в руководящей деятельности. ЦК и Совет Министров в руководстве партией и страной со всей серьезностью учитывают все обстоятельства, связанные с временным уходом т.Сталина от руководящей государственной и партийной работы» («Правда», 4.3.53).

Сталин тем временем умирал, умирал медленно, но верно, по всем правилам «вредительского лечения», которое он сам на себя накликал... Кстати, в первом «Правительственном сообщении» оказалась и другая ложь. В нем говорилось, что удар у Сталина — кровоизлияние в мозг — произошел в ночь на 2 марта, *когда он находился в Москве на своей квартире*, а на самом деле, как выяснилось позже, это случилось не в Москве, а в Кунцеве. Если все происходит естественно и совесть у учеников Сталина чиста, то зачем они скрывают действительное место его смерти? Зачем нужно от имени ЦК и Совета Министров грубо обманывать собственную партию и народ, если не для того, чтобы создать себе алиби?

Первым узнавшим от Хрущева, что Сталин умер не в Москве, был бывший губернатор Нью-Йорка, посол США в Москве во время войны Аверелл Гарриман. Ему же Хрущев рассказал, как четверка охраняла смерть Сталина.

Вот что говорит об этом Гарриман:

«Так называемый заговор врачей, по которому несколько врачей обвинялись в заговоре с целью убийства некоторых руководящих коммунистов, был, очевидно, состряпан Сталиным, чтобы начать новую чистку. Некоторые иностранные наблюдатели России намекали, что люди из окружения Сталина, боясь потерять свою собственную жизнь в связи с новым массовым террором, сами убили старика. Я все время искал ответа на это. В моей недавней продолжительной беседе с Хрущевым Хрущев рассказал свою версию о смерти Сталина. Позднее по моей просьбе он разрешил мне опубликовать это.

Сталин, говорил мне Хрущев, стал в последние годы очень подозрительным, деспотичным и безжалостным. «Он никому не верил, и никто из нас ему тоже не верил. Он не давал нам делать работу, на которую сам давно не был способен. Нам было очень трудно. Однажды в субботу,

ночью, он пригласил нас на обед к себе на дачу за городом. Сталин был в хорошем настроении. Это был веселый вечер, и мы хорошо провели время. Потом мы поехали домой. По воскресеньям он обычно звонил нам, чтобы обсуждать дела, но в то воскресенье он не звонил, что нас поразило. В понедельник он также не вернулся в город. В понедельник вечером звонит начальник его личной охраны и говорит, что Сталин болен. Все мы — Берия, Маленков, Булганин и я — немедленно отправились на дачу, чтобы увидеть его. Он уже потерял сознание. Одна рука и одна нога были парализованы, отнялся язык. Мы находились с ним три дня, но сознание к нему не возвращалось. Потом на некоторое время к нему вернулось сознание, и тогда мы вошли к нему в комнату. Сиделка поила его чаем с ложки. Он пожал нам руки и старался шутить с нами, силясь смеяться, показал здоровой рукой на картинку, висевшую над его постелью. На ней был нарисован козленок, которого маленькая девочка кормила с ложки. Вот теперь, как бы говорил он жестом, он такой же беспомощный, как и этот козленок. Через некоторое время он умер. Я плакал. Прежде всего мы были его учениками и обязаны ему всем».

Я спросил Хрущева, выбрал ли Сталин себе наследника. Хрущев резко ответил: «Он никого не выбрал. Он думал, что будет жить всегда» (Averell Harriman. Peace with Russia. New York. 1959,pp.102-103).

Из этого рассказа мы узнаем важные вещи:

1) Сталин умер не в Москве, а на своей даче (позже от Аллилуевой мы узнаем, что это была кунцевская дача);

2) последними посетителями Сталина были Берия, Маленков, Хрущев и Булганин, и они провели всю ночь субботы 28 февраля 1953 года у Сталина за выпивкой;

3) только в понедельник 2 марта охрана Сталина сообщает этой четверке, что Сталин заболел, они едут к нему и три дня караулят у его постели, спокойно ожидая его смерти;

4) о врачах вообще не упоминается.

Эту версию Хрущев потом много раз повторял разным лицам. В воспоминаниях Хрущева она немного расширена. Дата болезни Сталина перенесена на 28 февраля, но суть остается прежней. Только, очевидно, кто-то надоумил Хрущева, что нужно упомянуть о врачах хотя бы на второй день болезни. Окончательная редакция рассказа выглядит так:

«Сталин заболел в феврале 1953 года (то есть 28 февраля. — *А.А.*). Маленков, Берия, Булганин и я были у него на даче Ближняя в субботу ночью... Как обычно, обед продолжался до 5-6 часов утра. Сталин был после обеда изрядно пьяный и в очень приподнятом настроении. Не было никаких признаков какого-нибудь физического недомогания... Мы разошлись по домам счастливые, что обед кончился так хорошо... Я был уверен, что на следующий день, в воскресенье, Сталин вызовет нас для встречи, но от него не было звонка. Вдруг раздался телефонный звонок. Это был Маленков, он сказал: «Слушай, только что звонила охрана с дачи Сталина. Они думают, что со Сталиным что-то случилось. Будет лучше, если мы поедем туда. Я уже сообщил Берия и

Булганину. Будет хорошо, если ты немедленно выедешь»... Я быстро оделся и поехал на дачу Сталина... Через 15 минут я был там. Когда мы все собрались, мы посетили дежурных офицеров, прежде чем идти в комнату Сталина. Офицеры объяснили нам, почему они подняли тревогу: «Товарищ Сталин обычно почти всегда вызывает кого-нибудь и просит чай или что-нибудь поесть к 11 часам. Сегодня он этого не сделал». Поэтому они послали Матрену Петровну узнать, в чем дело. Это была старая дева, которая с давних пор работала у Сталина. Она не отличалась блестящими способностями, но была честной и преданной Сталину. Вернувшись, она сообщила охране, что Сталин лежит на полу большой комнаты, в которой он обычно спит. Очевидно, Сталин упал с кровати. Охранники его подняли с пола и положили на диван в маленькой комнате. Когда нам все это рассказали, мы решили, что неудобно явиться к Сталину, когда он в таком непрезентабельном состоянии. Мы разъехались по домам» («Khrushchev Remembers», vol. I, pp.340-342).

Значит:

1) 28 февраля со Сталиным пировала четверка;

2) они ушли от Сталина утром 1 марта;

3) вечером того же дня Сталин тяжело заболел (упал с кровати и подняться сам не мог, не требовал пищи, не разговаривал с обслугой; очевидно, лишился дара речи);

4) четверка был вызвана вечером 1 марта к больному Сталину, но они не стали вызывать врачей, отказались видеться с больным и разъехались по домам.

Хрущев продолжает:

«Поздно ночью Маленков позвонил второй раз: «Охрана Сталина звонила опять. Они говорят, что со Сталиным что-то определенно не в порядке»...

Когда мы вновь послали Матрену Петровну проверить состояние Сталина, то она сказала, что он спит глубоким сном, но сном не обыкновенным. Мы решили, что лучше уехать. Мы поручили Маленкову вызвать Кагановича и Ворошилова, которых с нами не было накануне, а также врачей» (там же, с.342).

Наконец все-таки вызвали и врачей!

Врачи раздели Сталина и перенесли обратно в большую комнату, где было больше света. Врачи «сказали нам, что болезнь такого рода продолжается недолго и ее исход бывает смертельным», — рассказывает Хрущев.

Кто же эти врачи? Они никому не известны. Как мы увидим дальше, никого из них не знает и Светлана Аллилуева. Нет не только личного врача Сталина Виноградова, но и тех, кто в нормальных условиях немедленно должен был бы прибыть к больному Сталину: начальник Лечебно-санитарного управления Егоров посажен вместе с Виноградовым, а министр здравоохранения СССР Смирнов, собутыльник Сталина (см.выше), исчез как раз накануне болезни Сталина, замененный Третьяковым, которого тоже никто не знает.

Как издевательство над Сталиным звучат слова Хрущева: «мы сделали все, чтобы поставить Сталина на ноги» — после его же рассказа, как, осведомившись у Матрены Петровны о состоянии Сталина, они даже не зашли к нему, не вызвали врачей, а разъехались по домам. Врачей вызвали (если вообще это были врачи) только тогда, когда Сталин оказался в безнадежном состоянии, и только тогда его и раздели!

Дальше Хрущев рассказывает, что единственным человеком, желавшим смерти Сталина, был Берия. Берия открыто издевался над умирающим Сталиным (см. там же, с.343).

Однако важно другое признание Хрущева:

«Я был более откровенен с Булганиным, чем с другими... Я спросил его:

— Ты знаешь, какая ситуация сложится, если Сталин умрет? Ты знаешь, какой пост хочет занять Берия?

— Какой?

— Он хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас... Что бы ни случилось, мы абсолютно не должны допустить этого.

Булганин сказал, что он согласен со мною, и мы начали обсуждать, что мы отныне должны делать. Я сказал, что я поговорю обо всем этом с Маленковым. Я думаю, что он согласится с нами» (там же, с.344).

Если Хрущев иногда бывает искренним, то в данном случае он искренен вдвойне: борьба за раздел политического наследства Сталина началась еще у постели умирающего, и первой жертвой был намечен Берия. Но пост министра госбезопасности ему все-таки достался: он просто взял его, прихватив заодно и пост министра внутренних дел.

Вернемся к названным выше датам начала болезни Сталина.

Итак, когда же, собственно, у Сталина был удар — в субботу 28 февраля, когда его посетила четверка; в воскресенье 1 марта, когда она его уже покинула (обе эти даты начала болезни названы Хрущевым); в ночь на 2 марта, как утверждает «Правительственное сообщение» (оно солгало о месте нахождения Сталина, могло солгать и о дате), или вечером того же 2 марта, как рассказывал Хрущев Гарриману?

Названы четыре даты, поэтому трудно с уверенностью сказать, какая из них истинная. Я склоняюсь к дате *28 февраля*, ибо, как указывалось выше, уже 1 марта фактически власть была в руках четверки (объективное доказательство этого — внезапное прекращение 1-2 марта кампании в «Правде» против «врагов народа»). Но заговорщикам очень важно скрыть не только от народа, но и особенно от партии и армии) то, что происходит со Сталиным, чтобы выиграть время для беспрепятственного и успешного завершения переворота. Поскольку заговорщики заинтересованы в создании безупречного алиби, то они приглашают детей Сталина и двух избранных членов Политбюро (Ворошилова и Кагановича) к постели умирающего на второй или третий день болезни, а народу о ней сообщают на четвертый или пятый день, когда смерть Сталина уже неизбежна.

Теперь обратимся к воспоминаниям Светланы Аллилуевой. Она подтверждает, что Сталин умер не в Москве, а на кунцевской даче; ее и Василия Сталина вызвали к умирающему только 2 марта, когда Сталин окончательно потерял сознание. Дальше она пишет: «...*незнакомые врачи*, впервые увидевшие больного, ужасно суетились вокруг. Ставили пиявки на шею и затылок, снимали кардиограммы, делали рентген легких, медсестра беспрерывно делала какие-то уколы, один из врачей беспрерывно записывал в журнал ход болезни... Все суетились, спасая жизнь, которую нельзя было уже спасти...» («Двадцать писем к другу», с.6-7). Из всех этих врачей С.Аллилуевой показалась знакомой одна женщина-врач: «Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, — где я ее видела? Мы кивнули друг другу, но не разговаривали» (там же, с.7). (Эту женщину-врача важно запомнить.)

Наблюдения Аллилуевой о поведении Сталина, когда он приходил в себя, совсем не такие, как у Хрущева. Хрущев говорит, что когда к Сталину на некоторое время вернулось сознание, то «тогда он начал пожимать каждому из нас руки...» («Khrushchev Remembers», vol. I, p.343).

У Аллилуевой сказано: «Агония была страшной. Она душила его у всех на глазах... В какой-то момент... он вдруг открыл глаза и обвел ими всех, кто стоял вокруг. Это был ужасный взгляд, то ли безумный, то ли гневный... Взгляд этот обошел всех в какую-то долю минуты. И тут — это было непонятно и страшно, я до сих пор не понимаю, но не могу забыть, — тут он поднял вдруг кверху левую руку (которая двигалась) и не то указал ею куда-то наверх (Хрущев дважды повторяет, что Сталин указал на рисунок с козленком и девочкой. — *А.А.*), не то *погрозил* всем нам. Жест был непонятен, но *угрожающ*, и неизвестно, к кому и к чему он относился» («Двадцать писем к другу», с.9-10). Так что того почти идиллического прощания Сталина со своими соратниками, какое рисует Хрущев, не было. Прощание было гневным, угрожающим.

Но наблюдения Хрущева и Аллилуевой о поведении Берия в основном совпадают.

Аллилуева пишет: «Только один человек вел себя почти неприлично — это был Берия. Он был возбужден до крайности... лицо его то и дело искажалось от распиравших его страстей. А страсти его были — честолюбие, жестокость, хитрость, власть, власть... Он так старался в этот ответственный момент, как бы не перехитрить и как бы не недохитрить... Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного — отец иногда открывал глаза... Но это было без сознания... Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза... А когда все было кончено, он первым выскочил в коридор, и в тишине зала, где стояли все молча вокруг одра, был слышен его громкий голос, не скрывающий *торжества*: «Хрусталев! Машину!» Это был великолепный современный тип лукавого царедворца, воплощение восточного коварства, лести, лицемерия, опутавшего даже отца, которого вообще-то трудно было

обмануть... Во многом Лаврентий сумел хитро провести отца... Его дико боялись и знали, что в тот момент, когда умирает отец, ни у кого в России не было в руках большей власти, чем у этого ужасного человека» (там же, с.7-8).

Стало быть, после Сталина власть фактически была в руках Берия, но так как Сталин теперь лежал без сознания, то власть и над Сталиным — жить или умереть ему — тоже была в его руках. И Хрущев и Аллилуева единодушны в своих наблюдениях: Берия желал смерти Сталина, а когда она наступила — он торжествовал. Теперь мы подошли к самому загадочному вопросу: не ухаживали ли за больным Сталиным по методу, который Сталин приписывал арестованным врачам Кремля, — ставя неправильный диагноз и давая противопоказанные лекарства?

У нас есть один исключительно важный свидетель, присутствовавший при смерти Сталина и категорически и во всеуслышание утверждавший: Сталина отравили, Сталина убили! Это сын Сталина — генерал-лейтенант Василий Сталин.

Как видно из ее книг, дочь Сталина довольно рано начала проявлять критическое отношение к учению отца и окружающей ее советской действительности, но она не пишет, что ее серьезно занимали политические вопросы или что она вела с отцом какие-либо разговоры на политические темы. Как бы оставаясь верным патриархальным традициям Кавказа, где почти неприлично было говорить с женщиной о политике, Сталин, видимо, не говорил с дочерью о политике. К тому же дочь бывала у отца в последние два-три года его жизни очень редко.

Совершенно по-другому обстояло дело с сыном. Василий Сталин к началу войны окончил военно-авиационную школу. Всю войну провел на фронтах, летал на истребителях, командовал дивизией, корпусом, авиационным соединением в Германии после войны. Потом он был назначен командующим военно-воздушными силами Московского военного округа. Всеми традиционными воздушными парадами под Москвой, а во время праздников и над Красной площадью командовал лично Василий Сталин. Конечно, в возрасте двадцати пяти — двадцати шести лет офицеры генералами не делаются, исключением был разве только Наполеон (на то он и был Наполеоном), но Василия тоже надо считать своего рода исключением — он был сыном Сталина. Сталинские маршалы, чтобы угодить самому Верховному, раболепствовали перед его сыном и осыпали его чинами и орденами. Однако сколько бы ни рассказывали, что Василий любил выпить, никто не оспаривал его отваги и мужества во время войны, да трусы не лезут в летчики реактивной истребительной авиации. Сталин-отец, в молодости сам тоже отважный и мужественный, заметил однажды о сыне, что тот за него пойдет в огонь и в воду. Вот из-за этой его преданности генерал-лейтенанта Василия Сталина и убрали с поста командующего военно-воздушными силами Московского военного округа, убрали руками са-

мого Сталина так же, как впоследствии уберут генералов Поскребышева и Власика.

Аллилуева видит причину его снятия в другом: «С Московского округа его снял еще отец, летом 1952 года. 1 мая 1952 года командование запретило пролет авиации через Красную площадь, так как было пасмурно и ветрено, но Василий распорядился сам, и авиация прошла — плохо, вразброс, чуть ли не задевая шпили Исторического музея... А на посадке несколько самолетов разбились... Это было неслыханное нарушение приказа командования... Отец сам подписал приказ о снятии Василия...» («Двадцать писем другу», с.197-198).

Возможно, Аллилуевой тут изменяет память. По крайней мере по описанию «Правды», в Москве 1 мая 1952 года была прекрасная погода, и воздушный парад был образцовым, что доказывает фотография четкого и стройного полета авиации через Красную площадь. «Правда» пишет: «С первыми лучами весеннего солнца проснулась Москва в это майское *золотое утро*... Органически вливаясь в торжественный строй парада, как бы олицетворяя четкое взаимодействие всех родов оружия, над Красной площадью появляется боевая советская авиация. Сверкая в лучах солнца, эскортируемый реактивными истребителями, плывет многомоторный флагманский корабль командующего воздушным парадом гвардии генерал-лейтенанта В.И.Сталина» (2.5.52).

Если даже при посадке разбилось несколько самолетов, то выходит, что это случилось не из-за погоды и не из-за Василия, ибо его собственная машина, очевидно, села нормально. Не вяжется и другое: парад был 1 мая, а Василия Сталина сняли только летом, так что парад тут явно ни при чем. Василий, не в пример отцу, был, как видно, человеком широкой натуры плебейского пошиба, любил общество, лучше чувствовал себя «на дне», чем на верхах; в отличие от отца он был грузином — темпераментным, гостеприимным, добродушным, открытым, доступным, веселым, пьющим, ухаживающим за женщинами и преданным друзьям; поэтому организовать против него какое-нибудь «бытовое дело» было для Берия легче легкого. А убрать Василия с его поста для заговорщиков было весьма важно: ведь, узнав о заговоре против отца, он мог бы использовать против них военно-воздушные силы. Кроме того, Василий все-таки был не младший лейтенант, а генерал-лейтенант, и при встречах Сталин, видимо, говорил с ним не только о самолетах, но и о политике, о своих проблемах и трудностях, о своих подозрениях, о своих неблагодарных соратниках — наподобие: «Смотри, сын, в оба, видишь, с кем ты имеешь дело». Если Сталин когда-нибудь и кому-нибудь открывал хоть частицу того сокровенного, что он думал о своих сподвижниках из Политбюро, то скорее всего только беззаветно ему преданному сыну. Отношения между отцом и сыном остались нормальными и после снятия Василия с его должности: это видно хотя бы из того, что по совету отца он поступил в Академию Генерального штаба. Василия Сталина, как и его сестру, об «ударе», случившемся с отцом, известили, как уже указывалось, лишь на второй

или третий день, когда Сталин уже не владел речью. В таком состоянии умирающие уже не жалуются.

Но велики тайны провидения. Какая-то неведомая сила, может быть, просто внутреннее чувство дочери, заставила Аллилуеву позвонить умерщвляемому Сталину именно в то воскресенье 1 марта 1953 года: «Я хотела приехать (к отцу. — *А.А.*) еще раз в воскресенье 1 марта, но не могла дозвониться» («Двадцать писем к другу», с. 195).

Конечно, не могла дозвониться! Все телефоны Сталина были в руках Берия, им блокированы, но это свидетельство Аллилуевой имеет историческое значение. Аллилуева продолжает:

«А наутро 2 марта меня вызвали с занятий в академии и велели ехать в Кунцево. Моего брата Василия тоже вызвали 2 марта 1953 года. Он тоже сидел *несколько часов* в этом большом зале... В служебном доме он еще пил, шумел, разносил врачей, кричал, что «*отца убили*», «*убивают*»... » (там же, с.195-196).

Аллилуева, вероятно, склонна думать, что брат бушует под действием алкоголя. Однако в дни похорон, очевидно, совершенно трезвый, неся гроб отца рядом с Молотовым, он вновь повторяет, что «отца убили». Аллилуева продолжает: «Смерть отца потрясла его. Он был в ужасе. Он был уверен, что отца «отравили», «убили»; он видел, что рушится мир, без которого он существовать не может... В дни похорон он был в ужасном состоянии и вел себя соответственно — на всех бросался с упреками, обвинял правительство, врачей, всех, кого возможно, что не так лечили... Он ощущал себя наследным принцем» (там же, с.198).

Уверенность Василия, что отца убили, о чем он настойчиво и многократно повторял каждому, кто это хотел слышать (Василий, вероятно, надеялся, что армия заступится за своего Верховного), не была и не могла быть бредом пьяного. Он знал слишком много. Он знал, что заговорщики «организовали болезнь» Сталина, он знал также, что его отец думал о готовящемся заговоре. Бесстрашный молодой генерал,знающий тайну смерти отца, мог сделаться знаменем, даже организатором нового переворота против узурпаторов отцовской власти. Поэтому его дни на воле оказались считанными.

Сначала постарались избавиться от него по-хорошему. Министр обороны Булганин вызвал его к себе и предложил ему поехать в провинцию, в один из военных округов, но он отказался, желая остаться в Москве. Тогда его разжаловали, арестовали и посадили в знаменитую теперь своим зверским режимом Владимирскую тюрьму. Это произошло через неполных два месяца после смерти Сталина — 28 апреля 1953 года. Просидев там семь лет, он умер в ссылке в Казани в марте 1962 года. Сестра его думает, что он умер от алкоголизма, но, увы, есть в мире еще и другая, более безжалостная болезнь — политика. От нее он и умер.

Вернемся вновь к официальным документам.

В «Правительственном сообщении» от имени ЦК КПСС и Совета Министров, опубликованном только 4 марта 1953 года, сказано:

«В ночь на 2 марта у т.Сталина, когда он находился в Москве на своей квартире, произошло кровоизлияние в мозг. Товарищ Сталин потерял сознание. Развился паралич правой руки и ноги. Наступила потеря речи».

О тяжкой, смертельной болезни Сталина сообщают только на четвертый день, ибо фактически удар у Сталина был вечером 1 марта (смотрите выше рассказ Хрущева). «Правительственное сообщение» о болезни Сталина, видно, составлено заговорщиками без консультации с врачами, иначе Сталин не потерял бы сначала сознание, а потом речь. Для лечения Сталина создается комиссия из восьми врачей — академиков и профессоров. Во главе комиссии — новый министр здравоохранения СССР Третьяков и новый начальник Лечебно-санитарного правления Кремля Куперин. В сообщении говорится, что «лечение т.Сталина проводится под постоянным наблюдением ЦК КПСС и Совета Министров СССР», то есть «вредительское лечение» исключается.

5 и 6 марта выходит несколько бюллетеней о ходе болезни Сталина. Составленные на этот раз, по всей видимости, с использованием последних, и лучших, медицинских учебников, бюллетени поражают подробностью и изобилием непонятных, сугубо медицинских терминов, частично тут же переведенных на русский язык. За внешней озабоченностью ходом болезни Сталина и «энергичными мерами» его лечения, иногда даже вызывающими частичное улучшение состояния больного, чувствуется, что смерть Сталина — дело решенное.

Так, бюллетень, составленный 5 марта, в день смерти, и опубликованный 6 марта, сообщает: «В 11 часов 30 минут вторично наступил тяжелый коллапс, который был с трудом ликвидирован соответствующими лечебными мероприятиями»; но даже: «...в дальнейшем сердечно-сосудистые нарушения несколько улучшились, хотя общее состояние продолжает быть крайне тяжелым», — словом, дело клонится к летальному исходу, но энергичные лечебные меры не дают еще Сталину умереть.

5 марта 1953 года Сталин умирает. Тогда «наследники» прибегают к неслыханной мере, они создают совершенно новую комиссию академиков и профессоров из семи человек во главе с теми же Третьяковым и Куперином для подтверждения правильности диагноза болезни Сталина и правильности его лечения под руководством ЦК. Комиссия дала авторитетное заключение: «Результаты патологоанатомического исследования *полностью подтверждают диагноз*, поставленный профессорами-врачами, лечившими И.В.Сталина. Данные патологоанатомического исследования установили *необратимый* характер болезни И.В.Сталина с момента возникновения кровоизлияния в мозг. Поэтому принятые *энергичные меры* лечения не могли дать положительный результат и предотвратить роковой исход» («Известия», 7.3.53).

Это не врачи, а Берия и его соучастники заручились свидетельством, чтобы доказать свое алиби. Они знали, что не только Василий

Сталин будет утверждать, что «они убили Сталина». Но одно то, что им понадобилось такое свидетельство, выдает их с головой.

Дворцовый переворот в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года против Сталина во многом напоминает дворцовый переворот против Павла I и его убийство в ночь с 11 на 12 марта 1801 года. Тогда восстала дворянская элита против жестокого царя, сейчас восстала сталинская элита против «отца и учителя», открыто угрожавшего «детоубийством». В этом последнем заключается и разница: дворянские заговорщики восстали, чтобы спасти Россию от тирана, а сталинцы — чтобы спасти собственные головы.

Большинство заговорщиков против Павла были склонны сохранить жизнь царю, если он подпишет манифест о добровольном отречении от престола (только при этом условии дал свое согласие на переворот сын Павла — Александр); большинство заговорщиков против Сталина, вероятно, тоже сохранили бы ему жизнь, если бы он добровольно ушел со своих постов. Но Берия думал, что в создавшихся условиях лучший Сталин — Сталин мертвый. В свое оправдание он мог бы процитировать и своего предшественника, организатора заговора против Павла, петербургского военного губернатора графа Палена, сказавшего в ночь заговора своим соучастникам: «Вспомните, господа, что нельзя сделать яичницу, не разбив яиц».

Даже объявления о наступлении новой эры после Павла и после Сталина перекликаются между собою. Обычная традиционная формула при естественном наследовании престола в старой России гласила, что сын будет управлять в духе «незабвенного родителя нашего», но в манифесте 12 марта 1801 года Александр I подчеркнул, что будет управлять по законам и «по сердцу» покойной государыни, то есть Екатерины II. Это означало либеральное управление. Заговорщики против Сталина в своем первом постановлении после смерти отмежевываются от него тем, что умалчивают его имя и обещают управлять страной, руководствуясь «выработанной нашей партией политикой», а не «гениальными указаниями» только что умершего «отца, учителя и вождя». При этом наследники предупреждают против возможного «разброда и паники» (ничего, мол, страшного не произошло!). Вот соответствующее место из «Постановления совместного заседания пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета» от 7 марта 1953 года:

«ЦК, Совет Министров и Президиум Верховного Совета в это трудное для нашей партии и страны время считают важнейшей задачей партии и правительства — обеспечение бесперебойного и правильного руководства... что, в свою очередь, требует... недопущения какого-либо разброда и паники, с тем чтобы таким образом безусловно обеспечить успешное проведение в жизнь *выработанной нашей партией и правительством политики* как во внутренних делах нашей страны, так и в международных делах».

Таким образом, в этом первом, самом важном юридическом акте о престолонаследии нет ни слова о Сталине, нет обещания управлять

по-сталински, а есть обещание управлять так, как когда-то управляла наша «государыня» — партия.

Если аналогия, то до конца: граф Пален думал, что править Россией при молодом царе будет он, но Александр I уволил его в отставку. Свергая Сталина, Берия думал превратить Россию сталинскую в Россию бериевскую, прикрываясь именем номинального «царька» Маленкова, но его перехитрили и отправили на тот свет, руководствуясь его же «философией»: лучший враг — мертвый враг.

Для выяснения внутренней правды любых исторических событий важно не то, что говорят их участники, а то, что говорят сами события. Никогда история не бывает так перегружена ложью, как в переломные периоды, и никогда политические деятели так беззастенчиво не лгут, как на путях к власти. И здесь пальма первенства досталась большевикам. Раструбив на весь мир, как они цепко хватались за жизнь Сталина, заговорщики не только тщательно обходят его имя в «постановлении совместного заседания», но и открыто дают юридическое оформление своему фактическому перевороту: 6 марта 1953 года сталинский Президиум ЦК из 25 человек и 11 кандидатов был разогнан меньшинством этого Президиума — четверкой. Было восстановлено то старое Политбюро, которое Сталин ликвидировал фактически в октябре 1952 года и которое он хотел ликвидировать физически в связи с «делом врачей».

Совершить переворот у заговорщиков хватило мужества, но открыто заявить об этом они побоялись, ибо еще думали, что убили бога, а не лжебога и если сообщить народу о его преступлениях (что было сделано только через три года на XX съезде), то армия может возмутиться поруганием своего Верховного.

Четверка реорганизует и Секретариат ЦК, изгнав оттуда тех, на кого Сталин собирался опереться при уничтожении старого Политбюро — Пономаренко, Брежнева, Игнатова, Аристова и Пегова, — но введя помогшего организовать заговор против Сталина бывшего министра госбезопасности Игнатьева. Немедленно изгоняется узкая военная клика, на которую опирался Сталин: снимается министр обороны маршал Василевский (для виду его оставляют «заместителем», хотя фактическим заместителем был назначен опальный маршал Жуков), смещаются командующий Московским военным округом генерал-полковник Артемьев и комендант города Москвы генерал-лейтенант Синилов. Изгоняется и арестовывается весь руководящий аппарат Министерства госбезопасности во главе с заместителем министра Рюминым (он непосредственно руководил делом врачей-«вредителей»).

Разгром происходит в крупнейших центрах страны, где орудовали личные ставленники Сталина: в Ленинграде исчезает первый секретарь Ленинградского обкома и член Президиума ЦК КПСС Андрианов, в Киеве — первый секретарь ЦК Украины и член Президиума ЦК КПСС Мельников, в Минске — первый секретарь ЦК Белоруссии и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Патоличев.

Главные посты в партии и правительстве достаются не тем, кого считали в партии и стране законными наследниками Сталина (Моло-

тов, Каганович, Ворошилов), а тем, кто произвел переворот: Маленков делается Председателем Совета Министров СССР, Берия назначается его первым заместителем и министром внутренних дел СССР (Министерство внутренних дел и Министерство госбезопасности объединены теперь в одно Министерство внутренних дел), Булганин назначается министром обороны (Военное министерство объединено с Военно-морским министерством), Хрущев становится исполняющим обязанности Первого секретаря ЦК КПСС.

Заговорщикам очень нужны имена старых членов Политбюро, сотрудников Ленина и соратников Сталина, для создания видимости законной исторической преемственности. Поэтому они назначают Молотова и Кагановича тоже «первыми заместителями» Председателя Совета Министров. Но это фикция. Первый заместитель бывает всегда первым, и эту должность занимает Берия: при перечислении членов Президиума ЦК его фамилию называют сразу после фамилии Маленкова. Для той же бутафории Ворошилов назначается на действительно бутафорскую должность — «президентом», то есть Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Нужно еще раз засвидетельствовать перед партией и страной, что Сталин умер естественной и оплакиваемой всем Политбюро смертью, а потому ему устраивают сверхимператорские похороны: Хрущев назначается председателем похоронной комиссии, Маленков, Берия и Молотов произносят траурные речи (первые два — лицемерные, последний — искреннюю). Забальзамированного, как фараона, Сталина кладут рядом с другим фараоном в Мавзолей на Красной площади.

Мне возразят: сама дочь Сталина видела слезы на глазах Хрущева, Маленкова и Булганина в день смерти Сталина. Но плачут не всегда от горя, а иногда и от радости.

Глава двенадцатая

КАК ПРОИЗОШЕЛ ПЕРЕВОРОТ?

Если существование антисталинского заговора надо считать фактом неоспоримым (как по условиям сложившейся наверху олигархии, так и по объективным результатам переворота), то вопрос, как произошел сам переворот, остается все еще одной из самых глубоких тайн Кремля. Да это и понятно. Как произошло убийство Павла I (1801), Россия узнала только через сто лет, после революции 1905 года. Это объясняется преемственностью интересов царствующего дома — независимо от личности отдельных царей.

У большевиков же преемственна сама конспиративность системы, и пока не наступит полная ликвидация сталинщины, к архивам «дела Сталина» доступа не будет. Поэтому сейчас мы вынуждены строить догадки о том, как в действительности умирал Сталин, только сопо-

ставляя высказывания советских и западных (получивших сведения из коммунистических кругов) источников.

После XX съезда, после «Закрытого письма ЦК» к партии, после ряда статей в печати в начале 1956 года с разоблачениями Сталина советские и иностранные коммунисты начали бомбардировать ЦК КПСС письмами и запросами: «Если Сталин был такой негодяй, то что же делали вы, ведь он без вас был ничто?» ЦК решил, что настало время сказать что-то важное. Было издано постановление ЦК КПСС от 30 июня 1956 года «О преодолении культа личности и его последствий». В нем ЦК первый и последний раз признал, что антисталинские руководители ЦК (четверка) не сидели сложа руки. В их лице был создан противовес Сталину:

«XX съезд партии и вся политика ЦК после смерти Сталина ярко свидетельствуют о том, что *внутри ЦК имелось сложившееся ленинское ядро руководителей*» («Правда», 2.7.56).

Так как в это «сложившееся ленинское ядро руководителей» не входил сам Сталин, то абсолютно ясно, что оно и сложилось против него. Таким образом, это «ленинское ядро» и есть псевдоним антисталинского заговора. Заговор фактически признается, но о технике его осуществления умалчивается (только через десять лет после смерти Сталина Хрущев немножко приподнял завесу над этой тайной). Однако сначала разберем версии, появившиеся в западной прессе.

Первая версия принадлежит Илье Эренбургу — подставному лицу, рупору тогдашнего руководства Кремля. Поручая Эренбургу эту миссию, Кремль преследовал те же цели, что и в постановлении ЦК от 30 июня 1956 года о культе личности: дать понять, что, когда Сталин создавал дело врачей-«вредителей», руководители ЦК не сидели сложа руки. Свою версию Эренбург рассказал французскому философу и писателю Жан-Полю Сартру. После публикации во французской прессе она обошла и всю мировую печать.

Вкратце рассказ Эренбурга сводится к следующему. 1 марта 1953 года происходило заседание Президиума ЦК КПСС. На этом заседании выступил Л.Каганович, требуя от Сталина: 1) создания особой комиссии по объективному расследованию «дела врачей»; 2) отмены отданного Сталиным распоряжения о депортации всех евреев в отдаленную зону СССР (новая черта оседлости).

Кагановича поддержали все члены старого Политбюро, кроме Берия (?!). Это необычное и небывалое единодушие показало Сталину, что он имеет дело с заранее организованным заговором. Потеряв самообладание, Сталин не только разразился площадной руганью, но и начал угрожать бунтовщикам самой жестокой расправой. Однако подобную реакцию на сделанный от имени Политбюро ультиматум Кагановича заговорщики предвидели. Знали они и то, что свободными им из Кремля не выйти, если на то будет власть Сталина. Поэтому они приняли и соответствующие предупредительные меры, о чем Микоян заявил бушующему Сталину: «Если через полчаса мы не выйдем свободными из этого помещения, армия займет Кремль!» После этого

заявления Берия тоже отошел от Сталина. Предательство Берия окончательно вывело Сталина из равновесия, а Каганович вдобавок тут же на глазах Сталина изорвал на мелкие клочки свой членский билет Президиума ЦК КПСС и швырнул Сталину в лицо. Не успел Сталин вызвать охрану Кремля, как его поразил удар: он упал без сознания. Только в 6 часов утра 2 марта к Сталину были допущены врачи (см. «Die Welt», 1.9.56).

«Выстрелом» Эренбурга послесталинский ЦК хотел убить трех зайцев: во-первых, мы не бездействовали, когда Сталин хотел создать новую черту оседлости для советских евреев; во-вторых, Сталин умер не без нашей вины; в-третьих, Берия, как всегда, был со Сталиным, но перешел на нашу сторону, когда увидел, что армия с нами. Отметим, что, как и в будущих рассказах Хрущева, в версии Эренбурга врачи к Сталину вызываются только на второй день его смертельного удара.

Через год — в 1957 году — Кремль инспирировал выступление за границей бывшего члена Президиума ЦК КПСС и секретаря ЦК КПСС, а потом посла СССР в Голландии Пономаренко. И хотя Пономаренко, по существу, лишь подтвердил рассказ Эренбурга, его версия, поскольку он был официальным лицом и членом ЦК, была подхвачена мировой прессой как величайшая сенсация.

Вот эта версия. Сталин в конце февраля 1953 года созвал заседание Президиума ЦК и сообщил о показаниях врачей-«вредителей» — как они умерщвляли видных деятелей партии и как они собирались делать это и дальше. Одновременно Сталин представил на утверждение Президиума ЦК проект декрета о депортации всех евреев в Среднюю Азию. Тогда выступили Молотов и Каганович с заявлениями, что такая депортация произведет катастрофическое впечатление на внешний мир. Сталин пришел в раж, начал разносить всех, кто осмеливался не соглашаться с его проектом. Еще раз выступил Каганович, на этот раз резко и непримиримо, демонстративно порвал свой партбилет (членский билет Президиума ЦК? — *А.А.*) и бросил его на стол перед Сталиным. Каганович кончил речь словами: «Сталин позорит нашу страну!» Кагановича и Молотова поддержали все, и негодующий Сталин вдруг упал без сознания — с ним случился коллапс. Берия пришел в восторг и начал кричать: «Тиран умер, мы — свободны!» — но когда Сталин вдруг открыл глаза, Берия якобы стал на колени и начал просить у Сталина извинения. (Эта банальная сцена с Берия присутствует во многих советских инспирациях.)

Автор, у которого мы взяли версию Пономаренко, спрашивает: «Было ли Сталину разрешено умереть своей смертью, или, как упорно утверждают слухи, против него организовался заговор его наследников?» (V i c t o r A l e x a n l r o v. The Kremlin, p.326).

По словам Эренбурга, сам Сталин был глубоко убежден, что члены Политбюро организовали заговор с целью убить его. Только очень странно и в свете дальнейших событий просто необъяснимо, что Сталин перепутал воображаемых заговорщиков с подлинными. В рассказе, приписываемом Эренбургу, говорится: «После XIX съезда стало ясно, что у Сталина мания преследования... Он готовил самую великую

кровавую чистку, хотел физически уничтожить ЦК XIX съезда. Он в разговорах высказывал мысль, что Ворошилов, Молотов, Каганович, Микоян хотят убить его» (там же).

Эти высказывания или подозрения Сталина полностью согласуются с его повседневным поведением и с его отношением к своим соратникам. Как мы видели, Сталин их всех открыто обвинял в измене.

После XXII съезда КПСС вновь встал вопрос о смерти Сталина — неужели тиран, совершивший столько преступлений (о них говорил на съезде не только Хрущев, но и все новые члены Президиума ЦК), умер своей смертью?

Разоблачения чудовищных преступлений Сталина (от массовых расстрелов по «спискам» без суда старых большевиков и даже жен многих из них и до новых подробностей убийства Кирова) так, видно, задели партию, что в ней нарастало возмущение: почему же такого негодяя не убили?

В 1963 году Хрущев, открыто сказав, что люди негодуют, что Сталин не умер на десять лет раньше, заявил: «Они правы».

Как раз через десять лет после смерти Сталина, после двухлетней интенсивной антисталинской пропаганды со времени XXII съезда Хрущев впервые отважился осветить и некоторые подробности смерти Сталина. Сделал он это перед деятелями Польской компартии. Или круг слушателей был слишком широк, или это входило в планы Хрущева, но кое-какие рассказанные им новые детали попали на страницы французского журнала «Paris Match» и были перепечатаны с комментариями в немецком журнале «Der Spiegel» (1963, № 32).

Свой анализ «Шпигель» начинает с утверждения: «Целый ряд улик говорит за то, что Сталин ни в коем случае не умер естественной смертью, как нас в свое время хотели уверить официальные сообщения».

Эта версия Хрущева рисует события так. Сталин умер вовсе не на кремлевской квартире, а в бывшем имении графа Орлова (это и есть кунцевская дача). Здесь, полностью изолированный от внешнего мира, Сталин был «пленником собственного страха». В ночь на 2 марта охраной Сталина сюда были срочно вызваны Хрущев, Маленков, Берия и Молотов (мы уже знаем, что Молотова среди них не было, но был Булганин). Охрана сообщила, что Сталин уже много часов не подает признаков жизни. Охрана не могла узнать, в чем дело, из-за сложности внутренней системы сообщения между тремя отдельными помещениями, в одном из которых находился Сталин. Открыть двери мог только он сам — при помощи специального электрического механизма. Так как никто из охраны не знал, в какой именно комнате находился Сталин, пришлось взламывать все двери подряд: открыли одну, открыли вторую — и здесь нашли Сталина. Он безжизненно лежал на полу, одетый в форму генералиссимуса. Первым отозвался Берия. «Тиран мертв, мертв, мертв!» — торжествующе кричал он. В этот момент Сталин широко открыл глаза. Нет, он жив. Маленков, Хрущев, Молотов вышли из комнаты. Берия, постоянно носивший с собою ампулы с

ядом, остался наедине со своим мстительным владыкой. Только через пять часов (якобы из-за большой гололедицы на дорогах) вызвали врачей.

Такова версия Хрущева, поляков, французского журнала. Очень важно заметить, что немного ранее (8 марта 1963 года) Хрущев на приеме представителей советской интеллигенции совершенно недвусмысленно намекнул, что Берия не только не скрывал своего торжества по поводу смерти Сталина, но он был и заинтересован в его преждевременной смерти («Шпигель»). Если в смерти Сталина заинтересован только один Берия, так зачем же его оставлять наедине, да еще с ядом, с беспомощным, тяжко больным Сталиным?

Мы разобрали в этих двух главах пять версий последних дней Сталина: 1) Эренбурга — 1956-й, 2) Пономаренко — 1957-й, 3) Гарримана — 1959-й, 4) журнала «Paris Match» — 1963-й, 5) «Khrushchev Remembers» — 1970 год. Существует еще одна, шестая версия, исходящая из кругов реабилитированных старых большевиков. Эта версия получена при исключительных обстоятельствах, о которых еще рано писать. Излагая ее, я за нее так же мало ручаюсь, как и за предыдущие.

Многие из реабилитированных еще при жизни старых большевиков принимали видное участие в комиссиях по расследованию преступлений Сталина (некоторых из них автор этих строк хорошо знал по Москве и Кавказу). Их-то в первую очередь интересовало: при каких все-таки обстоятельствах умер Сталин?

Версия старых большевиков, конечно, тоже могла родиться под влиянием Хрущева, который очень хотел морально реабилитировать себя перед ними: здесь инициатором устранения Сталина выступает Хрущев, а Берия поручается лишь «грязная работа».

Однако, анализируя обстоятельства смерти Сталина, я этой версией не воспользовался, за исключением того, что относится к «делу врачей» (эта часть поддается объективной проверке, см.следующую главу). Почему? По двум причинам: во-первых, установить ее подлинное происхождение отсюда, из-за границы, невозможно; во-вторых, на некоторых местах рассказа старых большевиков лежит налет пропаганды хрущевских кагэбистов. Тем не менее в этом рассказе попадаются вполне правдоподобные сцены*.

Согласно этой версии события 28 февраля — 1 марта развиваются так, как рассказано у Хрущева: четверка посетила Сталина, они вместе мирно и весело ужинали, но встреча состоялась вовсе не по инициативе Сталина. Ее предложил Маленков под предлогом, что нужны указания Сталина по вопросам, которые будут обсуждаться на заседании Совета

---

* Рассказ дошел до меня в 1970 году, но он относится к периоду между XXII съездом и свержением Хрущева. Правдоподобность его увеличивает и тот факт, что когда (в 1972 году) я рассказал эту версию человеку, хорошо информированному о внутренних делах КПСС, — председателю Исполнительного бюро НТС Е.Р.Романову, — то он сообщил мне о таком же, по сути, рассказе, полученном им и только в деталях расходящемся с моим. Мы эти рассказы получили из разных источников и в разное время.

Министров в понедельник 2 марта. За неделю до этого Сталин сообщил Бюро Президиума ЦК, что процесс над врачами-«вредителями» назначен на середину марта, и вручил им копии «Обвинительного заключения», подписанного Генеральным прокурором СССР. Этот документ, как и комментарии Генерального прокурора, ставленника Берия, — Сафонова, о беседе со Сталиным окончательно рассеяли всякие сомнения в истинных намерениях Сталина. Выходило, что американцы во время войны сумели создать свои агентурные точки не только в кремлевском Лечебно-санитарном управлении, но даже в ЦК (Лозовский) и МГБ (Абакумов). Англичане то же самое сделали еще до войны, а во время войны расширили свою сеть, завербовав туда членов ЦК Кузнецова, Попкова, Родионова. Об армии ничего не говорилось, кроме того, что ее второстепенные лидеры были предназначены к отравлению (Василевский, Говоров, Штеменко, Конев). Но и здесь между строк было видно, что только такие обиженные маршалы, как Жуков, Воронов, Юмашев, Богданов, могли быть заинтересованы в этом. Вопрос о том, кто был заинтересован в умерщвлении Жданова и Щербакова, оставался открытым. Однако все знали, что Берия и Маленков никогда не были в хороших отношениях с ними, и если, например, Сталин действительно убил Жданова, то он его убил руками Берия, как Кирова — руками Ягоды.

Словом, стало ясно, что процессом врачей дело не кончится, а — как в 1937 году — полетят головы и у многих членов Политбюро. Когда Берия, Маленков, Хрущев и Булганин проштудировали этот документ, то по предложению Хрущева они решили коллективно обсудить положение. Встреча состоялась в подмосковном лесу под видом охоты (в четырех стенах на данную тему никогда не говорилось). Было решено — из-за состояния здоровья Сталина, не позволяющего ему участвовать в оперативной работе партии и правительства, предложить ему подать в отставку со всех постов. Но ведь Сталин, чтобы выиграть время, мог подписать любой документ, а потом уничтожить его инициаторов. Как быть? Хрущев якобы обратился к Берия:

— Лаврентий Павлович! Ты специалист в таких делах, а мы в этом ни черта не понимаем, скажи, как сделать так, чтобы Сталин и дальше жил, но не вмешиваясь в дела партии и государства?

Берия понял намек и без всяких экивоков ответил, что Сталин за решеткой был бы еще более опасен, чем на воле; он и после смерти еще долго будет вмешиваться в дела, если от него не отмежеваться. Однако ничего конкретного Берия не предложил.

Тогда Маленков предложил заставить Сталина прочесть заявление об отставке по радио и телевидению, а потом изолировать его от всего мира на Соловецком острове. Берия это решительно отверг:

— Оттуда его освободят китайцы — из сочувствия, или американцы — из любопытства, как во время войны немцы освободили Муссолини.

Но, ободренный предложением Маленкова, Берия заявил, что он и чекисты могут ручаться только за мертвого Сталина. Это было то, что думал и Хрущев, но он хотел это услышать от Берия.

Искренность Берия была несомненна: ведь и его собственная голова находилась в опасности. Маленков не без колебания присоединился к Берия и Хрущеву. После этого Берия поручили разработать план «отставки Сталина». Плану дали даже кодовое наименование «Моцарт» — по пушкинскому «Моцарту и Сальери»* (тем самым как бы предрешалось, что в ход будет пущен яд).

Через несколько дней Берия пригласил к себе на дачу Маленкова, Хрущева и Булганина послушать только что полученные из-за границы пластинки классической музыки, в том числе и Моцарта. Во время новой лесной прогулки Берия и «сыграл» им две «пластинки Моцарта» — предложил два детально разработанных плана: «малый» и «оптимальный».

«Малый план» предусматривал «отставку Сталина» без участия посторонних сил. У Сталина на очередном ужине с четверкой в Кунцеве должен случиться смертельный удар — такой, чтобы он сразу не умер, но и не смог бы выжить. Умирать Сталин должен был при свидетелях, в том числе таких, как его дети и врачи.

«Оптимальный план» предусматривал взрыв дачи Сталина, когда он спит (значит, днем). Под видом продуктов нужно было доставить динамит для взрыва не только помещения Сталина, но и прилегающих зданий, чтобы заодно ликвидировать и лишних свидетелей.

За успех «малого плана» должны отвечать все четверо, ответственность за успех «оптимального плана» Берия брал на себя лично. В каждом из этих планов предусматривались и превентивные меры: из Москвы надо было удалить под разными предлогами явных сторонников Сталина, особенно тех, кто ведал средствами коммуникации и информации (Министерство связи, радио и телевидение, ТАСС, редакции «Правды» и «Известий»), а также некоторых видных руководителей из Министерства обороны, МГБ, МВД и комендатуры Кремля. В то же время наиболее надежных сторонников четверки (маршал Жуков и другие) следовало вызвать в Москву. Все средства связи дачи Сталина, его кремлевской квартиры и служебных кабинетов, начиная с определенного Х-часа, выключались из всех общих и специальных правительственных проводов. Все машины дачи Сталина, охраны и обслуги «конфисковывались» с начала Х-часа. Все дороги к даче и от нее — как по земле, так и по воздуху — закрывались для всех, в том числе для всех членов Президиума ЦК, кроме четверки.

Функции членов четверки были четко разграничены: Берия отвечал за «оперативную часть» плана, Маленков — за мобилизацию партийно-государственного аппарата, Хрущев — за столицу и коммуникацию, Булганин — за наблюдение за военными. С самого начала

---

* Интересное совпадение: Хрущев, который никогда не ссылался на классиков, в одной из своих антисталинских речей цитировал как раз это произведение Пушкина, говоря, что «злодей не может быть гением».

Х-часа четверка объявляла о «тяжелой болезни» Сталина и брала в руки власть «до его полного выздоровления». Так легализовывались все действия заговорщиков.

Самым оригинальным в этом рассказе надо считать, пожалуй, то, что заговорщики утвердили оба плана сразу! Начать решили с «малого плана», но в случае его провала тут же пускался в ход запасной, «оптимальный план». Если заговор, так с абсолютно гарантированным успехом — этому учил ведь и сам Сталин («Бить врага надо наверняка!»).

После такой подготовки и состоялась встреча четверки со Сталиным на его даче в Кунцеве вечером 28 февраля 1953 года. Поговорив по деловым вопросам и изрядно выпив, Маленков, Хрущев и Булганин уезжают довольно рано — но не домой, а в Кремль. Берия, как это часто бывало, остается под предлогом согласования со Сталиным некоторых своих мероприятий. Вот теперь на сцене появляется новое лицо: по одному варианту — мужчина, адъютант Берия, а по другому — женщина, его сотрудница. Сообщив Сталину, что имеются убийственные данные против Хрущева в связи с «делом врачей», Берия вызывает свою сотрудницу с папкой документов. Не успел Берия положить папку перед Сталиным, как женщина плеснула Сталину в лицо какой-то летучей жидкостью, вероятно, эфиром. Сталин сразу потерял сознание, и она сделала ему несколько уколов, введя яд замедленного действия. Во время «лечения» Сталина в последующие дни эта женщина, уже в качестве врача, их повторяла в таких точных дозах, чтобы Сталин умер не сразу, а медленно и естественно.

Таков рассказ старых большевиков. При этом невольно вспоминается то место из книги Аллилуевой, где сказано несколько слов о какой-то таинственной женщине-враче у постели умирающего Сталина: «Молодые врачи ошалело озирались вокруг... Я вдруг сообразила, что вот эту молодую женщину-врача я знаю, — где я ее видела? Мы кивнули друг другу, но не разговаривали» («Двадцать писем к другу», с.7).

Я думаю, что выяснение роли данной женщины-врача при Берия было бы очень важно. Интересно, где же Аллилуева видела эту женщину до смерти Сталина и видела ли она ее после его смерти?

В связи с разбираемыми версиями интересно и следующее замечание А.Солженицына: «Есть признаки, что перед смертью Сталина Берия был в угрожаемом положении — и может, через него-то Сталин и был убран» («Архипелаг ГУЛАГ», т.1, с.166).

Во всех версиях, рассказанных двумя членами Президиума сталинского ЦК и одним советским писателем, поразительно неизменны три утверждения:

1) смерть Сталина сторожат из Политбюро только четыре человека — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин;

2). к Сталину врачей вызывают только на вторые сутки;

3) в смерти Сталина заинтересован лично Берия.

Отсюда два логических вывода:

1) несмотря на исключительную тяжесть болезни Сталина (потеря сознания), к нему намеренно не вызывали врачей, пока четверка не убедилась, что смертельный исход неизбежен;

2) поскольку вызовом врачей распоряжался (даже по долгу службы) один Берия, то он, очевидно, вызывал тех, кто будет исполнять его волю — поможет Сталину умереть.

Эти врачи, видимо, не имели никакого отношения к Лечебно-санитарному управлению Кремля. По крайней мере Аллилуева никого из них не знала, а Хрущев говорит, что он знал только профессора Лукомского. Не все вызванные врачи и осмотрели Сталина. Они сидели в соседних комнатах и, как рассказывает Аллилуева, «заседали», как лечить Сталина. Данные о ходе болезни и ее симптомах сообщал другой врач, тоже никому, кроме Берия, не известный.

Предположение о причине болезни Сталина также может быть двояким:

1) Сталин получил удар, когда ему предъявили ультиматум о врачах-«вредителях» с угрозой пустить в ход вооруженные силы;

2) Берия отравил Сталина ядом замедленного действия.

Короче: удар от Политбюро или яд от Берия?

В двух версиях (Эренбурга и Пономаренко) до XXII съезда (1961) говорится, что причиной смерти Сталина был удар от волнения, и нет даже намека на насильственную смерть; только после XXII съезда появляются новые версии причины смерти — применение яда (см. выше) или других видов насилия (см.дальше).

Относительно возможного покушения на его жизнь у Сталина был определенный комплекс всех восточноазиатских деспотов — он боялся именно отравления. Сталин считал потенциальным отравителем любого из членов Политбюро. Хрущев рассказывает просто анекдотические случаи, когда, садясь со своими соратниками за стол, Сталин сначала заставлял каждого из них под различными, хотя и весьма прозрачными предлогами пробовать все, что подано, и лишь после этого сам начинал пить и есть. Лишь Берия не должен был пробовать пищу: он ел только зелень и привозил ее с собою (см.«Khrushchev Remembers», vol. I, p.321). Это не очень правдоподобное исключение для Берия (от которого, по предыдущему рассказу Хрущева, Сталин ожидал любой подлости) Хрущев делает, видимо, чтобы показать, что Берия мог перехитрить самого Сталина.

Что Сталин больше всего боялся отравления, показывает и та тщательность, с которой он оградил свою крепость-дачу от проникновения яда не только в пище, но и в воздухе: «К его столу везли рыбу из специальных прудов, фазанов и барашков из специальных питомников, грузинское вино специального разлива, свежие фрукты доставляли с юга самолетом. Он не знал, сколько требовалось транспортировок за государственный счет, чтобы регулярно доставлять все это к столу... «База» существовала главным образом для того, чтобы специальные врачи подвергали химическому анализу на яды все съедобное, поставлявшееся ему на кухню. К каждому свертку с хлебом, мясом или

фруктами прилагался специальный «акт», скрепленный печатями и подписью ответственного «ядолога»: «Отравляющих веществ не обнаружено». Иногда доктор Дьяков появлялся у нас на квартире в Кремле со своими пробирками и «брал пробу воздуха» из всех комнат» (А л л и л у е в а С. Только один год, с.335-336).

Разумеется, когда сам Берия захочет отравить Сталина, все эти предосторожности не будут играть никакой роли, тем более что «внутренний кабинет» Поскребышева исчез, как и генерал Власик, как и все врачи Сталина. После этого Сталин жил только милостью Берия.

«Проблема Сталина» для Берия в принципе тогда уже была решена, важнее для него было другое — заполучить дружелюбный нейтралитет молотовцев и активную поддержку членов четверки. Хрущев не отрицает, что Берия умел ловко подбирать людей, обиженных Сталиным: «Берия имел привычку завербовывать в свою сеть людей, у которых возникали трудности со Сталиным. Он ими тогда пользовался для собственной интриги» («Khruschev Remembers», vol. I, p.95).

Ход и исход антисталинского переворота показывают блестящий успех этого метода «вербовки обиженных». В решающие минуты около Сталина не оказалось никого: ни «старой гвардии» Сталина — молотовцев, ни «вернейшего оруженосца» Поскребышева, ни пожизненного лейб-охранника Власика, ни преданного сына Василия, ни даже личного врача Виноградова. Смерть Сталина караулит и регулирует Берия при неизменном присутствии трех его соучастников — Маленкова, Хрущева, Булганина, изменивших и Сталину, и Берия, и самим себе.

Почему и как они изменили Сталину — об этом говорят два исключительно важных официальных свидетельства. Об одном из них (исходящем от Микояна) говорит Энвер Ходжа.

Первый секретарь ЦК Албанской компартии Энвер Ходжа был в наилучших отношениях с Москвой почти до XXII съезда КПСС. Судя по всему, единственным его недостатком было то, что он оставался убежденным сталинцем, когда в Москве таковых уже давно не было. Непрекращающаяся критика Сталина в эпоху Хрущева заставила его задуматься: не свидетельствует ли эта критика о нечистой совести наследников Сталина, не совершили ли они злодеяние, которое хотят оправдать задним числом? Самые интенсивные поиски правды в коммунистических кругах СССР и Восточной Европы привели Энвера Ходжу к катастрофическому для него выводу: «Советские лидеры — заговорщики, которые имеют наглость открыто рассказывать, как это делает Микоян, что они тайно подготовили заговор, чтобы убить Сталина». Так заявил Энвер Ходжа в речи от 24 мая 1964 года (см.: C o n g u e s t R. The Great Terror. London. 1971, p. 172).

Поскольку было ясно, что устами Энвера Ходжи Москву обвиняет сам Мао Цзэдун, Москва не могла не ответить на это выступление, не сказать, почему же сталинцы убрали Сталина. Ответ дал лично Хрущев на митинге 19 июля 1964 года в честь венгерской партийно-правительственной делегации во главе с Яношем Кадаром. (И время, и делегация были избраны не случайно: Кадар, арестованный по приказу

Сталина, подвергался на допросах нечеловеческим пыткам и остался жив лишь благодаря смерти Сталина.) В этой речи, передававшейся через прямую трансляцию по всему СССР и через «Intervision» по всей Восточной Европе, Хрущев во всеуслышание признался в насильственной смерти советского диктатора:

«Сталин стрелял по своим. По ветеранам революции. Вот за этот произвол мы его осуждаем... Напрасны потуги тех, которые хотят руководство изменить в нашей стране и взять под защиту все злоупотребления, которые совершил Сталин... И никто не обелит (его. — *А.А.*)... Черного кобеля не отмоешь добела. (Аплодисменты.)... *В истории человечества было немало тиранов жестоких, но все они погибли так же от топора, как сами свою власть поддерживали топором*» (Радио Москва-1, 19 июля 1964 года, 11.55 среднеевропейского времени, мониторная радиозапись станции «Свобода»). Выделенные слова о тиранах газеты «Правда» и «Известия» при напечатании речи Хрущева вычеркнули, но их слышали многие миллионы людей в СССР и Европе. Слова о тиранах, правивших при помощи топора и от топора погибших, были сказаны прямо по адресу Сталина в присутствии руководителей ЦК, правительства, армии, полиции, страны, всего мира.

Не в том загадка смерти Сталина, был ли он умерщвлен, а в том, как это произошло. Поставленные перед альтернативой: кому умереть, Сталину или всему составу Политбюро, — члены Политбюро выбрали смерть Сталина. И по-человечески никто не может ставить им в вину такой выбор.

Это был единственный случай в истории Советского государства, когда интересы членов правительства совпали с интересами народа.

Глава тринадцатая

КОНЕЦ БЕРИЯ

Замести следы преступления и создать себе безупречное алиби — инстинктивная реакция всякого убийцы. Чем интеллигентнее убийца, тем искуснее он это делает. Но только убийцы, имеющие абсолютную власть, могут создать себе абсолютное алиби. Чтобы замести следы, они совершают серию новых убийств: свидетели, исполнители, близкие люди убитого исчезают навсегда. Однако только у Сталина и его учеников организация политических убийств лиц, групп, классов и даже целых народов впервые сделалась особой отраслью криминального искусства с заранее созданными алиби.

Сталин был единственным тираном в истории, который убивал не только врагов, но и своих лучших друзей, если этого требовали его личные интересы. При этом алиби создавалось всем известной преданностью ему убиваемых — Менжинского, Куйбышева, Горького, Орджоникидзе, Кирова. Но Сталин заметал следы и в этих случаях. Брат Куйбышева (герой гражданской войны) и брат Орджоникидзе (старый

грузинский революционер) были расстреляны. Расстреляны были некоторые из сотрудников и близких людей Горького, в том числе его личный секретарь. Было уничтожено все окружение С.М.Кирова: его самый близкий друг еще до революции, второй секретарь Ленинградского обкома, член ЦК М.С.Чудов и его жена Шапошникова были расстреляны, расстреляны были все члены бюро Ленинградского обкома во главе с бывшими членами ЦК Угаровым, Смородиным, виднейшим идеологом партии Позерном, расстреляны были даже технические сотрудники Кирова.

Как рассказывал Хрущев на XX и XXII съездах партии, начальника личной охраны Кирова, его адъютанта еще с гражданской войны — Борисова, — убили в «автомобильной катастрофе» 2 декабря 1934 года, когда его везли на допрос к Сталину, Молотову, Ворошилову и шефу НКВД Ягоде, потом расстреляли тех двух чекистов, которым было поручено убийство Борисова. Расстреляли и того, кто по поручению Сталина и Ягоды непосредственно руководил операцией убийства Кирова, — заместителя начальника Ленинградского НКВД Запорожца, расстреляли также не причастного к убийству Кирова, но дружившего с ним начальника НКВД Медведя, расстреляли, наконец, Ягоду и всех его помощников.

Сталин уничтожил как всех свидетелей убийства Кирова, так и всех исполнителей. Хрущев заявил на XX съезде: «Можно предполагать, что они были расстреляны для того, чтобы скрыть следы истинных организаторов убийства Кирова» (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.19). На XXII съезде Хрущев повторил: «Они были уничтожены, чтобы замести всякие следы» (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1961, т.11, с.583-584).

Хрущев говорил от имени ЦК и на основании документов секретных архивов НКВД, ЦК КПСС и показаний чудом оставшихся в живых свидетелей. Скажут, что тогда уничтожали всех без разбора. Нет, это делали весьма разборчиво. Существовал неписаный закон: чем ближе к Сталину стоял тайно убитый им человек, тем основательнее уничтожалось его окружение. Это относилось даже и к семье самого Сталина: он расстрелял шурина, старого большевика Сванидзе, он расстрелял свояка, старого чекистского комиссара Реденса, он после войны сослал жену своего сына Якова, отняв у нее ребенка, он арестовал сестер своей жены — дочерей друга Ленина Аллилуева. Почему? Когда его дочь, недоумевая, спросила, в чем же вина ее теток, то Сталин ответил с не свойственной ему искренностью: «Знали слишком много» («Двадцать писем к другу», с.182).

Вот за тех, кто «знал слишком много», и взялся Берия сразу после смерти Сталина. К ним, кроме соучастников Берия, относились: 1) две комиссии врачей: одна — «лечившая» Сталина, и другая — засвидетельствовавшая, что Сталина лечили «правильно»; 2) охрана и прислуга Сталина на даче в Кунцеве.

Большинство врачей из этих двух комиссий исчезли сразу после смерти Сталина. Один из врачей, участвовавших во вскрытии тела Сталина — профессор Русаков, — «внезапно» умер. Лечебно-сани-

тарное управление Кремля, ответственное за лечение Сталина, немедленно упраздняется, а его начальник И.И.Куперин арестовывается. Министра здравоохранения СССР А.Ф.Третьякова, стоявшего по чину во главе обеих комиссий, снимают с должности, арестовывают и вместе с Куперином и еще двумя врачами, членами комиссии, отправляют в Воркуту. Там он получает должность главврача лагерной больницы (см.: W i t t l i n Th. Commissar. The Life and Death of Lavrenty Pavlovich Beria. H.Y. 1972, p.387).

Реабилитация их происходит только спустя несколько лет, а это доказывает, что заметал следы не один Берия, а вся четверка.

Не менее круто поступил Берия с кунцевской охраной и обслугой Сталина: ведь эти люди не только были свидетелями того, что происходило вокруг Сталина, но, очевидно, и рассказали Василию Сталину, как бериевские «врачи» залечили его отца.

Если бы Сталин умер естественной смертью «под постоянным наблюдением ЦК и правительства», как гласило «Правительственное сообщение» от 4 марта 1953 года, то не происходили бы те «странные события» в Кунцеве, о которых пишет, впрочем, не вдаваясь в причины происходящего, дочь Сталина:

«Дом в Кунцеве пережил после смерти отца странные события. На второй день после смерти его хозяина — еще не было похорон — по распоряжению Берия созвали всю прислугу и охрану, весь штат обслуживающих дачу и объявили им, что вещи должны быть немедленно вывезены отсюда (неизвестно куда), а все должны покинуть это помещение. Спорить с Берия было никому невозможно. Совершенно растерянные, ничего не понимающие люди собрали вещи, книги, посуду, мебель, грузили со слезами все на грузовики, — все куда-то увозилось, на какие-то склады... Людей, прослуживших здесь по десять-пятнадцать лет не за страх, а за совесть, вышвыривали на улицу. Их разгоняли всех кого куда. Многих офицеров из охраны послали в другие города. Двое застрелились в те же дни. Люди не понимали ничего, не понимали — в чем их вина? Почему на них так ополчились?» («Двадцать писем к другу», с.21-22).

Берия мог бы ответить на это так же, как и Сталин: они «знали слишком много». Поэтому их разослали по дальним городам, чтобы там без суда и без шума ликвидировать. Люди, понимавшие это, не дожидаясь расправы, кончали с собою.

Наконец, была еще одна группа свидетелей — соучастники Берия: Маленков, Хрущев и Булганин. Сами по себе личности невыдающиеся, они все-таки представляли важнейшие институции: Маленков — государственную бюрократию, Хрущев — партийный аппарат, Булганин — армию. С ними Берия думал поступить так, как поступает всякий уважающий себя бандит: честно поделить добычу — власть. Будучи на вторых ролях во время «лечения» Сталина, они после его смерти получили от Берия всю юридическую партийно-государственную власть с одной негласной оговоркой, запечатленной в новом кремлевском протоколе иерархии вождей: Берия согласился быть вторым лицом в государстве, чтобы управлять первым.

В момент переворота (Москва была тогда окружена и оккупирована полицейскими войсками Берия) Берия легко мог занять один из постов Сталина — главы правительства, или главы ЦК, или даже оба вместе. Хрущев говорит, что Берия дважды, сначала в 40-х, а потом в 50-х годах (после смерти Сталина) «делал маневры» стать во главе партии и государства (см. «Khrushchev Remembers», vol.II, p.95). Если он от этого намерения отказался, то тут роль, вероятно, сыграли соображения чисто психологического порядка: после двадцатилетней тирании в СССР грузина Сталина другому грузину, чтобы занять его пост, надо было бы быть дважды Сталиным, а перед такой перспективой должен был спасовать даже Берия.

Другая причина была не менее веской: профессиональный чекист Берия в глазах народа был не слугой Сталина, а суверенным соучастником, порою даже вдохновителем сталинских преступлений. Если бы Берия мог открыто заявить: «Я его родил, но я его и убил», — то еще неизвестно, как пошла бы дальнейшая история. Есть очень серьезные основания думать, что он это и собирался сделать — и не на словах, как потом Хрущев, а на деле.

Берия был не только полицейским: как политик он был намного выше своих коллег и понимал, что Сталиным кончалась целая эпоха, что отныне стать великим и успешно править может только анти-Сталин. Действительно, выяснилось, что штыками можно завоевать и собственную страну, но управлять ею, вечно сидя на этих штыках, более чем неудобно. «Спуск на тормозах» — такой представляется мне политическая программа Берия.

Конечно, располагая только антибериевской информацией советской официальной истории и зная самого Берия как верховного инквизитора страны на протяжении почти двадцати лет, трудно представить себе, что он мог превратиться в собственного антипода. В политике, однако, возможны всякие метаморфозы. Еще Ленин пророчески предсказал перерождение своих учеников: «История знает превращения всяких сортов; полагаться на убежденность, преданность и прочие превосходные душевные качества — это вещь в политике совсем не серьезная» («Одиннадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет», с.27-28). Так оно и оказалось, когда, по словам Муссолини, «большевизм переродился в славянский фашизм».

После смерти Ленина партия выдвинула лозунг: «Без Ленина, но по ленинскому пути» — и попала в точку. Ленин отменил «военный коммунизм», дал нэп, сохранил Советы, ограничил ГПУ, разрешил творческие объединения в искусстве без «соцреализма», но с частными издательствами, боролся с пролеткультами, заигрывал со сменовеховцами, обещал восстановить все свободы и права (Программа партии) — и умер. Страна была согласна идти по этому пути. Можно ли теперь сказать народу: «Без Сталина, но по сталинскому пути»? Из бесконечного потока сводок сексотов Берия первым из членов Политбюро знал ответ народа на этот вопрос: великий вздох облегчения, всеобщие на-

дежды на перемены. Берия отлично понимал, что, только используя эти надежды, можно добиться успеха.

Не из любви к народу, не из ненависти к Сталину и не из раскаяния в содеянных преступлениях, а исходя из политических расчетов и личных интересов в новых условиях, Берия решил возглавить движение за реформы. Убивая Робеспьера, термидорианцы совсем не собирались сдать в музей гильотину, но когда они увидели, с каким ликованием народ встретил гибель вершителя террора, то решили воспользоваться этим недоразумением и возглавить движение за гуманность. Впиваясь глазами в умирающего учителя, Берия, быть может, тоже не собирался управлять иначе, чем Сталин, однако молчаливая, но грозная радость народа по поводу смерти тирана надоумила его: надо воспользоваться редким в истории случаем, когда сам палач может возглавить движение народа против наследства величайшей из тираний. То, что Хрущев сделал со Сталиным через три года на XX съезде (1956), Берия хотел начать сейчас же. Он и начал это, освободив 4 апреля 1953 года врачей-«вредителей» и сам же обвинив сталинско-бериевскую полицейскую систему в фальсификации, фабрикации дел и инквизиции.

Начало десталинизации и даже возникновение самого выражения «культ личности» ошибочно связываются с Хрущевым и XX съездом: впервые это выражение было употреблено через три месяца после смерти Сталина, когда Берия был фактически правителем страны. В статье без подписи «Коммунистическая партия — направляющая и руководящая сила советского народа» (безусловно, напечатанной по решению Президиума ЦК) «Правда» от 10 июня 1953 года писала: «Пережитки давно осужденных партией антимарксистских взглядов на роль масс, классов, партии, элементы *культа личности до самого последнего времени* имели место в пропагандистской работе, проникли на страницы отдельных книг, журналов и газет». Статья констатировала: «сила нашего партийного и государственного руководства в его *коллективности*», а «существо политики нашей партии изложено в выступлениях Г.М.Маленкова, Л.П.Берия и В.М.Молотова».

Эту скрытую антисталинскую программу Берия, несомненно, разделял и Маленков, но Хрущев был против нее, ибо она вела к популярности Берия и Маленкова, что не входило в его честолюбивые планы. Никакой собственной программы при этом у Хрущева не было, его только не устраивало создание новой тройки — Маленков, Берия, Молотов.

Уже цитированный нами советский писатель Николай Сизов писал:

«Не все еще улеглось после смерти Сталина. Во главе страны встал Маленков, рядом с ним были Молотов и Берия. По-разному относились в стране и партии к этим людям. Молотова знали как старого деятеля партии, но его сухость, скептицизм и какая-то тягучая, чиновничья манера мыслить настораживали. Про Маленкова некоторые говорили, что он хороший организатор, но Заградин (прототип Хрущева в романе. — *А.А.*) сказал:

— Чепуха. Кроме бумаг и почета, ничего не видел и не знает.

Берия не любили все, или, во всяком случае, абсолютное большинство. Его желтоватое квадратное лицо, прищуренный взгляд холодных, мутных глаз за стеклами пенсне вызывали невольное чувство беспокойства. Но об этом боялись говорить даже шепотом. У людей подспудно, где-то в глубине души нет-нет да и мелькнет мысль: а так ли надо? Те ли руки взяли руль партии и государства?» («Октябрь», 1964, № 4, с.109).

Как и всякому выученику Сталина, Хрущеву была важна не программа, сталинская или антисталинская, а власть, важно было взять этот самый «руль партии и государства» из «тех рук» в свои собственные руки. Мы уже знаем, что Хрущев этого потом добился, но добился из-за того, что никто из его коллег и не помышлял, что ему по плечу такая задача.

Тут история той же партии как бы вновь повторилась: Сталина единодушно выдвинули на пост генсека при Ленине, ибо его считали «тихоней» и бездарью и собирались использовать его в своих целях. Выдвигая Хрущева исполняющим обязанности Первого секретаря ЦК после смерти Сталина, думали примерно то же: мужик, недотепа, партийный винтик, его так же можно использовать в своих целях, как на протяжении двадцати лет это делал Сталин. Но «недотепа» оказался величайшим сфинксом. Он осуществил то, что Сталин хотел, но не сумел: ликвидировал Берия и бериевцев руками Маленкова и маленковцев, Маленкова и маленковцев — руками Молотова и молотовцев, Молотова и молотовцев — руками «выдвиженцев», брежневых. И таким образом, десять лет правил великим государством с репутацией Иванушки-дурачка, но с головой гениального мужика...

Но вернемся к Берия и культу личности. Лучшее доказательство того, что первым инициатором курса десталинизации был лично Берия, мы находим в идеологической жизни партии. Как только покончили с траурной тарабарщиной в марте, имя Сталина стало постепенно исчезать со страниц газет и журналов. Сочинения Сталина прекращают издавать — последним оказался том 13. Издание уже подписанных к печати следующих томов его Сочинений (14 и 15) приостанавливают, а потом вообще набор рассыпают. Если в апреле и мае в передовых статьях «Правды» все еще встречается имя Сталина, то за целый месяц (с конца мая до 29 июня) на Сталина ссылаются лишь один раз! Зато после ареста Берия имя Сталина названо только за одну неделю 12 раз со всеми прилагательными в превосходной степени. Один добросовестный исследователь в неподписанной статье («Новые сведения о деле Берия», 27 января 1972 года, бюллетень «Радио Свобода»), отмечая этот факт, пишет:

«Берия, вероятно, понимал яснее и дальновиднее, чем его сотрудники в Президиуме ЦК, что вся эта (сталинская. — *А.А.*) система так или иначе обречена и что лучше всего взять инициативу в свои руки и опрокинуть эту систему. Но даже в таком случае можно сказать с уверенностью, что Берия не мог сам начать в 1953 году процесс деста-

линизации... По многим причинам можно предположить, что Маленков стоял на более умеренном, либеральном крыле партии, тогда как Хрущев в то время еще противился десталинизации».

На это указывают общеизвестные факты: 1) положение Хрущева усилилось после падения Берия (в сентябре Хрущев стал Первым секретарем ЦК), тогда как положение Маленкова ослабло; 2) в «Правде» определилась новая линия культа Сталина: главный редактор «Правды» Д.Шепилов стал союзником Хрущева как против курса Берия на десталинизацию, так и против либерального курса Маленкова в экономике с приоритетом развития легкой промышленности. (Программа Маленкова о «крутом подъеме» потребительской индустрии, оглашенная им на сессии Верховного Совета СССР в августе 1953 года, сделала его весьма популярным в стране, что очень напугало Хрущева.)

В том же плане десталинизации Берия начал пересмотр пресловутой «сталинской национальной политики».

Внимание внешнего мира было приковано только к «делу врачей», поэтому прошли незамеченными десятки «национальных дел» в союзных и автономных республиках. Все эти дела тоже создавались по стандарту 30-х годов: во всех национальных республиках СССР орудуют озверелые банды «буржуазных националистов», которые подготавливают выход их республик из «братской семьи». После систематического глумления (в 20-х годах) над всем русским теперь «старший брат» призывался поднять свою имперскую дубину против малых народов. Триединую формулу министра Николая I графа Уварова Сталин только слегка модернизировал: большевистское самодержавие, марксистское богословие и официальная народность. Поэтому вся история нерусских народов переписывалась под Иловайского, а за евреями не признавали даже и прав «младшего брата», для них Сталин задумал новую черту оседлости где-то в глубине Сибири. Шовинисты зашли в своей великодержавной надменности так далеко, что бренные останки Победоносцева и Пуришкевича прямо-таки напрашивались в Мавзолей Ленина и Сталина!

Берия, в котором советский имперский жандарм легко уживался рядом с грузинским шовинистом (после депортации чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев по приказу Берия горная Чечня и гора Эльбрус были аннексированы Грузинской ССР), великолепно понимал, что слабое место советской империи — не мифическое капиталистическое окружение, а двойное окружение покоренных ею народов на окраинах России и в странах-сателлитах Восточной Европы. Берия хотел вернуть «национальную политику» хотя бы к ее ленинским истокам: коренизация партийно-государственного аппарата и введение делопроизводства на родном языке. Этой цели служило решение Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 года, принятое по докладу Берия. В нем было сказано:

«Президиум ЦК КПСС принял решение:

1) обязать все партийные и государственные органы коренным образом исправить положение в национальных республиках — покончить с извращениями советской национальной политики;

2) организовать подготовку выращивания и широкое выдвижение на руководящую работу людей местной национальности; отменить практику выдвижения кадров не из местной национальности; освобождающихся номенклатурных работников, не знающих местный язык, отозвать в распоряжение ЦК КПСС;

3) делопроизводство в национальных республиках вести на родном, местном языке» (Архив самиздата. Радиостанция «Свобода». АС № 1042, с.3).

Дело не ограничилось этим постановлением. В национальных республиках приступили к ликвидации института вторых секретарей. Его создал Сталин. Он сводился и сводится к следующему: первый секретарь ЦК партии союзной республики назначается из националов, а второй секретарь ЦК — русский, прямо из Москвы. Ни языка, ни истории, ни культуры местного народа он не знает и знать ему не надо. Он — глаза и уши Москвы против потенциального «сепаратизма». Лишь безнадежные донкихоты из местных первых секретарей могли всерьез воображать себя первыми (такими были, например, Бабаев в Туркмении, Мустафаев в Азербайджане, Даниялов в Дагестане, Мжаванадзе в Грузии, которых ЦК поэтому снял). На самом деле первый — это второй, а номинальный первый секретарь — всего лишь национальная бутафория при нем. Это все знают, и к этому все привыкли. В национальных республиках были и есть должности, которые вообще могут быть заняты только русскими или обрусевшими националами. Таковы должности командующих военными округами, начальников гарнизонов, начальников пограничных отрядов, председателей КГБ республик, министров внутренних дел, управляющих железными дорогами и воздушными линиями, министров связи республик, директоров предприятий союзного значения, заведующих главными отделами ЦК.

Первые заместители председателей Советов Министров союзных республик и первые заместители всех министров (где русский не министр) тоже обязательно русские. В местностях, завоеванных царской Россией (Кавказ, Туркестан, Прибалтика), были восстановлены (снесенные в 20-х годах) памятники царским генералам-завоевателям, а исторические национальные герои этих народов были объявлены реакционерами и иностранными шпионами (например, великий имам Чечни и Дагестана Шамиль, в течение двадцати пяти лет непрерывно воевавший с великой Россией за свободу своей маленькой страны).

Берия понял и, вероятно, убедил других, что в интересах самой партии отказаться от этой уродливой великодержавной практики и взять курс на коренизацию партийного и государственного аппарата. Начали с Украины и Белоруссии. Там даже первыми секретарями ЦК были русские: на Украине Л.Мельникова заменили украинцем Кири-

ченко, в Белоруссии Патоличева заменили белорусом Зимяниным. В Латвии второго секретаря ЦК В.Ершова заменил латыш В.Круминьш.

До других союзных республик очередь так и не дошла: 26 июня Берия арестовали. В числе прочего его обвинили в ставке на «буржуазных националистов», как примеры приводились Украина, Белоруссия и Латвия!

Сталинская национальная политика на окраинах осталась прежней. Сегодня она даже стала еще хуже. При Сталине в двух союзных республиках — в Армении и Грузии — вторыми секретарями ЦК не были русские. Теперь они и там. Русские люди и их генерал-губернаторы на окраинах России честно и открыто признавали себя великодержавниками, но не вели политики ассимиляции неславянских народов. Члены Политбюро объявляют себя интернационалистами, а ведут политику систематического этнического геноцида — политику уничтожения национальной самобытности народов СССР.

В распространяемом самиздатом материале, известном под названием «Письмо 17 латышских коммунистов», рассказывается, как выглядит на деле провозглашенное Лениным «право народов на самоопределение»:

«Ленинизм у нас используется как ширма великорусскому шовинизму... Мы убедились, что великорусский шовинизм есть продуманный курс руководства КПСС, что насильственная ассимиляция малых народов в СССР поставлена как одна из ближайших и важнейших внутригосударственных задач... После второй мировой войны латышей, литовцев, эстонцев, как и другие малые народы СССР, начали насильственно ассимилировать, несмотря на то, что это явно противоречит принципам марксизма-ленинизма... Из общего числа работающих в ЦК КП Латвии — только 42 процента латышей, среди секретарей городских и районных комитетов партии — только 47 процентов латышей. В аппарате Рижского горкома партии среди заведующих отделами нет ни одного латыша; среди 31 инструктора только два латыша... Среди секретарей первичных парторганизаций только 17 процентов латышей... В 1953 году (единственный раз после смерти Ленина) было официально признано (см. выше постановление Президиума ЦК КПСС от 12 июня 1953 года. — *А.А.*), что в нашей стране грубо искажалась марксистско-ленинская национальная политика... Хотя упомянутое решение отменено не было, — все намеченные меры были приостановлены... Более того — в национальных республиках начали еще более настойчиво и последовательно проводить программу насильственной ассимиляции малых народов» (с.4).

Авторы письма говорят о том, каким образом проводится эта программа:

«Первая основная задача — переместить из России, Украины и Белоруссии в Прибалтийские республики как можно больше русских, украинцев и белорусов... ЦК КПСС не доверял центральным комитетам национальных республик... Эти посты (второй секретарь ЦК и заведующий кадрами ЦК. — *А.А.*) сохраняются за присланными рус-

скими... Для обеспечения массового заезда русских, украинцев и белорусов начали рассаживать разные союзные органы и строить большие предприятия, что не диктовалось экономической целесообразностью... В результате в Латвии латышей в 1970 году — 57 процентов, а в (столице) Риге — 40 процентов... В Министерстве внутренних дел работает около 1500 человек, а латышей среди них около 300 человек... Более половины (51 процент) работников торговли не знают латышского языка, а среди руководящего состава только 29 процентов латышей... 65 процентов врачей не знают латышского языка и по этой причине часто допускают грубые ошибки при установлении диагноза» (с.4-6).

А вот как проводится русификация:

«Около 2/3 республиканских радио- и телевизионных передач ведутся на русском языке... Половина периодических изданий — на русском языке... *Делопроизводство во всех республиканских, городских и в большинстве местных организаций и на всех предприятиях ведется на русском языке...* Собрания проводятся на русском языке. Есть много коллективов, где абсолютное большинство латышей, но если в коллективе имеется хотя бы один русский и он требует, чтобы собрание велось на русском языке, то его требование удовлетворяется; если этого не делают, то коллектив обвиняется в национализме... За исключением сельской местности Курземе, Земгале и Видземе, в Латвии осталось совсем мало латышских детских учреждений и школ. Во всех высших учебных заведениях имеются потоки с русским языком обучения. Широко пропагандируются случаи, когда латышские девушки выходят замуж за русских или латышские парни женятся на русских девушках... В столовых, кафе и ресторанах национальные блюда являются редкостью... Существуют два подхода к литературному наследству... Издаются и переиздаются труды русских писателей (классиков), но из латышских писателей (только) немногих... В Риге имеется шесть административных районов, но ни один из них не носит местного названия... В Риге имеются улицы Ленина, Кирова, Свердлова, Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Горького, есть даже улица царского генерал-губернатора, но были переименованы даже такие улицы, как бульвар Аспазияс (виднейшая латышская поэтесса) и улица Вальдемара (латышский просветитель)... В Риге имеется мемориальный дом не только Ленина, но даже русского царя, завоевателя прибалтийских стран Петра I... Не утверждается репертуар ни одного латышского театра, ансамбля, оркестра или хора, если в нем нет русских пьес или песен...»

Латышские коммунисты отмечают и роль своих отцов и братьев в установлении власти Ленина:

«Известно, что во время Октябрьской революции латышские стрелки сыграли выдающуюся роль, и Ленин им поручил охранять Кремль и его лично в самые критические дни. Во время второй мировой войны в составе Красной Армии героически сражались две латышские дивизии и специальный авиаполк, а сейчас латышские воинские формирования расформированы и латышских юношей нарочно не оставляют служить даже в тех русских воинских частях, которые дислоцируются

на территории Латвии, а рассылают по всему Советскому Союзу, и подальше от Латвии» (с.7-8).

То, что латыши рассказывают о своей стране, характерно для всех национальных республик. Эта грубая, неприкрытая воинствующая политика великодержавного шовинизма под фарисейским знаменем «дружбы народов» начинает выводить из терпения даже самих национальных коммунистов. Когда они открыто выступают против такой практики, то их выступления, заканчивают авторы свое письмо, «расцениваются как выступления против партии, ленинизма, и такие смельчаки не только снимаются со всех постов, но лишаются свободы, попадают в лагеря и тюрьмы, а иногда пропадают и без вести навсегда» (там же, с.11).

Вот эти два вопроса — десталинизация политической жизни вообще и национальной политики в особенности — были теми двумя китами, на которых Берия собирался строить свою новую программу.

Однако партия и народ еще ничего не знали о программе Берия, а Хрущев уже начал интриговать против нее:

«Президиум начал обсуждать меморандум Берия о национальном составе правительственных органов на Украине. Идея Берия сводилась к тому, что местные (нерусские) кадры должны руководить своими собственными республиками... Потом меморандум касался Прибалтийских республик и Белоруссии. В обоих случаях подчеркивался принцип выдвижения к руководству республиками местных людей. Мы приняли решение, что пост первого секретаря каждой республики должен быть занят местным человеком, а не русским. Так случилось потому, что в этом вопросе позиция Берия была правильная, но он преследовал свою антипартийную цель. Он призывал отменить практику преобладания русских в руководствах нерусских республик. Каждый знал, что это находится в согласии с линией партии, но сперва люди не разобрались в том, что Берия выдвигает эту идею с целью увеличения национального напряжения между русскими и нерусскими, между центральным руководством в Москве и руководствами в республиках. В связи с этим я отвел Маленкова в сторону и сказал ему: «Слушай, т.Маленков, разве ты не видишь, куда это ведет? Мы идем к катастрофе. Берия точит свой нож». — «Да, но что делать?» — «Пришло время сопротивляться. Мы не должны допустить то, что он делает»...» («Khrushchev Remembers», vol.I, pp.356-357).

Впрочем, вспомним, что интриговать против Берия Хрущев начал еще при умирающем Сталине (гл.XI, с.205, 206). Мы видели, как Хрущев обвинял Берия, что тот не скрывал своей радости по поводу смерти Сталина, но и сам, видно, скрывал ее с трудом. Правда, его радость была неполной: он боялся Сталина, но еще больше боится теперь Берия.

Как переселить Берия к Сталину (а этим заодно лишить и Маленкова его первого и последнего союзника) — такова была проблема, которой Хрущев посвятил отныне всю свою кипучую энергию и недю-

жинный талант природного хитреца. Положение, создавшееся после смерти Сталина, он рисует в весьма мрачных тонах:

«Когда Сталин умер, он оставил нам в наследство беспокойство и страх. Берия больше чем кто-либо позаботился, чтобы этот страх и беспокойство оставались среди нас живучими и постоянными. Я давно не верил Берия. Много раз я убеждал Маленкова и Булганина, что я рассматриваю Берия как авантюриста во внешней политике. Я знал, что он занят укреплением своей позиции и расставляет своих людей на важнейших постах» («Khrushchev Remembers», vol.II, p.193).

У нас нет никакого основания не верить Хрущеву, что именно он, соучастник Берия в заговоре против Сталина, тут же, у постели умирающего Сталина, плел интриги против Берия. Характерно, что антибериевский заговор он сначала организовывал только с членами четверки, а потом только начал завербовывать против Берия и остальных членов Политбюро, что было очень легко. Советские граждане были приятно ошарашены, когда прочли 10 июля 1953 года в «Правде»:

«На днях состоялся пленум ЦК КПСС. Пленум, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК — тов.Маленкова Г.М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П.Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах иностранного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над правительством и КПСС, принял решение — вывести Л.П.Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов КПСС как врага Коммунистической партии и советского народа».

Берия на этом пленуме ЦК не был, как не было его и на судебном процессе в декабре. Судебный процесс над ним был обычным советским спектаклем, который сам Берия много раз устраивал над другими, с той лишь разницей, что главным героем был теперь не человек, а его труп.

Хрущев повторно рассказывал своим иностранным собеседникам, особенно коммунистическим функционерам, как Берия был арестован и убит. Непосредственными физическими убийцами Берия у Хрущева в разных вариантах рассказа выступают разные лица, но сюжет рассказа остается один и тот же.

Согласно одному из рассказов конец Берия был такой. Хрущев убедил сначала Маленкова и Булганина, а потом остальных членов Президиума ЦК, что если Берия не ликвидировать сейчас же, то он ликвидирует всех членов Президиума. Так, вероятно, думали все, хотя каждый боялся сказать об этом другому. Хрущев не побоялся. Трудна была лишь техника проведения операции против Берия. Нормальная процедура — свободное обсуждение обвинения против него в Президиуме ЦК или на его Пленуме — совершенно отпадала. Опасались, что как только Берия узнает об обвинениях против него, то немедленно произведет государственный переворот и перестреляет всех своих соперников. Оставалось только классическое оружие всех подлецов: обман, засада, ловушка. А поскольку по этой части сам Берия был великим мастером, надо было ловкость обмана перемножить на искусность

ловушки. Поэтому операцию против Берия приурочили к началу летних маневров Советской Армии. В маневрах Московского военного округа должно было участвовать и несколько сибирских дивизий (на всякий случай, если в московских дивизиях окажутся сторонники Берия). На заседании Совета Министров министр обороны, его заместители и начальник Генерального штаба должны были докладывать о ходе маневров, а поэтому было приглашено много военных. Повестка дня этого заседания, как обычно, была заранее разослана членам Совета Министров со всякими проектами решений и с указанием имен всех приглашенных докладчиков и экспертов. Словом, рутина рутин. Явились все. Члены правительства собрались в зале заседания Совета Министров, а приглашенные, в том числе и военные, расположились, опять-таки как обычно, в комнате ожидания, откуда приглашенных вызывают в зал только во время обсуждения их вопроса. Первым поставили на обсуждение вопрос о ходе маневров Советской Армии. В зал вошла группа военных во главе с маршалом Жуковым и командующим военно-воздушными силами Московского округа генералом Москаленко. Маленков объявил объединенное заседание Президиума ЦК и Совета Министров открытым. И тут же обратился к Жукову:

— Товарищ Маршал Советского Союза, предлагаю вам от имени Советского правительства взять под стражу врага народа Лаврентия Павловича Берия.

Военные берут Берия под стражу и уводят в соседнюю комнату. Президиум ЦК начинает обсуждать вопрос о его дальнейшей судьбе.

Теперь, рассказывал Хрущев, мы стали перед сложной, одинаково неприятной дилеммой: держать Берия в заключении и вести нормальное следствие или расстрелять его тут же, а потом оформить смертный приговор в судебном порядке. Принять первое решение было опасно, ибо за Берия стоял весь аппарат чекистов и чекистские войска и его легко могли освободить. Принять второе решение и немедленно расстрелять Берия у нас не было юридических оснований. После всестороннего обсуждения минусов и плюсов обоих вариантов мы пришли к выводу: Берия надо немедленно расстрелять, поскольку из-за мертвого Берия бунтовать никто не станет. Исполнителем этого приговора (в той же соседней комнате) в рассказах Хрущева выступает один раз генерал Москаленко, другой раз Микоян, а в третий раз даже сам Хрущев. Хрущев подчеркнуто добавлял: наше дальнейшее расследование дела Берия полностью подтвердило, что мы правильно расстреляли его.

Т.Витлин в своей монографии о Берия пишет:

«Трудно сказать определенно, был ли он расстрелян Москаленко или Хрущевым, задушен Микояном или Молотовым при помощи тех трех генералов, которые схватили его за горло, как об этом тоже говорилось. Также трудно сказать, был ли он арестован на пути в Большой театр 27 июня (где все члены Президиума, кроме него, присутствовали на опере «Декабристы». — *А.А.*), или он был арестован после приема в польском посольстве, или он был арестован на заседании Президиума ЦК... Поскольку Хрущев пустил в ход несколько версий о смерти Берия

и каждая последующая разнится от предыдущей, трудно верить любой из них» (W i t t l i n Th. Commissar, p.395).

Было принято считать, что Берия арестован 27 июня. В доказательство ссылались на отсутствие Берия на вышеназванной опере. Но в том же номере газеты «Известия», где приведен список членов правительства, присутствовавших в театре без Берия, напечатана большая политическая статья «Нерушимое единство партии и народа», где о Берия говорится как об одном из руководителей партии и государства. Однако вся статья направлена против десталинизации и национальной программы Берия. Снова повторяются фразы о «ленинско-сталинской науке о коммунизме», о необходимости борьбы «против буржуазной идеологии национализма и космополитизма» и о том, что «партия всегда предостерегала и предостерегает советских людей от беспечности и ротозейства, воспитывает коммунистов и всех трудящихся в высокой политической бдительности, в духе непримиримости и твердости в борьбе с внутренними и внешними врагами». Это язык сталинской статьи (см.: «Правда», 13.1.53) против Берия!

Зачем о Берия упомянули как об одном из руководителей, неизвестно. Редакция «Известий» не могла не знать, что Берия действительно был арестован за день до этой статьи, то есть 26 июня 1953 года, как об этом официально сообщила Прокуратура СССР («Правда», 17.12.53).

Суд над Берия и его шестью помощниками, такими же старыми чекистами, был инсценирован 18-23 декабря 1953 года. В приговоре сказано, что Берия был с 1919 года и по день ареста иностранным шпионом (мусаватистским в Азербайджане, меньшевистским в Грузии, английским в СССР). Далее сказано, что Берия хотел поставить Министерство внутренних дел СССР над партией и правительством для захвата власти, чтобы потом провести «реставрацию капитализма и восстановление господства буржуазии»; Берия был против «повышения благосостояния народа» и «с целью создания продовольственных затруднений саботировал важнейшие мероприятия партии», «подсудимый Берия и его соучастники предприняли ряд мер для того, чтобы активизировать остатки буржуазно-националистических элементов в союзных республиках», «судом установлено, что подсудимые Берия, Меркулов, Деканозов, Кобулов, Гоглидзе, Мешик и Влодзимирский, используя свое служебное положение в органах НКВД — МГБ — МВД, совершили ряд тягчайших преступлений с целью истребления честных, преданных делу партии и советской власти кадров».

Во всех этих преступлениях подсудимые признали себя виновными. 23 декабря их всех приговорили к смерти. В тот же день они и были расстреляны.

Непредубежденный наблюдатель легко может заметить, что в этом обвинительном приговоре сущая правда соседствует с большой ложью. Что Берия и его чекистские коллеги (как их предшественники, так и их наследники) — враги народа, — это правда, но что они хотели поставить свою политическую полицию над партией и правительством — это ложь. Незачем было им это делать: она уже двадцать лет

стояла над партией и правительством. Что данный суд в декабре происходил над группой чекистов — это верно, но что там присутствовал и Берия — это мистификация. Хорошо осведомленная и близко задетая бериевским террором С.Аллилуева ничего не пишет о суде над Берия. Более того, из ее слов следует, что Берия был убит сразу после ареста: «После того как Берия был арестован в июне 1953 года и *немедленно* же расстрелян, — спустя некоторое время правительство распространило длинный секретный документ о его «преступлениях». Читка его на партийных собраниях занимала больше трех часов подряд. Кроме того, что Берия был обвинен в «международном шпионаже в пользу империализма», больше половины секретного письма ЦК было посвящено его «аморальному облику». Партийные следователи с упоением рылись в грязном белье уже неопасного противника, и еще ни одно партийное собрание не бывало столь увлекательным: описание любовных похождений поверженного «вождя» было сделано со всеми подробностями. Неизвестно только, в чем ЦК хотел убедить партийную массу: к политике это не имело никакого отношения. К внутрипартийной борьбе — тоже. Документ ничего не объяснял и ни в чем не убеждал — разве лишь в том, что ханжи из ЦК обнаружили собственную грязную натуру. После 1953 года жена и сын Берия были высланы из Москвы на Урал» («Только один год», с.357-358).

Что Берия не было в живых во время суда над ним, свидетельствует и весьма солидный коммунистический источник: согласно «Большой универсальной польской энциклопедии» Берия был расстрелян в июле 1953 года (см.: W i t t l i n Th. Commissar, p.395).

Сталин как-то заметил: «Беспечность — идиотская болезнь наших людей». И сам же стал жертвой этой болезни, недооценив подлость Берия. От той же болезни погиб и Берия, переоценив собственную подлость.

Эпилог

СТАЛИН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ПОДЛИННЫЙ

Сталин был самым ненавистным и самым любимым, глубоко уважаемым и люто презираемым государственным деятелем во всей истории. В его государстве не было людей, равнодушных к нему, — были только энтузиасты и враги. Ни один современник не нарисовал и едва ли нарисует его точный политико-психологический портрет, ибо у него нет беспристрастных современников — даже после его смерти. Чтобы понять его психологию и правильно оценить его деяния, а значит, и его место в истории России и мира, нужны хотя бы лет сто-двести исторической дистанции.

Что Сталин — организатор многомиллионной инквизиции и уникальной тирании, спорить не приходится. Что он не оратор, не теоретик и даже не интеллигент — совершенно очевидно. Что он хотел не человечество осчастливить, а себя вознести — тоже доказано. Но на путях к этому возвышению он побеждает своего учителя — Ленина, его соратника в Октябре — Троцкого, его «старую гвардию» — Зиновьева, Каменева, Бухарина, Рыкова, ЦК, партию — и все это в легальных рамках устава партии и без единого выстрела, хотя бы даже из-за угла. К власти он, как и Гитлер, пришел совершенно легально и только потом приступил к инквизиции. Его трубадур и его же первая жертва в годы ежовщины Максим Горький провозгласил лозунг: «Если враг не сдается, то его уничтожают!» Сталин же поступал как раз наоборот: если враг сдавался, то он его уничтожал, если врага вообще не было, то он его выдумывал.

Да что говорить о внутренних врагах, когда он обвел вокруг пальца и тех, кого считали национальными гениями своих стран — Рузвельта и Черчилля, — спас при их помощи свой режим да еще открыл их же руками шлюзы коммунизма для создания теперь уже тринадцати новых коммунистических государств на трех континентах с населением (вместе с СССР) более одной трети всего человечества.

В чем же секрет этих побед, каким магическим оружием этот малокультурный человек так метко и безошибочно бьет врагов? Почему ему удалось так прочно оседлать двухсотмиллионный народ, терзать его душу и тело, да еще заставить его превозносить зло как добро, ложь как

правду, тиранию как блаженство, а самого себя — как добрейшего из всех богов, каких только знали мифология и религия всех народов?

Маркс говорил, что Петр I при помощи варварских методов ликвидировал русское варварство. Сталин, наоборот, ликвидировал русскую духовную культуру, а насаждал новое варварство. Образцом политического лидера для Сталина был Ленин, что правильно заметил биограф Сталина профессор Роберт Таккер. Интересная преемственность: Троцкий пишет, что кумиром Ленина был Маркс, хотя его самого часто сравнивали с Петром I.

Когда в одном из интервью еще в начале 30-х годов Сталина попросили определить свое место в истории России в схеме Петр I — Ленин — Сталин, Сталин отвел подобное сравнение. Он сказал, что Петр — капля в море, Ленин — целый океан, а он всего только ученик Ленина. Из этого ответа вытекало, что Сталин считал себя несомненно больше «капли», но меньше «океана». Путем военно-полицейской индустриализации России он хотел превзойти этот «океан». Но так как ему уже перевалило за пятьдесят лет, то надо было спешить. То, что Запад проделал в индустрии за сто — сто пятьдесят лет, Россия должна пробежать в десять — пятнадцать лет, говорил он. Приблизительно в этот же срок, к шестидесяти — шестидесяти пяти годам, он хотел стать тем, за кого его открыто начали выдавать: «Сталин — Ленин сегодня». Но достигнуть обычными методами ни того, ни другого не было никакой возможности. Поэтому пришлось прибегнуть к таким варварским методам, до которых не додумался не только Петр I, но и сами варвары.

Применение варварских методов во всех сферах управления страной стало его системой. После бесплодных споров со всякого рода внутрипартийными оппозициями он понял, что в отведенное ему историей время не сможет достичь цели, если будет лишь орудием партии и ее ЦК. Лучше превратить их в свое орудие. При этом он действовал в точном согласии с ленинизмом. Вот что Ленин говорил об этом за два года до назначения Сталина генсеком: «Советский социалистический централизм единоличию и диктатуре нисколько не противоречит... *волю класса иногда осуществляет диктатор, который иногда один более сделает и часто более необходим*» (Соч., т.XXV, с.119).

Став таким диктатором, Сталин приступил к превращению великой аграрной страны в страну индустриальную, многомиллионных единоличных крестьянских хозяйств — в одно коллективное хозяйство государственных крестьян, неграмотных мужиков — в грамотный индустриальный пролетариат, малограмотных рабочих — в техников и инженеров, к превращению народной советской власти — в полицейскую партократию, а всего государства — в закрытую страну с «границами на замке» (даже фильм был такой до войны). Отсюда — форсированная индустриализация, насильственная коллективизация, пятилетки, чистки, инквизиция.

Вся старая и новая знать России — от статских советников до коллежских регистраторов, от дворян до столыпинских и ленинских нэпов-

ских мужиков, от царских офицеров до белогвардейцев, от земских деятелей до сельских священников, от монархистов до кадетов, от эсеров до меньшевиков, от троцкистов и бухаринцев до старых большевиков, «от буржуазных националистов» до национал-коммунистов, от командиров Красной Армии до красных партизан — была физически ликвидирована в течение первых двух пятилеток (1928-1938). По данным Сталина, зажиточных крестьян было ликвидировано в 1930-1933 годах 10 миллионов человек; по оценке специалистов, от искусственного голода погибло в 1932 году на Украине 6 миллионов человек, а «врагов народа» было арестовано в 1937-1938 годах до 8-9 миллионов человек. После этого Сталин заявил: в СССР ликвидированы классы и построено «бесклассовое социалистическое общество», но народ, не терявший юмора даже в эту жуткую эпоху, острил: «Сталин ошибается, в СССР все еще остались три класса: те, которые сидели; те, которые сидят; те, которые будут сидеть».

Лидер партии, провозгласившей своей исторической миссией ликвидацию всякой государственной власти («отмирание государства»), Сталин признавал только одного бога — государство. Для увеличения мощи русского государства он сделал больше, чем вся династия Романовых, но и власть у него была тоже большая, чем у всех эти царей, вместе взятых. Если сегодня Россия одна из двух термоядерных сверхдержав, то это тоже плоды его деятельности. И у такого человека не было никакой личной жизни и потребности к личному уюту. Из мемуаров Светланы Аллилуевой, этого уникального исторического источника величайшей важности, видно, как мало нужно было лично самому Сталину. Вероятно, Сталин был единственным в истории большевиком (не исключая Ленина и Бухарина, не говоря уж о Зиновьеве и Троцком), в котором абсолютно не было мещанства, но как ловко он культивировал это мещанство в своих последователях и учениках для осуществления собственных политических целей! Его спартанский образ жизни, лишенной какой-либо роскоши, его холодное равнодушие к женщинам (хотя он был вдовцом) и к алкоголю (хотя он был сыном алкоголика), его воздержанность в светских увеселениях, его пренебрежение к великим ценностям ума и воображения, его ревность к выдающимся тиранам и презрение к человеческой личности роднят его с затаенным кумиром его сердца, таким же фанатиком власти, как и он, — Гитлером. Когда погибла «третья империя», американские журналисты бросились к банковским счетам Гитлера, предвкушая разоблачения о его несметных богатствах, но, увы, они нашли только гонорар за «Майн кампф», — а у Сталина нашли бы лишь очередную получку в конверте.

В своем могучем рабовладельческом государстве Сталин был сам первым рабом, но из всех человеческих страстей в нем бурлили лишь две — разрушительная страсть вандала и созидательная страсть рабовладельца. От мозга костей дитя азиатской культуры, он рабами тоже правил не как римский патриций, а как египетский фараон. Если бы он не жил в век индустрии, он покрыл бы всю Россию сетью «великих

сталинских строек» — пирамид — побольше, пошире, повыше («догнать и перегнать»).

Он, как и все восточные деспоты, разрешил своим рабам воспевать себя и даже пошел дальше. Он решил занять место официально изгнанного христианского Бога, чтобы вся страна молилась отныне ему одному. В церковь ходят только верующие, но в церковь Сталина ходили все, и никто не верил ни в какой коммунизм, в первую очередь — сам глава этой церкви. Именно поэтому «молитвы» паствы были гиперболические по формулам, напыщенные по тону, приторные по вкусу и насквозь фальшивые по существу.

Вспомним, что писали поэты о Сталине и о сталинской Конституции в разгар «великой чистки» в 1937 году.

Особенной выспренностью в то время отличалось «народное поэтическое творчество» о Сталине, которое преподносилось от имени кавказских и туркестанских поэтов и певцов. Тюркское слово «акын» и кавказское слово «ашуг» (народный певец) впервые вошли в словарь русского языка в те годы именно из-за стихов о Сталине. Ставшие тогда знаменитыми на весь Советский Союз казахский девяностолетний акын Джамбул или восьмидесятипятилетний дагестанский ашуг Сулейман Стальский были совершенно неграмотными людьми, а им приписывали не только стихи, но и целые поэмы о Сталине — в полном соответствии с «Кратким курсом истории партии». Ларчик открывался просто: их заставляли пересказывать оды древних восточных певцов об их добрых царях, шахах, халифах и султанах, русские переводчики их переводили на русский язык с небольшой модернизацией, «созвучной эпохе»: в стихах и песнях акынов и ашугов вместо всех этих добрых, великих, солнечных шахов и халифов появлялся только один Сталин.

1937 год — год апогея беспримерного в истории всеобщего террора, когда практически в СССР не было семьи, не задетой чисткой. В разгаре этой инквизиции Сталин инсценирует «свободные выборы» по только что принятой «самой демократической в мире сталинской Конституции», а акыны и ашуги ее воспевают («Новый мир», 1937, № 12):

Джамбул:

Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа,
Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога открыта,
Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.

Сулейман Стальский:

Ты нам могучий пламень дал,
Закон мудрейший написал,
И он, как драгоценный лал,
В страны златом уборе.

С ним колосится рожь в полях,
С ним зреют яблоки в садах,
И люди, честные в делах,
С ним побеждают в споре.

Закон — величье наших дней,
С ним вёсны ярче, песнь стройней,
С ним слава родины моей
За мир стоит в дозоре.

На всей земле всей бедноты
Тысячелетние мечты
На деле воплощаешь ты
В побед безбрежном хоре.

Абибулла Софу (народный поэт крымских татар):

Законы сталинские дышат
Перед народом, как цветы,
Когда прочтешь их иль услышишь,
Как медом, насладишься ты.

(Депортированным по этим «медовым сталинским законам» крымским татарам до сих пор не разрешается вернуться на их исконную родину.)

Ревнивый кобзарь Украины Микола Шашко из села Мала-Свирка решил переплюнуть «ёлдашей» и, кажется, даже переплюнул:

Царя и министров мы скинули, смыли,
И пекло поповское в прах разгромили.
Законы тиранов погибли с царями,
Мы рай тот прекрасный построили сами.
Тот рай не на небе, а тут, на земле,
В Советском Союзе да в братской семье.

После XX съезда поэт Александр Твардовский напишет о Сталине другое:

О том не пели наши оды,
Что в час лихой, закон презрев,
Он мог на целые народы
Обрушить свой верховный гнев.

После победоносного окончания войны началась новая волна культа. Ее узаконил лично Сталин в трех государственных актах: в Гимне СССР поэта Михалкова, где Сталин выведен как бог; в сооружении Сталину грандиозного памятника в Сталинграде (как рассказал Хрущев, распоряжение об отпуске денег для этого памятника подписал сам Сталин); в учреждении Сталинских премий за произведения искусства, литературы, науки и техники (но Сталин отказался выполнить постановление ЦК и ЦИК СССР 1925 года об учреждении Ленинских премий).

Наконец Сталин умер. В Москву во все издательства и редакции хлынул безбрежный поток стихов, поэм, воспоминаний. На этот раз тон задали русские «акыны». Вот образцы плача по умершему богу.

Константин Симонов:

Нет слов таких, чтоб ими передать
Всю нестерпимость боли и печали,
Нет слов таких, чтоб ими рассказать,

Как мы скорбим о Вас, товарищ Сталин!
Скорбит народ, что Вы ушли от нас,
Скорбит сама земля, от горя вся седая...
(«Правда», 7.3.53)

Николай Грибачев:

Дрогнул мир, узнав об этом горе,
Разрыдались скорбью провода...
Если б нам несчастье переспорить,
В грудь его свои сердца вложить —
Десять тысяч лет он мог бы строить,
При потомках в коммунизме жить...
Трудно нам без Сталина на свете,
Но великий гений не угас —
Сталин вновь из вечного бессмертья
Учит нас и исправляет нас...
(«Правда», 8.3.53)

Анатолий Софронов: сей поэт даже был готов —

Все б отдать, чтобы смерть была минучей,
Чтобы повернуть ее с пути!
В сердце боль, как море, глубока...
Сталин с нами, с нами на века!
(«Правда», 8.3.53)

Я думаю, что первую мгновенную реакцию — как партии, так и народа на смерть Сталина лучше всех других писателей передали нам две женщины: одна — советская писательница Галина Николаева, другая — дочь Сталина Светлана Аллилуева.

Дождавшись смерти Сталина, члены четверки немедленно направились к выходу. Их и свое собственное состояние в эти минуты Аллилуева описывает так: «Члены правительства устремились к выходу — надо было ехать в Москву, в ЦК, где все сидели и ждали вестей. Они поехали сообщить весть, которую тайно все ожидали. Не будем грешить друг против друга — их раздирали те же противоречивые чувства, что и меня, — скорбь и облегчение (я не говорю о Берия, который был единственным в своем роде выродком)» («Двадцать писем к другу», с.10).

Скорбь партии — что ушел благодетель, облегчение олигархии — что не стало тирана. Чувства народа тоже не были однородными. Они были сложными и противоречивыми. Сталина считали символом порядка, жестокого и беспощадного, но все-таки порядка. Что же будет, если океан страстей зальет страну кровавыми волнами во имя исторического возмездия режиму и злодеяния его вождя против народа? Многие еще помнили 1917 год: «Зверь вышел из клетки, но, увы, этот зверь был Его Величество русский Народ» — так писал монархист Шульгин о бешеных страстях этого периода. Если выйдет «Его Величество» второй раз из «клетки», то боялись, что в мире не найдется силы, которая могла бы загнать его обратно. (Косыгин одному иностранцу: «Дать русским свободу? Так они же перережут друг друга!»)

Галина Николаева предпослала своему роману «Битва в пути» главу «Мартовская ночь», посвященную смерти Сталина. Ее центральная мысль — скорбь «нового класса», его тревоги за будущее, а у народа —

не скорбь, не траур, а неистребимое любопытство видеть бога, хотя бы и мертвого. Две сцены символизируют это противоречивое состояние.

Вот крупный хозяйственник сталинист Бахирев сидит у радио и ловит разные радиостанции СССР, Китая, Румынии, Венгрии: «Величавые звуки траурного марша... Внезапная, простая, любимая ленинская:

Наш враг на тобой не глумился, (а Берия?)
Кругом тебя были свои, (а четверка?)
Мы сами, родимый, закрыли
Орлиные очи твои...

Но Бахирев делает «чуть заметный поворот выключателя — и вдруг завывающее ликование джаза...».

Значит, жизнь продолжается и без бога, да и не все скорбят... Многие ликуют... Бахирев философствует: «Тля умирает как тля, но когда умирает гений, то вздрагивает вся земля».

Автор повествует о шествии народа в Колонный зал Дома союзов, где стоял гроб Сталина:

«Народная лавина была слишком молчалива и трагична для демонстрации, слишком стремительна и беспорядочна для траурного шествия... Глубина скорби и жадность любопытства... В двойственном впечатлении было что-то нездоровое, противоестественное»...

Что же, в конце концов, движет эту «народную лавину» к Сталину: скорбь, долг прощания или «жадность любопытства»? Сын Бахирева Рыжик, который потерялся в толпе во время этого шествия и которому отец угрожал за это наказанием, выразил мнение народа: «Я же к Сталину бегал. Сами всю жизнь говорили: «Сталин, Сталин!» А как посмотреть? *А теперь вдруг можно посмотреть!..* Все бегут *поглядеть*».

Вот именно: живой бог всю жизнь был недосягаем, а теперь, мертвый, он вдруг очутился на земле, представилась возможность посмотреть, «поглядеть» на него — как этим не воспользоваться?

О своем первом впечатлении о смерти Сталина писал и Илья Эренбург:

«Мы давно забыли, что Сталин — человек. Он превратился во всемогущего и таинственного бога. И вот бог умер от кровоизлияния в мозг. Это казалось невероятным... Траурный митинг писателей состоялся в Театре киноактера... Все были подавлены, растеряны... Ораторов было много. Я тоже говорил, не помню что...» (Соч., т.9, с.33).

Однако газетный архив сохранил нам это выступление Эренбурга, которое действительно не очень удобно помнить автору «Оттепели» и воспоминаний «Люди, годы, жизнь»:

«В эти трудные дни мы видим Сталина во весь его рост, видим, как он идет по дорогам земли, высится над нашим грозным временем... Как оно понятно, горе человека, где бы он ни жил, когда он узнал о смерти великого защитника мира! Но все люди знают, что *Сталин не может умереть.* Он жив не только в его трудах... он жив в сознании сотен миллионов людей, русских и китайцев, поляков и немцев, французов и вьетнамцев, итальянцев и бразильцев, корейцев и американцев. *Ког-*

да сердце Сталина перестало биться, в скорби еще сильнее забились сердца человечества... Простые люди живы, и в них жив Сталин» («Правда», 11.3.53).

Эренбург добавил:

«В Дании простая женщина, мать детей, повторяла: «Я за них не боюсь, ведь есть Сталин!»

Но Эренбург забыл упомянуть и другого простого датчанина, может быть, даже мужа этой женщины. Когда датский премьер «от имени всех датчан» выразил Маленкову глубокое соболезнование по поводу смерти Сталина, то на другой же день появилось «Письмо в редакцию»: «Сообщаю, что наш премьер не говорил от моего имени».

После доклада Хрущева на XX съезде Эренбург, конечно, изменил свое мнение о Сталине, но так резко, что стало неловко за самого Эренбурга. Однако, опытный психолог, Эренбург знает, что искренним признанием в собственном лицемерии можно обезоружить критика и подкупить читателя: «Я не любил Сталина... и я его боялся... Поделюсь с читателями своими мыслями и чувствами в марте 1953 года... Обожествление Сталина не произошло внезапно, оно не было взрывом народных чувств. Сталин долго и планомерно его организовывал: по его указанию создавалась легендарная история, в которой Сталин играл роль, не соответствующую действительности... Признание Сталина «гениальным и мудрейшим» предшествовало массовым расправам... Почему же я не написал в Париже «Не могу молчать»?.. Молчание для меня было не культом, а проклятием... Да, я знал о многих преступлениях, но пресечь их было не в моих силах...» (Соч., т.9, с.732-738).

К началу 1923 года ленинское Политбюро состояло из пяти человек (перечисление в порядке важности по тогдашнему партийному протоколу: 1) Ленин, 2) Троцкий, 3) Зиновьев, 4) Каменев, 5) Сталин. Главный редактор «Правды» и второй, после Ленина, теоретик партии Бухарин был кандидатом. Все они, начиная Лениным и кончая Бухариным, уже в 20-х годах знали, что Сталин не только бывший убийца (эксы на Кавказе в 1906-1912 годах, массовые расстрелы по личному приказу Сталина в Царицыне в 1918 году), но и потенциальный убийца даже самой ленинской партии с задатками организатора единоличной тирании (избавиться от него они не могли — Сталин принадлежал к этому же узкому кругу лиц, взявших немецкие деньги на большевистскую революцию).

Посмотрим на Сталина сначала глазами членов Политбюро, выслушаем характеристики о нем съездов его партии, потом послушаем, что сам Сталин думает о себе, и, наконец, дадим слово сегодняшним сталинским эпигонам. Для документальности приведем некоторые цитаты.

1. Начнем с «Завещания» Л е н и н а (1922-1923):

«Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью... Сталин слишком груб... Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места

и назначить на это место другого человека, который... более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.» (ПСС, т.45, с.345-346).

Из статьи Ленина «К вопросу о национальностях» от 30-31 декабря 1922 года:

«...приняли ли мы с достаточной заботливостью меры, чтобы действительно защитить инородцев от истинного русского держиморды? Я думаю, что мы этих мер не приняли... Я думаю, что тут сыграли роковую роль торопливость и администраторское увлечение Сталина, а также его озлобление против пресловутого «социал-национализма» (термин Сталина против грузинских коммунистов. — *А.А.*). Озлобление вообще играет в политике обычно самую худую роль. Я боюсь также, что тов.Дзержинский, который ездил на Кавказ расследовать дело о «преступлениях» этих «социал-националов», отличился тут тоже только своим истинно русским настроением (известно, что обрусевшие инородцы всегда пересаливают по части истинно русского настроения)... Тот грузин (речь идет о Сталине. — *А.А.*), который пренебрежительно... швыряется обвинением в «социал-национализме» (тогда как он сам является настоящим истинным не только «социал-националом», но и грубым великорусским держимордой)... нарушает интересы пролетарской классовой солидарности... Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского» (ПСС, т.45, с.357-358, 360, 361)*.

2. Троцкий (1930):

«Сталин одарен практическим смыслом, выдержкой и настойчивостью в преследовании поставленных целей. Политически его кругозор крайне узок. Теоретический уровень совершенно примитивен. Его компилятивная книжка «Основы ленинизма» кишит ученическими ошибками. Незнакомство с иностранными языками вынуждает его следить за политической жизнью других стран с чужих слов. По складу ума он упорный эмпирик, лишенный творческого воображения. Верхнему слою партии (в более широких кругах его вообще не знали) он *казался всегда человеком, созданным для вторых и третьих ролей*. И то, что он играет сейчас (1930 г.) первую роль, характеризует не столько его, сколько переходный период политического сползания. Еще Гельвеций сказал: «Каждый период имеет своих великих людей, а если их нет, то он их выдумывает» («Моя жизнь», с.247).

---

* Ленин резко поставил вопрос перед XII съездом о снятии с поста Сталина и исключении из партии Дзержинского и Орджоникидзе за «грузинское дело». Сталин считал, что Ленин преследует его из-за интриг своей жены — Крупской, — и начал угрожать ей исключением из партии. Тогда Ленин порвал отношения со Сталиным в следующем письме к нему: «Товарищу Сталину. Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Я не намерен забывать так легко то, что против меня сделано, а нечего и говорить, что сделанное против жены я считаю сделанным и против меня. Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения. С уважением. Ленин. 5 марта 1923 г.» (ПСС, т.54, с.329-330). После этого Ленин жил еще около десяти месяцев, но ответа от Сталина так и не дождался.

«По-настоящему Ленин узнал Сталина только после Октября. Он ценил его качества твердости и практического ума, состоящего на три четверти из хитрости. В то же время Ленин на каждом шагу наталкивался на невежество Сталина, на *исключительную моральную грубость и неразборчивость*» (там же, с.217-218).

3. Зиновьев и Каменев (1925) (со слов Троцкого):

«Возможно ли было в 1924 году предвидеть события 1936-1938 годов, когда Сталин развился в тирана со всеми его атрибутами? В 1924 году он еще боролся за власть. Был ли уже тогда Сталин способен на такой заговор? Все данные его биографии заставляют нас отвечать на этот вопрос утвердительно... Когда Зиновьев и Каменев порвали со Сталиным в 1925 году, они оба заложили в надежном месте письма: «Если мы внезапно исчезнем, то знайте, что это дело рук Сталина». Они мне советовали сделать то же. «Вы думаете, — говорил мне Каменев, — что Сталин озабочен тем, как отвечать на ваши аргументы? Ничуть не бывало. Он рассчитывает, как ликвидировать вас без того, чтобы быть за это наказанным. Как только мы порвали со Сталиным, мы составили нечто вроде «Завещания», в котором мы предупреждали, что если мы «случайно» умрем, ответственным за это считать Сталина. Этот документ сохраняется в надежном месте. Я советую вам сделать то же самое. Вы можете ожидать всякого от этого азиата». Зиновьев добавил: «Он бы вас ликвидировал еще в 1924 году, если бы не боялся возмездия — террористических актов со стороны части молодежи. Это причина того, что Сталин решил начать с уничтожения кадров оппозиции и отложил ваше убийство до того времени, пока он себя не почувствует безнаказанным. Он ненавидит нас, особенно Каменева, так как мы слишком много знаем о нем, но он еще не готов убить нас» (L.Trotski. Stalin. London. 1947, p.417).

4. Бухарин (1928):

«Сталин — беспринципный интриган, который любое дело подчиняет интересам сохранения своей власти. Он меняет свои теории, смотря по тому, от кого хочет избавиться» («A Documentaru History of Communism. T.Y. 1960, pp. 308-309).

5. Политбюро ЦК КПСС на XX съезде (1956):

«...необычайный ум (Ленина. — *А.А.*) выразился также и в том, что он вовремя заметил в Сталине ряд отрицательных качеств, которые позднее привели к весьма печальным последствиям... Ленин указал, что Сталин является чрезвычайно жестоким человеком, что он недостойно относится к своим товарищам, что он капризен и злоупотребляет своей властью... Эта отрицательная черта Сталина все время неуклонно развивалась и в последние годы его жизни приобрела абсолютно нетерпимый характер...»

Партия превратила Сталина «в сверхчеловека, наделенного сверхъестественными качествами, приближающими его к божеству. Предполагается, что такой человек все знает, за всех думает, может делать абсолютно все и является непогрешимым в своих поступках... Такая вера по отношению к Сталину культивировалась среди нас в течение долгих лет... Сталин создал концепцию «врага народа». Этот термин

автоматически исключал необходимость доказательства идеологических ошибок... Эта концепция сделала возможным применение жесточайших репрессий, нарушающих все нормы революционной законности, против любого, кто не соглашался со Сталиным безразлично по какому вопросу, против тех, кто только лишь подозревался в намерении совершить враждебные действия... Концепция «враг народа» сама по себе практически исключала возможность... выражения собственного мнения по тому или иному вопросу, даже в том случае, если этот вопрос носил не теоретический, а практический характер... Сталин прибегал к чрезвычайным методам и массовым репрессиям в то время, когда революция уже победила, когда Советское государство укрепилось, когда эксплуататорские классы были уже ликвидированы... Сталин проявил свое нетерпимое отношение, свою жестокость, злоупотребление властью... Факты доказывают, что Сталин, постоянно злоупотребляя своей неограниченной властью, действовал при этом от имени ЦК, не спрашивая при этом мнения не только членов ЦК, но даже и членов Политбюро. Нередко он не информировал их о лично им принятых решениях, касающихся чрезвычайно важных партийных и государственных вопросов. Сталин был очень недоверчивым человеком; он был болезненно подозрителен; мы знаем это по работе с ним. Он мог посмотреть на кого-нибудь и сказать: «Почему ты сегодня не смотришь прямо? — или: «Почему ты сегодня отворачиваешься и избегаешь смотреть мне в глаза?» Такая болезненная подозрительность создала в нем общее недоверие... Всюду и везде он видел «врагов», «лицемеров» и «шпионов». Обладая неограниченной властью, он допускал большой произвол в деле морального и физического уничтожения людей. Создалось такое положение, что никто не мог выразить свою волю. Если Сталин говорил, что того или иного человека следует арестовать, то необходимо было принимать на веру, что это лицо является «врагом народа»... После войны Сталин стал еще более капризным, раздражительным и жестким; в особенности возросла его подозрительность. Его мания преследования стала принимать невероятные размеры» (Хрущев Н.С. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.5, 6, 8, 10, 14, 29, 41).

6. Постановление XXII съезда КПСС (1961):

«Признать нецелесообразным дальнейшее сохранение в Мавзолее саркофага с гробом И.В.Сталина, так как серьезные нарушения Сталиным ленинских заветов, злоупотребления властью, массовые репрессии против честных советских людей и другие действия в период культа личности делают невозможным оставление гроба с его телом в Мавзолее В.И.Ленина» (XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М.,1962, т.III, с.362).

7. Сталин о Сталине.

а) Легенда о Сталине как организаторе большевизма в России.

Сталин писал (1938):

«Пражская конференция (январь 1912 г.) выбрала большевистский ЦК. В состав ЦК вошли Ленин, Сталин и др. Товарищи Сталин и

Свердлов были избраны заочно... Был создан практический центр для руководства революционной работой в России (Русское бюро ЦК) во главе с тов.Сталиным... Из политической группы большевики оформляются в самостоятельную партию большевиков» («История ВКП(б). Краткий курс», с.137-139)*.

Неправда. Сталин не был избран на конференции, он был кооптирован Лениным в ЦК после конференции. Сталин не был поставлен во главе Русского бюро ЦК, такой функции вообще не было, а фактически Руское бюро возглавлял Серго Орджоникидзе; по Ленину, партия большевиков существует с 1903 года, но Сталину нужно было, чтобы она существовала только с 1912 года, с тех пор, как он сам впервые стал членом ее ЦК.

б) Легенда о борьбе Сталина за недоверие к Временному правительству.

Сталин писал:

«Сталин, который только вернулся из ссылки вместе с большинством партии, отстаивал политику недоверия Временному правительству» (там же, с.176).

Неправда. Партия, ЦК, редакция «Правды» и лично Сталин выступали за условную поддержку Временного правительства (см.: Протоколы ЦК за март-апрель 1917 г. — «Вопросы истории КПСС», 1962, № 3,5).

в) Легенда о том, что Сталин был за Апрельские тезисы Ленина.

Сталин писал:

«*Вся партия*, за исключением нескольких одиночек типа Каменева, Рыкова, Пятакова, приняла (Апрельские. — *А.А.*) тезисы Ленина» («Краткий курс», с.179).

Неправда. ЦК, ПК, МК, и редакция «Правды» во главе со Сталиным и Каменевым отвергали эти тезисы в статье «Правды» от 8 апреля 1917 года, а Сталин еще называл их «голой схемой».

г) Легенда о том, что Сталин выступал на VI съезде партии (июль — август 1917г.) против явки Ленина и Зиновьева на суд.

Сталин писал:

«На съезде обсуждался вопрос о явке Ленина на суд. Каменев, Рыков, Троцкий еще до съезда считали, что Ленину надо явиться на суд контрреволюционеров. Тов.Сталин решительно высказался против явки Ленина на суд» (там же, с.190).

Неправда. Вот что говорил Сталин на этом съезде: «Если суд будет демократически организован и дана гарантия, что их не растерзают... они явятся» («Шестой съезд РСДРП(б). Протоколы», с.27-28).

д) Легенда о мифическом Партийном центре по руководству восстанием во главе со Сталиным.

Сталин писал:

---

* «Краткий курс» написан самим Сталиным и должен был составить содержание пятнадцатого тома его Сочинений (см.: Сталин И. Соч. М., 1946, т.1, с.VIII).

«16 октября (1917 года. — *А.А.*) состоялось расширенное заседание ЦК партии. На нем был избран *Партийный центр* (выделено в оригинале. — *А.А.*) по руководству восстанием во главе со Сталиным... Этот Партийный центр руководил практически всем восстанием» («Краткий курс», с.197).

Неправда. Такого Партийного центра никогда не существовало, он выдуман, чтобы отнять руководство Октябрьской революцией не только у Троцкого, но и у самого Ленина.

е) Легенда, что восстание началось по указаниям Партийного центра.

Сталин писал:

«По указанию Партийного центра восстания были срочно подтянуты к Смольному отряды революционных солдат и красногвардейцев. Восстание началось» (там же, с.198).

Неправда, восстание началось по указаниям пленума ЦК от 24 октября, на котором Сталин не присутствовал (см.: Протоколы ЦК РСДРП(б). М., 1958, с.119), а практически им руководили Петроградский Совет во главе с Троцким и его подсобный орган, возглавлявшийся Подвойским, — Военно-революционный комитет, в котором Сталин был лишь членом.

ж) Легенда о разгроме Деникина по «плану Сталина».

Сталин писал:

«Командование Южного фронта совместно с Троцким разработало план, по которому главный удар наносился Деникину от Царицына на Новороссийск... тов.Сталин подверг резкой критике этот план и предложил ЦК свой план разгрома Деникина: направить главный удар через Харьков — Донбас — Ростов... ЦК принял план тов.Сталина. Во второй половине октября 1919 г. Деникин был разбит Красной Армией... Деникин начал быстро отступать... В начале 1920 г. вся Украина и Северный Кавказ были освобождены от белых» («Краткий курс», с.227-228).

Неправда. Советский историк Н.Ф.Кузьмин, исследовавший этот вопрос на основе архива ЦК, пришел к выводу: «Письмо Сталина Ленину не было основополагающим документом при выработке ЦК осенью 1919 года нового плана борьбы против Деникина. Оно было написано тогда, когда новый план разгрома Деникина осуществлялся и Южный фронт уже достиг серьезных успехов». Любопытная деталь: сталинские историки, сообщает Кузьмин, переправили дату письма Сталина с 15 ноября на 15 октября 1919 года, чтобы доказать существование этого сталинского плана до начавшегося в октябре наступления против Деникина (см.: «Вопросы истории», 1956, № 7, с.32-33).

з) Легенда о Сталине как организаторе Коминтерна.

Сталин писал:

«Сталин по поручению ЦК в январе 1918 года проводит совещание представителей революционного крыла социалистических партий различных стран Европы и Америки, сыгравшее значительную роль в

борьбе за создание III Коммунистического интернационала» (С т а л и н И.В. Краткая биография. М., 1951, с.68-69).

Неправда. Как не знающий иностранных языков, Сталин ни в русскую делегацию, ни в Исполком Коминтерна не входил до 1925 года.

и) Легенда о величайшем теоретике Сталине.

Сталин писал:

«Можно сказать без преувеличения, что после смерти Энгельса величайший теоретик Ленин, а после Ленина — Сталин» («Краткий курс», с.342).

к) Сталин о Сталине как о гении (1948).

Сталин писал:

«В этой борьбе с маловерами и капитулянтами, троцкистами и зиновьевцами, бухариными и каменевыми окончательно сложилось после выхода Ленина из строя то руководящее ядро нашей партии... которое отстояло великое знамя Ленина, сплотило партию вокруг заветов Ленина и вывело советский народ на широкую дорогу индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. Руководителем этого ядра и *ведущей силой партии и государства был товарищ Сталин*. Мастерски выполняя задачи вождя партии и народа, Сталин, однако, не допускал в своей деятельности и тени самомнения, зазнайства, самолюбования... Сталин — достойный продолжатель дела Ленина, или, как говорят у нас в партии: Сталин — это Ленин сегодня... Товарищ Сталин развил дальше передовую советскую военную науку. Товарищ Сталин разработал положение о постоянно действующих факторах, решающих судьбу войны, об активной обороне и законах контрнаступления и наступления, о взаимодействии родов войск и боевой техники в современных условиях войны, о роли больших масс танков и авиации в современной войне, об артиллерии как самом могучем роде войск. На разных этапах войны *сталинский гений* находил правильные решения, полностью учитывающие особенности обстановки. Сталинское военное искусство проявилось как в обороне, так и в наступлении. С *гениальной проницательностью* разгадывал товарищ Сталин планы врага и отражал их. В сражениях, в которых товарищ Сталин руководил советскими войсками, воплощены выдающиеся образцы оперативного искусства» (С т а л и н И.В. Краткая биография, с.231-232).

Хрущев комментирует:

«Сталин был далек от понимания развивающихся на фронте действительных событий... следует заметить, что Сталин разрабатывал операции на глобусе. (*Оживление в зале.*) Да, он обычно брал глобус и прослеживал на нем линию фронта... (Но) где и когда бывало, чтобы вождь так сам себя хвалил... Можно привести много примеров таких самопохвал, вписанных в первоначальный текст этой книги («Краткой биографии». — *А.А.*) рукой Сталина. Таковы факты... следует, пожалуй, сказать — позорные факты... Если автором этой книги («Краткого курса». — *А.А.*) был Сталин, то почему ему нужно было так восхвалять личность Сталина и превращать весь послеоктябрьский

исторический период... в дело одного только «сталинского гения»...» (Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, с.49-51).

После свержения Хрущева ЦК КПСС решил пересмотреть характеристику, данную Сталину на XX и XXII съездах партии. Попытка официально реабилитировать Сталина на XXIII съезде (1966) сорвалась из-за настойчивых протестов советской интеллигенции, особенно ученых и писателей. Тогда ЦК решил провести молчаливую реабилитацию Сталина как политика и открытую его реабилитацию в войне как полководца. Эта задача была поручена не партаппарату, а советскому генералитету и хозяйственникам. Отсюда и посыпалась серия мемуаров генералов и маршалов и хозяйственников-бюрократов, в которых Сталин реабилитируется как государственный деятель, полководец, рачительный хозяин и обаятельный человек (а чистки перекладываются на Ежова и Берия). Из таких многочисленных характеристик Сталина я приведу две, которые ЦК вложил в уста маршала Жукова и бывшего заместителя министра, авиаконструктора А.Яковлева.

1) Маршал Жуков (1969):

«Близко узнать Сталина мне пришлось после 1940 года, когда я работал в должности начальника Генерального штаба, и во время войны — заместителем Верховного Главнокомандующего... Невысокого роста и непримечательный с виду, Сталин производил сильное впечатление. Лишенный позерства, он подкупал собеседника простотой общения. Свободная манера разговора, способность четко формулировать мысль, природный аналитический ум, большая эрудиция и редкая память даже очень искушенных и значительных людей заставляли во время беседы со Сталиным внутренне собраться и быть начеку. Сталин не любил сидеть и во время разговора медленно ходил по комнате, время от времени останавливаясь, близко подходя к собеседнику и прямо смотря ему в глаза. Взгляд у него был ясный, пронизывающий. Он говорил тихо, четко отделяя одну фразу от другой, почти не жестикулируя, в руках чаще всего держал трубку, концом которой любил разглаживать усы. Говорил он с заметным грузинским акцентом, но русский язык знал отлично и любил употреблять образные литературные сравнения, примеры, метафоры. Сталин смеялся редко... Но юмор понимал и умел ценить остроумие и шутку. Зрение у него было очень острое, и читал без очков. Писал, как правило, сам, от руки. Читал много и был широко осведомленным человеком в самых разнообразных областях. Его поразительная работоспособность, умение быстро схватывать материал позволяли ему просматривать и усваивать за день такое количество фактологического материала, которое было под силу только незаурядному человеку. Трудно сказать, какая черта характера преобладала в нем. Человек разносторонний и талантливый, он не был ровным. Он обладал сильной волей, характером скрытным и порывистым. Обычно спокойный и рассудительный, он иногда впадал в раздражение. Тогда ему изменяла объективность, он буквально менялся на глазах, еще больше бледнел, взгляд становился тяжелым и жестким.

Немного я знал смельчаков, которые могли выдержать сталинский гнев и отпарировать удар.

Сталин хорошо разбирался в больших стратегических вопросах... Эти способности Сталина особенно проявились начиная со Сталинграда...» (Воспоминания и размышления, с.308-315).

2) Заместитель министра авиационной промышленности А.Я к о в л е в (1970):

У Сталина «лицо в мелких оспинах. Волосы гладко зачесаны назад, черные с сильной сединой. Глаза серо-коричневые. Иногда, когда он хотел, обаятельные, даже без улыбки, а с улыбкой — подкупающе ласковые. Иногда, в гневе, страшно пронзительные. Когда раздражался, на лице среди оспин появлялись мелкие красные пятна. Говорил Сталин правильным русским языком с довольно заметным кавказским акцентом. Голос глуховатый, горловой. Жестикуляция, а также движения и походка — умеренные, не порывистые, но выразительные. Выглядел исключительно простым... Слушая собеседника, редко перебивал, давал высказаться. На совещаниях у Сталина в узком кругу не было стенографисток, секретарей, не велось каких-либо протокольных записей... Сталин не терпел верхоглядства и был безжалостен к тем, кто при обсуждении вопроса выступал, не зная дела...» (Цель жизни, с.497).

Словом, почти как по Гегелю: т е з и с (при Сталине) — «Сталин — бог, Ленин сегодня»; а н т и т е з и с (при Хрущеве) — «Сталин — лжебог, анти-Ленин»; с и н т е з (при Брежневе) — «Сталин — апостол истинного бога — Ленина».

Что представлял собой так называемый культ личности как политическое кредо и догматический обряд?

Культ личности был лишь синонимом культа власти, поэтому был культ не одного Сталина, но и всех его соратников, более того, были еще культы всех представителей партийно-государственной иерархии. Величина и масштаб того или иного культа были прямо пропорциональны тому месту, которое человек занимал в иерархии власти. Каждый ученик Сталина в сфере своего правления сам был Сталиным.

Хрущев говорил, что партия превращала Сталина в «сверхчеловека, наделенного сверхъестественными качествами, приближающими его к божеству». Некоторыми из этих сверхъестественных качеств Сталин наделял и своих апостолов, предусмотрительно оставляя за собой право объявлять любого из них иудой, если этого потребуют интересы его личной власти.

Статус божества давал Сталину исключительные преимущества. Он ставил его не только вне критики (боги не ошибаются), но и был призван оградить его от проклятий народа за жертвы его преступлений. Ведь ни одному верующему не придет в голову мысль проклинать Бога за жертвы наводнений, землетрясений, ураганов, молний, хотя эти стихийные бедствия — тоже результат Божьей воли. Наоборот, как раз в такие моменты люди, даже до сих пор индифферентные в религи-

озном отношении, наиболее усердно молят Бога о пощаде, об отпущении грехов.

Сталина никто никогда не любил подлинной человеческой любовью, но его боялись, как боятся Бога. Боялись, что, разгневанный грехами людей, Бог может устроить не только отдельные стихийные бедствия (периодические чистки), но и всеобщий потоп (ежовщину). Сталин сам думал так, как думал Калигула: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись». Вместе с Макиавелли Сталин знал, что власть, основанная на любви народа к диктатору, — слабая власть, ибо она зависит от этого же народа, тогда как власть, основанная на страхе народа перед диктатором, — сильная власть, ибо она зависит только от самого диктатора.

Культ личности был не только целостной догмой, но и довольно импозантной церемонией. Его внешние атрибуты были так же строго установлены, как и его содержание. Когда называли имя Сталина в члены почетного президиума, все должны были вставать, с энтузиазмом аплодировать, пока председатель собрания не сделает знака, что, кажется, выполнили «норму». При перечислении имен руководителей партии и правительства в печати имя Сталина нельзя было перечислять в общем списке, если даже список начинается со Сталина. Надо было писать, например, «присутствовал товарищ Сталин, а также тт.Молотов, Микоян и другие».

Нельзя было сокращать, как обычно принято для других, слово «товарищ» на «т». перед именем Сталина. Надо было писать полностью «товарищ Сталин» (сокращение «т.Сталин» народ расшифровывал как «тиран Сталин»). Нельзя было при печатании переносить имя Сталина, разбивая его на слоги, это считалось контрреволюционным намеком на то, чтобы символически разрубить Сталина на части. Нельзя было сидеть, разговаривая по телефону со Сталиным. Во время разговора вы должны, так же как и все присутствующие в вашем кабинете или зале, стоять навытяжку*.

Если пишешь статью или даже книгу на тему о политике или о социальных науках, надо излагать только то, что на эту тему писал или говорил Сталин. Мысли Сталина можно излагать в кавычках или без них, но не предлагая никаких собственных тезисов во избежание обвинения в антипартийной ереси со всеми последствиями этого. Отсюда — эпидемия «раскавыченного Сталина» во всех социальных науках.

Если цитируешь Сталина, то цитату следует начинать так:

«Товарищ Сталин учит...» Эпитеты более или менее стандартные — «великий», «мудрый», «гениальный» (они же и в превосходной степе-

---

* В известном советском кинофильме сталинского времени «Сталинградская битва» есть такая сцена. Происходит совещание в главной квартире главнокомандующего Сталинградским фронтом, несколько маршалов и генералов сидят за столом; главнокомандующего вызывают к прямому проводу, находящемуся тут же. Он нехотя берет трубку, но, как только услышал, с кем имеет дело, становится «смирно» и, обращаясь к присутствующим, говорит: «У провода товарищ Сталин!» Маршалы и генералы как по команде вскакивают со стульев, становятся во фрунт и стоят без движения, как статуи, до конца разговора.

ни). Метафоры могли быть довольно разнообразными. Казахский акын Джамбул использовал, например, в стихах, напечатанных в «Правде», такие сравнения: «Сталин выше Гималаев, шире океана, ярче солнца» (куда до него теперь Мао Цзэдуну!).

Сталин русскому языку учился уже взрослым юношей в грузинской школе. Поэтому естественно, что он некоторые русские слова невольно произносил на кавказском жаргоне. Если вам приходилось в присутствии Сталина употреблять эти же слова, то разумно их было произносить с теми же ошибками, что и Сталин. Но если вам вздумалось бы подражать его (довольно сильному) грузинскому акценту, вы безумно рисковали головой.

Культ Сталина переносился и на его мать, постепенно принимая мистический характер. Писатель Шолохов объявил прах матери Сталина святым на том единственном основании, что она родила Сталина.

Впервые слова «культ вождей» употребили сами сталинцы на XIV съезде (1925), обвиняя Зиновьева и Каменева в том, что они искусственно создают себе культ. На это Каменев ответил: «Мы против культа одного вождя тоже», — это было сказано по адресу Сталина. С тех пор, собственно, партийно-идеологическая машина планомерно и систематически работала над созданием большого культа Сталина и маленьких культов его учеников.

Официальное узаконение культа Сталина произошло в декабре 1929 года в связи с его пятидесятилетием. Кульминационного пункта этот культ достигал дважды: в 1939 году (в связи с шестидесятилетием Сталина и его личным триумфом после расстрела внутренних «врагов народа») и в 1949-м (в связи с семидесятилетием и разгромом внешних врагов — Германии и Японии).

Каждый юбилей сопровождался восторженными статьями в «Правде». Написанные с интервалом в десять лет, статьи характеризовались глубокой внутренней связью. Они хорошо иллюстрируют поступательное движение культа Сталина к абсолюту. Они рассказывают не только о Сталине, но и о тех, кто создавал Сталина. Ученики Сталина поняли, с кем они имеют дело, а поняв это, разработали тактику собственного поведения. Они поняли, что Сталин — человек великого честолюбия, основанного на беспредельной жажде власти. Поэтому соратники Сталина учитывали эту черту его характера и, высоко превознося его, всячески унижали самих себя. Тем самым они укрепляли как власть Сталина, так и свои позиции, ибо еще Ницше заметил: «Кто сам себя унижает, хочет быть возвышенным».

Историки много писали, *что* Сталин сделал, но истинная проблема в другом — *как* он это сделал. Успехи политика говорят о многом, но методы их достижения — обо всем.

Сталин был человеком без мешающего успеху в политике балласта, такого, как понятие о чести, долге, верности... Сталин был политиком с бесподобным иммунитетом против любого проявления благородных человеческих эмоций. Это значит, что он был человеком органически

не способным любить, жалеть, делать добро, зато в нем были гепертрофически развиты два чувства: жестокость и трусость. Олицетворенная трусость, как выразился бы Энгельс, Сталин уважал лишь того, кто внушал ему страх: до войны — Гитлера, после войны — Берия. Человек, который с ледяным хладнокровием приговаривал миллионы своих рабов к смерти, за собственную жизнь дрожал как никто из тиранов. Его абсолютное безразличие к чужой жизни тоже родилось из страха за себя.

Именно как человек без человеческих чувств Сталин был впервые открыт Лениным и им же возведен в ранг члена ЦК большевиков в 1912 году, после того как Коба-Сталин успешно руководил кавказской террористической бандой (эксы) с 1906 по 1912 год. Деньги, награбленные путем убийств многих невинных людей, Коба-Сталин аккуратно переводил в заграничную кассу Ленина, а Ленин их направлял назад в Россию, обратив в революционную литературу.

Освобожденный самовоспитанием от морали и убийствами от человечности, наделенный необыкновенной хитростью и практическим умом, эрудит в области истории интриг и подлостей восточных деспотий, Сталин был гораздо более идеальным вождем большевизма, чем его основоположник Ленин. Если он сам себя называл «Лениным сегодня», то это скорее было комплиментом Ленину, а не ему.

Человек без морали, он был, однако, наделен неповторимым талантом эксплуатации чужой морали, чести и совести. Свою партию он намеренно и систематически обесчеловечивал по своему собственному образу и подобию, ибо был убежден, что только партия бесчувственных исполнителей способна безоглядно следовать за своим бесчувственным богом. Поэтому его самовосхваление было вовсе не самолюбованием, самоцелью, а обдуманной системой самоутверждения верховного бога в интересах большевистского режима. Его личные интересы при создании этого бога были подчинены общим интересам большевизма, претендующего на владение абсолютной истиной во всей истории человечества.

Абсолютная истина — это и значит большевистский бог, персонифицировавшийся в имени Сталин. Партия подняла своего бога на такую недосягаемую высоту, что иной раз сама личность Сталина отрывается от общего объекта поклонения — от «бога-Сталина». Совсем не случайно он часто говорил о себе в третьем лице. Люди, простые смертные, говорят о себе в первом лице — «я», коронованные персоны — «мы», но только «боги» говорят о себе в третьем лице, как Сталин о Сталине: «он, Сталин».

Этому богу добровольно молилась вся партия, принудительно — весь народ; сам Сталин ему тоже молился. Вот почему Сталин занимался не возвеличиванием себя, а возданием положенной церемонной дани своему второму «я» — «богу-Сталину». (См. советские киножурналы: весь зал стоя аплодирует Сталину, и Сталин тоже аплодирует... Сталину. А зрители должны думать, что он аплодирует залу...) В одном из редких случаев, когда Сталину пришлось

защищаться от обвинения со стороны оппозиции, что он ставит себя выше партии и от этой роли не намерен отказаться, он ответил: «Я — подневольный человек!»

Недаром Сталин девизом своего поведения сделал знаменитые слова Лютера: «Здесь я стою и не могу иначе. Да поможет мне бог истории» (Сталин И. Соч., т.4, стр.393) — с маленькой поправкой: у Лютера был просто Бог, а у Сталина — «бог истории». «Я не Сталин, но в Сталине и я», — говорили большевики. Понятно, что такое олицетворение всей партии в собственной персоне лишало Сталина свободы маневрирования по какому-нибудь личному капризу. Самое страшное: как каждый бог, Сталин был лишен права ошибаться. Он знал, что его первая ошибка будет и последней — бога низведут. Так ведь и случилось...

Если бы надо было определить ту черту в характере Сталина, которая предрешает его успехи в самых сложных ситуациях, пришлось бы сказать: непревзойденный дар перевоплощения фарисея. Сталин был не двуликим, а многоликим Янусом. Так правдоподобно оказаться тем, кем на самом деле не был, мог только он один. Этот талант делает его величайшим актером в разных, порою резко противоположных, амплуа — от крайнего трагика до бесшабашного комедианта — на сцене истории. «Говори не то, что думаешь, не думай то, что говоришь» — это другой девиз его жизни. Вообще Сталин говорил редко, зато веско. Сталин знал: тем дороже ценится слово, чем реже его произносишь. Поэтому он был непримиримым врагом инфляции слов — болтливости. Даже в обычной жизни он разговаривал «тезисами», как однажды заметил его сын Яков.

Его способность адаптации к чужим идеям для их использования в собственных целях была изумительной. Так называемый сталинизм в теоретическом аспекте есть синтез идей Ленина, Троцкого и Бухарина, сцементированный в сгусток дьявольской энергии технолога власти. Однако на эту власть он надел мистическое покрывало святости, чтобы, встав во главе ее, оказаться не только безгрешным, но и всезнающим и всевидящим. Он, знакомый с Эпикуром хотя бы по диссертации Маркса, запомнил его завет: «Вместо Бога, видящего наши действия, мы должны избрать образ чтимого человека и жить так, будто он нас постоянно видит».

В самом деле, вот что газета «Правда» (17.2.50) писала о боге-Сталине:

«Если ты, встретив трудности, вдруг усомнишься в своих силах — подумай о нем, о Сталине, и ты обретешь нужную уверенность. Если ты почувствовал усталость в час, когда ее не должно быть, — подумай о нем, о Сталине, и усталость уйдет от тебя... Если ты замыслил нечто большое — подумай о нем, о Сталине, — и работа пойдет споро. Если ты ищешь верное решение — подумай о нем, о Сталине, — и найдешь это решение.

В древности лишь несколько богов вместе обладали такой силой, какой в наше время обладал один Сталин! Но Сталин мог вычитать у Эпикура и другое:

«Власть и почести не дают спокойствия, а, напротив того, рождают тревогу и страх... Почести — суть мнимое благо, бесчестие — мнимое зло».

Поэтому-то вместо обещанного «рая на земле» Сталин соорудил перманентное чистилище, отпущение грехов в котором и до сих пор происходит лишь как «посмертная реабилитация». Когда же он вплотную подвел к воротам чистилища и своих «апостолов», то они швырнули туда его самого.

Тбилисский Дантон все-таки оказался пророком...

ПОСЛЕСЛОВИЕ К СОВЕТСКОМУ ИЗДАНИЮ

«Загадка смерти Сталина» впервые вышла на русском в 1975 году, а потом была переведена и на ряд европейских и азиатских языков. В Советском Союзе она, как и другие мои книги, сразу попала под арест — в спецхран. Тем не менее по разным каналам она доходила и до русского читателя. «Загадка...» была и первой моей книгой, которую освободили из-под ареста в начале 1990 года. Тогда же важнейший фрагмент из нее был напечатан в «Слове» — литературно-художественном журнале Госкомпечати СССР и РСФСР.

Теперь — к полному советскому изданию «Загадки...». Несмотря на гласность, на отмену цензуры, на поток разоблачительной литературы о Сталине и его преступлениях, сама центральная тема моей книги — какой смертью умер Сталин — все еще мало исследована. Это понятно. Обстоятельства, при которых Сталин умер, — величайшая тайна Кремля, ибо органы верховной власти, которые организовали заговор против «отца и учителя» (КГБ в лице тогдашнего шефа Берия, партаппарат в лице его тогдашних возглавителей — Маленкова и Хрущева), и поныне правят страной. Мне не попадались на глаза какие-нибудь серьезные статьи и в западной печати на тему моей книги. Исключением явилось закрытое письмо дочери Сталина Светланы Аллилуевой на имя главного редактора нью-йоркского «Нового журнала» Романа Гуля. История и содержание этого письма вкратце таковы. Как явствует из переписки между Аллилуевой и Гулем, узнав из печати о появлении книги «Загадка смерти Сталина», С.Аллилуева обратилась к Р.Гулю с просьбой достать ей эту книгу. Отправляя ей собственный экземпляр, Р.Гуль попросил С.Аллилуеву написать рецензию на нее, добавив, что «я тоже, может быть, напишу об этой книге. Ничего не значит, что в «Новом журнале» будет два-три отзыва о книге, она того стоит, по-моему. Тем более что Ваш отзыв (напишите, пожалуйста, как Вы хотели, мне просто письмо о книге, это лучше всего) — отзыв исключительно важный (будь он положительный или отрицательный)» («Новый журнал», 1986, № 165). Соответствующее письмо-отзыв С.Аллилуева и написала Гулю: «Только для Вас, *личное письмо.* Господину Авторханову, если желаете, покажите». Р.Гуль не нашел нужным показать его мне. Я прочел его впервые после смерти Гуля в

«Н.ж.». С.Аллилуева допускает «что оппозиция Сталину была наверху в 1952-953 годах — весьма вероятно». Сделав мне комплимент: «надо сказать, что г-н Авторханов обладает исключительным знанием жизни советской верхушки», С.Аллилуева тем не менее отводила мою версию, что Сталин умер в результате заговора Берия. Как видно из дальнейшего содержания ее письма, С.Аллилуева термин «заговор» понимает очень узко. Заговоры могут быть в разных формах: как в действиях, так и в бездействии. Заговор против Сталина не был, конечно, заговором прямых действий, чтобы его убить, но был, выражаясь на юридическом языке, заговором «преступного бездействия», когда Сталину, получившему тяжкий удар, дали умереть, не вызывая врачей. С.Аллилуева выставляет на этот счет два тезиса, один противоречащий другому: 1) «Никакого заговора или приведения в исполнение такового, в злодейское исполнение, — я не видела и не вижу», и 2) «Из моих двух книг ясно: семидесятитрехлетнему старику с повышенным кровяным давлением, *безусловно, помогли помереть тем, что оставили его в состоянии удара без врачебной помощи в течение 12 (и больше...) часов*» (слова «*помогли помереть*» подчеркнуты Аллилуевой, а остальные мной. — *А.А.*) («Новый журнал», 1986, № 165; письмо С.Аллилуевой датировано 23 января 1977 года). Вот это «помогли помереть» Сталину невызовом врачей я и считал в книге наиболее вероятной формой заговора Берия против жизни Сталина.

Отводила С.Аллилуева и другую мою версию: ее брат умер не от алкоголизма, а от политики — иначе говоря, его убрали как опасного свидетеля. Она писала: «Брата моего Василия я бы очень хотела видеть таким бравым *храбрым* генералом, каким его рисует г-н А. К сожалению, брат был *разрушен* алкоголем физически и умственно... Не будем и здесь *подозревать* убийства...» (везде подчеркнуто С.Аллилуевой. — *А.А.*). Письмо С.Аллилуева кончает загадочно: «Мои две книги содержат все, что я знала: надо лишь уметь читать их внимательно. Спасибо за это Авторханову, однако, — No comments».

Через двадцать пять лет после своих первых книг и более десяти лет после критики моей «Загадки...» С.Аллилуева написала новую «Книгу для внучек», которая будет опубликована в журнале «Октябрь» в Москве. Отрывок из нее опубликовала газета «Московские новости» (21.10.90). В новой книге С.Аллилуева пересмотрела некоторые свои старые оценки и внесла очень важные дополнения, которые связаны с событиями в Кремле накануне и в первые дни после смерти Сталина. Она пишет: «Здесь уместно, мне кажется, вспомнить о двух событиях, которые произошли зимой 1952/53 года, событиях, предшествовавших и последовавших за смертью моего отца. Я не писала о них в своих ранних книгах, и значение их как-то больше раскрывается со временем, из перспективы. Сейчас мне кажется, что я вижу определенно связь между ними, чего я не видела ясно, когда писала «Двадцать писем». В обоих событиях странно фигурировал один и тот же человек... Я полагаю, что необходимо сейчас дополнить мои старые книги нижеследующими фактами. Последний разговор с моим отцом произошел у меня в январе или феврале 1953 года. Он внезапно позвонил мне и спросил: «Это ты передала мне письмо от Надирашвили?» — «Нет, папа, я не знаю такого». — «Ладно». — И он повесил трубку». После смерти Сталина, когда в Колонном зале проходили люди мимо его открытого гроба, дочь Сталина заметила в составе большой грузинской делегации «высокого грузного человека» в одежде рабочего,

который остановился, задерживая ход других. Он «снял шапку и заплакал, размазывая по лицу слезы и утирая их своей бесформенной шапкой. Не заметить и не запомнить его крупную фигуру было невозможно», — пишет С.Аллилуева. Через день или два этот же самый грузин явился на квартиру С.Аллилуевой. «Здравствуйте, — сказал он с сильным грузинским акцентом. — Я — Надирашвили». Это имя Аллилуевой еще недавно назвал отец. С.Аллилуева пустила его в квартиру. Он сел, показал ей туго набитую бумагами папку и заплакал. «Поздно! Поздно!» — только и сказал он, добавив, что Берия «хотел меня убить, но он никогда меня не поймает...» И тут же спросил адреса маршалов Жукова и Ворошилова. «Я должен увидеть Жукова. Я должен все ему передать. Я все собрал об этом человеке. Он меня не поймает».

Аллилуева продолжает: «Через день раздался звонок телефона, и я с удивлением узнала, что мне звонит не кто иной, как сам Берия». Берия вежливо, «по-братски» справлялся о делах С.Аллилуевой, говорил, что правительство назначит ей пенсию, и неожиданно перешел к делу: «Этот человек — Надирашвили, который был у тебя, где он остановился?» Удивительно, что С.Аллилуева, которая писала в своей книге, что Берия был хитрее Сталина, даже сейчас не понимает, что весь этот театр, начиная от плача Надирашвили в Колонном зале и кончая его визитом к ней, — всего лишь разведывательная провокация Берия, а Надирашвили — это просто агентурный псевдоним сексота Берия. Такой же театр Берия, несомненно, устроил и вокруг ее доверчивого и темпераментного брата Василия. Вероятно, Василий поддался провокации, что могло служить непосредственным поводом для его ареста, а Аллилуева отделалась строгим выговором с предупреждением «за содействие известному клеветнику Надирашвили». Выговор закатил ей по доносу того же Берия известный инквизитор Шкирятов. После расстрела Берия выговор сняли, но брата не освободили, что свидетельствует, что Василия с воли убрал не один Берия, а вся четверка. Новая книга С.Аллилуевой проливает свет и на события, связанные с разгромом «внутреннего кабинета» Сталина во главе с генералом Поскребышевым. В «Загадке...» я писал, что заговор против Сталина мог быть успешным лишь после ликвидации верноподданных ему генералов — начальника «внутреннего кабинета» генерала Поскребышева, начальника личной охраны генерала Власика, а также личного врача Сталина — академика Виноградова. Я утверждал, что Берия, вероятно, косвенными путями спровоцировал Сталина, чтобы тот собственноручно и провел эту оперцию. Теперь становится ясно, что Берия использовал для этой цели того же Надирашвили. Почему?

Ответ на этот вопрос вытекает из дальнейшего изложения Аллилуевой: «Когда во вторую половину дня 1 марта 1953 года прислуга нашла отца лежащим *возле столика с телефоном* на полу без сознания и потребовала, чтобы вызвали немедленно *врача*, никто этого не сделал. Безусловно, такие старые служаки, как Власик и Поскребышев, немедленно распорядились бы без уведомления правительства и врач прибыл бы тут же». Вот чтобы этого не случилось, Берия доносами его мнимого врага Надирашвили спровоцировал вечно подозрительного Сталина убрать из своего окружения преданных ему людей. С.Аллилуева констатирует факт, не понимая его подоплеки, когда пишет: «Таинственный Надирашвили, как я полагаю, все же сумел как-то передать Сталину что-то насчет деятельности Берия. Последовали немедленные аресты ближайших к Сталину лиц: генерала охраны Н.С.Власика,

личного секретаря А.Н.Поскребышева. Это были январь — февраль 1953 года. Академик В.Н.Виноградов уже находился в тюрьме». «Таинственный Надирашвили», разумеется, не писал ничего «насчет деятельности Берия», ибо Сталин убрал не Берия, а своих верных и преданных помощников.

В цепи косвенных улик заговора Берия против Сталина, которые я собрал в «Загадке...», «таинственный Надирашвили» как раз и был недостающим звеном. Я утверждал, что именно Берия спровоцировал Сталина на разгром своего «внутреннего кабинета». Почему надо было заговор начать с разгрома этого кабинета? Напомню, что я писал в «Загадке...»: «Лишите Сталина этого «кабинета», и тогда он в ваших руках — таков и был план Берия. Надо было убрать от Сталина его личного врача, начальника его личной охраны, начальника его личного кабинета, его представителя в Кремле — коменданта Кремля. Их можно было убрать только руками самого Сталина. Здесь Берия был в своей стихии».

К своим прежним наблюдениям, что руководители правительства «помогли помереть» Сталину тем, что вызвали врачей после его удара, Аллилуева добавляет новые существенные факты: «Врача так и не позвали в течение последующих 12-14 часов, когда на даче в Кунцеве разыгралась драма: обслуга и охрана, взбунтовавшись, требовали немедленного вызова врача, а правительство уверяло их, что «не надо паниковать». Берия же утверждал, что «ничего не случилось, *он спит*». С этим вердиктом правительство уехало, чтобы вновь возвратиться через несколько часов, так как вся охрана дачи и вся обслуга теперь уже не на шутку разъярились. Наконец члены правительства потребовали, чтобы больного перенесли в другую комнату, раздели и положили на постель — *все еще без врачей*... Наконец на следующее утро начался весь цирк с Академией медицинских наук — как будто для определения диагноза нужна академия! Не ранее чем в 10 часов утра прибыли наконец врачи... Вся прислуга и охрана, требовавшие немедленного вызова врача, были уволены. Всем было велено молчать... Они молчали. Но через десять лет — в 1966 году — одна из проработавших на даче в Кунцеве в течение почти двадцати лет пришла ко мне и рассказала всю вышеприведенную историю». Аллилуева сообщает, что она «не писала об этом в «Двадцати письмах»... Я не хотела, чтобы в 1967 году, когда я не вернулась в СССР, кто-либо мог подумать... что я «бежала» из чувства личной мести». Она добавляет, что о смерти брата тоже не написала все, что знает.

Причина смерти Сталина абсолютно ясна: намеренное неоказание своевременной медицинской помощи больному, — но загадкой все еще остается другой вопрос: был удар естественный или он был вызван искусственно медицинскими агентами Берия в ту последнюю ночь 27 февраля, когда четверка пила со Сталиным? Вероятно, это еще долго останется тайной Кремля.

Новые данные С.Аллилуевой подтверждают мою версию о судьбе брата, что она отрицала в письме Р.Гулю. Теперь она пишет: «Ему (брату Василию. — *А.А.*) тоже «помогли умереть» в его казанской ссылке, приставив к нему информантку из КГБ под видом медицинской сестры. О том, что она была платным агентом КГБ, знали (и предупреждали меня) в институте Вишневского, где она работала и где Василий лежал некоторое время на обследовании... Василий, конечно, знал куда больше, чем я, так как с ним говорили все обслуживающие кунцевской дачи в те же дни марта 1953 года. Он пытался встретиться с иностранными корреспондентами и говорить с ними.

За ним следили и в конце концов арестовали его. Правительство не желало иметь его на свободе. Позже КГБ просто «помог» ему умереть». Я чувствую, что даже теперь, в эру гласности, С.Аллилуева не хочет или не свободна рассказать, на чем были основаны обвинения Василия, когда он заявлял, что «они убили отца, они его отравили!». Ведь она же засвидетельствовала нам, что он кричал об этом не только в Кунцеве, но и на похоронах Сталина на Красной площади.

Другой наблюдатель — тоже высокого ранга, сын Георгия Маленкова, доктор биологических наук Андрей Георгиевич Маленков — также пишет о событиях, связанных со смертью Сталина. Отрывок из его будущей книги опубликовал «Журналист» (1991, № 2). Из него я хочу привести здесь то место, которое касается нашей темы:

«Деспотическая личная власть Сталина строилась на балансе трех сил: партократии, репрессивных органов и технократов». По А.Маленкову, партократию возглавлял Хрущев, технократию — Маленков, а репрессивные органы, естественно, Берия. Однако «Сталину нужен был баланс сил. Но чем ближе становился его неизбежный конец, тем больше полагался Сталин на Маленкова... в борьбе с Маленковым Берия не мог рассчитывать на поддержку Сталина. Поэтому он решает создать почву для устранения их обоих. С этой целью он раздувает «дело врачей», придав ему зловещую истерическую окраску и размах. Расчет был прост: обвинив кремлевских медиков в умышленном неправильном лечении и отравлении представителей высшей власти, можно безопасно убрать и Маленкова и Сталина, используя «медицинские методы»...

Отец, как я знаю, сразу же понял смысл этой кампании, но для подозрительного Сталина необходимы были конкретные доказательства — ведь дело врачей вел Рюмин, только что возвышенный Сталиным. Поэтому отец поручает С.Д.Игнатьеву неотступно следить за Рюминым и его командой. И уже через месяц Игнатьев докладывает отцу, что у него есть данные, раскрывающие истинный замысел «дела врачей». Маленков и Игнатьев докладывают эти данные Сталину, и тот произносит не оставляющую сомнения фразу: «В этом деле ищите Большого Мингрела»(на мафиозном жаргоне — Берия). Над Берия нависла непосредственная угроза: он стал опасен самому Сталину. Тогда Берия решается на прямую борьбу с грозным хозяином. В декабре 1952 г. он организует налет на дачу Сталина, устраняет всех преданных Сталину людей (в частности, Поскребышева, Власика) и окружает его своими людьми. Готовится последняя акция режима, которая должна уничтожить его творца. Я не знаю, завешил Берия этот замысел или Сталин умер своей смертью. Во всяком случае, отрицать возможность того, что Берия убил Сталина, тоже нет полных оснований».

Однако объективные факты говорят за то, что в заговоре Берия участвовали также Маленков, Хрущев и Булганин. Ведь только они вместе с Берия провели ночь удара со Сталиным, они караулили смерть Сталина, они же вместе с Берия отказались вызвать врача к больному, пока ясно не обозначился летальный исход. Бесспорно и другое, четверка была искусственной и противоречивой комбинацией, созданной по расчету. Каждый из четверки — Берия, Маленков, Хрущев, Булганин — метил самого себя в наследники Сталина: Берия, Маленков и Хрущев претендовали на это по своим рангам в иерархии вождей, а Булганин, как выражаются американцы, в качестве темной лошадки, то есть бесцветного компромиссного кандидата.

В своей работе я разбирал только одну политическую сторону загадки смерти Сталина: организовывался ли в Кремле заговор против жизни Сталина. Анализируя все доступные мне официальные и неофициальные документы о политической обстановке в стране и на верхах Кремля к началу 1953 года, взвешивая все аспекты знаменитого дела кремлевских «врачей-убийц» и его политико-стратегического умысла, присматриваясь к объективной логике развития политических событий накануне и в первые дни после смерти Сталина, изучая материалы XX съезда КПСС и кампании по разоблачению культа личности Сталина, читая, наконец, мемуары Хрущева и Аллилуевой, я пришел в своей книге к выводу: «Не в том загадка смерти Сталина, был ли он умерщвлен, а в том, как это произошло». Этого вывода я держусь до сих пор. Близка к нему и Светлана Аллилуева, которая так неубедительно оспаривала его в письме-отзыве.

Для исследования первой стороны загадки я опирался на так называемые косвенные улики, но, чтобы выяснить вторую сторону загадки (как Сталин был умерщвлен), нужны улики прямые — судебно-медицинские. Накануне или в первые дни болезни Сталина четверка во главе с Берия сняла с постов министра здравоохранения СССР Смирнова, а также начальника Лечебно-санитарного управления Кремля. Обе должности заняли доверенные люди Берия. Цель этого ясна: они должны руководить комиссией по «лечению» Сталина. После смерти Сталина создается и другая комиссия во главе с теми же лицами — эта комиссия должна подтвердить, что первая комиссия правильно поставила диагноз болезни Сталина и правильно его лечила, тем более, как указывало официальное коммюнике, «лечение т.Сталина проводится под постоянным наблюдением ЦК КПСС и Совета Министров СССР». Вторая комиссия засвидетельствовала то, что от нее требовали: «Данные патологоанатомического исследования установили необратимый характер болезни И.В. Сталина». Никому эти «данные» не известны. Они остались секретными. К тому же, чтобы исследовать данные вскрытия трупа о том, не стал ли покойник жертвой преступления, нужна не комиссия врачей, пусть даже из академиков, а нужны эксперты из специальной области медицины — судебной. Разумеется, таких экспертов в составе комиссии не было, и поэтому подлинная причина смерти Сталина осталась неизвестной. Также осталась неизвестной и смерть Василия Сталина. С.Аллилуева замечает: «19 марта 1962 года он (Василий) умер при загадочных обстоятельствах. Не было медицинского заключения, вскрытия... Мы так и не знаем в семье, от чего он умер... еще не хотят раскрытия всех обстоятельств».

Если «правовое государство» не пустышка, то надо расследовать не только преступления Сталина, но и преступления против Сталина и его сына. Такое расследование возможно и сейчас, поскольку их останки не были преданы кремации, а некоторые из членов бериевских комиссий, вероятно, еще живут.

Передо мною лежит сейчас стенографический отчет Пленума ЦК КПСС от 2-7 июля 1953 года, на котором обсуждалось «дело Берия». Этот отчет тридцать восемь лет держался в строгом секрете и только теперь впервые опубликован в «Известиях ЦК КПСС» (1991, № 1,2). На этом Пленуме с докладом о заговоре Берия против партии и правительства выступил Г.М.Маленков. В прениях участвовали все члены сталинского Политбюро плюс ряд министров и местных секретарей партии. И докладчик и ораторы в прениях доказали одно: не было заговора Берия против нового руководства, а был заговор этого нового руководства против Берия, который возглавила группа

в составе Хрущева, Маленкова, Булганина, Кагановича и Молотова. Другие члены сталинского Политбюро, Ворошилов и Микоян, присоединились к заговору против Берия на самом заседании Президиума ЦК КПСС 26 июля 1953 года, на котором Берия был арестован и, вероятно, через несколько часов расстрелян, ибо следующие слова Кагановича на Пленуме я не считаю случайной обмолвкой: «ЦК уничтожил авантюриста Берия» («Известия ЦК КПСС», 1991, № 1, с.192-193). За что же? За то, что Берия хотел провести десталинизацию во внутренней и внешней политике, что мы увидим из анализа докладов и прений.

Я проанализировал отчет июльского Пленума ЦК КПСС с тем вниманием, какое заслуживает этот исторический документ, в свете уже исследованных мною событий и проблем в «Загадке смерти Сталина». Такой анализ только подкрепил меня в старом убеждении, что в последние месяцы жизни Сталина внутри руководства сложились два заговора: один — заговор четверки (Берия, Маленков, Хрущев, Булганин) во главе с Берия против Сталина, второй — заговор внутри четверки (Хрущев, Маленков, Булганин) во главе с Хрущевым против Берия. Позволю себе напомнить, что говорится в «Загадке...» в отношении обоих заговоров. Сначала о заговоре против Берия. Хрущев рассказывал, что еще тогда, когда Сталин заболел, он говорил Булганину: «Если Сталин умрет, Берия хочет стать министром госбезопасности. Если он им станет, то это начало конца для всех нас... Мы абсолютно не должны допустить этого. Булганин сказал, что он согласен со мною... Я сказал, что я поговорю обо всем этом с т.Маленковым». Это я взял из английского текста «Khrushchev Remembers», опубликованного в Америке. Кремль заставил пенсионера Хрущева объявить на страницах «Правды» свои подлинные воспоминания, продиктованные им на магнитофон, фальшивкой ЦРУ.

Отчет Пленума подтверждает, что заговор троих из четверки — Хрущева, Маленкова и Булганина — составился еще тогда, когда Сталин боролся со смертью. Вот выступления Хрущева на Пленуме: «Примерно за сутки до смерти т.Сталина я сказал т.Булганину... после смерти Сталина Берия будет всеми способами рваться к посту министра внутренних дел... Это приведет к очень плохим последствиям для партии... Булганин: «Был такой разговор» («Известия ЦК КПСС», 1991, № 1, с.150). А вот и выступление Булганина: «Т.Хрущев перед кончиной т.Сталина действительно говорил мне о Берия: «Как видишь, мы стоим накануне смерти нашего вождя, но я предвижу и боюсь, что Берия нам сильно осложнит дело: я предвижу, что, когда умрет Сталин, он рванется к МВД. А зачем, ты думаешь, ему нужно МВД? Затем, чтобы... подчинить себе партию и государство» (там же, с.173).

Так что заговор против Берия образовался еще внутри большого заговора против самого Сталина. Однако заговор против Берия совсем не означал, что тройка этим самым хочет реабилитировать Сталина и осудить Берия за то, что он поднял кампанию против культа личности Сталина. Именно так поняли разоблачение Берия старые соратники Сталина Ворошилов, Каганович, Андреев. Они, члены Президиума ЦК, как и весь ЦК, не знали и не могли знать, что осуждение культа личности и свержение Сталина — совместное решение всех членов четверки. Не потому они свергли Берия, что тот вместе с ними низверг Сталина с трона диктатора, а потому, что он хотел сам занять его место. Вот из-за этой неосведомленности и звучали такие речи на Пленуме:

КАГАНОВИЧ: «Начал он (Берия) атаку на партию с атаки на Сталина. На другой день после смерти Сталина, когда еще Сталин лежал в Колонном зале, он фактически начал готовить переворот, начал свергать мертвого Сталина, он стал мутить, пакостить, то рассказывал, что Сталин говорил про тебя то-то, про другого то-то, то говорил, что Сталин и против него, Берия, шел. Он нам говорил: «Сталин не знал, что если бы он меня попробовал арестовать, то чекисты устроили бы восстание», — говорил это? (Голоса из президиума: «Говорил».) Берия враждебно относился к заявлению, что Сталин великий продолжатель дела Ленина, и все это подносилось под видом того, что *нам нужно теперь жить по-новому*» (там же, с. 196-197; выделено мною. — *А.А.*);

АНДРЕЕВ: Берия «начал дискредитировать имя т.Сталина... Он начал это сознательно, чтобы имя т.Сталина похоронить и чтобы легче прийти к власти... Имя т.Сталина исчезло из печати — это тоже его работа... Появился откуда-то вопрос о культе личности. Почему стал этот вопрос?.. Это проделки Берия (*Ворошилов* из президиума: «Правильно».)...» (Там же, с. 184-185.)

Эти выступления бывших членов сталинского Политбюро в защиту Сталина и его политики как продолжателя дела Ленина поставили тройку (Маленкова, Хрущева и Булганина) перед тяжелой необходимостью: как осудить культ личности Сталина, не обеляя самого Берия? В заключительном слове Маленков вынужден был осудить культ Сталина, но уже в чисто деловом аспекте: «Здесь, на Пленуме, говорили о культе личности, и, надо сказать, говорили неправильно... Прежде всего надо открыто признать, и мы предлагаем записать это в решении Пленума ЦК КПСС, что в нашей пропаганде за последние годы имело место отступление от марксистско-ленинского понимания вопроса о роли личности в истории. Вы должны знать, что культ личности т.Сталина в повседневной практике руководства принял болезненные формы, методы коллективности в руководстве были отброшены». Маленков добавил, что съезд не созывался тринадцать лет, годами не созывались пленумы ЦК, Политбюро не работало (там же, с. 195). «Мы не имеем права скрывать от вас, что такой уродливый культ личности привел к безапелляционности единоличных решений и в последние годы стал наносить серьезный ущерб делу руководства партией и государством» («Известия ЦК КПСС», 1991, № 2, с. 195). Маленков сослался и на известное выступление Сталина против Молотова и Микояна на октябрьском Пленуме ЦК (1952), потом Маленков обратился к залу с вопросом: «Разве Пленум ЦК, все мы были согласны с этим? Нет! А ведь все мы молчали. Почему? Потому что до абсурда довели культ личности и наступила полная бесконтрольность. Хотим ли мы чего-либо подобного в дальнейшем? Решительно —нет» (там же, с. 196). Маленков тут же покритиковал и «Экономические проблемы социализма» Сталина, которые он, как и все ораторы, так высоко возносил в своем отчетном докладе ЦК КПСС XIX съезду партии. Насколько прочно и глубоко всосался в кровь и мозг партократии «священный» образ «бога» Сталина, показывает тот памятный факт, что даже после такого выступления тогдашнего первого лидера партии и государства Маленкова, поддержанного вторым лидером — Хрущевым, а также соответствующим постановлением данного Пленума ЦК КПСС, в стране вспыхнула с прежним размахом новая эпидемия культа Сталина. Что же касается уголовных преступлений Берия против нового руководства, то многие обвинения надуманны, притянуты за уши, а серьезные

политические обвинения против Берия, наоборот, свидетельствуют о правоте и политической дальнозоркости Берия. Маленков обвинил его в следующем:

1) Берия подслушивал наши телефонные разговоры и шпионил против нас через наших личных охранников;

2) Берия хотел ликвидировать ГДР и создать объединенную нейтральную буржуазную Германию;

3) Берия хотел восстановить нормальные отношения с Югославией;

4) Берия объявил амнистию заключенных, чтобы поднять свой авторитет;

5) Берия атомными делами занимался, игнорируя ЦК, и без ведома ЦК организовал взрыв атомной бомбы;

6) Берия еще при Сталине сеял недоверие между членами руководства;

7) Берия добился от ЦК КПСС принятия ошибочного решения о проведении в союзных республиках новой национальной политики на основе новой «коренизации», то есть на руководящие посты в аппаратах партии и государства республик назначать представителей коренных национальностей, этим он намеренно хотел поссорить националов с русскими (как пример Маленков указал на решение ЦК КПСС об Украине, Белоруссии, Литве);

8) Берия, обходя ЦК, лично освобождал от имени МВД СССР арестованных Сталиным с 1946 по 1953 год генералов, министров, врачей-«вредителей», «мингрельцев» и других, чтобы поднять свой авторитет;

9) Берия — «преступно разложившийся человек» («Известия ЦК КПСС», 1991, № 1, с. 140-149).

Ко всем этим обвинениям Хрущев от себя добавил еще такое «страшное» обвинение: по докладу Ракоши о Венгрии Берия сказал, что государственными делами должно заниматься правительство, а «ЦК партии пусть занимается кадрами и пропагандой» (там же, с. 153). Находя список уголовных обвинений Маленкова в адрес Берия недостаточно весомым, Хрущев предложил объявить Берия шпионом буквально в следующих словах: «Берия, может быть, шпион» (там же). Резолюция Пленума ЦК потом запишет: Берия был «международным шпионом».

После войны Берия непосредственно не руководил органами госбезопасности, но надзирал над ними в качестве заместителя Сталина по Совету Министров СССР. Берия весьма критически относился к деятельности «органов» после своего ухода оттуда. Это, может быть, конечно, просто профессиональная ревность былого шефа, но сам же Хрущев замечает: «Он иногда сам возмущался, что делалось в МВД или в КГБ» (там же). Микоян в своей речи на Пленуме сообщил, чем мотивировал Берия свое желание вновь возглавить МВД СССР. Микоян начал с того, что подтвердил: «Надо сказать, что т.Сталин в последнее время не доверял Берия. Берия вынужден был признать на последнем для него заседании Президиума ЦК КПСС, что т.Сталин ему не доверял, что «мингрельское дело» создано было для того, чтобы на этом основании арестовать Берия, что Сталин не успел довести до конца то, что хотел» (там же, с. 150). Потом Микоян выставил весьма важное свидетельство о мотивах Берия возглавить МВД СССР после Сталина: «Как-то я его спрашивал: зачем тебе НКВД? А он отвечает: надо восстановить законность, нельзя терпеть такое положение в стране. У нас много арестованных, их надо освободить и зря людей не посылать в лагеря. НКВД надо сократить. У нас не охрана, а надзор за нами... Оставить по одному-два человека для охраны членов правительства. Вот такие утверждения он делал» (там же, с. 150-151). Конечно, и Хрущев и Микоян считают все это «двурушничеством» Берия.

Я остаюсь при своем мнении, что и Пленум ЦК в июле 1953 года, и Верховный суд СССР в декабре 1953 года судили не живого Берия из тюрьмы, а мертвеца. Поэтому не зачитывались показания Берия на предварительном следствии перед Пленумом ЦК в июле 1953 года, поэтому не сообщались показания Берия и перед Верховным судом в декабре 1953 года. Вероятно, большинство членов Пленума ЦК были о смерти Берия информированы, кроме его близких друзей и подручных Берия в аппарате партии, как например, первый секретарь ЦК Азербайджана и кандидат в члены Президиума ЦК КПСС Багиров. Отсюда понятен и смех в зале, вызванный ответом Багирова на одну из реплик Маленкова. Багиров в своей очень путаной и пугливой речи начал рассказывать, что Берия недавно звонил ему, что он хочет создать новые республиканские ордена. Когда Маленков начал атаковать Багирова вопросами, какие ордена и для кого, то растерявшийся Багиров сказал: спросите об этом Берия, — что и вызвало смех в зале.

Анализируя многочисленные улики, изучая атмосферу внутри и на верхах партии, логику развития политических событий, психологию их ведущих участников, я пришел в «Загадке смерти Сталина» к выводу: *еще при жизни больного Сталина его ученики произвели политический переворот против диктатора.* Напомню, что сказано на этот счет в книге: «Четверка — Берия, Маленков, Хрущев и Булганин — совершила в ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года переворот, завуалированный ссылкой на болезнь Сталина, временно отошедшего от власти. Четверка немедленно распределила между собою власть в обход Президиума ЦК КПСС. Всем же остальным наследникам Сталина из Политбюро — старым, законным, но не участвовавшим в перевороте, — достались вторые роли». Подтверждается ли этот вывод из анализа материалов июльского Пленума? Глупо было бы думать, что кто-нибудь из участников переворота признается в этом перед сталинским ЦК, но зато горбачевский ЦК — вольно или невольно — выдал великую тайну в своем воистину историческом примечании 41 к речи Молотова: «5 марта 1953 г. состоялось совместное заседание Пленума ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР, которое продолжалось с 20 часов до 20 часов 40 минут. (*То есть кончилось за один час десять минут до смерти И.В.Сталина:* как сообщалось в извещении о кончине И.В.Сталина, он умер в 21 час 50 минут.) На заседании приняты решения по организационным вопросам — о Председателе и первых заместителях Председателя Совета Министров СССР и его составе, о Председателе и секретаре Президиума Верховного Совета СССР, об объединении ряда министерств и назначении министров, о председателе Госплана СССР и Председателе ВЦСПС, а также о составе Президиума и секретарей ЦК КПСС. *Постановление совместного заседания было опубликовано в печати 7 марта без указания даты его проведения*» (там же, с. 160, выделено мною. — *А.А.*). Тут уж действительно нет сомнения: власть Сталина перешла к его диадохам, когда Сталин еще дышал. Теперь уже понятно и то, почему Хрущев и Микоян так настойчиво подчеркивали в своих речах на Пленуме, что врачи с самого начала болезни Сталина им заявили, что смерть Сталина неизбежна. Ложь, призванная оправдать захват власти у все еще живого Сталина. Это не во врачебной этике — заявить, что пациент, да еще такой, как Сталин, не имеет шансов на выздоровление. Ведь тот же Хрущев рассказал, что один из врачей продолжал лечить мертвого Сталина, пока кто-то из четверки не сказал: «Ты что, не видишь, человек умер».

Какую политику хотел проводить Берия, став после смерти Сталина фактическим правителем страны? В «Загадке» я ответил на этот вопрос так: «Берия был не только полицейским: как политик он был намного выше своих коллег и понимал, что со Сталиным кончилась целах эпоха, что отныне стать великим и успешно править страной может только анти-Сталин... десталинизация политической жизни вообще и национальной политики в особенности были теми двумя китами, на которых Берия собирался строить свою новую программу». (Я должен извиниться перед читателями, что занялся самоцитированием, это потому, что как раз «Загадку смерти Сталина» литературные кагэбисты объявили мифическим произведением.) Выступления организаторов заговора против Берия с абсолютной достоверностью свидетельствуют, что Берия хотел не ремонтировать сталинскую систему, а уничтожить ее, что не устраивало никого — ни заговорщиков против Берия, ни партию с армией. Какая же была бериевская альтернатива в конкретном плане, остается под вопросом. В свете развития дальнейших событий, особенно в эпоху Горбачева, становится ясно, как далеко смотрел Берия. Из выступлений антибериевских заговорщиков на Пленуме все-таки видны и некоторые приоритеты будущей политики Берия:

1) ликвидация репрессивной системы Сталина — Берия;

2) консолидация политики в европейских странах-сателлитах, начав ее с ликвидации «социализма» в ГДР и объединения двух Германий;

3) предупредить развал СССР, вернувшись к ленинской политике «коренизации»;

4) перемещение власти от партаппарата к госаппарату.

Вот это все не устраивало партократию, отсюда и заговор против Берия. Огромную роль, конечно, играли и личные мотивы в действиях заговорщиков. После смерти Сталина соучастники антисталинского заговора увидели, что поменяли одного диктатора на другого. Лишенный дипломатического дара Сталина в обращении с потенциальными противниками и находясь в эйфории от блестящего успеха своего заговора против Сталина, Берия, переоценив себя, начал рубить сплеча. Уже первый его шаг был опрометчивым — послесталинское правительство, фактически было назначено им вопреки требованию Молотова рекомендовать правительство от имени ЦК КПСС, а не от имени одного Берия (Молотов рассказывал на Пленуме о своем звонке Берия на этот счет и об отказе Берия принять его предложение). Такие его действия оценены в постановлении Пленума ЦК как попытка поставить политическую полицию над партией. Абсурд. Еще с 30-х годов сам Сталин поставил ее над партией, а Берия только воспользовался этим наследием культа личности, чтобы оперативно организовать новое «временное правительство», а дальше будет видно. Во «временном правительстве» Берия взял на себя роль второго лидера, чтобы править первым. Все это видели, и никто этим как будто не возмущался. Не возмущался и сам юридически первый лидер, классик данной системы Маленков, не возмущался бесцветный бюрократ Булганин, правда, возмущались Молотов и Каганович: первый тем, что Берия не соблюдает традиционного порядка назначения правительства через ЦК КПСС, а второй тем, что Берия в присутствии всего Президиума ЦК говорит о Сталине всякие «пакости». Ворошилов и Микоян оказались вообще невозмутимыми: им был хорош Сталин, теперь им хорош и Берия. Однако один «возмутитель» все-таки нашелся, который у Берия числился в политических клоунах, способный в его глазах на роль затейника, а не серьезного

политика, — Хрущев. Но «затейник» оказался в сталинском искусстве внезапных ударов на класс выше самого Берия. Как мы узнали из выступлений Хрущева и Булганина на Пленуме, Хрущев, завербовавший еще во время болезни Сталина Маленкова и Булганина против Берия (все трое жили в одном доме, что облегчило задачу конспирации при встречах), начал искать новых союзников. После смерти Сталина Хрущев очень легко убедил Молотова и Кагановича, что Берия был и остался их врагом и метит в диктаторы.

Таким образом, в реорганизованном Президиуме ЦК КПСС создалось авторитетное большинство против Берия. Одновременно Хрущев и Булганин подобрали и команду из среды военных во главе с маршалом Жуковым для ареста Берия. Техника исполнения заговора была до гениальности проста: арестовать Берия на очередном заседании правительства. Прежде всего Хрущев и по его режиссуре Маленков провели предварительную подготовку во время их уединенных прогулок с Берия, внушая ему, что в их лице он имеет глубоко преданных единомышленников и верных соратников (участие в заговоре против Сталина — лучшее доказательство).

Хрущев рассказал на Пленуме, какова была цель такой «дружбы»: «Некоторые говорили: как же так, Маленков часто под руку ходит с Берия... Хрущев с ним также ходит... Я считаю, что до поры до времени это хождение нам пользу принесло и было нужно. В четверг (25 июня) мы — Маленков, я и Берия — ехали в одной машине, хотя мы знали, что он интриган, что меня интригует против Маленкова и против других... Прощается он, руку жмет, а я ему тоже отвечаю «горячим» пожатием: ну, думаю, подлец, последнее пожатие, завтра в два часа мы тебя подожмем. (Смех.) Мы тебе не руку подожмем, а хвост подожмем. С таким вероломным человеком только так надо было поступить. Если бы мы ему сказали хоть немножко раньше, что он негодяй, то я убежден, что он расправился бы с нами... *Похоронит* тебя, речь *произнесет:* «Здесь покоится деятель партии и правительства». Он способен на это. Он способен *подлить отраву*» («Известия ЦК КПСС», 1991, № 1, с. 158; выделено мною. — *А.А.*).

Хрущев признался, что с вероломным Берия он поступил вероломно. Искусству вероломства их учил сам Сталин, которого они лишили жизни и власти тоже вероломно. Каков учитель, таковы и ученики.

Подготовленно к публикации
С. Николаевым

Франсуаза ЖИРУ
ШАНТАЖ
РОМАН

«Быть королем — ничто. Когда есть страх...»
Ш е к с п и р . Макбет (акт 3, сц.1)

Она закричала.

В ответ послышался собачий лай. Ночная улица с выстроившимися в ряд машинами была пустынна.

Человек, толкнувший ее, растворился в темноте. Стоя на коленях на влажном тротуаре, она поискала соскочившую туфельку. Из ссадины на ноге сочилась кровь, пачкая разорванный чулок...

Потом ей пришлось стучаться к консьержке, просить извинения, рассказывать о случившемся, ждать, когда сонный муж консьержки спросит у жены, где ключи мадемуазель Клер, у нее украли сумочку; опять эти подонки, ключей нет на доске, значит, взяла уборщица, надо позвать слесаря, лучше всего обратиться в комиссариат полиции, они знают, где такого найти в столь позднее время.

— Сумочки теперь крадут все чаще, — сказал дежурный полицейский. — Просто беда. Неосмотрительно гулять одной по ночам.

— Я не гуляла. Я возвращалась домой. Я...

А если и гуляла — как он выразился? Имеет полное право! Глупая потребность оправдываться перед полицейским... Впрочем, ничего угрожающего тот собой не представлял. Просто разглядывал пострадавшую безразличными глазами спаниеля.

— Если хотите, можете оставить заявление.

В настоящий момент ей нужен был слесарь, кто-нибудь, кто мог бы открыть дверь квартиры.

— В такой поздний час это вам недешево обойдется.

Отодвинув стул, он поднялся, чтобы разглядеть ее с ног до головы.

— Ладно. Попробуем вам помочь...

— Вы опрокинули бутылку, — сказала она.

Он выругался, наклонился. Пиво лилось на пол.

Сидя на лестнице, она ждала приезда «технички».

За дверью слышалось мяуканье кота. С пятого этажа доносились звуки квартета Брамса или квинтета, кто его знает. Внезапно они оборвались, и в воздухе повисла незаконченная нежная музыкальная фраза. Дикари!

Долгое время ночную тишину нарушал только шум в водостоке. Это был старый дом, в котором она снимала квартиру, именовавшуюся в справочниках: «70 кв.м., ориг. план., солнечная стор., все удоб.».

Наконец загорелся свет.

Пока лифт поднимался вверх, она надела туфли, оправила юбку, затянула пояс на плаще. Слесарь нашел, что у клиентки красивые ноги, но заставил подписать счет на 900 франков. Кот, оскорбленный тем, что провел полночи в одиночестве, ускользнул у нее из рук, когда она захотела его приласкать.

— Не бросай меня, Красавчик! Особенно сейчас! — молила она.

Но Красавчик остался непреклонен.

Раздеваясь на ходу, она зажгла всюду свет, даже на кухне, чтобы отогнать все еще терзавший ее страх. Расстегивая бюстгалтер, выслушала автомат-секретаря, стала искать ручку, чтобы записать номер телефона, куда же она запропастилась? Ах, да, осталась в сумочке — она совсем забыла о ней, пока мысленно перебирала украденное. Разве припомнишь все, что находится в дамской сумочке... Даже о пяти тысячах франков, приготовленных для поставщика, который терпеть не мог чеков, она вспомнила не сразу. Да еще о золотом браслете, который таскала уже месяц — надо было починить замок. Жаль...

Пока ванна наполнялась водой, она скрутила свои пепельные волосы, воткнула в них две шпильки, чтобы они держались на затылке, и стала пристально рассматривать круги под глазами.

Пора было позабыть о происшествии. Завтра, конечно, придется предупредить банк о пропаже чековой книжки и кредитной карточки... сменить дверной замок... что еще?

Обрабатывая ссадину на колене, она вспомнила о красном бумажнике. Бутылочка с зеленкой выскользнула у нее из рук на черно-белый кафель и разбилась.

...Они шептались, лежа на узкой постели, которую от соседней комнаты отделяла такая тонкая перегородка, что слышен был храп спящего там мужчины.

— Я не хочу, чтобы ты крал ради меня, — говорила Элизабет. — Не хочу. Тебя рано или поздно поймают.

Парень усмехнулся, сощурив черные глаза. Потом отбросил одеяло и стал рассматривать голое тело девушки.

— Ты похудела, — серьезно сказал он. — Я не хочу, чтобы ты худела. Я хочу, чтобы твои груди всегда были тяжелые, полные и нежные. Я должен тебя хорошо кормить.

Он вытянулся рядом с Элизабет, положил ей на грудь свою голову, одной рукой схватил ее длинные волосы и закрыл глаза.

— Однажды тебя поймают, — повторила девушка, — и отправят в тюрьму, а я умру от стыда.

Он сказал, что в следующем месяце у него появится работа — перевод; что он ненавидит ее, что она жалкая мещанка, что наступит день, когда с нынешней дерьмовой жизнью будет покончено, что он

купит ей остров в Греции, где она родит ему семерых детей с хлорофилловыми волосами, так как пищей их будет воздух и солнце, и им не понадобится работать или красть ради хлеба насущного. Он говорил еще другие глупости и уснул, придавив ее своим телом.

...Он долго шел, пытаясь на ощупь под курткой открыть сумочку и вытащить из нее деньги. В первый раз все произошло довольно быстро, и он сумел выбросить сумочку на помойку еще по дороге домой. На этот раз молния никак не поддавалась, и он справился с нею только при свете в комнате. Так он обнаружил пакет с деньгами.

С радостным воплем Пьер подбросил их в воздух, как конфетти. Элизабет молча подобрала деньги, сложила и сунула обратно в пакет. Пьер сказал, что это все ей! Но она отказалась их взять, эти грязные деньги, хватит с нее. Тогда он зажег спичку и поднес ее к одной из купюр. Она набросилась на него с криком, что он сошел с ума.

Теперь она гладила его темноволосую голову, которая покоилась на ее груди, мешая свободно дышать. Во сне рука Пьера расслабилась. Девушке удалось высвободить сначала волосы, потом ноги и выскользнуть наконец из постели. Пьер повернулся на другой бок, не проснувшись. Начало светать.

Сидя на ковре, она долго вглядывалась в его спокойное лицо, которому сон вернул детскую невинность. Это был красивый парень. Ей нравилось прогуливаться с ним рука в руке. Они обращали на себя внимание прохожих, оба затянутые в джинсы... Красив, но безумен. Он вполне мог сжечь билет в 500 франков. Он был способен на все.

Элизабет вспомнила отца, подсчитывающего каждый день выручку, из которой он давал ей одну монету для копилки: помни, надо быть бережливой, Лизи... Она схватила сумочку, вытрясла из нее все содержимое, удивилась чистой расческе — такие всегда казались ей подозрительными, расчесала ею волосы, открыла и закрыла пудреницу, отодвинула, не глядя, бумаги, поиграла молнией, понюхала надушенный платок и подумала: не оставить ли его себе, но Пьер не велел — так, мол, всегда и попадаются, только деньги не пахнут. Она затолкала все в сумочку и, не заперев ее, раскачав на ремешке, выбросила через окно на улицу.

Затем постояла, голая и грустная, у окна, ожидая грузовика с мусорщиками, пока не увидела, как металлические челюсти захватывают то, что им подбрасывают люди в перчатках.

В это утро, вопреки обыкновению, президент Республики опаздывал...

Вместо того чтобы точно в 10 утра войти в зал Совета министров, где члены кабинета ожидали его, стоя за стульями, он появился в 10.17, опираясь на трость, и во время заседания был весьма резок. Располагая в этих стенах прерогативой на иронию, он пользовался ею чаще обычного, не щадя даже своих любимчиков. Одному из них он отказал, несмотря на предварительную согласованность в назначении на пост представленного им кандидата, заявив, что уже имел возможность

оценить некомпетентность этого господина на другой должности и что, мол, не считает нужным вознаграждать его за это, вопреки установленному правительством обыкновению.

Реплика: «господин министр юстиции, мы были бы вам весьма признательны, если бы вы следовали тацитовскому лаконизму, как бы затруднительно сие для вас не было», — заставила того вздрогнуть.

Сидя напротив президента, премьер-министр рассеянно следил за короткими руками, терзавшими очки. Когда он вошел в нему в 9.30, тот был спокоен, благожелателен, даже улыбчив. Но все изменилось после того, как секретарь в 10.02 вручила ему записку. Тогда он сказал: «Идите... Я сейчас». Затем премьер-министра весьма заинтриговала записка президента, посланная ему по кругу, где значилось: «Я вас не задерживаю на обед». Другая записка, предназначенная министру внутренних дел, гласила: «Где вы обедаете? Вы можете мне понадобиться».

Премьер-министр проследил взглядом за посланным ответом. В 13 часов президент встал и тотчас вышел своей немного вялой походкой — наследием перенесенного полиемиелита. На людях он обычно не пользовался тростью, которая несколько облегчала ему ходьбу. Однако все знали, что в молодости он победил болезнь, и были небезразличны к такому проявлению мужества.

Премьер-министр и министр внутренних дел расстались, так и не сумев объяснить друг другу, что могло случиться между 10.02 и 10.17 и что так повлияло на распорядок дня президента и его настроение.

Пока на ступенях дворца они отвечали на вопросы журналистов относительно новых мер, предлагаемых для обеспечения безопасности французов, машина марки «рено» без опознавательных знаков, но в сопровождении охраны выехала через ворота на улице Кок и направилась к левому берегу.

Клер открыла ему дверь, и он удивился, найдя ее такой красивой. Усталой, с измученными глазами, но... красивой? По правде говоря, ему на ум пришло другое определение. Сколько же ей лет? 35? 37?

Он захотел обнять, привлечь ее к себе, но она уклонилась.

Резкий свет в большой неуютной комнате, куда он проследовал, удивил его. Воспоминания витали здесь, как тени. Он сел спиной к окну, поглядел на темный силуэт женщины в брюках, которые он прежде запрещал ей носить, четко выделявшийся на белом фоне стены, и отказался от предложенного виски.

— Ах, да, — сказала она, — ты ведь пьешь теперь только французские вина.

Он решил не обращать внимания на эту колкость, сказал, что она нашла самое неподходящее время для звонка, что в другой раз...

— Другого раза не будет, — ответила Клер. — Я позвонила потому, что из-за меня тебе грозит неприятность. Я попробовала дозвониться ночью, но на коммутаторе мне ответили, что тебя запрещено

беспокоить. И предложили переговорить с дежурным. Я приняла сильную дозу снотворного. Проснулась только в 10 часов. Я...

Стакан выпал у нее из руки и покатился по пестрому ковру.

Он попросил ее успокоиться и рассказать все по порядку.

Сколько раз он повторял своим сотрудникам, что истинная гигиена, необходимая человеку действия, заключается в забвении прошлого. Для него это было время, где занимала свое место Клер. Запретить себе все, что мешает движению вперед, идти всегда в новом обличии по новому пути, устремив взгляд в будущее! «Ты ненормальный», — сказала ему однажды Клер, спросив, каким он был в молодости. И он ответил: «Зачем тебе это? Тот человек мне неинтересен. Я знаю, кем хочу стать. Остальное...» Способность выключать из памяти все, что могло отразиться на сегодняшнем дне, никогда ему не изменяла.

Однако с той минуты, как Клер неожиданно позвонила ему, он тщетно пытался вспомнить, что это за письмо, которое может ему повредить, если окажется в руках его врагов. Он знал, что молодая женщина была скорее способна преуменьшать опасность, чем ее преувеличивать. Опасность? Она была повсюду. Ведь власть — это постоянный заговор, против которого действует другой постоянный заговор с целью его раскрытия. Плохо, что ему никак не удается найти общий язык с Клер. Она сказала, что ему грозит опасность. От кого? И что это за письмо?

Когда она рассказала, что речь идет о письме из Японии, он начал что-то вспоминать: синие черепицы, лузы для игры в гольф, толпу людей в белом, выходящую из метро. Его сотрудники говорили, что у президента фотографическая память. Но фотография была размытой. Он закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться. Токио. Номер в отеле «Империал», ночь, когда дежурная на коммутаторе каждые четверть часа звонила ему, говоря по-английски, что линия занята.

А утром, когда он писал письмо, администратор несколько раз напоминал по телефону, что его ждут в холле.

— Я вспомнил. Но твое волнение кажется мне чрезмерным.

Клер посмотрела на него недоверчиво. Эта сила, всегда помогавшая ему исключать все, что должно быть забыто, прежде неизменно ставила ее в тупик. Она предложила ему напомнить текст письма. Тогда он сможет сам судить, права она или нет.

— Если сможешь, было бы хорошо, — сказал он.

Она могла. Она знала наизусть каждое слово, каждую строчку этого письма, она помнила все складки, образовавшиеся от пребывания листка в конверте.

Красавчик запротестовал, когда она спихнула его со стола, освещенного солнцем, чтобы поставить пишущую машинку, и подошел обнюхать туфли гостя. Тем временем она двумя пальцами стала выстукивать текст. Поняв каким-то таинственным образом, что этот мужчина не любит кошек, Красавчик удалился — высокомерный и великолепный сиамский кот, — поблескивая шелковистой шкурой, важно ступая лапами в манжетах.

— Вот, — сказала Клер, подавая лист, вынутый из машинки. — Остальное не имеет значения...

Она нагнулась, чтобы подобрать трость, которую кот сбросил на пол, и взглянула на того, кого прежде называла Кастором. Читая, тот не пошевелился, не нахмурился, сунул листок в карман и спокойно вложил очки в футляр.

— Ты кому-нибудь показывала письмо?

— Нет. Никогда. Я хранила его для... для него. Понимаешь?

Он холодно поднял глаза:

— Я бы понял, если бы ты хранила письмо в сейфе... Лучше всего в Швейцарии.

Он встал.

— Ладно. Только не будем паниковать.

«Что сделано, то сделано, и ничего не изменишь», — повторял он прежде слова Шекспира, предупреждая всякое выражение сожаления или тревоги. В расчет можно принимать только настоящее, с которым надо справиться, — ради будущего...

Она спросила, что ей делать.

— Ничего. Если понадобится, мой секретарь найдет тебя.

Она проводила его до двери, подставила щеку для поцелуя — но на этот раз уклонился он.

Из машины он позвонил министру внутренних дел, обедавшему с журналистами, попросил побыстрее от них отделаться и быть у него к 15 часам.

Когда министр вернулся к столу, метрдотель разносил пирожные с кремом.

— Из членов кабинета у вас лучшая кухня, господин министр, — сказал ему толстяк в очках.

— Можете поверить Эрберу, он знает в этом толк, — заверил его сосед.

Отделаться, отделаться... С этими людьми нужно быть осторожным.

Дружба между президентом и министром была давняя, отмеченная неизбежными в политической жизни шрамами, которые, впрочем, не дали ей прерваться. Каким бы горьким ни казалось второму долгое безразличие первого, ему никогда не удавалось окончательно порвать с ним. Всякий раз, когда его призывали, он мчался, исполненный желания высказать тому свое «фэ» и отказаться от очередного предложения. Но какая-то колдовская сила останавливала его, превращая снова в партнера, соучастника, спутника Солнца.

Случай помог окончательно сломить постоянно возникавшее у него желание вырваться из-под этой власти. В самый разгар избирательной кампании машина «оруженосца» перевернулась, столкнувшись с грузовиком. Позже он узнал, что его партнер примчался ночью за 600

километров, оставив в самый «неподходящий» момент поле боя опасному сопернику. Просидев 48 часов в больнице, пока хирург не сказал: «Вне опасности», он только после этого вернулся к делам, встряхнул свою приунывшую команду, сочинил листовку, в которой намекал, что сей несчастный случай можно толковать и как покушение, составил афишу...

Вечером, после второго тура голосования, когда оба они могли праздновать победу, в больнице раздался звонок:

— Ублюдок несчастный, из-за тебя я потерял тысячу голосов! И долго ты собираешься еще разлеживаться?

Министр пешком дошел до площади Бово и был тотчас введен к президенту. Тот заканчивал легкий обед, на который пришедший взглянул не без вздоха сожаления — его собственные обильные трапезы становились ему в тягость.

Встреченный на «ты», он понял, что его пригласили по личному вопросу. Личная жизнь президента была не из простых. Он знал о ней все, что должно знать министру внутренних дел, располагающему для этого нужными средствами. Однако был удивлен, услышав о Клер и о том, что следует немедленно подключить ее телефон к системе прослушивания. Поскольку он обязан был, если только сие не исходило от премьер-министра, дать министру связи какие-то обоснования, он пожелал узнать, в чем тут дело.

— Неважно, — ответил президент. — Это приказ.

— Ладно. Значит, ты с ней снова встречаешься? — спросил министр, явно задетый тем, что узнал об этом только сейчас.

Брошенный на него взгляд дал ему понять, что переходить эту границу, охраняемую даже от него, не следует.

— Я встречаюсь с кем хочу, — сказал президент. — Вопрос не об этом. Мне надо знать все, что она делала за последние годы, с кем общалась, как живет, имена друзей, расходы — все!

Это можно было выяснить, но все же если бы он сказал — зачем?..

Министр ушел, выслушав рассказ о событиях минувшей ночи, снабженный деталями, которые по его просьбе выяснила у Клер секретарь президента: цвет, форму и, если известно, название фирмы, изготовившей сумочку, подробный перечень содержимого сумочки и красного бумажника, а также имена людей, которые могли знать о том, что в тот вечер у нее была с собой крупная сумма денег.

Что же касается самого письма...

— Несколько строк, написанных мной лично, — сказал президент, — которые ни у кого не должны оказаться в руках!

Последующие дни принесли массу неприятностей мелким жуликам и оказались весьма удачными для полиции. Одна подобранная в кинотеатре сумочка содержала список адресов, позволивших найти убийцу двух женщин, а другая — выйти на крупного мошенника.

С полсотни парижанок, носящих сумочки, похожие на описанную Клер, были вынуждены предъявить свои документы в полиции. Одной из них это весьма не понравилось, и она написала в вечернюю газету. Другая попробовала скрыться — в сумочке оказался револьвер калибра 7,65. Был также найден бриллиант, украденный накануне у известного ювелира женой банкира, пригрозившей, что покончит с собой.

В пятницу вечером, когда Клер заканчивала сборы в дорогу, ей позвонил министр внутренних дел и попросил принять его на несколько минут.

— Я знаю, что вы завтра утром улетаете в Нью-Йорк, но если позволите, я могу заехать немедленно.

Она согласилась, не успев удивиться, что тому известно о ее отъезде. Натянула платье, взбила челку и немного прибрала в большой комнате, которую обставила так, чтобы в организованном беспорядке держать под рукой все нужное для повседневной жизни, отдалив только столик для рисования и полки с рабочими документами. Долгое время эти стены украшали одни афиши, пока успех ее тканей и набивных изделий не позволил купить сначала одну хорошую картину, затем вторую, повергшую ее мать в великое изумление.

Она наполнила судок льдом — этим делом когда-то, оставаясь ужинать, занимался министр внутренних дел, прозванный ею Поллуксом, неизменно бубня при этом, что ему пора, что его ждет Жанна. Засидевшимся гостям Клер готовила невероятные блюда, сервируя стол на кухне.

В конце концов, когда подросли дети, Жанна развелась с ним, повторяя, что можно ревновать мужа к женщине, но не к политике, и пожелав всяческих радостей своей преемнице. Однако Поллукс никем не заменил ее, поняв с годами, что хорошей секретарши и верной прислуги, единолично заправляющей хозяйством, ему вполне достаточно, а остальные супружеские обязанности куда лучше исполняют другие дамы, к которым он мог приезжать в любое время или вовсе не приезжать, если его задерживал Кастор, не подвергаясь при этом головомойке...

Ожидая в глубине одной из тех мрачных зал, в которых в провинции проводятся собрания, Клер доставала блокнот и рисовала Поллукса и Кастора эдакими воробьями, летевшими на помощь терпящим бедствие, или повисшими на ветках грушами, либо убивающими Линсея, которому она придавала облик их противника.

— Почему воробьи? — спрашивал Кастор, который охотнее увидел бы себя в облике орла. — Почему груша?

Миф о Касторе и Поллуксе, который она напомнила, понравился ему лишь наполовину, ибо Поллукс был сыном Зевса, тогда как Кастор... Однако нескольких минут развлечений ему было вполне достаточно, и он убегал к телефону, не дослушав до конца легенду о Диоскурах или какую-нибудь другую, в которой опять был запечатлен на бумаге.

Поллукс... Неужели он стал таким же надутым, как тот? Ожидая, она развеселилась, нарисовав их обоих павлинами, восхищенно взира-

ющими на свои перья, но сходство, которое она прежде улавливала так легко, на сей раз не давалось ей.

Зазвонил звонок. Она скомкала бумажку и бросила ее в Красавчика...

За десять лет он изменился тоже, но меньше, чем Кастор. Был похож на прежнего, только поседевшего Поллукса. Высокий, худой, с тонкими руками, заброшенными за спину, он сохранил облик молодого Поллукса, позирующего больше, чем ему хочется, складывающегося вдвое, когда надо встать, и склоняющего голову в сторону собеседников, которые неизменно были ниже его ростом.

Клер показалось, что он в том же, прежнем сером костюме и в черном галстуке — на удивление сохранившемся, несмотря на прошедшее время. С помощью хорошего портного Кастор обрел своего рода лощеное величие, тогда как в прежние времена носил пиджак, который всегда морщил на спине.

Естественно, в глазах Поллукса она осталась «малышкой Клер», столько лет в молодости потерявшей в ожидании: в провинциальной гостинице, на трибунах Национального собрания, в задней комнате ресторана, в машине. Кто-то приходил или звонил, предупреждая, что Кастор задержится, но непременно придет. Она благодарила и возвращалась к прерванному чтению.

Подчас роль любезного посланника выполнял Поллукс, отдававший дань терпению молодой девушки. Всегда ровное настроение, легкий характер. Он был знаком и с другими симпатиями Кастора, которых тот бросал, а ему приходилось их утешать.

То, что синеглазая «малышка Клер» безропотно соглашалась на такое существование, навязанное ей Кастором, волновало Поллукса в те редкие минуты, когда у него было время об этом думать.

Разговаривала она мало и редко впустую, знала массу вещей: происхождение звезд, названия планет, умела поболтать с детьми... Однажды, когда секретарь Кастора тщетно пытался отыскать и проверить по первоисточнику фразу Фукидида, которой хотел украсить речь патрона, обращенную к преподавателям университета, Клер пришла ему на помощь, сказав, что это цитата из «Пелопонесской войны». Правда, она путала Жюля Ферри с Жюлем Гедом, говоря, что в любом случае это названия улиц.

Теперь ее имя постоянно встречалось в модных журналах. Поллукс посчитал нужным поздравить ее с успехом. Кто бы мог подумать, что ей удастся так преуспеть!

Ох, уж этот дорогой Поллукс! Он что, вообразил ее безутешной Ариадной, брошенной на краю пропасти?

Улыбаясь, он признался, что именно так и думал. Только вот не считал произнесенное ею слово точным.

— «Брошенной»? — подсказала ему Клер. — Как видите, я нашла силы.

Поллукс сделал вид, что восхищен Красавчиком, который позволил ему почесать себя за ушком. Затем они приступили к делу. Браслет Клер был обнаружен старой дамой, утверждавшей, что она нашла его на улице, и передан в комиссариат 6-го округа. Вблизи места нападения были найдены также разбросанные и истоптанные документы Клер.

Один из коммерсантов сказал, что раздавил авторучку, поднимая жалюзи своей лавки. Но никто и в глаза не видел красного бумажника. Можно ли по нему установить владельца? Нет. По содержимому? Тоже нет. Там лежало письмо с фирменным знаком токийского отеля. Если определить почерк писавшего...

Начиная с воскресенья в нескольких газетах появятся объявления с обещанием хорошего вознаграждения тому, что доставит старый, не имеющий ценности бумажник, который «дорог, как память». Посмотрим, что получится. Не надо ничем пренебрегать.

Не хочет ли Клер еще что-нибудь сказать? Ей ничего не приходит на память? Нет, ей нечего добавить к сказанному...

Зазвонил телефон. Мать Клер умоляла ее, раз она летит самолетом, надеть медальон, охраняющий жизнь бесстрашных пассажиров. Куда подевался этот медальон? Остался в сумочке — она совсем о нем забыла, когда перечисляла находившиеся там предметы. Всегда что-нибудь да позабудешь!

— Это лицо вам знакомо? — спросил Поллукс, протягивая журнал, вынутый из портфеля. — Тут справа мужчина, снятый в профиль.

Да, она даже может назвать его имя. Он возглавляет какое-то предприятие.

Друг? Нет. Значит, деловая связь? Скорее всего. Когда встречались последний раз? В Бобуре. Она запомнила, потому что не ожидала его там встретить: экспонированная живопись была не в его вкусе.

Что она знает о нем? У него неблагодарная жена и острые уши. Очень забавно изображает премьер-министра, выступающего по телевидению.

Он продемонстрировал это в Бобуре? Нет, он это делает после ужина, если его попросят.

Стало быть, она с ним ужинает? Нет, они встречались пару раз у общих друзей.

У друзей, откровенно враждебных правительству? Это о них идет речь? Если и враждебных, то не больше, чем другие.

И когда же состоялся их последний ужин? Она не помнит, но может найти дату по записной книжке. Впрочем, нет, книжка тоже находилась в сумочке.

Может быть, в январе? Может быть. На сей счет нечего больше сообщить? Нет, ничего...

Поллукс вытащил из портфеля три странички, напечатанные с обеих сторон, и протянул Клер.

— Что это такое?

— Это о вас.

Пока она читала, он встал и начал разглядывать сине-черно-желтое полотно, ярко выделявшееся на белой стене. Далеко в прошлое ушли те времена, когда он по субботам заглядывал в многочисленные картинные галереи, теснившиеся на небольшой территории Парижа, как лавчонки в сказках об Али-Бабе. Но сейчас, по дороге к Клер, подталкиваемый со всех сторон, он видел, как и тут все изменилось. Все стареет — лучше об этом не думать.

— У вас плохо пишут и еще хуже шпионят, — сказала Клер.

Она встала.

— А теперь прошу извинить, но меня ждут, я опаздываю.

Однако Поллукс не тронулся с места.

— Стало быть, сей господин с острыми ушами — чего я, кстати сказать, не заметил, — был вашим любовником? И вы это скрыли?

В ответ она сказала, что хоть он и министр, но надоел ей и у нее недостаточный запас ругательств, чтобы точнее выразить свою мысль.

Ее любовник? Как это называется в докладной, которую она только что читала? Куда более пикантно! И, в общем-то, более точно!

— Слова не имеют значения, — возразил Поллукс. — У вас были близкие отношения, и позднее вы их возобновили.

Они не виделись много лет, потом случайно встретились: как дела, как поживает мама, говорят, ты женился, я нет, все рисую, перезвонимся... Много позже два-три раза ужинали у знакомых. Откуда было взяться близким отношениям?

— Вы принимали его тут?

— Нет. Никогда.

Заглянув в докладную, Поллукс громко прочел:

— «8 марта интересующее нас лицо направилось в интересующий нас дом, где оставалось с 18.00 до 18.35. Побывало там снова 11 и 15 марта в то же время».

— У «интересующего вас лица» болели зубы, — сказала Клер. — А в доме живет зубной врач. Ваши топтуны идиоты. Они знают все, но не точно.

К тому же, если, допустим, она и принимала его у себя с утра до вечера, какой это может представлять интерес?!..

Поллукс вернулся к картине. Разговор не доставлял ему никакой радости. Надо было быть Кастором, чтобы разработать такую тактику. Когда он возмутился, Кастор с презрением заметил: «Ты не знаешь женщин. Я же, представь себе, их знаю. Ты всегда недооценивал противника. Они на все способны».

Он снова уселся напротив Клер, сделал большой глоток виски и вернулся к делу.

Следующего человека Клер знала еще студентом. Не мешает при этом вспомнить, что его уличили в списывании при подготовке курсовой работы. И он предстал перед судом чести своих товарищей. Да, она слышала об этой истории, не имевшей, впрочем, последствий, раз он стоит теперь во главе предприятия.

Действительно, суд вынес оправдательный приговор, но лишь после того, как он по требованию одного из присяжных подписал признание. Тем самым стал человеком, обязанным им на всю жизнь.

— Хороши же ваши кадры, — сказала Клер. — И много еще таких дел в вашем архиве?

— Идеальных людей нет, — ответил Поллукс. — Знаете имя его товарища?

Нет. Она не знала. Поллукс назвал его.

Фотография этого человека украшала обложку журнала, в котором был снят и ее знакомый, под следующей надписью: «Новая стратегия».

Он был запечатлен в момент своего выступления перед целой гирляндой микрофонов. На внутренних страницах его можно было увидеть в окружении сторонников, в числе которых в профиль, улыбаясь, стоял человек с острыми ушами.

— Ну и что из того? — спросила Клер. — Выходит, он крадет сумочки, когда не ходит к зубному врачу?

— Он приказал украсть вашу сумочку, — ответил Поллукс. — И знаете для чего? Чтобы на вас не пало подозрение.

— Подозрение? В чем?

— В содеянном.

— Да что я такое сделала?

— Вы поведали бывшему любовнику, что располагаете компрометирующим президента документом, и когда он попросил его отдать, вы согласились. Вот что вы сделали!

Васильковые зрачки Клер потемнели от гнева. Они действительно свихнулись, особенно Кастор. Его одержимость мыслью о заговоре была для нее не новостью.

— Но ведь я сама предупредила Кастора, — сказала она, всячески стараясь сдерживаться. — А коли так, зачем мне это было нужно?

— Президент не исключает угрызений совести и ждет исповеди.

«Президент»!

Клер затошнило. Она соскользнула с кресла и положила голову на мрамор столика.

Шло время. Поллукс начал проявлять нетерпение. Он вложил свой платок в руку Клер. Но она подняла к нему бледное лицо с сухими глазами и попросила налить ей что-нибудь покрепче.

— Если он подозревает меня, — сказала она, — то болен куда более серьезно, чем я думала.

— Он подозревает всех. На его месте, кстати, никому нельзя верить, — сказал Поллукс и добавил, стараясь вызвать у нее улыбку. — Отчего, по-вашему, у глав государств всегда есть собаки?

Клер оперлась о протянутую ей руку и поднялась. От выпитого ее щеки порозовели и придали страху какой-то эйфорический характер.

— Послушайте, Поллукс, я скажу вам правду. Ваш друг Кастор полный параноик. Вы знаете, что такое паранойя? Она выстраивает в логический ряд любой бред.

Он вяло запротестовал, вздрогнув при мысли, что может однажды прочесть в газете: «Сенсация. Президент — параноик! Мнение специалистов».

Кастор любил подчас рядиться в одежды Христа.

— Я многое простила ему, — сказала Клер. — Но такого подозрения я ему не прощу никогда.

Поллукс заметил, что в какой-то момент все мы произносим такие слова, но слышать это из уст такой доброй женщины, как Клер, право...

— Доброй? — Она рассмеялась. — Доброй я была в другой жизни!.. Идемте. Мне надо поесть. Приготовлю-ка я омлет.

На кухне, наблюдая, как она взбивает яйца и режет кекс, Поллукс записал номер нью-йоркского телефона, куда тоже можно позвонить насчет новостей о пропавшем бумажнике.

— Там вы не сможете за мной шпионить, — заметила Клер. — И вам не стыдно, Поллукс?

Он ответил, что задавать подобные вопросы министру внутренних дел глупо и что в случае необходимости он вмонтировал бы микрофон в ее кухонный столик.

Она вылила яйца в кипящее масло, убавила огонь и с помощью деревянной лопаточки подтянула уже схваченные жаром края омлета к центру сковородки. Он узнавал присущие ей точные и экономные движения.

— Почему вы так часто ездите в Нью-Йорк? — спросил он внезапно. — Вы ведь там были на рождество?

— Ну, вот опять он за свое... — сказала Клер, перекладывая омлет на тарелку. — Знаете, Поллукс, вы заражены.

Он выразил восторг по поводу омлета, утверждая, что только она и умеет подать его неподгоревшим, и они расстались — опечаленные и одновременно растроганные этой встречей и спустя столько лет.

Тем не менее перед тем, как погасить свет на кухне, она тщательно обследовала кухонный столик.

Приземлившись в субботу на аэродроме Кеннеди, она долго ждала багаж. Затем, пройдя таможню, вышла на ледяной ветер. Желтому такси понадобился час, чтобы доставить ее в отель в нижней части города, где она обычно останавливалась. Администратор узнал ее и вручил записку: Майк ждал ее звонка, чтобы затем заехать за ней.

Ее проводил до лифта темнокожий носильщик, обменявшийся несколькими словами с лифтером. Вся обслуга в Нью-Йорке была цветной: филиппинцы, негры, может быть, мексиканцы.

Те, что работали прежде, заговорили бы о погоде, поинтересовались, какая она в Европе. Филиппинцам на это было наплевать.

Преждевременная весна в Париже украсила тремя лепестками каштан во дворике Альбера I — раннему созреванию дерева способствовала соседняя теплоцентраль.

Отец Элизабет никогда не признавал такого объяснения и, начиная с марта, каждую субботу приезжал посмотреть на свой каштан. Выйдя из метро на станции «Елисейские поля — Клемансо», отец пешком шел по великолепной авеню до Сены.

Но в этом году у него сдало сердце. Тем не менее, когда он запирал в час дня двери книжного магазина, торговавшего также писчебумажными принадлежностями и газетами, его поразила синева неба. Не то, чтобы его охватило прежнее возбуждение, но сосиски в меню соседнего ресторана привлекли его внимание, и он решил после обеда проведать каштан.

Увидев у парапета набережной Элизабет, подставившую лицо солнцу, он замер. Девушка слабо улыбнулась ему.

Он осторожно подошел к ней, как к птице, готовой каждую минуту упорхнуть. Она поцеловала его, сказав, что еще в прошлую субботу ждала его, зная, что в такой прекрасный день он непременно придет.

А он, сбитый с толку, тщетно подыскивал слова, которые надо сказать девочке, сбежавшей из дома, взяв деньги в кассе и назвав его старым ослом.

— Если хочешь, я вернусь, — сказала Элизабет. — Только не спрашивай, почему и где я пропадала все это время.

Он едва удержался, чтобы не ответить: «Вернись, моя Лизи, вернись», но вспомнил, что в последнее время ей не нравилось, когда он называет ее Лизи.

Узнав об их связи с Бетси, она стала называть его по-английски «дэди»[1], словно он был похож на человека, которому подходит такое имя. Услышав как-то, как она его называет, один из клиентов произнес речь об американизации французской молодежи, позорящей нашу культуру, что весьма его озадачило. Затем она стала обращаться к нему по имени. Если же дочь называет своего отца Эрнестом, значит, мир и вовсе перевернулся. «Конец семьи», — сказала одна клиентка, а когда девушка пропала, добавила: «Такая же вертихвостка, как ее мать»...

— Ну, что, папа — да или нет?

— Да, конечно, да, трижды да, моя маленькая фея! И я обещаю тебе...

— Я тоже тебе обещаю.

Он взял ее рюкзак, и они прошлись рука об руку вдоль набережной.

Она сказала, что должна сделать кое-какие покупки, но чтобы он не волновался: она вернется как раз к ужину и будет отныне вставать в пять утра, чтобы получить газеты и разложить их по стеллажам.

Пьер прождал Элизабет два часа на террасе «Флоры», где они обычно встречались, затем обошел все кафе в округе — нигде ее не видели.

---

1 «Daddy» — дедушка.

Он зашагал домой. Под дверью лежал конверт. Элизабет кратко извещала его о том, чтобы он ее не искал нигде и никогда, что она его боится и что положила все оставшиеся деньги в этот конверт.

Он спустился вниз, купил бутылку водки, вернулся, ополовинил ее и завалился спать. Проснувшись, он по шуму на улице понял, что поздно и что для того, чтобы победить головную боль, ему требуется чашка кофе.

В соседнем бистро было пусто. Официантка за стойкой задумчиво слушала радио. Ставя перед ним чашку, она мило заметила: «Вы сегодня не в себе... Когда вы небритый, то легко можете испугать любого, кто вас не знает». Она предложила ему аспирин, посоветовала запить теплой сладкой водой и согласилась сходить за рогаликами в соседнюю булочную, потому что в это время у них были только пирожные, а она знала, что он предпочитает рогалики.

— Вы очень любезны, — ответил Пьер. — Вы единственное известное мне существо, сохранившее человечность. Кроме матери.

Это была еще статная женщина без возраста и с бесцветными волосами. Он взял ее руку и поцеловал.

Вернувшись домой, Пьер тщательно побрился, надел чистый свитер и даже решил прибрать постель. Когда он стал двигать ее, ножка подогнулась. Наклонившись, чтобы поправить ее, он обнаружил на полу, у самой стены, красный бумажник.

Сидя за угловым столиком на своем любимом месте в ресторане Липпа и поджидая Пьера, Эрбер читал немецкий еженедельник. На часах было 8.35, когда он увидел молодого человека, задержавшегося на некоторое время в дверях. Ему мешала пройти толпа ожидающих свободное место.

Этот церемониал всегда радовал глаз Эрбера. Хозяин, господин Каз, преграждал дорогу всякому, кто пытался проскользнуть в ресторан или в пивную. С картонкой и карандашом в руке он был само воплощение власти. Известные своей надменностью люди окружали его, заискивали, бормоча, что да, через час или полтора, очень хорошо, они вернутся, в то время как завсегдатаи, уверенные, что для них столик найдется обязательно, раскланивались направо и налево с другими завсегдатаями, демонстрируя случайным посетителям презрение избранных. Эрбер любил все, что укрепляло его представления о человечестве.

Пьер сказал, что его ждут, и прошел в святая святых. Эрбер очистил скамейку от груды газет, составлявших его ежедневную порцию наркотиков, и сердечно приветствовал молодого человека.

— Вы хорошо сделали, что позвонили мне, — сказал он. — Я не знал, где вас искать. Где вы, черт побери, обретаетесь? У меня для вас есть работа.

Эрбер выпускал еженедельник «Конфиденциальный листок»: 8-10 розовых страничек, предназначенных для ограниченного числа абонентов, которым «Листок Э.» позволял знакомиться со всякого рода

информацией из внутренней и международной жизни. К ним добавлялся превосходный обзор международной печати. Полный проверенных нескромностей и обоснованных предположений, «Листок Э.» пользовался бо́льшим спросом, чем другие подобные издания. У Эрбера была надежная сеть информаторов. Про него ходили слухи, что он когда-то работал в разведке — с подобной репутацией он мирился, саркастически улыбаясь.

Он говорил и писал на хорошем французском, изредка греша сленгом. Ему помогал в выпуске «Листка Э.» опытный журналист, вот уже семь лет трудившийся над диссертацией о Гегеле и Фейербахе. Секретарь-машинистка, приехавшая неизвестно из какой страны, но говорившая на пяти языках, и курьер на мотоцикле составляли остальную часть штата.

Толстяк сообщил, что ему нужен человек, чтобы порыться в архиве вдовы известного нациста, который та собралась продать. Поручение было деликатное и могло отнять много времени.

Кто-то сел за соседний с ними столик. Эрбер громко сказал по-немецки:

— Вам знакома свинья, которая уселась рядом с нами?

Пьер повернул голову и встретил равнодушный взгляд соседа.

— Нет.

— Мне тоже. Но теперь я спокоен, что он не поймет, о чем мы говорим. Французы подчас знают английский, но значительно реже немецкий. Ваш немецкий превосходен. Где вы его изучали?

— Сначала в лицее — исключительно, чтобы вызвать ярость отчима, который изрядно надоел мне со своим Сопротивлением...

— Естественно, не каждый имеет столь веские причины, — заметил Эрбер.

— ... а затем в университете, но уже с удовольствием, и провел однажды целое лето в Германии. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Я не любопытен. Просто люблю точность.

И он пустился в долгие объяснения по поводу того, как Пьеру надлежит действовать и что от него требуется.

— Странным делом вы занимаетесь, — сказал Пьер. — А если обнаружится то, что вам нужно, есть ли у вас уверенность, что я не продам это еще кому-нибудь?

— Я разбираюсь в людях. Вы порядочный парень.

Пьер так звонко рассмеялся, что на них стали оборачиваться.

— Я сказал что-то смешное? — спросил Эрбер.

— Нет. Вы правы. Я порядочный парень, но не все убеждены в этом.

Они договорились снова встретиться через два дня в конторе Эрбера — там Пьер получит авиабилет, командировочные и все, что требуется для успешного выполнения полученного задания.

— Все запоминайте, ничего не записывайте. Сейчас люди слишком много пишут.

— Я охотно съезжу туда. Мне осточертела эта гнусная страна.

— Сразу видно, что вы не знаете других, мой дорогой.

Эрбер огорчился, узнав, что его любимые «наполеоны» кончились, и пустился в сравнительный анализ кондитерского дела разных стран, где ему посчастливилось бывать. Об этом свидетельствовала его комплекция. Лучшее мороженое он находил в Уругвае, конфеты и фисташки — в Константинополе!

— Может, мне эмигрировать? — задумчиво спросил Пьер.

— Ни в коем случае! Разве можно уезжать туда, где вы окажетесь в положении человека, мечтающего о Лувре на берегу залива Рио. Эмигранту всегда плохо, ибо все плохо, когда ты беден и одинок.

— Здесь я тоже бедет и одинок. Вот и хочется попробовать еще где-то.

— У себя на родине человек никогда не бывает совсем одинок. Поверьте мне, в четырехразрядном отеле города, где вас никто не знает, на закате солнца совсем невесело. А жалкие меблирашки...

Он задумался и помолчал, а потом сказал:

— И тем не менее к профессии беженца надо готовиться заблаговременно, где бы ты ни жил на земном шаре... Я, кажется, цитирую автора, которого люди вашего поколения не читают?

Соседний столик освободился, и его тотчас заняла пара, поклонившаяся Эрберу. Тот изобразил подобие улыбки и сказал:

— Что это мы углубились в такие мрачные картины? Хотите коньяку, чтобы развеяться? Нет? Тогда... — Он попросил счет.

— А помимо кондитерского дела, чем вы еще занимались в Уругвае и Константинополе? — спросил Пьер.

— Я иногда и сам себе задаю этот вопрос, мой мальчик. Сам. Я, который всю жизнь мечтал о кафедре философии в Кембридже... Садике... собаках, розах...

Пьер встал, чтобы достать деньги. Эрбер схватил его за руку.

— Позвольте уплатить фирме. Вы, кажется, что-то потеряли. Сейчас подниму. — И он наклонился с удивительной для его полноты легкостью. — Скажите, пожалуйста! У вас красный бумажник!

— Да... В общем, нет. Я его подобрал в одном месте...

Эрбер порылся в газетах и сунул под нос Пьера объявление в рамочке.

— Вам решительно везет сегодня. Вы получите большое вознаграждение, — сказал Эрбер, разглядывая потертую кожу на углах бумажника.

— Интересно, кому эта штука так дорога? Там что-то есть? Вы смотрели?

— Письмо, которое начинается словами «Любовь моя».

Эрбер поднял очки на лоб и приблизил письмо к своим круглым глазам.

— Я лишь пробежал его, — продолжал Пьер. — Видно, что автор любит поразглагольствовать.

Эрбер продолжал читать.

— Интересно. Кажется, мне знаком этот почерк. — Он повертел конверт, словно обнюхивая его. — Отдайте мне это письмо. Я проверю и верну его вам во вторник.

— Берите... Мне на их вознаграждение наплевать.

На часах было десять часов вечера.

А в Коннектикуте, на восточном побережье США, было четыре часа дня. Закутавшись в шаль, Клер следила за Майком, скакавшим на серой лошади.

То, что в бумагах Поллукса не оказалось никаких следов Майка, весьма ее позабавило. Майк был ее драгоценным камнем, ее арабским жасмином, ее теплым хлебцем, синей птицей... Майк был ее сыном. Во Франции никто не знал о существовании этого белокурого мальчугана. В Америке никому не было дела до личной жизни этой деловой и решительной женщины и ее ребенка.

В глазах ее друзей Гофманов она была одной из многочисленных сегодня оригиналок, которые хотят детей, но не намерены осложнять свою жизнь мужьями. По крайней мере, они так утверждают.

На самом деле Жюли Гофман знала, что, когда речь идет о Клер, все не так просто. Та сообщила ей главное, когда одиннадцать лет назад попросила пристанища, согласившись быть прислугой, кухаркой, экономкой, бонной — лишь бы получить на несколько месяцев крышу вдали от Франции. Самому же Майку она обещала все рассказать, когда ему исполнится четырнадцать, до этого просила ничего не спрашивать. В колледже у большинства его товарищей были неблагополучные семьи, и все воздерживались от комментариев на этот счет.

Уик-энды он проводил в доме Жюли, у которой была куча детей. Летом Клер приглашала всех их пожить где-нибудь на Средиземном море или в Европе.

В письме из Токио речь шла о Майке. Точнее, о том, как с ним быть.

Клер тогда уже семь лет была любовницей того, кого мы по-прежнему будем называть Кастором. Они познакомились в Лилле, куда тот приезжал провести собрание. Клер оказалась там случайно. Ее рисунки брала иногда местная текстильная компания. Клер, стремясь постичь технологию печати на определенных тканях, провела весь день в цехах фабрики. Вечером директор, которому она очень понравилась, предложил ей посетить выступление Кастора, чьим горячим сторонником он являлся. После собрания в задней комнате, где находился буфет, он не без гордости представил ее великому человеку. Бисквиты были непропеченные, шампанское — теплым, а ветчина при ярком свете казалась зловеще-зеленой. Но там, где был Кастор, всегда происходило что-то необыкновенное.

Он был некрасив, выглядел на все свои сорок пять лет, носил нелепый галстук и потертый костюм, был невысок ростом. Однако к нему тянулись люди.

Услышав фамилию Клер, он спросил, не дочь ли она известного эллиниста, который... и т.д. Да? Какая потеря для Франции — безвременная его кончина, стране нужны такие люди, доброй ночи, мадемуазель, был счастлив...

Уходя, он спросил директора фабрики: «Ваша знакомая живет в Париже? У меня машина. Не хочет ли она, чтобы ее подвезли?»

Она хотела, но вот загвоздка — чемодан. «Пошлите за ним», — сказал Кастор.

— Еще одна попалась, — прошептал шофер сотруднику Кастора, сидевшему впереди.

Но почти всю дорогу Кастор продремал. Когда машина остановилась перед очередным светофором, он открыл глаза и сказал: «Холодно, плед», взял ее руку в свою и снова уснул. Проснулся он уже в Париже. Клер не произнесла и двух слов.

— Сколько вам лет? — спросил Кастор.

— Двадцать.

— Вы хорошо молчите.

Он высадил ее перед домом, не открыв дверцы и не поднеся чемодан.

— До свидания! — кивнул Кастор. — До скорого!

В течение трех дней она вздрагивала при каждом телефонном звонке. На четвертый она услышала: «Здравствуйте. Это я. Поужинаем сегодня вечером?»

Месяц спустя она без всяких объяснений рассталась с женихом, выпускником Высшей административной школы, из хорошей протестантской семьи, служившим в Госсовете, без состояния, традиций, словом, — человеком своего круга, и прослыла в семье и между соседями паршивой овцой.

Кастор ничего у нее не спросил. Она только сказала ему, что отныне свободна. Некоторые страсти подобны огню: они все уничтожают вокруг. Оставшиеся у нее друзья догадывались, что в жизни молодой женщины, всегда одинокой по воскресеньям, появился женатый мужчина, но, получив однажды отпор, в дальнейшем воздерживались от вопросов. Она зарабатывала мало, но достаточно для обеспечения своей независимости. Ни в ком не нуждалась, кроме Кастора, работала главным образом дома, готовая в любое время принять его или последовать за ним. Лишь после разрыва с Кастором она постигла, что такое истинное одиночество, и нашла тысячу и один способ, как обманывать время. Но разве для этого мало и одного способа?

В числе наиболее серьезных ее случайных связей был известный адвокат, к которому она обратилась за советом при составлении первого контракта — свидетельство ее настоящего профессионального успеха. Она была знакома с ним еще со времени избирательной кампании Кастора, которому тот, совсем молодой человек, оказал большую помощь при стычке с противником. Кастор уважал его.

В глазах этого человека она обладала шармом женщины, которую любил боготворимый им деятель. Он нравился ей своим умом. В остальном же что-то в ней сломалось, и ни один мужчина не мог этого починить. Сознавая это, тот не был счастливее, но вел себя предусмотрительнее. Когда он понял, что она симулирует нежность — мужчины не умеют быть слишком вежливы, — то пожелал выяснить отношения и только вызвал слезы: «Это все моя вина! Я разбита».

Она была достаточно умна и понимала, что все у нее идет от головы.

Испытывая запоздалую ревность к Кастору, адвокат стал задавать запрещенные вопросы. Она прогнала его. Он не ушел.

Между ними сохранились нежные отношения. Он был для нее как будто большой теплой печью, к которой можно прижаться в грустную минуту. Для него она осталась самой желанной женщиной, но он повторял, что она подурнеет, если не оставит свои фантазии. По счастью, существуют менее сложные женщины...

— Я не сложная, — протестовала Клер. — Я зачарованная.

Связь с Кастором принесла ей долгое счастье и ... любовь. Оставила в ее душе след, который никому другому так и не удалось стереть. Впрочем, ей и самой этого не хотелось. Во всяком случае, это объясняло ее холодность в отношениях с мужчинами, придавало ее любовным связям характер физических упражнений. А что может быть мрачнее физической разрядки даже с самым умелым партнером? Каждое мгновение ее встреч с Кастором делалось настоящим праздником, наподобие церемониала.

Он никогда не скрывал от нее, что не разведется с женой, идеальной супругой. Но Клер ничего и не просила. Слово «идеальная» употребил и Поллукс, когда она однажды спросила о ней. Это была жена политического лидера, о которой можно было только мечтать — умеющая придать своему присутствию при открытии бассейна или школы видимость удовольствия. Ее любили избиратели, уважали противники. Она имела собственное состояние и фамильный дом, была известна во всем департаменте, где баллотировался Кастор, потому что ее отец занимал там пост префекта. Все же она устала от политики, вынужденная сохранять на лице неизменную улыбку. Клер, конечно, желала ей добра — но всего лишь так, как мечтаешь о выигрыше в лотерее, не купив билета. Поставив задачу забыть о ее существовании, Клер в конце концов достигла своей цели. Кастор никогда не рассказывал о ней. По пятницам он отправлялся не к Клер, а в свой избирательный округ, где его ожидала не жена, а мэрия. А в воскресные вечера неизменно звонил Клер.

Забеременев по неосторожности — так, по крайней мере, она думала, — Клер испытала неизъяснимое счастье. Конечно, все должно было осложниться, но маленький Кастор не пугал ее, раз она была нужна большому.

Тем не менее она ничего не сказала Кастору — он как раз вел одну из тех безжалостных битв с очередным соперником, которая требовала мобилизации всех сил. Привычка возникает после первого же поступка. Молчаливое соглашение, присущее любым человеческим отношениям, требовало от нее одного — не создавать ему никаких проблем.

Затем она узнала, что он уезжает на месяц. За поездкой в Японию должно было последовать посещение французских владений в Тихом океане. Он провел у нее ночь перед отъездом и, видя утром, как она с аппетитом ест хлеб с медом, сказал: «Мне кажется, ты располнела? Тебе это к лицу».

Она рассмеялась, сказав, что располнела потому, что ждет ребенка. Сначала он спокойно ответил, что это неприятность; затем потребовал, чтобы она все уладила за время его отсутствия, и, если нужны деньги, он распорядится.

Клер заявила, что и думать об этом не хочет, что она намерена родить. Да к тому же уже поздно. Тогда-то он впервые напугал ее. «Ты что себе вообразила? — кричал он в ярости. — Что я разведусь? Разве тебе не известно, что меня еще никому не удалось шантажировать?!»

Он не хотел ребенка ни при каких условиях. Она отбивалась, умоляла, клялась, что у него не будет никаких забот и тревог.

В дверь позвонил шофер, он беспокоился: дорога в аэропорт могла оказаться забитой, как бы не опоздать.

— Иду, — ответил Кастор.

Он смотрел на Клер с ненавистью, ожидая, когда шофер унесет его чемодан и портфель.

— Если ты не уладишь это дело до моего возвращения, я больше тебя никогда не увижу, — сказал он. — Выбирай!

И ушел, хлопнув дверью.

В конторе, куда Клер принесла свои последние рисунки, нашли, что она плохо выглядит. Привыкнув иметь дело с молодыми женщинами, директриса бросила на нее проницательный взгляд и спросила:

— У вас неприятности?

— Да.

— Могу вам помочь?

— Может быть. Но...

И упала в обморок. Придя в себя, она запретила куда-либо звонить. Ее заставили прилечь и отдохнуть. Она уснула на диване. В последнее время она много спала. Ее разбудили в семь вечера. Она пообещала сообщить потом о себе.

Через день она получила письмо от Кастора. Тот писал, что тщетно пытался до нее дозвониться, что она одна во всем мире понимала его, но ребенок нанес бы оскорбление жене, которого она не потерпит. Ей, конечно, известно о его связи с Клер — доложили доброхоты, но она строго предупредила его. Развод означал бы конец всем его честолюбивым планам, которые вот-вот могли осуществиться. Затем следовали размышления о состоянии дел во Франции, которую он призван спасти, о внутриполитической и международной обстановке, о главных действующих лицах, о людях из его собственной партии...

Он рассчитывал на ум и политическое чутье Клер, которые положат конец пошлому и недостойному конфликту между ними, и повторил, что, если она станет упорствовать в своем капризе, он никогда ее не увидит. Никогда.

Клер получила письмо утренней почтой. Свернувшись на постели калачиком, она трижды перечитала его. На ум шли мысли, которые занимали ее все утро: лететь в Токио первым же рейсом... Посетить жену Кастора... Принять всю коробку снотворного...

Она просидела взаперти два дня, не вылезая из халата, непричесанная. Когда звонил телефон, она снимала трубку и клала рядом с

аппаратом. Иногда выходила на улицу, чтобы купить яблоко, выпить стакан молока. Она без конца слушала пластинку «Любовь и жизнь женщины» и плакала, слушая Кэтлин Феррьер.

На третий день она взяла листок бумаги, вывела по-английски: «Что сделано, то сделано, и ничего не изменить», расписалась и заклеила в конверт. Затем вынула из специально купленного красного бумажника, с которым никогда не расставалась, фото Кастора, сожгла его на зажигалке и вложила в бумажник письмо из Токио. Придет день, и она даст его прочесть сыну или дочери Кастора...

Она тщательно подмазалась, оделась, повесила трубку на аппарат и вышла из дому...

Бросив в почтовый ящик письмо Кастору, Клер вспомнила, что это день ее рождения, что ей 27 лет, и подумала, что сегодня впервые в жизни самостоятельно приняла ответственное решение. Теперь придется подумать, что делать дальше.

Погода стояла теплая и ясная. Она твердым шагом дошла до своего парикмахера и попросила ее постричь.

Следя за Майком, пытавшимся пустить лошадь в галоп — «Мам, смотри, смотри!» — она снова и снова задавала себе вопрос: что бы с ней случилось, если бы Кастор оказался не на Тихом океане, а в Брюсселе, если бы он приехал, если бы Жюли в разговоре по телефону не проявила столько теплоты?

Вероятно, она была бы сегодня тенью тени Кастора, страдая при каждом появлении его на телеэкране, когда он в сопровождении своей идеальной жены принимает немецкого канцлера или китайского премьера. Временами он казался ей смешным, и она радовалась, что свободна и сильна, хотя и застудила сейчас ноги, счастлива от того, что у нее есть это маленькое чудо с такими же, как у нее, пепельными волосами. К черту Кастора! Его эгоцентризм, его паранойю, его противников, его полицию и заговоры! Слава богу, она теперь свободна, и это он освободил ее. Почему газеты никогда не рассказывают о том, что делает власть с человеком и человек с властью?

Настанет день, когда она нарисует об этом комикс для девочек. А почему бы и не для мальчиков?

На большом поле, где раздавались детские крики, прошлое представлялось ей любимым старым платьем, от которого не можешь отделаться до тех пор, пока не убеждаешься, что оно съедено молью. Жаль, но приходится его выбросить.

Майка следовало уберечь от теней прошлого до тех пор, пока он не сможет сам все понять.

...Эрбер провел добрую часть ночи, роясь в своих архивах. Собранные им досье заполняли всю квартиру. Дотрагиваться до них, да и то под его наблюдением, имела право только старая глухая служанка. Архив был его страстью, его рабочим инструментом, его состоянием.

Но с тех пор, как подобно нашествию насекомых, бумаги стали загромождать спальню, осторожность подсказывала Эрберу необходимость перевести документы на микропленку. Однако разум воспрещал доверять их чужим рукам, а как тогда осуществить задуманное? Он знал наизусть, где что находится в его архиве, но требовалось известное терпение, чтобы обнаружить в коробках, где были сложены образчики почерков и росписей, то, что он теперь искал. Закутавшись в плед, при свете яркой лампы он провел два дня, сравнивая написанное на разного размера бумажках, прежде чем наконец обнаружил то, что искал.

Это был листок с несколькими строками, которые набросал президент республики во время пресс-конференции. Эрбер подобрал его несколько лет назад. Слова были с сокращениями, написаны поспешно, но это был тот самый почерк!

Он перечитал письмо, которое ему доверил Пьер, и сразу понял, что оно обладает огромной силой. То, что президент писал неизвестной женщине, давало повод не только для сплетен и пересудов. Политический смысл письма мог обернуться под опытной рукой настоящей взрывчаткой!

Эрбер снял фотокопию, спрятав ее под ключ, положил оригинал обратно в красный бумажник и прибег к последней проверке: случалось ли президенту хоть однажды посетить Токио? Письмо было датировано, но без указания года.

Получив через несколько минут подтверждение, он задумался на целых два часа...

Предпасхальные дни вытолкнули французов на дороги: Клер — в «Боинг-747» компании «ЭР Франс» по линии Нью-Йорк—Париж, а Поллукса — в самолет «Мажистер-20», чтобы посетить свой избирательный округ. Там у него был симпатичный домик с натертыми полами, обоями на стенах и пузатыми комодами, доставшимися ему от отца, который, в свою очередь, унаследовал их от своего.

В прежние времена в пасхальное воскресенье и на Рождество, когда 22 члена семьи собирались за большим столом из дерева дикой вишни, уставленного всякими блюдами, дабы отведать запеченного барашка или утку с каштанами, Поллукс неизменно вспоминал деда, читающего молитву. Позднее семья распалась, дети переженились и собирались теперь изредка по случаю чьих-то похорон.

Когда умер депутат от этого округа, а Кастор в поисках человека, способного выиграть на частичных выборах, предложил кандидатуру Поллукса, супруга последнего тут же заявила, что не собирается похоронить себя в этой провинциальной дыре из-за того только, что ее муж здесь родился.

— Что значит провинциальная дыра? — возмутился Кастор. — Мы все вышли из провинциальной дыры, и я не удивлюсь, моя малышка Жанна, узнав, что ваш дедушка тоже ишачил на ферме. А если не он, то прадед!..

Раздираемый на части двумя державами, Поллукс уступил Кастору. Быть может, еще и потому, что жена утомляла его своей бесконечной болтовней. Эту женщину охватывала паника, если пауза затягивалась, и она начинала жужжать, как пчела над вареньем.

— Она очаровательна, но ее надо лишить голосовых связок, — заметил Кастор, когда Поллукс представил ему свою будущую жену.

В те времена Поллуксу слова эти не пришлись по душе. Но позднее он был вынужден признать, что ее речевой поток действительно требовал возведения плотины.

Краткие наезды этой парижанки, занимавшейся — и вполне успешно — модой, производили дурное впечатление на его родной город. Тем более, что вопреки настоятельным советам Поллукса она решительно отказывалась ходить к мессе.

Зато Поллукс был истинное дитя родных мест, хотя тоже уехал отсюда. Однако его семья была там хорошо представлена. Сестры, которых раздражал стиль Жанны, распространили слух о его неудачном браке, и вскоре все его начали жалеть.

Плохая жена? Легко сказать! Она соединила свою жизнь с рассеянным молодым человеком, влюбленным в американское кино, обладателем кучи университетских дипломов, с помощью которых он думал оттянуть момент, когда придется принять дела отца. Спустя десять лет она оказалась женой незаметного депутата, который, похоже, стремился знать по имени всех жителей вплоть до последнего сельского кантона, вплоть до кличек даже их коров и собак. Это выглядело нарушением договора. Поллукс соглашался с нею. Ну и что? Это ведь ненадолго. Ясно, что на очередных всеобщих выборах его лихо прокатят и отберут у него депутатский мандат. Но его, напротив, переизбрали еще большим числом голосов. И Поллукс, которому Кастор так легко помог просунуть свой палец в этот капкан, окончательно смирился со своей судьбой. Отныне ей казалось, что она живет с наркоманом.

Когда она бросила Поллукса, все опять жалели его...

С годами положение Поллукса еще больше упрочилось. Но он знал, что прочное положение существует только у тех, кто его все время укрепляет. С тех пор, как он вошел в правительство, он прилагал для этого все усилия — о чем как раз свидетельствовали его еженедельные приезды, на которые местная пресса неизменно живо откликалась. Хотя он постоянно твердил Кастору, что намерен бросить политику, Поллукс, несомненно, был бы огорчен, если бы его провалили на выборах.

В этот пасхальный уик-энд он строго, от начала до конца, выполнил все свои обязанности, сменил рубашку и костюм, который в действительности существовал в нескольких экземплярах (никто не знал о его обширном гардеробе), и вовремя приземлился на Виллакубле, чтобы поспеть заехать за Клер, вернувшейся из США, и вместе с нею поужинать.

Он отметил слегка взвинченное состояние Клер — оно находило на нее после каждого посещения Нью-Йорка. Да, малышка Клер сильно изменилась. Он же был озадачен не столько тем, что выслушал в

течение последних трех дней в адрес правительства, сколько поведением Кастора. Оно было для него загадкой. На прошлой неделе, когда Поллукс как раз был перегружен работой, Кастор дважды вызывал его по пустяковому делу, пускался в метафизические рассуждения о смысле жизни и тщеславии властей предержащих. Слушать это было крайне непривычно. Уходя, Поллукс не мог отделаться от мысли, что старый друг хотел ему что-то сказать, но в последний момент передумал.

— Ему самое время подумать о смысле жизни, — сказала Клер.

Поллукс возразил, заметив, что сейчас для этого самое неподходящее время. Хорошо еще, что история с красным бумажником не имела последствий. Тем не менее Кастор вспомнил о нем сам.

— Я не исключаю, что он захочет вас снова увидеть, — сказал Поллукс.

Васильковые глаза Клер потемнели.

— Мой дорогой Поллукс, передайте ему, что это не взаимно.

Остальную часть вечера она проболтала о США.

— Вам нравится эта страна? — спросил Поллукс.

— Не совсем. Скажем иначе: я люблю одного американца.

Поллукс выразил восторг по этому поводу и пожелал ей удачи в этой любви.

— Я вас с ним познакомлю через четыре года, — сказал Клер и тотчас пожалела о сказанном. Как могла она ослабить бдительность? А Поллукс тотчас задал вопрос: «Четыре года? Почему четыре?»

Она сказала, что устала, что еще не привыкла к разнице во времени и хочет домой. Провожать ее не нужно, она возьмет такси.

— Вы с ума сошли, — возразил Поллукс. — А если у вас снова вырвут сумочку с государственной тайной?

Они распрощались перед ее домом. Клер пообещала звонить, но про себя решила, что больше никогда его не увидит.

На следующий день из Германии вернулся Пьер. Он привез фотокопии документов, интересовавших Эрбера и подтвердивших результаты проводимого расследования. Эрбер щедро вознаградил Пьера и посоветовал купить туфли. Мрачноватый и пылкий парень чем-то волновал его. Кому бы еще сказал он, возвращая красный бумажник, о котором Пьер начисто забыл: «Тут лежит маленькое состояние. Или, если вам угодно, взрывчатка. Спрячьте в надежном месте. Если хотите, в моем сейфе. Но он — ваш».

Эрбер отвел его в ресторанчик в центре Парижа, хозяйка которого, когда было нужно, предоставляла отдельный маленький кабинет.

— Если бы у стен были уши, — начал Эрбер, предварительно со знанием дела составив меню, — то от нас остались бы одни потроха. Но я уже имел возможность убедиться, что их тут нет.

Узнав все, Пьер отреагировал именно так, как Эрбер от него ожидал.

— Этот тип мерзавец! Настоящий мерзавец. Надо опубликовать письмо.

— Охотно. Допустим, я его напечатаю... Но вы подумали о женщине, которой оно адресовано? О ее ребенке, если тот родился?

Пьеру не без сожаления пришлось с этим согласиться.

— Но вы, безусловно, можете поторговаться и получить сумму, которая позволит вам безбедно просуществовать некоторое время. Могу назвать трех заинтересованных лиц.

Пьер резко поднялся. Эрбер сделал такой жест, словно хотел защититься от удара. Но оказалось, Пьер ищет сигареты. Эрбер продолжал.

Во-первых, тот, кто пишет. Но это чревато... У него есть возможности. Затем министр внутренних дел... С ним можно поладить. Старая лиса, знающая свои обязанности. Наконец — но с него и следовало бы начать, — главный противник нашего возлюбленного президента. Вот он.

И он указал на фотографию с надписью, украшавшую в числе других стены кабинета.

— Этот господин мог бы щедро заплатить, если мы пойдем на этот шаг...

Он помолчал и спросил:

— Так мы идем на этот шаг?

— Ни в коем случае, — ответил Пьер. — Никогда.

Официант принес кофе, и они молча ожидали, когда тот уйдет.

— Вот видите, — сказал Эрбер, — вы действительно порядочный парень.

— Не смейтесь. Мне случалось воровать. Может, еще придется этим заниматься. Но шантаж — нет, ни прямо, ни косвенно.

— Можно и вовсе забыть об этом, — спокойно сказал Эрбер. — Какое нам дело!

— Меня оно касается, — возразил Пьер. — Я сын женщины, которая, возможно, получила такое же письмо.

— В самом деле? Расскажите.

Но Пьеру не хотелось рассказывать.

— Она жива?

— Ладно. Вы ведь все равно не отстанете... Да, она жива, если это можно назвать жизнью, — то ли кухарка, то ли медсестра у мерзкого ублюдка, за которого вышла замуж, чтобы у меня был отец, раз настоящий смылся.

— Понимаю. Значит, мы не станем предавать это дело забвению?

— Нет. Мы заставим его заплатить. Но не деньгами. Я хочу его унизить...

В этот момент Кастор не испытывал никакого унижения.

В своем «ДС-10» он летел с официальным трехдневным визитом, неприязненно думая лишь о тех речах, которые ему предстоит произнести и выслушать. Придется ходить без трости, а за последние дни боль обосновалась где-то глубоко в бедре. К тому же он не ждал никаких особых результатов от своего вояжа. В довершение всего эти негодяи возвели монумент, к которому вела длинная высокая лестница. А без возложения венка не обойтись...

Лежа в первом салоне президентского самолета, отделенного плотной шторой от остальной части, где находилась свита, он задремал. Кастор обладал счастливой способностью мгновенно засыпать, что позволяло ему легко переносить разницу во времени.

Он проснулся от возмущения — во сне обнаженная Клер отбирала у него трость. Хотя ему были чужды тайные фрейдистские объяснения, более того, они вызывали у него лишь сарказмы, он испытал неловкость, усмотрев в этом сне некий символ. Но вид стюардессы в короткой юбке, наклонившейся, чтобы поднять упавшую трость, испытанное волнение успокоили его...

Потом он работал. Вызвал к себе секретаря, показал основательно перелопаченный текст подготовленной на завтра речи. По прибытии, отвечая на приветствия, он будет говорить без бумажки. Предупредите переводчика.

Оставшиеся двадцать минут полета он посвятил беседе с женой. Та рассказала ему о слухах, связанных с послом.

— Каким? — спросил он.

— Нашим. Вы знакомы с его женой?

Он встречал ее. Маленькая, весьма аппетитная особа.

— Да, — сказал он. — Она очень мила.

— Так вот, говорят, что такого же мнения нынешний министр иностранных дел... Вы увидите, он станет просить о переводе посла в Берн.

Самый близкий к Парижу дипломатический пост помещался в Берне.

— Посол размазня, но не глуп, — ответил Кастор. — Он откажется.

Президентша вздохнула. Было самое время надеть шляпку. Предмет на голове, который мог в самое неподходящее время улететь или перекоситься, неизменно вызывал у нее беспокойство. Она была из тех женщин, на которых даже киноварь выглядит незаметно. Ярость бушевала лишь в ее душе.

Пилот посадил самолет и теперь выруливал — так, чтобы остановиться как раз напротив ковровой дорожки, расстеленной на бетонке. Президент первым вышел на трап, внизу его дожидалась кучка официальных лиц. Ему пришлось стоя выслушать исполнение гимнов и принять рапорт начальника почетного караула.

Когда он вошел в зал для почетных гостей, боль, дававшая о себе знать в последнюю неделю, стала невыносимой. Но это никак не проявилось на его лице. Однако, когда две девочки поднесли августейшему гостю и его мадам букетики цветов, он не смог наклониться. Вытянувшись, как струна, он лишь слегка потрепал щечку одной из них. Сбитая с толку, та разревелась. Перед тем как сесть в машину, президенту пришлось еще ответить на приветственную речь хозяев.

В резиденции, отведенной им на эти дни и связанной по этому случаю прямым проводом с Парижем, президент узнал, что его ждет весьма срочный телефонный вызов. Он взял трубку, лежа на диване и

принимая болеутоляющее, протянутое ему личным врачом. Звонила секретарша.

— Мсье президент, произошла неприятность. Я сочла необходимым...

Две последние пары туфель ему были сшиты по старой мерке, которую давно следовало уничтожить. Супинатор на правой ноге был не того размера. Сапожник в отчаянии, и, зная о болезни, мучившей мсье в последнее время, она решила... Надлежащая пара туфель будет доставлена вечерним рейсом.

По тому, какое облегчение он испытал, Кастор понял, что испугался.

— Я был уверен, что ничего серьезного, — сказал, тоже успокоенный, врач.

«И я. Мой сапожник — осел, у врача — крепкие нервы, у меня — боль в пояснице, а через полчаса возложение венка. Что прикажете делать?»

Президент задержался на несколько минут, пока не начало действовать лекарство, и ценой невероятных усилий выполнил все, что от него требовалось.

Визит прошел без осложнений. На обратном пути он лежа рассматривал французские газеты, писавшие о его поездке. Какого дьявола все эти корреспонденты ездят с ним? Листая иллюстрированный еженедельник, он натолкнулся на фото, сделанное в день прибытия.

Фотограф снял его, стоящего с отрешенным видом перед заплаканной девчуркой, которую уводят прочь. Фото занимало всю страницу и помещалось под заголовком «Горе ребенка». Текст под фото гласил: «Отказавшись поцеловать прелестную девочку, которая приветствовала его от имени своей страны, президент Республики шокировал все население, традиционно приверженное семейным ценностям. Выражением его настроения явилось заявление одной из матерей: «Мне жаль страну, — сказала эта достойная и простая женщина, — президент которой не любит детей»...»

Абсурд какой-то! К счастью, это не так уж страшно. Кастор куда больше опасался намеков на состояние его здоровья. Он перевернул страницу, пробежал по диагонали текст, вернулся назад, обнаружив на сей раз фотографию застывшей в экстазе кинозвезды с новорожденным на руках: «Мама! Лучшая роль за всю ее карьеру...» Актриса слегка смахивала на Клер. Кастор отбросил журнал и снял очки.

Сидевшая напротив жена дремала с открытым ртом.

Он тоже попытался задремать, но в голове у него снова возникли образы, вызывая подавленное волнение. Он увидел, как Клер прикрывает руками свой живот, опасаясь, что он ее ударит.

Самолет тряхнуло, он открыл глаза. Вот уже по крайней мере лет двадцать, как Кастор не видел жену спящей. Он решил, что годы, пожалуй, пошли на пользу этой сухой и терпеливой женщине. Вид ее вызвал у него даже некое подобие нежности. Сколько пришлось вынести его безупречной супруге, и сколько выстрадал он сам по ее вине!..

Ну вот, опять нахлынули воспоминания, словно прорвав плотину. К тому же президентша похрапывала.

Он прикоснулся к ее плечу тростью, чтобы разбудить...

Непочтительное фото не укрылось от внимания Поллукса, тем более что и другая газета тоже писала о странном поведении президента. Но в целом печать отозвалась о поездке неплохо. Поллукс жил в помещении министерства, которое его предшественник отделал парчой. Эта обстановка настолько огорчала его, что он в конце концов перестал обращать на нее внимание. Личные апартаменты были недурны, он сам подыскал в государственных запасниках большую картину Сулажа, вид которой неизменно радовал его глаз при пробуждении. Он вставал в 6.30, в 7.00 слушал по радио новости, поглощая первый завтрак, затем пешком независимо от погоды и времени года отправлялся на полчаса погулять по Елисейским полям в сторону площади Согласия... Ну, а затем начинался обычный цирк.

Как прекрасен был Париж, пока его не заполняли машины, — прекрасен в предрассветные часы в декабре, когда каштаны устремляют вверх свои черные ветви и еще горят фонари, и в ранние часы серенького марта, когда они стоят еще голые, но уже готовые украситься зеленью, и в июне — все в золоте восходящего солнца, пробивающегося через их листву.

В конце авеню Поллукс пересекал ее, шел до Большого дворца и переходил на другую сторону, а потом по авеню Марниньи доходил до своего министерства. Здесь у него был еще час для того, чтобы поработать в одиночестве. То были лучшие минуты дня — он мог спокойно подумать.

В это утро его личный секретарь мадам Селль, работавшая с ним пятнадцать лет, вошла к нему в 8.45 с выражением волнения на своем ухоженном лице.

— Есть новости, господин министр, — сказала она и положила на стол красный бумажник.

Будучи уверен в секретаре, как в самом себе, Поллукс предусмотрительно указал в объявлении ее домашний адрес.

— Однако тут одна загвоздка, — сказала мадам Селль.

И рассказала, что мужчина, принесший вчера вечером бумажник, скрылся, не дав ей вымолвить ни слова.

Красный бумажник, стертые углы... Как могла она не задержать его и не спросить имя? Посмотрела ли она, что внутри? Нет, она не считала себя вправе.

— Хорошо. Я вас позову.

Он открыл бумажник с чувством, которое возникает у мужчины, расстегивающего блузку на женской груди. Наконец-то он все узнает! На вынутом оттуда листе бумаги с помощью вырезанных из газет букв была выклеена надпись:

«КАК ЖАЛЬ СТРАНУ, ПРЕЗИДЕНТ КОТОРОЙ НЕ ЛЮБИТ ДЕТЕЙ».

Он повертел в руках листок, читая его и перечитывая. Это еще что за шутки?!

Ровно в девять у министра собирались на совещание его основные сотрудники. Один уже просунул голову в дверь... Потом ему предстояло ехать в Руасси встречать президента.

Поллукс пригласил всех заходить. Часы на камине в стиле Людовика XYI пробили девять. Он сказал: «Я сейчас» — и вышел через боковую маленькую дверь, связывавшую его кабинет с секретарем. Оттуда он позвонил Клер и попросил заехать в министерство до десяти часов. Она отказалась. Он стал настаивать, она запротестовала, он предложил выслать за ней машину, она ответила, что любит метро, он сказал, что это срочно и важно, но сам он сейчас не имеет возможности приехать к ней, что не задержит ее больше пяти минут. На улице ее будут ждать и тотчас проводят к нему.

Часы пробили без четверти десять, когда секретарь открыла дверь и подала ему условный знак. Поллукс выпроводил всех. К нему ввели Клер.

Он протянул ей бумажник.

— Узнаете?

Клер схватила его. Да, это был именно он.

— Его принесли. Посмотрите, что внутри.

Она развернула листок и рухнула в одно из кресел эпохи регентства, сделанных при Наполеоне III, которыми были уставлены все общественные помещения при Второй Империи (рассеянно отметив про себя, что бархат безобразен). Она перечитала записку.

— Вам понятно, что это означает? — спросил Поллукс.

— Это значит, что в бумажнике находилось письмо, что кто-то его прочел и расшифровал автора, — ответила она.

Но что означает фраза, эта глупая фраза, составленная из букв, вырезанных из газет? Он вырвал листок из ее руки и, так как она молчала, сказал уже совсем иным, отнюдь не добродушным, тоном:

— Клер, мне надоели эти загадки.

Клер встала, стянула пояс на пальто, засунула руки в карманы и ответила:

— Я опаздываю. Покажите это вашему приятелю Кастору, он поймет, в чем дело.

Она толкнула дверь и энергично прошла через кабинет секретаря, едва кивнув мадам Селль...

Неужто это та самая пресловутая Клер, от которой, как говорили, был без ума несколько лет назад президент? У мужчин решительно нет вкуса. Неприметная блондинка, даже не элегантная, в какой-то потешной непромокаемой шляпке и в красных чулках. Ноги, правда, красивые, но что за походка? Невольно напрашивался вопрос, чем она могла его прельстить?

Звонок министра прервал эти размышления. Войдя к нему в кабинет, она глянула в зеркало над камином — отражение ее вполне удовлетворило.

В зале для почетных гостей на аэродроме Руасси, где члены правительства и десятка два других лиц стоя ожидали самолет президента, Поллукс появился последним.

Эта церемония действовала ему на нервы даже тогда, когда у него не было оснований нервничать. Тот факт, что весьма занятые мужчины и женщины должны были всякий раз терять столько времени, когда президент ездил куда-то (а он беспрестанно разъезжал по свету), отдавало каким-то средневековьем. Король и его вассалы. Но таковы были правила действующего протокола: чем большее значение придавал президент своему визиту, тем больше членов кабинета сопровождало его и встречало на аэродроме.

Военный оркестр, красный ковер, впечатления о поездке с улыбкой на губах толпящимся вокруг министрам, заявление перед камерами телевидения. Президент уже шел к машине, когда Поллуксу удалось шепнуть, что им срочно надо переговорить.

— Садитесь-ка в мою машину, — сказал президент.

Эрбер обрушился на Пьера с упреками. Какая неосторожность — самому отвозить бумажник! На что он рассчитывал? Надо было отправить по почте. Да еще и не предупредив!

Пьеру хотелось увидеть женщину, которой было отправлено письмо. И он был явно разочарован. Она представлялась ему совсем иной.

— Это наверняка было подставное лицо, — сказал Эрбер. — Вы долго у нее пробыли? Ведь она может вас опознать. Мне все это не нравится.

Он с трудом влез на шестой этаж, чтобы повидать Пьера, и теперь из-за отсутствия стула сидел на краю кушетки, которая перекосилась от его тяжести.

— У нее поломана ножка, — сказал Пьер. — Она подгибается. Обождите, я исправлю.

Эрбер поднялся, заполнив своей грузной тушей все помещение, и сочувственно наблюдал за усилиями Пьера. Ножка не желала становиться на место.

— Я вижу два выхода, — сказал он. — Уберите три остальные или найдите себе более приличную комнату. Я займусь этим. Пока же...

Он вынул из портфеля две книги и подложил их под кушетку. Тем временем Пьер продолжал задумчиво сидеть на полу, пристально разглядывая то место, где нашел тот красный бумажник. Выпавший, конечно, из сумочки.

Пьер хорошо помнил улицу Гренель, где прятался в тот вечер, ожидая, когда женщина пройдет мимо, потом ее испуганные глаза, когда он...

— О чем вы задумались, мой мальчик? — спросил Эрбер.

Он взглянул на часы. 12.40... Президент уже в курсе дела: он знает, что кто-то заменил письмо листком с буквами и, стало быть, этот кто-то сохранил у себя сам документ.

— Пошли. Посидим в каком-нибудь более веселом месте, — предложил он. — Нет, не надевайте кожаную куртку, пусть лежит в портфеле, я сам ее уничтожу.

— Но у меня нет ничего другого! — воскликнул Пьер.

— Тогда пойдем и купим. Если особу, которую вы видели, спросят, как вы выглядите, будет очень глупо попасться по описанию вашей одежды.

Клер, измученная, покинула помещение, где шли переговоры. Японская фирма, пожелавшая выпускать коллекцию ее белья, добивалась лицензии для изготовления на месте. Переговоры с японцами не походят ни на какие другие — будь то испанцы, шведы, американцы и даже русские. Помимо того, что они велись через переводчика, шли часы и никак не удавалось добиться от них ни «да», ни «нет».

До возобновления переговоров она решила пообедать с коллегами. Одна из них сказала:

— Тебя тут просил к телефону президент республики. Я ответила, что ты на переговорах с принцем Уэльским. Идиотские шутки!

— Это один маньяк, который часто мне звонит, — озабоченно ответила она.

Поглощенная переговорами с японцами, она совершенно забыла об утренней встрече с Поллуксом. Очевидно, возникли новые осложнения. Ей нужно было время, чтобы обдумать свое дальнейшее поведение.

Отец научил ее целеустремленности. Все остальное, говорил он, постигается потом. Плохо, когда пытаешься добиваться сразу разных вещей. Когда она была ребенком, он приводил ей в пример мать, поглощавшую шоколад и все время рассуждавшую о необходимости похудеть. Позднее его примеры стали тоньше. Он учил ее банальным хитростям. Клер не забыла этих уроков, но отдавала себе отчет в том, как трудно порой понять и оценить, чего же ты на самом деле хочешь.

То, что Кастор не побоялся назвать себя, ее раздражало. Неужели он так самоуверен: мол, я позвонил — беги сюда немедленно?!

...Кастор тщетно дозванивался до Клер в этот день. Секретарю ответили, что Клер на переговорах. Но поскольку секретарь требовала отыскать Клер тотчас, ее тревога передалась и человеку, поднявшему телефонную трубку.

В результате президент принял сразу два одинаково нелегких для себя решения: рассказал обо всем Поллуксу, который был в ярости и грозил отставкой, и жене — чтобы упредить таинственного обладателя письма. Кастор никогда не отступал перед лицом опасности, но сделать все это ему было непросто.

В последнем случае он действовал решительно. То есть явился в конце дня к президентше, в занимаемые ею в Елисейском дворце пастельных тонов апартаменты, и, опираясь на трость, объявил:

— Мне надо с вами поговорить... У меня где-то, сам не знаю где, есть незаконный сын от женщины, которую я когда-то любил. Я, как и обещал вам, узнав о ее решении родить, порвал наши отношения. Это было десять лет назад. Ребенок не носит моей фамилии, я никогда его не видел. Никто вообще не знал о его существовании, пока мое письмо десятилетней давности не попало во враждебные мне руки. Поскольку вас могут поставить об этом в известность, я предпочитаю, чтобы вы все узнали от меня... Не плачьте. Мы оба не молоды. Что бы ни случилось, я рассчитываю на вашу поддержку.

Он взял ее руку, поцеловал и вышел.

Хотя уже много лет назад он запретил себе пить, на этот раз, вернувшись к себе, Кастор приказал подать ему виски со льдом, а затем, как было предусмотрено, принял посла СССР.

С Поллуксом все было и проще и сложнее. Когда Кастор сказал ему, что у Клер есть ребенок, тот спросил — чей?

— Как это чей? Мой! — резко ответил Кастор.

Явно уязвленный проявленным к нему недоверием, Поллукс сказал:

— Относительно дальнейших мер вы узнаете от моего преемника.

— Ваш преемник будет назначен тогда, когда я сочту это необходимым. А пока я прошу вас исполнять свои обязанности, господин министр внутренних дел. А они как раз и состоят в том, чтобы охранять главу государства. Неужели я должен вам об этом напоминать?

Это-то и было самое трудное.

Поллукс ничего не мог понять. Незаконный ребенок еще не является преступлением. В чем могут упрекнуть президента? В том, что он никогда им не занимался? Но такого рода отцовство не афишируется. Конечно, Кастору пришлось бы сообщить подробности, объяснять, почему письмо из Токио сегодня явилось для него таким ударом, процитировать, как он выразился, «страшную, страшную» фразу из него. Словом, признать, что совершена ошибка, чего он делать не любил, хотя и вынужден был так поступать.

В своей супруге он был уверен. Разводиться теперь не имело никакого смысла. Разве может она забывать о национальных интересах! Вот как добиться понимания со стороны Клер, коли документ появится в печати?

— Что вы имеете в виду? — спросил Поллукс.

— Об этом я скажу позже, когда придет время.

Поллукс рассказал, что виделся с Клер и что она очень переменилась.

— Если понадобится, мы ее припугнем, — сказал Кастор.

Однако пока до этого не дошло, надо сделать все, чтобы не прибегать к таким мерам. Тем не менее...

— Где находится ребенок? — спросил Кастор.

— Я ничего не знаю о ребенке, — ответил тот, задетый за живое. — Откуда мне знать?

Но он начал догадываться, где находится сын Клер.

— Информируйте меня, — сказал Кастор.

Поллукс доложил, что уже установлено наблюдение за журналистом, чья фраза использована в письме незнакомца.

— Это похвально, — сказал Кастор. — Однако вряд ли они имеют отношение к этому делу. Вы по-прежнему недооцениваете противника, господин министр...

Вернувшись домой, Клер услышала на автоответчике просьбу позвонить президенту по незнакомому ей номеру телефона. Из чего сделала вывод, что ее линия не прослушивается. Воспользовавшись этим, она позвонила Майку, чего никогда не делала из дома. Погода стоит приятная. Его команда выиграла матч по футболу. Когда они снова увидятся? Кобыла Гофманов принесла жеребеночка.

Клер снова включила автоответчик и разделась, чтобы принять душ. И тут позвонили в дверь. Она закрыла кран и натянула халат. Старый ее приятель адвокат обещал к ней заехать, как только отпустит последнего клиента. Она хотела с ним посоветоваться до разговора с Кастором — было очевидно, что новой встречи ей не избежать.

Он приехал усталый, и они посмеялись, что к концу дня бывают в таком состоянии, что просто нет сил подняться с места. Красавчик, любивший гостя, удобно устроился у него на коленях. Сделав над собой усилие, Клер достала кусочки льда и принесла две порции ветчины, купленной по дороге домой.

— У меня нет сил приготовить ужин, — сказала она.

— А у меня нет сил его съесть, — ответил он. — Зачем мы столько работаем? Ты позволишь?

Он снял пиджак, распустил галстук и улегся на диван.

Ей нужно было обговорить с ним две вещи. Первая: каковы права на ребенка у женщины, которая не объявила имени его отца, в том случае, если тот с ним позднее встретится? Второе: какова национальность ребенка, родившегося в США от матери-француженки?

— Ты собираешься завести ребенка, моя прелесть? Поторопись, — ответил он. — Если тебе нужен кандидат в отцы, возьми меня. Мне осточертела моя жизнь.

Она поклялась, что подумает. Нет, ее вопросы касались подруги, которая и т.д. Она подошла к окну, чтобы закрыть шторы.

Как объяснить, почему она при всей своей усталости вместо того, чтобы вернуться на место, подсела к нему на диван. Почему, несмотря на усталость, тот просунул руку под ее халат и нежно погладил голое бедро Клер. Почему, вместо того, чтобы сжать ноги, она позволила ему их раздвинуть, почему другой рукой он развязал галстук и отбросил его, почему Клер расстегнула пуговицы на его синей рубашке, почему Красавчик спрыгнул на пол — короче, как понять, отчего они, при всей своей усталости, неумытые, непредумышленно севшие на этот диван, вдруг отдались наслаждениям, увы, далеко не разделенным при этом?..

Она позвонила Кастору по указанному телефону только в двенадцатом часу. Он подошел сам.

— Нам необходимо увидеться, — сказал он. — Завтра невозможно, послезавтра в три пятнадцать я буду у тебя.

— К сожалению, меня не будет дома, — ответила Клер. — В шесть, если тебя устраивает.

Ему это не очень понравилось, но, поняв, что сейчас не лучшее время для спора, он сказал: «Хорошо, очень хорошо» — и повесил трубку.

На другой день мотоциклист в каске оставил охране Елисейского дворца продолговатую коробочку, завернутую в белую бумагу с черными полосами — фирменную обертку известного магазина. Подарок президенту.

Обследованный и признанный безвредным подарок был вручен личному секретарю, которая на другой день приобщила его к другим вещам, подлежащим передаче патрону. Оберточную бумагу она убрала накануне: президент терпеть не мог что-то разворачивать.

— Что это такое? — спросил он.

— Подарок, господин президент.

Она сняла верхнюю крышку, убрала бумагу и обомлела.

— Что такое? — спросил тот, подняв глаза от бумаг.

Она вынула из коробки детскую распашонку.

— Дайте сюда, — бесстрастно попросил президент. — Я понимаю, в чем дело. Нет, не убирайте коробку.

Все это он положил в ящик стола и продолжал чтение. Оставшись один, президент тщательно осмотрел предмет и коробку.

Никаких следов, позволяющих судить об их происхождении.

Он вызвал секретаря.

— Откуда взялся этот подарок? — спросил он. — Не был ли он завернут в какую-либо обертку или пакет?

Да. Но секретарь выбросила эту бумагу.

— Найдите ее, — приказал президент.

Она призналась, что положила ее в специальную коробку, которая сама сжигала содержимое.

— Не было ли марки магазина на этой бумаге?

Да. Ей помнится — марка роскошной бакалеи.

Президент отослал ее, поднял трубку аппарата, который связывал его путем набора трех цифр со всеми членами правительства, управляющим Французским банком, префектом полиции, начальниками штабов и другими высокопоставленными лицами. Министр внутренних дел ответил ему сразу.

— Есть вопрос, — сказал президент. — Продают ли распашонки у Эдиара?

— Я что-то не понял, господин президент, — ответил Поллукс. — Повторите, пожалуйста. Распашонки у Эдиара? Для младенцев... Не думаю, господин президент.

— Я тоже, — ответил президент. — Но проверьте. Я вам все объясню при встрече.

Поллукс некоторое время просидел в замешательстве, потом позвал секретаря.

— Вам знаком магазин Эдиара?

— Который, господин министр?

— Их несколько?

— В Париже их три или четыре.

— Есть ли среди них такой, который торгует распашонками?

— Распашонками?

Она задумалась.

— Разве это такой уж экзотический продукт? — И так как она молчала, он возмутился: — Не знаете? Отлично. Возьмите машину и объездите все эти магазины. К одиннадцати я должен получить ответ.

На сей раз Эрбер был в восторге. Мысль пришла Пьеру, и они тщательно обсудили, как ее осуществить. Эрбер попросил свою секретаршу купить в каком-нибудь магазине распашонку для подарка. У Эдиара он купил коробку любимых замороженных каштанов.

Неузнаваемый в одежде мотоциклиста, Пьер взялся сам доставить подрок.

Эрбер поручил курьеру достать где-нибудь подержанный мотоцикл.

— Заплатите позднее, — сказал он Пьеру. — Или я изыму стоимость его из вашего будущего гонорара. Не имеет значения.

Решительно, ему нравился этот парень. Симпатия же толстяка давала Пьеру столь необходимую ему в его нынешнем состоянии разрядку.

Однажды, когда секретарша объяснялась в его присутствии с патроном на неизвестном ему языке, он спросил:

— Откуда она взялась?

— Из концлагеря, — ответил Эрбер. — Она кандидат экономических наук, ее отец был послом... Очень полезно использовать труд политических беженцев. Обычно они обладают знаниями, которые позволили бы им занять должное место у себя на родине. Но здесь им можно платить ползарплаты, да к тому же они не члены профсоюза.

Пьер возмутился.

— Вы говорите ужасные вещи!

— Ужасные, — смеясь ответил Эрбер. — В какой-то степени я действительно ужасный человек, мой мальчик...

Они сидели в его кабинете, поглощая мороженые каштаны.

— А вы уверены, что полиция начнет поиски с распашонки? — спросил Пьер.

— Если они решат, что это просто уголовное дело, то постараются все разузнать на этот счет. Однако вряд ли... Никто не осудит человека, подарившего президенту детскую распашонку. К тому же он не очень-то доверяет своей полиции. Он станет искать другие пути.

В одной из газет, разбросанных по кабинету, была напечатана фотография президента, вручавшего награду во дворце Дома инвалидов.

— Когда я думаю, что он это делает, пряча в портфеле мою распашонку, я приходу в неистовство, — сказал Пьер.

— Я тоже, — поддержал его Эрбер. — Такая возможность подвертывается редко, и ею надо уметь воспользоваться. Кстати, вы придумали, что сделать в следующий раз?

— Придумаю, — заверил его Пьер. — Меня этот тип вдохновляет. Я его терпеть не могу.

— А мне он даже нравится, — возразил Эрбер. — Работает он вполне профессионально. Если бы вы больше интересовались иностранной политикой, вы бы согласились со мной. Я в восторге от самой игры. Когда так часто выступаешь в роли мыши, прелестно оказаться кошкой.

Ему нужно было закончить очередной «листок», и он попросил Пьера извинить его.

— Мы поужинаем завтра? — спросил он.

— Завтра не могу. Я занят.

— Встреча с издателем? Он предложил вам работу?

— Да. Перевод с немецкого толстой книги.

Пьер сделал пробный перевод три месяца назад, но издатель не спешил с ответом. И вот все начало улаживаться.

— Не дайте себя облапошить, — сказал Эрбер. — Я знаю его. Он плохо платит. Перед тем, как подписать договор, покажите его мне.

Они договорились встретиться послезавтра в новом китайском ресторане на Елисейских полях.

— Признаюсь, я не люблю, когда мои сотрудники работают еще на других, — сказал толстяк.

— Мне хочется сделать что-то серьезное, — ответил Пьер. — Привет! До среды у нас еще много дел.

Он надел каску. А когда закрывал за собой дверь, Эрбер крикнул ему вслед:

— Будьте осторожны на своем драндулете!

Кастор знал женщин куда меньше, чем воображал, хотя их было немало в его жизни. Но он знал Клер. Его подозрительность, которая способна была превратиться в навязчивую идею по самому незначительному поводу, на какое-то время ослепила его. Но в отношении Клер он чувствовал себя на коне.

За десять лет он вычеркнул из памяти все воспоминания о молодой женщине. В этом ему помогла жажда власти, поглотившая все его помыслы. Когда же появилась опасность потерять достигнутое — а это случилось на самом гребне успеха, — у него хватило ума не выставлять свою кандидатуру. Потом возникли непредвиденные обстоятельства, открывшие перед ним новые пути к цели, и эта перспектива полностью захватила его. Подобно одному из Генрихов Шекспира он

мог бы сказать: «Просто представить себе трудно, как я взял власть. Бог да простит мне». Однако наступает момент, когда завоеванному положению грозит опасность или оно, по крайней мере, теряет свою привлекательность.

Достигнув вершины власти в стране, он сумел оценить все свое бессилие.

Люди склонялись перед ним, и поскольку он был не лучше других, это его радовало. Но некоторые вещи давались ему непросто или вовсе не желали поддаваться. То, что противилось ему теперь, не имело ни имени, ни лица. Какая-то вязкая масса, из которой руки не могли ничего конкретного вылепить. Подчас для принятия серьезного решения приходится преодолеть множество мелких препятствий. Для такого человека, как он, то есть умевшего говорить, но не располагавшего возможностями влиять на исполнительную власть, результаты, достигнутые за пять лет, не казались такими уж незначительными, отнюдь. Иные поступки требовали смелости, в которой ему нельзя было отказать, другие — хитрости, на которую он был мастак. Однако в любом случае разрыв между тем, что было сделано, и тем, что было задумано, казался ему огромным.

У него было время, чтобы об этом подумать.

Он был теперь меньше занят, и возможностей для чтения стало куда больше, чем во времена, когда он все силы тратил на завоевание господства в своей партии и на завоевание власти. Его ум получил теперь две точки приложения: одна была связана с необходимостью овладеть ситуацией — как и в былые времена, он умел при этом действовать, отсекать, лгать, предвидеть, вести за собой людей, словом, доводить начатое дело до благополучного конца. Механизм принятия решений оставался неприкосновенным и не давал никакого сбоя. Он был слишком высокого мнения о своих обязанностях, чтобы разрешить себе безделье, отпечаток которого могла сохранить история.

Но когда мысль отвлекалась от непосредственных забот и обращалась на общественные перспективы, он мрачнел — и это как раз было для него новым.

Случалось, близкие слышали, как он говорил о том, что большинство мужчин и женщин интересуются теперь лишь улучшением своего быта. Но, удовлетворив насущные потребности, человек не сможет жить без чего-то святого, и все несчастье заключается в том, что люди не знают, как и чем распорядиться. Он вдруг начинал сокрушаться между омлетом и жареным седлом барашка, что в неопределенном будущем Европа, и в частности Франция, окажется поглощенной цветными, которые не захотят подыхать от нищеты у себя дома, зная, что где-то прилавки ломятся от товаров. Перспектива «мирного и непреднамеренного вторжения с помощью личных поступков» представлялась ему совершенно неотвратимой.

Словом, он начинал философствовать о закате Запада. Выступая однажды перед молодежью и демагогически льстя ей, он услышал ропот, свидетельствовавший о том, что в данной аудитории этот прием не проходит. Отбросив написанный текст, он сумел овладеть вниманием

зала с помощью одной из тех импровизаций, пустоту которых скрывали четкие формулировки. Но совершив потом акробатический трюк, он должен быть признать, что понятия не имеет о молодежи своего времени, не знает ни одного из ее лидеров, не понимает ни морали ее, ни целей, ни вкусов, ни — хотя это было уже второстепенным — ее языка.

Возвращаясь с того собрания, он разговорился с шофером. Тот немного успокоил его, рассказав, что сын готовится к поступлению в Политехнический институт и доставляет ему, как и дочь, одни радости. Но когда тот же вопрос о молодежи он задал одному из ближайших своих советников, тот стал уклоняться от прямых ответов. Президент переменил тему разговора, а позднее вспомнил, что кто-то рассказал ему о весьма огорчительном поведении отпрысков этого достойного члена Финансового управления.

Он попросил организовать «обед с молодежью». Тщательно отобранные, как и старые дамы, когда он пожелал встретиться со старыми дамами, или врачи, когда ему захотелось пообщаться с ними, восемь мальчиков и две девочки пообедали с ним, сфотографировались, но ему так и не удалось вырвать у них ни единого неожиданного замечания или крика возмущения.

Возвращаясь к себе в кабинет, он обратился к советнику:

— И это французская молодежь?

— И такая тоже есть, господин президент, — рассудительно ответил ему советник, чьи дети были совсем другими.

— Я в их возрасте... — начал было он и осекся. Тогда вокруг шла война. Не хватало еще, чтобы он начал говорить «А в мое время...».

— В их возрасте, — сказал он, — я бы тоже стеснялся.

И внезапно почувствовал себя старым. Война? Похоже, она будет снова. Подсознательно он начал сомневаться в способности культуры победить инстинкты, а стало быть, в самой цивилизации, хотя в публичных выступлениях неизменно говорил обратное.

Одним словом, Кастор переживал трудный момент. Единственное, что его поддерживало, это ненависть к тому, кто в его собственной партии готовился занять его место, соперник, чья ответная ненависть была разве что не сильнее его собственной: ведь к своим всегда испытываешь особую неприязнь. В давние времена при таких обстоятельствах один убивал другого. Теперь приходилось прибегать к более изощренным способам, но они действовали куда медленнее.

Всему этому Кастор как раз уделял значительную часть своего времени, когда внезапно всплыла Клер, а с нею дело о красном бумажнике. Вначале он решил, что тут кроются козни оппозиции, но затем стал подозревать кого-нибудь из анархистов, которыми и воспользовался его потенциальный, давно выражающий нетерпение соперник.

Он ехал к Клер, решив добиться ее поддержки на случай, если письмо появится в услужливых газетах.

На сей раз, открыв ему дверь, она позволила себя поцеловать, но как-то пренебрежительно, и он это сразу почувствовал. Кастор сделал ей комплимент — как она красива! — согласился выпить рюмку вина, которую она ему рассеянно предложила, выразив восхищение по поводу отделки квартиры, которую он помнил... Ты помнишь?

Она весело отвечала ему, забравшись на диван и поглаживая расположившегося в ногах мурлыкающего Красавчика.

Кастор почувствовал, что она готова к обороне, и стал нащупывать в ее позиции слабые стороны.

— Расскажи мне о нем.

— О ком? — спросила Клер.

— О твоем сыне.

О его рождении он узнал когда-то по открытке, в которой рукою Клер была написана фраза из «Короля Лира»: «О боги! Поберегите незаконнорожденных!»

— Он не живет с тобою?

— Нет.

— Как его зовут?

— Как и тебя.

— Как он выглядит?

— Высокий и красивый.

— Значит, он похож на тебя?

— На тебя тоже.

— У тебя нет его фотографии?

— Нет.

— Хорошо, — сказал Кастор. — Очень хорошо.

Он щурится, как Красавчик, собирающийся прыгнуть за птицей, пришло ей в голову. Кастор поморщился от боли.

— У тебя нет аспирина? — спросил он. — С некоторых пор меня снова одолевает боль в ноге.

Такие признания прежде никогда не срывались с его уст. Может, хочет вызвать ее сочувствие?

— При твоей работе это не очень приятно, — сказала она, отправившись за таблеткой и водой.

Слово «работа» всегда не нравилось Кастору. Он предпочитал «мои обязанности» или «моя миссия».

Вернувшись, она прикоснулась губами к его виску — «бедняжка»... Ему понадобилось все его самообладание, чтобы не расслабиться.

— Итак, ты знаешь, в каком состоянии наши дела.

Истории с распашонкой она, оказывается, не знала.

— Я намерен распустить слух, будто мне всерьез досаждают, — сказал он. — Пусть продолжат свои глупые игры, если тут, конечно, не кроется какой-то план... Ну, а как ты поступишь, если они опубликуют это письмо?

— Я? Никак. Да и с чего бы?

— Потому что станут искать, кому я писал, и выйдут на тебя. Мы не афишировали наши отношения, но об этом все же было многим известно. Точно так же несложно установить, когда я ездил в Японию.

По мнению Клер, она сделала все и даже больше того, чтобы никому не доставлять хлопот, что она решила в нужный момент все рассказать сыну — поэтому-то и хранила то проклятое письмо. Если же кому-то придет в голову копаться в этих давних делах, она это как-нибудь переживет.

Кастор заволновался: нет-нет, надо решительно все отрицать! Со своей стороны, он берется доказать, что это фальсификация, подделка его почерка, попытка его скомпрометировать — он привлечет специалистов, и тогда все кончится чистым пшиком, но при условии, если твердо держаться своей версии.

Нет, отвечала Клер. Естественно, скандал ее нисколько не радует, она даже приходит в ужас при мысли, что станет его героиней, более того, что в нем окажется замешан ее сын, но предпринимать она ничего не будет.

Когда Кастор заговорил о национальных интересах, о подарке, который она сделает оппозиции, более того, этой змее подколодной, которая в его собственной партии... она совершенно сбила его с толку, ответив, что ей это все равно. Ответственность она несла только за сына.

Зазвонил телефон, это была секретарша Кастора. Пока он разговаривал, Клер постаралась успокоиться. Вот уже час, как она испытывала неизвестное ей доселе сладостное чувство, оказывая сопротивление Кастору, сознавая, что способна ему противиться, даже когда он сидел напротив, даже когда он произносил: «Ты нужна мне». Она сознательно попыталась доказать себе, что совершенно декасторизована. При этом она понимала, что делает его все более опасным. Неумолимым, каким он умел быть, каким был, когда знал, что его не любят.

Она так напряглась, что не услышала, как он положил трубку и подошел к ней. Когда он взял ее за плечи, она вздрогнула.

— Мне хотелось бы убедить тебя... — снова начал он.

— Попробуй, — ответила она.

Тогда он тронул еще одну струну:

— Если ты согласишься помочь нам, я смогу потом, когда это станет возможным и без ущерба для моего нынешнего положения, признать этого ребенка. Я дам ему свою фамилию.

— Только приготовься, что можешь услышать в ответ: «Мне на это наплевать!» Хотя кто знает? Пусть он все решит сам.

Он спросил, как она к нему относится? Она? Перед ней он никогда не прикидывался, никогда не лгал. Как и она ему... Он спросил, о каком будущем она мечтает для мальчика, которым так гордится?

— Он станет, кем захочет. Я рассчитываю, что он найдет себе занятие по силам.

— Как он учится? — спросил Кастор.

Клер восхитил столь типично французский вопрос.

— Он счастлив, и это главное! Счастлив и умен.

Кастор сказал, что не верит в то, будто бы все великие люди были счастливы в детстве, как утверждает Черчилль. Клер ответила, что у нее никакого желания видеть сына великим человеком. Она хочет этим

подчеркнуть, что ребенок растет веселым, здоровым, непослушным, без всяких видимых отклонений от нормы в характере и поведении, хотя по наследству мог заполучить нежелательные неврозы.

Кастор уцепился за слово «неврозы», которого не любил. Она стала подтрунивать над ним, говоря, что поклоннику Шекспира пора бы применять к расшифровке человеческого поведения иной код, иначе он умрет идиотом, и принялась искать книгу о «Гамлете», которая поразила ее.

Хотя их первая встреча прошла натянуто, а начало разговора развивалось и вовсе трудно, Кастор вдруг стал рассказывать ей о премьер-министре, который не способен объяснить стране политику правительства. Клер ответила: «Скажи, чтобы в Бобуре купили полотно Дибенкорна, его там нет». Ему была незнакома эта фамилия. Она показала афишу с изображением картины «Парки в океане» — в пастельных сине-серых тонах. Он стал задумчив. Затем внезапно спросил:

— Как ты живешь? Ты любишь кого-нибудь?

У нее едва не сорвалось с языка, что он располагает полицией для того, чтобы все знать, но сдержалась:

— Сложный вопрос... Нет времени, а может, и неохота. Надо ведь испытывать желание. А ты?

— Я... — Он улыбнулся. — Не знаю, умел ли я когда-либо это делать.

Он нежно поцеловал Клер.

— Спасибо. Я прекрасно провел время. Подумай о том, что я сказал, мы еще увидимся. Не так ли?

Она обещала подумать.

Кастор уехал довольный собой, хотя и не полностью. Партия еще не выиграна. Однако перспектива восстановить старые, пусть и двусмысленные отношения пришлась ему по душе. Клер была спокойной, веселой, с ней по-прежнему хорошо. Почему на свете так мало спокойных и веселых женщин?

Та, что ждала его к ужину, обладала бездной других достоинств, он всегда больше любил охоту, чем ее результат. А теперь в какой-то степени ему нужно было завоевать Клер.

В свою очередь, Клер тоже осталась довольна собой. Видеть Кастора в качестве просителя льстило ее самолюбию. К тому же она сумела сохранить хладнокровие.

В маленькой коробочке на столе среди всякого рода вещей у нее был магнитофон, и она записала почти весь их разговор. Во всяком случае, слова Кастора, которые даст потом послушать Майку, если дело с письмом обернется худо.

Японцы подчас могут быть весьма полезны. Она перемотала пленку, проверила запись, вынула миниатюрную кассету. Завтра она непременно спрячет ее в сейф, чтобы никто не смог выкрасть этот бесценный разговор.

Нет, Кастор совсем не знал женщин. Даже Клер. Люди его поколения не приучились еще подозрительно относиться к маленьким, невинным на вид коробочкам...

На время уик-энда постоянное дежурство в Елисейском дворце осуществлял заместитель генерального секретаря. В маленькой квартирке, состоящей из комнаты и салона (низкие потолки, жалкая мебель), предназначенных для этой цели в одном из крыльев дворца в конце длинного коридора, дежурный мог принимать, кого ему вздумается, но не имел права никуда отлучаться.

В середине салона находился круглый стол, за которым три или четыре человека делали вид, что обедают или ужинают в Елисейском дворце, кухня которого в данном случае была отнюдь не на высоте своей репутации.

Заместитель генерального секретаря был человеком честолюбивым. Этот холодный, как рыба, холостяк, которого семья видела в самом ближайшем будущем премьер-министром, сам ожидал другого — отмены унижающего его слова «заместитель».

Поначалу, когда наступал его черед дежурить, он с удовольствием приглашал сюда, в святая святых, отца и мать, друзей и подруг, отвечая в их присутствии на телефонные звонки (ведь, кто знает, могли позвонить даже из Кремля!), а затем, повесив трубку, продолжать сохранять озабоченный вид и сжатые губы человека, посвященного в государственные тайны.

Но все пресыщает. Он в одиночестве зевал перед телевизором, когда телефонный зуммер около трех часов дня оторвал его от этого занятия. Звонили не из Кремля, а из Белого дома. Судорожно вспоминая свой английский, которым он за дорогую цену овладевал в Гарварде, он понял, что президент США срочно желает переговорить с президентом Французской Республики и просит его с ним связать в самый кратчайший срок. То, что это происходило в отсутствие зрителей, было огорчительно, но ведь подобный шанс подвертывается не каждый день.

Президент обедал за городом, у знакомой, которая имела привилегию обращаться к нему на «ты», привилегию, которую он не предоставлял никому после своего избрания.

С Жижи они познакомились однажды в аэропорту, когда он переживал первую черную меланхолию. Надежды на президентское кресло рушились, и ничто не предвещало такой возможности в будущем. Это был тот самый таинственный случай, когда пассажиров заставляют ждать два часа в зале ожидания, не беря на себя труд ни объяснить причину, ни время задержки. Он оказался рядом с Жижи, их разделяло только кресло, на которое он положил портфель.

Обычно Кастору не очень нравились роскошные женщины высокого роста, а эта красотка, затянутая в кожаные брюки, гордо несла на длинной шее свою маленькую головку. Наброшенное небрежно меховое манто, насколько он разбирался в мехах, показалось ему дорогим. Словом, особа была не в его вкусе.

Когда она доверила ему свой кейс и сумочку из бордоской кожи с пронесенными через таможню сигарами и виски, он был удивлен звуками, которые издавала эта гибкая лиана.

— Не спускайте глаз с моего барахла, — попросила она низким голосом. — Мне надо дозвониться до моего хахаля.

Она вернулась с кипой журналов, грызя шоколад, который протянула Кастору:

— Хотите немного? Это белый. Иначе еще с голоду помрем.

Отвечая, он снял очки — без них он уже не мог обходиться.

— А знаете, мне где-то встречалось ваше лицо, — сказала она.

А так как он, явно забавляясь, смотрел на нее, продолжала:

— Занятно... Обычно такие слова говорят мне.

Спустя час она уже знала, где видела лицо соседа — по телеку, конечно! А он — самое существенное из недолгой жизни соседки, а также строение ее тела, ибо один из брошенных ею журналов был снабжен серией рекламных фотографий, на которых Жижи позировала для одного из крупных ювелиров.

Маленький бриллиант между голыми грудями, колье, перехватывающее талию, с подвесками на бедрах — вот то малое, что придумали хозяева, как они себя называли, нового рекламного агентства, чтобы привлечь внимание к бесценным бриллиантам. Точно так же порой изображают симфонический оркестр, чтобы продать туалетную бумагу. В объективе фотоаппарата, одетая или раздетая, Жижи выглядела богиней.

Кастору даже не пришлось задавать вопросы, чтобы узнать, что родом она из деревни в Руерге, где непонятно по воле какого случая или фантазии генетического кода она появилась на свет — черноволосая с матовой кожей, невероятно длинноногая — среди рыжеволосых и коротконогих братьев и сестер.

Забавная, неглупая, представлявшая собой непонятную комбинацию прозрачного изящества, пропитого голоса и столь же ненасытного, как и ее здравый смысл, аппетита — она была поистине неотразима. Кастор тоже не устоял перед таким шармом, они некоторое время разыгрывали роли любовников, ему даже приходилось прятаться в ее платяных шкафах. Когда она его выставила, то сделала это очень мило.

— Мой серенький, — сказала она, — нам очень весело вместе, но с тобой у малышки Жижи нет никакого будущего.

Кастора это убедило, но он с трагическим видом ответил:

— А есть ли будущее у меня?

Тогда он еще в этом сомневался.

— Ты будешь королем, — сказала Жижи. — Мне об этом поведала гадалка. Он будет королем, а вы не будете королевой, сообщила она мне не далее, как вчера.

Кастор не верил ни гадалкам, ни прорицателям. Но в тот смутный период такое предсказание развеселило его. Жижи сказала также, что ему следует опасаться блондинов с голубыми глазами, что она его никогда не забудет и навсегда останется его подружкой. Может на нее рассчитывать!

Спустя три года в фонд его партии для проведения избирательной кампании по выборам президента, начатой Кастором, поступил чек на

крупную сумму. На карточке, сопровождавшей чек, значилась фамилия богатых бельгийских промышленников, а под нею стояло: Жижи.

В тот момент Кастору было не до нее. Но, когда после победы казначей представил ему для подписи благодарственное письмо, он решил было сделать приписку от руки, но затем опомнился и, как всегда, полный подозрений, потребовал досье на особу-дарительницу.

При этом не выявилось ничего сомнительного. Жижи ускорила конец известного богача, прибегнув к некоторым очаровательным излишествам. Он вовремя женился на ней, чтобы посмертно отблагодарить. Теперь она ловко вела свои дела, имея, к вящему неудовольствию Кастора, большие интересы за пределами Франции. Поступок Жижи заслуживал благодарности. Он пригласил ее на обед. Она не изменилась.

Одетая в черное, с волосами под меховой шапочкой, она походит на Нефертити, справляющую траур по Эхнатону, подумал Кастор, глядя на ее профиль, пока она осваивалась в салоне.

— Тебя теперь следует встречать реверансом? — спросила Жижи.

— Да нет же. Только не реверанс.

— Тогда я тебя чмокну.

Не было ничего необычного в том, что Жижи стала частой сотрапезницей на интимных и частных просмотрах, организуемых в маленьком зале Елисейского дворца. В глазах президента эта женщина обладала редким достоинством — верностью. Ради него она могла броситься в огонь. У него было немало союзников, с которыми были пережиты непростые времена, но все они ненавидели друг друга, состязались в праве на его внимание. Совсем другое с Жижи. Она была неизменно естественной, счастливой и смешной, то есть проявляла эти качества именно в той области, в которой ни один его верноподданный не мог с ней состязаться. Располагая правом на откровенность, она никогда не использовала его в разговоре с боготворимым Кастором.

Ни бельгийское состояние, ни картина Брейгеля в спальне, ни молодой философ, пользовавшийся ее благосклонностью и из любви к которому она финансировала заумный журнал, никогда не влияли ни на ее хорошее настроение, ни на умение выглядеть скромной, когда речь шла о вещах, не доступных ее пониманию. Таким образом, всякий раз, когда у Кастора было свободное время, он, не стесняясь, напрашивался к ней в гости, зная заранее, что его хорошо покормят в приятной компании и он отдохнет душой.

В это воскресенье Жижи как раз подавала кофе, когда звонок генерального секретаря вырвал его из состояния расслабленности и покоя. Кастор удалился в библиотеку, находившуюся в распоряжении молодого философа, чтобы спокойно поговорить по телефону. Он вышел оттуда минут через двадцать. В Елисейском дворце дежурному было приказано срочно разыскать тех министров, с которыми президент намерен был провести совещание.

Кастор охватил взглядом изящную группу, состоящую из Жижи и двух ее подруг, расположившихся около камина, в котором горел яркий

огонь, молодую пару, сидевшую на диване и державшуюся за руки, розовую блузку горничной, уносившей серебряные блюда, букет цветов, на английский манер поставленный в центре стола. Боже, как все это хрупко! И как легко может быть разрушено!..

Жижи повернула голову, заметила его. Он знаком подозвал ее.

— Мне надо вернуться. Береги себя, малышка.

Она хотела проводить его до машины, но он решительно отказался.

От каких бед он хотел ее предостеречь? Он не сказал. От жестокостей мира, который снова где-то стал бушевать и который ему в числе прочих надлежало усмирить.

Спустя две недели личный секретарь Кастора получила на свое имя машинописное письмо, в котором президенту советовали послушать на другой день периферийную станцию между десятью и десятью тридцатью утра.

В Елисейский дворец ежедневно поступали самые невероятные письма. Они распечатывались, классифицировались, анализировались секретаршей, которая должна была на них отвечать. Подчас, в особо острые периоды, президент получал обзор писем, с которыми его считали нужным познакомить. Но это письмо, адресованное прямо секретарше, не подверглось обычной процедуре.

Ее имя не было известно публике. И она была заинтригована. Сказать президенту? Но ведь ему говорят лишь то, что он желает услышать, все лишнее вызывает у него раздражение. Поскольку же в указанное время он должен был открывать выставку в Большом дворце, она воспользовалась этим, чтобы спокойно послушать самой эту передачу, которая называлась «Свидание в Венеции».

Это была ежедневная игра, победитель или победительница которой выигрывали полет на уик-энд в Венецию. На сей раз им задавали вопросы о знаменитых любовниках. Обычно все проваливались, когда задавался последний вопрос. Действовал классический механизм. Участники передачи звонили на станцию. Номера их телефонов и имена регистрировались, а затем во время самой передачи их вызывали одного за другим для ответа.

В то утро ведущий спросил: «С кем провела две недели Жорж Санд в Венеции — Альфредом де Мюссе, Фредериком Шопеном или Францем Листом? Номер первый, второй и т.д. С Мюссе! Точно. Правильные ответы дали номер 4 и 7. Браво, месье, браво, мадам. Вы уже выиграли по 150 франков. Оставайтесь на проводе, чтобы ответить на второй вопрос... С кем изменила Мюссе Жорж Санд во время пребывания в Венеции — Альмавиво, Казановой или Пагелло? С Пагелло, правильно, месье, браво, месье. Опять верный ответ дал номер 4. Он уже выиграл 500 франков. А вот и третий вопрос. Внимание! После этой поездки в Венецию Жорж Санд была прозвана Сансевериной. Верно ли это? Неверно. Номер четыре ответил правильно на все три вопроса. Браво, месье, мои поздравления, вы выиграли свидание в Венеции. Можете вы сказать, кого называют Сансевериной?

— Разумеется, — ответил номер четыре. — Но прежде мне хочется сделать важное заявление: как жаль страну, президент которой не любит детей, президент Французской Республики...

Слушатели передачи так и не узнали, кто такая Сансеверина. Ведущий передачу оператор автоматически врубил музыку, которой она заканчивалась. Его коллеги были взволнованы не меньше. Увидев все это на своем контрольном мониторе, директор станции срочно спустился вниз и взял бразды правления в свои руки.

Победитель передачи еще на проводе? Нет? Он повесил трубку? Как он назвался? Господин Дюжапон. Вызывайте его до тех пор, пока он не ответит.

Прошел час, прежде чем женский голос произнес:

— Вы звоните в кафе. Кто-кто? Господин Дюжапон... Здесь нет такого. Всегда к вашим услугам...

Президент прогуливался по залам Большого дворца в сопровождении министра культуры, хранителя, рассказывавшего ему о тех картинах, которые привлекли его внимание, директора музея и еще трех десятков знатных гостей, державшихся на почтительном расстоянии.

Поллуксу, слывшему любителем живописи, приглашения посылались автоматически. Большой дворец находился вблизи министерства. В то утро он урвал три четверти часа, чтобы заскочить туда.

Познания президента в области французской и иностранной литературы были довольно обширны, а живописи — ничтожны, несмотря на все попытки Клер заинтересовать его ею. Но он обладал, как уже было сказано, зрительной памятью, благодаря которой умудрялся в подходящий момент вспоминать то или иное имя. Увидев полотно с несколькими перпендикулярными линиями в овале, он сказал:

— Скажите, пожалуйста, прекрасный Мондриан.

— Нет, — возразил Поллукс, — это скорее всего Глернер.

Президент поднял брови.

— Господин хранитель музея, рассудите нас. Мондриан это или...

Он запнулся, и Поллукс подхватил:

— ... или Глернер?

— ...или Глернер, как изволил сказать министр внутренних дел?

— Господин министр хорошо знает живопись, — ответил тот в замешательстве. — Это действительно Глернер, но неопытный глаз может легко сбиться.

Министр культуры осторожности ради отошел от них.

Президент продолжал прогулку, шепнув на ухо Поллуксу: «Не понимаю, какого черта ты делаешь в полиции».

Замешательство присутствующих его позабавило. И он вернулся в Елисейский дворец в хорошем настроении. Тут-то его и ожидала исповедь секретарши.

Через два часа полиция двинулась по следу автора, как было сказано, непочтительных слов. Директор станции был вызван в министерство внутренних дел.

Кафе, из которого звонил Пьер, нашли тотчас. Официантка припомнила, что к телефону действительно позвали господина Дюжапона, что он довольно долго занимал кабину между 9.45 и 10.30, что это был завсегдатай, который приходил обычно один, в разное время, чаще в конце дня, что он высокого роста, брюнет, цвета глаз не помнит и, где живет, не знает, нет, не похож на иностранца, носит джинсы, как все.

После ухода полицейских, которые ее допрашивали, она спросила себя, почему сказала то, чего говорить не хотела. Она все поняла уже с той минуты, как к ней забежала продавщица молочной за кофе для хозяйки и, смеясь, спросила: «Вы слышали типа по радио?», а потом уже со станции ее спросили про некоего Дюжапона. Ну и что с того? Этот высокий клиент, единственный высказывавший ей хоть видимость уважения, не мог быть преступником... Может, слегка психованный, как все они теперь, эти молодые люди, но... Что же такое он сказал по радио? Глупости. Не с чего сходить с ума. До президента ей не было никакого дела. Если же полицейские явятся снова, могут спрашивать сколько угодно, она больше ничего не скажет.

Полицейские явились снова, и она сдалась, потому что те знали свое дело. И теперь она чувствовала себя неспокойно. Ведь отныне полиция будет рыскать в их районе. Вот если бы она знала адрес парня, то могла бы его предупредить.

Хозяин кафе наорал на нее. Был самый час притока посетителей.

На сей раз Пьер развлекся на славу.

Мысль эта пришла ему в голову однажды утром в кафе, где симпатичная официантка оставляла ему рогалики и иногда слушала радио, пока не появлялся хозяин. Пьер вставал поздно, кафе обычно пустовало до полудня.

Эрбер поначалу всполошился: опасно, очень опасно! Но затем уступил при условии, что Пьер будет строго следовать его советам.

Во-первых, ему надо переехать в скромные, но чистые меблированные комнаты, которые он ему подыскал рядом с собой, подальше от этого района. Затем он должен был хотя бы в течение недели не заходить в это кафе вовсе. Таким образом, получив от официантки его приметы (ничего не поделаешь, она все расскажет) и прочесав квартал, полиция обнаружит лишь, что жилец дома номер 12, консьерж которого был им хорошо знаком, переехал как раз в тот самый день.

Далее. Глупо думать, что президент сам читает почту. Надо написать на имя его секретарши. Естественно, Эрбер знал ее фамилию.

Наконец, нужно послать не само письмо, а ксерокопию, сделанную на почте. Марку пишущей машинки, конечно, смогут установить, но найти саму машинку не удастся. Письмо следовало опустить подальше

от центра — например, в Нейи. Где находится телефон? В подвале кафе? Это хорошо. Ему не следует сразу вешать трубку после разговора. Потом поболтать с официанткой и, уходя, спокойно сказать: «До завтра». По телефону говорить через платок, чтобы изменить тембр голоса.

Пьер выполнил все в точности.

Сначала эта история прошла почти незамеченной. Только жена генерального секретаря позвонила мужу, сказав, что слышала что-то странное по радио. Но тот велел не беспокоить его по пустякам. Шофер президента, слушая радио в машине, испытал неловкость, но не знал, как поступить. Что касается секретарши, то, упрекая себя за то, что не уведомила президента о письме, и вспомнив посылку с распашонкой, совсем потеряла голову, когда раздался телефонный звонок.

Говорили из фирмы «Марсиаль». Это секретарь президента республики? Они получили заказ на драже к крестинам. Посыльный должен оставить заказ на вахте или они заберут сами?

— Какие еще драже? — спросила она еле слышно... — Для крестин? Я вам перезвоню.

Номер с драже Пьер придумал сам, не посоветовавшись с Эрбером. Это пришло ему в голову, когда он проходил мимо кондитерской, решив тем самым доставить себе еще одно удовольствие. Он предвкушал, как расскажет об этом своему старшему другу.

Они встретились в тот момент, когда по телексам было передано сообщение агентства, что какой-то неуравновешенный тип использовал радиоигру, чтобы высказать обвинения в адрес президента республики. Что ведется расследование.

— Я вам принес драже, — сказал Пьер. — Такие же я отправил секретарше того типа.

Эрбер поглядел на него в полном отчаянии. Решительно милый парень был неуправляемым.

— Я все вру, — сказал Пьер. — Мне только захотелось так сделать.

Но потом он во всем признался.

— В настоящий момент они прочесывают тот район, — сказал Эрбер. — Вы должны поблагодарить вашу официантку.

— Я пошлю ей цветы, — сказал Пьер.

— Послушайте, мой мальчик, не воображайте себя Джеймсом Бондом, ладно? Никаких глупостей. И вообще пора прекратить эти шутки, пока я не разведаю, что там делается.

Он был рад, что Пьер, поглощенный переводом, без всяких возражений согласился дать отдых своему воображению. Теперь им придется реже встречаться. Да и вообще, с какой стати такой человек, как он, участвует в акробатических номерах молодого парня, исполненного совершенно справедливого чувства возмущения? Может быть, для того, чтобы чаще его видеть?

Но затягивать паузу он отнюдь не собирается — ровно столько, сколько нужно для их безопасности...

Все же история с радиопередачей, начавшись с пузырей, стала постепенно обрастать комом.

Воспользовавшись встречей с некоторыми журналистами, президент сказал им, как он любит детей и как ему грустно, что у него их нет, ведь семья — это последнее прибежище современного человека в окружающем его жестоком мире. Но главные причины беспокойства были в другом. Отвергнув версию об анархисте, президент вернулся к теме заговора. Он был уверен, что на радиостанции, где, «как вам известно, господин премьер-министр, у меня одни враги», у того человека были соучастники. Он требовал увольнения директора, которого обвинял в подозрительном попустительстве, несмотря на получаемую субсидию. Всем членам кабинета было запрещено выступать по этой станции. Ее директор запросил аудиенцию у премьер-министра, которую тотчас получил.

— Ничем не могу вам помочь, мой бедный друг, — сказал премьер-министр сердечным тоном. — Запрет исходит не от меня. От него. Он совершенно взбешен этой историей.

— Чего же он хочет? — спросил посетитель.

— Вашей шкуры, — ответил премьер-министр.

— Опять! Полгода назад это было из-за...

— Ничего не поделаешь. Ваша станция раздражает его. К несчастью, именно вас он слушает по утрам, когда бреется.

— И надолго у нас карантин?

— Если бы все зависело только от меня, я бы уладил дело сразу. Кстати, кто от вас сопровождает меня в поездке по Канаде?

В Елисейском дворце директор радиостанции был принят начальником отдела печати.

— Запрет министрам? Не понимаю, о чем вы? — сказал он. — Президенту, сами понимаете, некогда вникать в такие вещи. Побывайте у премьер-министра...

Так в печати появились слухи о конфликтах между президентом и премьер-министром. Конечно, слухи эти должны были рано или поздно прекратиться, но поведение Кастора вызывало беспокойство.

Из итогов расследования Поллукс понял, что виновник радиоскандала и укравший сумочку Клер — одно и то же лицо. Кафе находилось на той же улице, где были найдены документы Клер, и неподалеку от места, где подобрана сумочка. Теперь этот тип ополчился на президента, чей почерк не составлял государственной тайны, хотя и знаком был не каждому. В довершение всего, полагал Поллукс, тот знает фамилию Клер, поскольку все ее документы находились в сумочке. Стало быть, просто устанавливается связь между Кастором и Клер.

Ну и что же? Шантаж? Сам Кастор был уверен, что вражеский лагерь готовится опубликовать документ, который поставит его в затруднительное положение, и настаивал на том, чтобы Поллукс отыскал его сына, дабы «держать на крючке» Клер, если она проявит непослушание. Но Поллукс, убедившийся, что Клер прячет сына где-то в США

и что его можно без труда обнаружить, не торопился действовать: зная Кастора тридцать лет, Поллукс понимал, что тот способен на все.

В это воскресенье он отправился в Булонский лес, чтобы хоть немного навести порядок в своих растрепанных чувствах. Какой-то малыш, бросившись за мячом, упал у его ног. Он поднял его, поймал мяч и вернул ребенку. Тот сказал, указав на лоб: «Бо-бо». Поллукс подул на царапину, заявил, что он волшебник и что теперь боль улетела. Малыш перестал реветь, а Поллукс решил повидать Клер.

Он обнаружил ее на стремянке, перекрашивающей кухню, попросил извинения за столь неожиданный визит и робко поинтересовался, не побеспокоил ли ее?

— Конечно, побеспокоил, — ответила Клер. — Но ничего.

Она предложила ему чаю, поручила приглядеть за тостером и спросила:

— Что вы делаете в воскресный день в Париже? А ваши избиратели, Поллукс? Им это не понравится.

Он ответил, что сейчас озабочен другим. То, о чем он собирался с ней поговорить, было куда серьезнее.

Клер привыкла к таким предисловиям. Она была из тех, кому доверяют тайны и спрашивают советов, от которых она, естественно, воздерживалась. Кто же спрашивает совета, если знает, что не последует ему? Но она умела слушать.

Поллукс начал с размышления о нелегкой доле членов правительства, которым порой приходится действовать вопреки своей совести и убеждениям.

— Полагаю, что они должны либо об этом забыть, либо подать в отставку, — сказала Клер. — Разве есть другие решения?

Поллукс ответил, что существуют вещи посложнее, чем думают те, кто никогда не попадал в подобные ситуации. Если подают в отставку под влиянием шока, не будучи в силах найти компромисс с собственной совестью, — тут все ясно. Другое дело, когда налицо медленная коррозия, прогрессивный распад доверия, ее основ. Миришься, миришься, а потом наступает день, когда чувствуешь себя настолько скомпрометированным, что начинаешь разлагаться тоже.

И в туманных выражениях рассказал ей о случаях, когда сам был вынужден при определенных обстоятельствах поступать сходным образом.

— Бедняжка Поллукс, вы так же годитесь в министры внутренних дел, как в папы римские. Вашему другу Кастору следовало бы подыскать вам другую должность.

Возможно. Но кого бы тот назначил тогда министром внутренних дел? Он лично может еще собой гордиться, ибо предпочитает действенность принимаемых мер всякого рода угрызениям совести, а верность — отвращению. К тому же он должен признать, что на этом посту испытываешь род опьянения, если остаешься равнодушным к своей непопулярности. Горечь тогда смешивается со сладостным ощущением власти.

— Поэтому с вами по-прежнему можно разговаривать, — сказала Клер, — хоть вы и стали полицейским.

Она поняла, что у него с Кастором какой-то конфликт. Но стоило ли переживать по этому поводу — ведь он все равно уступит.

— Единственное, что меня удерживает от отставки, это вы.

— Я?

— Да, вы. Ибо мой преемник непременно сделает то, чего я не хотел бы делать.

Клер ничего не поняла, и он решил идти ва-банк. Американец, которого она любит и к которому так часто ездит, — ее сын. Он догадался об этом, едва только Кастор рассказал ему о существовании так тщательно скрываемого ею ребенка. Найти его? Нет ничего проще. Пока он всячески оттягивает это дело, но Кастор проявляет растущее нетерпение. Похитить? Непросто, но им приходилось делать вещи и почище. Кастор находится в таком состоянии, что от него можно ждать чего угодно.

— Но ведь я ему пообещала почти полное содействие, если скандал выплывет наружу, — сказала Клер.

— И он вам так же почти верит, — ответил Поллукс. — Кстати... Я был откровенен с вами, ответьте мне тем же! Вы ведь никогда не согласитесь утверждать, что мальчик не его сын?

— Конечно.

— Вот видите! Как говорит Кастор, нельзя недооценивать врага. Клер, мой вам совет: уезжайте завтра же! Заберите сына и спрячьте его получше. Я приготовлю вам фальшивые документы. На сегодня главное — выиграть время.

Подумав, Клер решила попросить Гофманов посадить Майка в самолет, летящий в Лондон, где она будет его дожидаться. Там разберемся! Жюли сказала, что перезвонит завтра в пять часов по французскому времени и сообщит Клер номер рейса.

— Хорошо, — сказал Поллукс. — Я ухожу. Или, если хотите, отвезу вас поужинать.

Она предпочла второе — настолько был велик охвативший ее страх.

Они славно поболтали, сидя друг против друга в новом китайском ресторане на Елисейских полях. Клер разоткровенничалась и рассказала ему о причине разрыва с Кастором, о ее бунте против его требования и особо о природе самого требования. О том, что только без Кастора обрела наконец волю, особенно после того, как поняла, что он никогда никого не любил, кроме себя.

Самоутвердиться — это было понятно Поллуксу лучше, чем кому-либо другому, и он лучше кого другого мог оценить ее успех.

Она рассказала, как помогла ей надежная дружба Жюли. А потом само существование Майка подстегнуло в ней стремление добиться чего-то в жизни. «У меня прорезались длинные клыки, — сказала она, показав свои прекрасные ровные зубы. — И я жадно вцепилась в свое дело».

Насколько хорошо она умела работать, понимал, пожалуй, лишь ее основной конкурент. Это был способ существования. В остальном... У нее просто не было времени ни задавать себе вопросы о том, правильно ли она живет, ни полагать, что можно существовать с помощью одного разума. Она делала то, что могла. И по мере сил как можно лучше. Завися при этом только от себя. Какое ей дело до того, что Кастор был и отвратителен и незаменим! Так вот, ни с ним, ни без него — Поллукс может взять эти слова в качестве своего девиза. И он тоже стал рассказывать ей о том, что самое отвратительное в его профессии чаще всего было продиктовано необходимостью.

В вечер своего избрания, взвинченный до предела, хотя и сохранивший видимость спокойствия, Кастор сказал ему: «Блаженство вызывают не аплодисменты при входе, таков уж удел всех, кто входит. Самое трудное, чтобы тебя проводили такими же аплодисментами при уходе». Тогда столь четко выраженное понимание своей ничтожности восхитило Поллукса, наблюдавшего, как Кастора гримируют для выступления по телевидению. Стало быть, он сохранил трезвую голову под фальшивой короной монарха.

Однако постепенно его поведение стало меняться. Не то, чтобы он демонстрировал пресыщенное или жадное честолюбие. Дистанция, которая возникла между ним и остальными, вырытая им пропасть объяснялись не только протоколом, который он, напротив, упростил. Зло было куда более глубоким, словно всюду, где только предоставлялась возможность, он компенсировал преграды, которые возводил собственными политическими действиями, с помощью насмешек и капризов. Окружавшие его куртизаны даже без всякого поощрения с его стороны притупили его бдительность. Его презрение неизменно распространялось на тех, кто ему служил, и сопровождалось нетерпимостью, смешанной с подозрительностью, в отношении всех, кто не сгибал перед ним спину.

Наконец, предательство Поллукса — а это называлось именно так — было вызвано еще тем, что все его в известной мере допустимые и подчас весьма изобретательные проявления твердости, хитрости и способности убеждать, к которым Кастор прибегал в интересах государства, становились совершенно недопустимыми, если ставились на службу интересам лично Кастора. А он все чаще смешивал их.

Поллукс считал, что Кастор вряд ли получит продление своего мандата на очередных выборах. Зато шансы кандидата их же партии, если Кастор согласится ему помочь, могли стать более предпочтительными. Попробовав однажды высказать ему это, как того требовал долг, Поллукс услышал такое, чего прежде никогда не слышал.

Разумеется, он не хотел, чтобы пресловутое письмо было предано гласности. Но если предположить возможность огласки, какое мнение составят французы о Касторе? Весьма привередливые всякий раз, когда речь шла о скандалах, связанных с деньгами, люди были куда снисходительнее в делах личного свойства. То обстоятельство, что политический деятель, не обремененный в свое время правительственными обязанностями, настаивал на аборте и отказался признать свое отцовство,

предосудительное для его карьеры, конечно, вряд ли кому понравится, особенно женщинам. Но исповедь Кастора, сделанная с присущим ему талантом, в стиле «то была трудная страница в моей жизни. Отдавая дань двум превосходным женщинам — жене и той, другой, чье самоотречение и т.д.» — позволила бы ему недурно вывернуться из создавшейся ситуации.

Во всяком случае, Поллукс принял решение не участвовать ни в похищении Майка, ни в шантаже Клер. После стольких поступков, моральная сторона которых была более, чем сомнительной, хотя он и не отвергал их в политике, этот рубеж он не мог перейти.

— Как же может Кастор доводить до таких рубежей? — сказала Клер.

Поскольку они могли говорить о Касторе бесконечно, вечер затянулся далеко за полночь.

Китайский ресторан давно опустел. Занят был только еще один столик, за которым сидели Эрбер и Пьер.

Официанты почтительно ждали, когда господин министр внутренних дел даст знак к отъезду. Сидевший спиной к Поллуксу Эрбер всячески старался уловить обрывки разговора между министром и его спутницей. Увы, это были только обрывки!

Однако он без труда узнал имя женщины, которая сопровождала министра. Она часто приходила сюда обедать. Вероятно, ее контора помещалась где-то поблизости.

Столики в ресторане располагались в смежных ячейках таким образом, что, если Эрбер находился спиной к Поллуксу, Пьер имел полную возможность наблюдать за Клер. Он два или три раза оглядел ее, она тоже посмотрела в его сторону, так как чувствовала, что за ней наблюдают. Пьер никак не мог вспомнить, где он уже видел эти глаза.

Провожая Клер до дома, Поллукс посоветовал сказать ее американским друзьям, что, если кто-нибудь ненароком станет их спрашивать про Майка, отвечать, что он... ну, скажем... в Австралии, где проводит летний месяц.

Он не желал удачи агентам Кастора, если тот — чего Поллукс не мог исключить окончательно — наймет их на свой страх и риск.

Охранник проводил Клер до самой двери и дождался, когда она войдет.

— Разве Адриен не работает? — спросил Поллукс шофера. — Сегодня ведь его день.

— Адриен уже неделю, как в отпуске, господин министр, — ответил тот. — Этот его заменяет.

Майк был в восторге. Поездка в одиночестве придавала ему самоуважения. К тому же он скоро увидит мать — чего еще он мог пожелать в жизни?

Раздражала только табличка, своеобразный слюнявчик, с надписью «НБС», который стюардесса потребовала не снимать до конца полета.

Вместе с другим юным французом они тщетно пытались расшифровать эти буквы. Потом спросили взрослого соседа и тот начал изобретать возможные расшифровки. Может, это как-то связано с «ВВО» — «Весьма важная особа»?..

Ничего путного не придумав, взрослый вернулся к своим кроссвордам.

Майк отправился к стюардессам, и вскоре пришел удовлетворенный. Буквы означали: «Несовершеннолетний без сопровождения».

Полет Нью-Йорк — Лондон прошел вполне благополучно.

В аэропорту Хитроу, бросившись в объятия матери, Майк тотчас спросил, знает ли она значение надписи «НБС», от которой его наконец освободили. Клер призналась, что сотни раз видела детей с таким вот слюнявчиком и сотни раз задавала себе вопрос, что это значит, но так ни разу и не удосужилась узнать содержание надписи.

Июль был дождливым, и Лондон показался Майку не таким, каким он его себе представлял. Он заметил, что англичане хорошо говорят по-английски, хотя их язык существенно отличается от его собственного. Засыпал мать вопросами о смешном черном такси, которое везло их в отель Бруна, но не спросил ничего такого, что Клер так боялась услышать. Общаясь с матерью путем недомолвок, он понял, что сейчас ни о чем спрашивать не время. У нее же было право — не лгать ему. Но какую часть правды она могла ему сейчас раскрыть?

Телевизор, который он включил, едва они вошли номер, освободил Клер от необходимости объяснить, отчего они оказались здесь.

Ей пришла в голову одна мысль. Раз уж японцы так настаивали на ее приезде в июле, чтобы на месте присмотреть за материалами, которые они намерены были использовать при выпуске ее коллекции белья, она сообщила им по телефону о согласии приехать немедленно. Через три дня. Иначе не раньше осени.

Решить вопрос оказалось не так просто, требовались разные «согласования», как они выражались, — ее внезапное решение меняло их планы. Вечером она ждала телекс с подтверждением. Он поступил в тот самый момент, когда Майком овладело какое-то необъяснимое беспокойство. Она сказала, что хочет взять его с собой в Японию — ведь занятия в школе окончились. Это не было ложью. Она умолчала только, что они вылетают в Токио под чужими фамилиями, по паспорту, который ей достал Поллукс.

Майк увез с собой из Лондона воспоминание о большом зеленом парке, потоках дождя, маленьких одинаковых домиках, выстроившихся в ряд, крытых пассажах, соединявших улицы, забитые лавочками, в которых мать искала ему вязаный джемпер; о пышных, но грязных памятниках и о скандале, который он вызвал, объявив совершенно несъедобным сладкий мусс, фирменное блюдо в «Уайт Тауере», куда Клер повела его обедать, совершенно забыв, что ее маленький американец предпочитает сосиски с горчицей.

Он был шокирован, узнав, что большое здание, которое они проезжали перед отъездом, оказалось конюшнями королевы и что эта особа

одна владела огромным числом лошадей. А в Японии можно будет покататься верхом? Клер пришлось ответить, что она не знает.

В конце июня масса неприятных международных и не менее неприятных внутренних событий целиком поглотила внимание президента и Поллукса. Но были у них и другие, мало кому известные дела. Во время одного из обедов, на которые Поллукс постоянно приглашал журналистов, некий Эрбер, как всегда прекрасно информированный, спросил его:

— Мне сказали, что президент сейчас весьма озабочен семейными делами и что именно ими можно объяснить неудачу его последнего выступления.

— Чистая выдумка, — ответил Поллукс. — У президента есть лишь дальняя родня, а жена его чувствует себя как нельзя лучше. Где вы это узнали?

— В одном из посольств, — ответил Эрбер. — Можете проверить, господин министр. Вам ведь известно, что журналисты люди более информированные, чем члены правительства.

Париж был наводнен агентствами всех мастей из разных стран. От них можно было ждать чего угодно. Не означало ли это, что письмо президента будет использовано за рубежом? Что же касается самого Кастора, то, пребывая однажды утром в относительно спокойном состоянии, он вызвал по внутреннему телефону Поллукса и спросил:

— Так где же ребенок, господин министр внутренних дел?

— Я установил, что он в Штатах, — ответил Поллукс. — Вопрос решится в течение нескольких дней...

— Да ну?! — воскликнул Кастор. — Мои поздравления вашим доблестным сотрудникам! Он там был, но... больше его там нет. У меня собственная разведка. Кстати, вам, конечно, известно, что говорят обо мне в посольствах?

— Да, — ответил Поллукс. — Мне это известно. И я готов доложить, когда вам заблагорассудится меня принять.

— Мне не заблагорассудится, — отрезал Кастор и повесил трубку.

Операция «Отравление», предпринятая Эрбером, возымела свое действие. Он умело вводил яд именно там, где тот лучше всего мог подействовать. Ему помогала при этом его репутация, которую он никогда не ставил под удар распространением, даже устным, непроверенных слухов. К тому же эта новость не выглядела такой уж необоснованной. Он только скрыл свой источник.

Мысль о том, чтобы распустить слух, пришла Эрберу самому, он хотел развлечь Пьера. Милый мальчик внушал ему тревогу. Он работал над переводом, и ему случалось обращаться к Эрберу, в совершенстве владевшему обоими языками, за консультацией. Но однажды утром он пришел в его контору и потребовал письмо из Токио. Бегло

прочел его, а на вопрос Эрбера, в чем дело, ответил, что хотел кое-что проверить. И ушел, не вдаваясь в объяснения.

Эрбер тоже перечитал письмо, но так и не сумел понять, чего в нем искал Пьер. Они много раз обсуждали возможности его использования, чтобы «нагадить тому типу», как любил выражаться милый юноша. Затем Пьер словно вовсе забыл про «типа», а в последние две недели, казалось бы, утратил интерес к нему, проявляя весьма вялое внимание к операции «Отравление».

Эрбер стал разъяснять Пьеру суть событий, сотрясавших планету, предостерег от непродуманных суждений. Тут Пьер, к сожалению, преуспевал. До сих пор его взгляды определялись убеждениями мужа матери. Точнее говоря, представляли всякий раз нечто им совершенно противоположное.

— Очень верная и здравая позиция, — заметил Эрбер. — Сознание выявляется в сопоставлении точек зрения, как вам, вероятно, объясняли на лекциях по философии. Но в вашем возрасте этого маловато.

Пьер соглашался. Его разделяли с Эрбером не только 40 лет. За тем был опыт человека, разбирающегося в вопросах культуры и политики. Отнюдь не одобряя эрберовское толкование истории, ибо опыт не передается, вздрагивая от возмущения по тому или иному поводу, Пьер перестал, однако, разделять мир на добрых и злых. И испытывая удовлетворение по этому поводу, Эрбер смутно догадывался, что Пьер от него что-то утаивает. Он это чувствовал кожей.

Во время ужина в китайском ресторане Эрбер, как известно, сумел установить имя красивой блондинки, с которой обедал министр внутренних дел. Запомнил его и Пьер. В то время, когда его сотрапезник на минуту отлучился, он по неловкости опрокинул чашку жасминового чая. Вытирая скатерть, официант сказал, что это продукция той красивой блондинки. Так Пьер полностью установил ее имя и занятия. И теперь он не мог лишь отделаться от мысли, что имя женщины ему откуда-то знакомо.

Память живет по своим законам. Она цензурует, искажает, отсекает, отсеивает, классифицирует, поглощает, уничтожает. Нет ничего другого, что бы так мало поддавалось контролю. Лишь на другой день при переводе слова «ясный», то есть «клер», он вдруг ощутил, что память посылает ему какие-то сигналы. Так он вспомнил, что это имя упоминалось несколько раз в том злополучном письме. Проверив, он не почувствовал, что сколько-то продвинулся вперед. И вообще, разве знал он, каким путем следует идти? Ведь имя Клер было хоть и не самым распространенным, но и не самым оригинальным женским именем.

Он не мог бы сказать, сколько ей лет. Пьер делил женщин на молодых и остальных. Красивой блондинке было, разумеется, не двадцать, но ее нельзя было отнести и к категории остальных. Стало быть, терзавшие его сомнения по поводу возможного совпадения, не были такими уж необоснованными.

Повинуясь одному из своих импульсов, которых так опасался Эрбер, Пьер решил ее повидать. Но куда идти? Он поискал в справочнике и добрался до возможного адреса.

Только когда он поставил свой мотоцикл, мучающий его механизм головоломки наконец сработал. Пьер был на том самом месте, где однажды вечером вырвал из рук женщины сумочку. Он помнил только ее взгляд. В этой сумочке было письмо, адресованное некой Клер. А что, если Клер с ее ясными глазами проживала на этой самой улице? Элементарно, мой дорогой Ватсон!

На его звонок дверь ему открыла прислуга, сказавшая, что мадам говорит по телефону. Пусть он подождет.

Так Пьер попал в большую белую комнату.

Едва она повесила трубку, как он сказал:

— Простите за вторжение... Я работаю для института общественного мнения. Мы ведем анкетирование относительно воспитания детей.

— Я не могу, мсье, я очень занята, — ответила Клер.

Но Пьер настаивал, утверждая, что это отнимет не больше десяти минут. А так как высокий парень ей понравился, она сказала, «Ладно, но не больше».

Когда они поднялись, Клер теперь уже действительно не имела времени, о чем очень сожалела, выяснилось, что она ответила на двадцать вопросов — он ведь записал ответы?

Нет, не следует хлестать детей по щекам. Нет, нельзя заставлять их есть рыбу. Нет, не надо противиться их просьбе не закрывать на ночь дверь комнаты, если они боятся спать в темноте. Да, их надо заставлять дважды в день чистить зубы. Нет, не следует пугать их злым волком, если они дурно вели себя в течение дня. Нет, не надо выбрасывать содержимое их карманов, утверждая, что все это гадость: ведь неизвестно, какое значение имеет для них камень, лента или гвоздь. Нет, их никогда не нужно наказывать, запирая в шкаф. И т.д.

— Вы сами придумали эти глупые вопросы? — спросила, смеясь, Клер.

— Сам. Меня вот запирали, — ответил Пьер.

Клер с трудом выставила его за дверь.

Пьер не удивился, что его вызывают в уголовную полицию.

Обеспокоенный Эрбер обсудил с ним все возможные варианты поведения. Самым опасным было бы уклониться от вызова. Если полиции удалось установить личность человека, говорившего по телефону, лучше всего было признаться в этой глупой шутке, вызванной статьей в журнале. Он рисковал обыском и строгим наблюдением. Ведь полиция явно получила приказ разыскать документ, письмо. Как бы то ни было, оно представляло меньшую опасность, чем бегство.

Полиция, прочесав все здания вблизи кафе, проверила сначала алиби молодых людей высокого роста, брюнетов, и установила, что трое обитателей меблированных комнат, отвечавших этим приметам, выехали отсюда за две недели до инцидента. Получив их имена, полиция, естественно, обнаружила их местопребывание.

— Только никаких ложных алиби, — посоветовал Эрбер. — Если понадобится, скажите, что были у себя дома, как всегда по утрам, и работали после того, как выпили кофе в бистро. Ведь все так и было?

— Да.

Когда Пьер назвал себя, указав, что является переводчиком, в настоящее время работающим по договору с известным издательством, что во вторник 2-го он, по всей видимости, работал у себя, что он сменил квартиру, так как прежняя была слишком шумная, надеясь, что на свой гонорар сможет снять более комфортабельную, его повели в маленькую комнатку, где уже находились два высоких брюнета.

Открылась дверь, и вошла та, которую он ожидал увидеть, ибо Эрбер предусмотрел и такую опасность, официантка из кафе. Ее уже раз вызывали для опознания. Она посмотрела на Пьера тем же безразличным взглядом, что и на других, и сказала: «Нет, среди них его нет».

И Пьер вышел свободным, вежливо спросив разрешения уехать из Парижа, чтобы повидать родителей, проживавших в провинции. Ему разрешили, пусть только оставит свой адрес.

— Вот видите, — сказал он Эрберу, — я был уверен, что она меня не выдаст.

Когда-нибудь он сумеет ее отблагодарить. Он сказал, что это женщина без возраста, занятая с шести утра до шести вечера, но добрая, всего-навсего добрая, и он повторил, что, кроме матери, считает ее самым человечным существом на свете.

— А меня вы кем считаете? — спросил Эрбер.

Пьер улыбнулся и прищурил свои черные глаза.

— Не знаю. Старым подонком. Но я вас все равно люблю.

Он ничего не рассказал ни о том, как обнаружил красивую блондинку по имени Клер, ни о своем посещении ее квартиры.

Полицейские, проводившие допрос и очную ставку, дали прослушать записи ведущему радиопередачи. Но и это не принесло никаких результатов.

Эрбер огорчился, узнав, что Пьер хочет отлучиться из Парижа в тот самый момент, когда оказался в эпицентре циклона. Пьер тоже об этом подумал, но ответил, что давно хочет повидать родителей. И вот, запасясь словарями и прихватив рукопись, солнечным ярким утром он вышел из поезда в Ницце и получил из багажа свой мотоцикл.

Сидя на террасе кафе в ожидании, когда откроют парикмахерскую, где он решил побриться перед тем, как явиться к матери, он задавал себе вопрос: как могут люди жить в Рубэ?

«Меня не будет несколько дней. Можете оставить свой телефон. Я позвоню, когда вернусь. Теперь говорите вы».

Услышав по телефону голос Клер, записанный на ее ответчике, Кастор возмутился, что она его не предупредила. Поистине заставить ее слушаться оказалось не таким уж простым делом.

Она много разъезжала, это верно. В последний раз, когда они виделись, Клер собиралась в Мадрид и объяснила, для чего: по договору она должна участвовать в церемонии открытия каких-то магазинов.

Он же был озабочен слухами о «семейных неприятностях», «неприятностях личного порядка», «дурном настроении, причину которого легко установить» и т.д. Он прекрасно знал, как действует подобный механизм, ибо сам когда-то им пользовался в отношении противника, и понимал, что прекратить слухи невозможно. В лучшем случае, не получив пищи, они сами пойдут на убыль. В худшем придется придумать какое-нибудь «признание» — настоящее, мнимое или приблизительное, но обязательно привязанное к конкретному факту. Как обычно, забыв о том, что отбрил однажды своего министра внутренних дел, когда тот пожелал с ним встретиться, он вызвал его к себе, чтобы упрекнуть в безделье.

Поллукс переждал грозу, а затем доложил состояние дел.

Слухи приобрели настолько упорный характер, что даже сам премьер-министр конфиденциально спросил его, в чем заключаются нынешние заботы президента. Здоровье? Любовная связь? Семья? Он намекнул, что дальний родственник, племянник, носящий ту же фамилию...

— Что нам делать? — спросил Кастор. — Вам ведь прекрасно известно, что политический деятель должен быть сиротой, единственным ребенком, бесплодным, вдовым и сыном сирот-родителей, в свою очередь, единственных детей у своих родителей. Только тогда его оставят в покое с намеками на семью. Можете не сомневаться, я не премину спросить у премьер-министра о его шлюхе-свояченице.

Но все это были одни разговоры. Естественно, что ничего такого он не сделает.

— Было бы недурно, — сказал Поллукс, — если бы президентша выглядела веселее. Многие уже обратили внимание на ее печально-рассеянный вид, именно так и было сказано о последнем вечере в опере, когда вы принимали...

— Она терпеть не может пения! — возразил Кастор. — Она может терпеть все, но только не пение.

— Конечно, надо признать, что слушать «Электру» истинное наказание. Кому могла прийти мысль выбрать...

— Мне, — сказал Кастор. — Что вам не нравится в «Электре»?

— Все, — ответил Поллукс. История жизни дочери Агамемнона никогда не волновала его, но сейчас не стоило обсуждать с Кастором достоинства оперы Рихарда Штрауса.

Внутри партии тоже отмечалось беспокойство.

— Все болваны и интриганы, — ответил Кастор. — Ни на кого нельзя положиться.

Этим вопросом он, разумеется, займется.

Все эти укусы — мелочь. Беспокоил колокольчик, который начал звонить, и за всеми этими слухами о «семейных неприятностях» снова вырисовывается содержание письма из Токио. А они как раз топчутся на месте. Расследование после радиопередачи позволило выловить

мелкую рыбешку, не имеющую отношения к делу, но которую, однако, можно будет использовать. Свидетель не опознал ни одного из подозреваемых. Расследование продолжается.

Поллукс, однако, ничего не рассказал о молодом высоком брюнете по фамилии Дюжапон, который провел целый день в полиции, день, который он вряд ли быстро забудет. Но у него было железное алиби: в то утро он проводил занятия в школе. Просто, расстроенный допросом, он перепутал дату.

Один осведомитель сообщал, что в районе появилась женщина, которая говорит: «Я знаю, что наш президент любит детей, моя дочь — его дочь, и он приезжает к нам каждую неделю». Психопатка. К тому же у нее нет дочери. Банальная история.

Что еще?

Ничего существенного. К какому выводу приходит Поллукс? Все к тому же. Никакого заговора. Случайная кража. Ловкий вор сумел установить почерк автора письма — воры теперь появились во всех слоях общества, — ему скоро надоест эта игра. Либо он сделает ошибку, либо начнет торговаться.

— Допустим. Торговаться с кем?

— Со мной... Может быть, с Клер.

Конечно, не следует исключать попытки вора выторговать какие-то деньги. Возможно, через газету. Но подобный рисунок поведения свидетельствовал бы о враждебности, которая как-то не вяжется с распашонкой, драже и радиошуткой. Слухи, исходящие якобы из одного посольства, представляют большую опасность.

— Вот именно, — кивнул Кастор.

Он стал взвешивать, прикидывать возможную страну, которая могла быть заинтересована в дестабилизации французского президента.

Их прервал генеральный секретарь, принесший срочную телеграмму о перевороте где-то на Среднем Востоке.

— Ну вот, по крайней мере этот оказался дестабилизированным до меня, — сказал Кастор.

Поллукс встал, чтобы оставить президента с его новыми заботами. Они внутренних дел не касались.

— Где Клер? — спросил президент прежде, чем его министр скрылся за дверью.

— Понятия не имею. За ней уже давно не ведется наблюдения.

— А мой сын?

— Мы его ищем.

— Словом, вы ничего не знаете. Прощайте.

И Кастор перешел к делам на Среднем Востоке. Он впервые сказал «мой сын», если только Поллукс хорошо его расслышал.

Прошло двенадцать дней с тех пор, как Клер покинула Париж.

Свои дела в Токио она закончила за неделю. Майк вел себя благоразумно, всем интересовался, пытался понять, чем, в сущности, занимается его мать.

— Японцы хотят спать на твоих простынях и вытираться твоими полотенцами?

— Не все. Но, надеюсь, многие, — ответила Клер.

Чтобы он лучше понял, чем она занимается, Клер набросала ему рисунок на банной простыне и на тонком платке, чтобы он убедился в разнице результата. Тщательно обдуманные, изящные сочетания тонов могли меняться в зависимости от типа ткани. Наконец, приходится еще думать о размерах, витринах, словом, о куче технических проблем, которые надо решать применительно к местной клиентуре.

Целую неделю, включая воскресенье, Майк терпеливо ждал свою мать, но он уже потерял интерес к олимпийскому бассейну и миниатюрным электронным игрушкам, которые загромождали их номер. На девятый день, заставив его поехать в Киото, чтобы увидеть местный храм, Клер спросила: «Надоело?» Он ответил «да», даже не поглядев в ее сторону.

Майк лежал на животе, сердитый и погруженный в комиксы. Расположившись на соседней кровати, Клер снова и снова прокручивала варианты, которые составляли предмет ее нынешних забот. Долго в Японии они не могли оставаться. В любом месте на земле невозможно жить с ребенком, скрывая его фамилию, естественным образом не внушив ему мысль о грозящей опасности. На днях ей с трудом удалось уладить недоразумение, возникшее перед стойкой администратора.

Так что же делать? Поселиться где-нибудь на краю света, защитившись паспортом, выданным ей Поллуксом? Но ведь тогда придется напугать Майка, заставив его принять новое имя.

Может быть, поехать прямо в домик, снятый ею в Греции, где Гофманы должны были оставить на ее попечение своих детей на время собственной туристской поездки? Сколько времени понадобится людям Кастора, чтобы обнаружить ребенка?

Майк потянулся, спросил время и что они будут делать.

— Мы уедем, я тебе обещаю, — ответила Клер. — Куда ты хочешь? Принеси карту, посмотрим.

Майк сохранил большую складную карту, которую авиакомпании выдают пассажирам на дальних линиях. Он захотел отметить на ней страны, которые уже знал: Америку, Англию, Грецию и Японию.

— А ты живешь...

— Здесь, — ответила Клер.

Это Париж? Нет, Франция.

— Какая маленькая страна. Так вот, я хочу поехать туда, в твой дом.

И вернулся к своим комиксам.

Клер задумалась.

Вернуться, покончить с двойной жизнью, провести хотя бы полтора месяца без самолета, пожить в Париже вместе с сыном, рассказав ему, кто его отец, — разве они оба этого не заслужили? Но она не захотела его излишне волновать и поэтому сказала, что придется изменить фамилию.

Поллукс напугал ее. Она не жалела о своем бегстве в Японию, оно позволило по крайней мере понять, чего она не хочет делать. Но какое теперь принять решение? В этой, такой чужой стране она испытывала одиночество, которое можно ощущать только вдвоем с ребенком. Ей вдруг так захотелось услышать дружеский голос и спросить совета.

— Так куда мы едем? — спросил Майк.

— Во Францию. Но заедем сначала к Жюли. Таким образом ты совершишь кругосветное путешествие, старина.

Она не была готова к новому путешествию. Но по счастью, договор с японцами давал ей весьма прибыльные проценты.

Майк успокоился, и они спустились к администратору, чтобы узнать, когда уходит самолет в Нью-Йорк, заказали билеты, дали телеграмму Жюли, а также позвонили в парижскую контору, где уже стали беспокоиться, не имея от нее известий.

Затем рука в руке отправились за покупками — подарками с маркой «Сделано в Японии» для детей Гофманов.

Вот уже два часа президент стоял на эстраде, не пользуясь тростью.

Позади него члены правительства и официальные лица вставали, садились, как на мессе, пользуясь интервалами между проходами полков. По правую руку от него члены дипкорпуса, послы в полном сборе вели себя точно так же. Президент же воспользовался возможностью, которую ему давал парад 14 июля, чтобы доказать, что «семейные неприятности» не отражаются на его здоровье. И это действительно было замечено. Зато у президентши под изысканной шляпкой был «печально-рассеянный вид», о котором уже начали поговаривать.

Да она же терпеть не может военную музыку, подумал Поллукс, который жалел ее, хотя и не испытывал к ней особой симпатии.

Президент и президентша сохранили ту же манеру поведения во время последовавшего за парадом приема, когда под палящим солнцем две тысячи человек заполнили парк и салоны Елисейского дворца. Он по-прежнему стоял, делясь с корреспондентами своими затаенными мыслями, был полон сдержанного волнения в такой великий день перед телекамерами, высказывал разнообразные оттенки сердечности, мимоходом бросая остроты, которые тотчас подхватывали досужие угодники. Короче, стремился как можно лучше выполнять эту сторону своих обязанностей. Она же, сняв шляпку, не обращала внимания на протянутые руки, хотя ими как раз не следовало пренебрегать. Сейчас она болтала со шлюхой — свояченицей премьер-министра, развлекавшей своим просвечивающим платьем бравых солдатиков, альпийских стрелков, обливавшихся потом в полной форме.

Кое-кто заметил, что президентша скрылась раньше президента, но это все равно было отмечено.

Они сошлись позднее в маленьком салоне, примыкавшем к частной столовой. Ему наконец удалось сесть, а она печально смотрела через окно на развороченную острыми каблуками лужайку.

Метрдотель пригласил их к обеду. Президентша не тронулась с места.

— Что с вами? — спросил президент. — Вам нездоровится?

Она обернулась и ровным голосом сказала:

— Мне все осточертело, вот в чем дело. Осточертело!

— Хорошо, — ответил Кастор. — Но это никто не должен видеть.

Она медленно подошла к камину и сказала:

— Мне кажется, я разобью сейчас вазу.

— Ладно, бейте. Лучше ту, что слева, она безобразнее.

Тогда он услышал то, чего никогда не ожидал услышать из уст своей идеальной супруги, не высказавшей ему за все 35 лет их совместной жизни ни одного упрека. Чего только он не услышал! Всю накопленную годами обмана и унижений молчаливую ярость, подавленные обиды, проглоченные слезы, все неразделенные желания, раздавленные порывы. Все эти 35 лет были тщательно перелистаны все тем же ровным голосом хорошо воспитанной женщины, 35 лет, насыщенных сверхактивностью, если подсчитать, сколько детских садиков она открыла, сколько младенцев перецеловала, хотя говорили, будто рождаемость во Франции невысокая. Ко всему этому следует добавить приемы с чаем, обеды в посольствах, на которых она скучала, и все ленточки, которые ей довелось перерезать. Так вот, коли все это подсчитать, ее можно было бы назвать олимпийской чемпионкой, золотой медалисткой по общественной работе.

— А мне казалось, что это вам нравится! — воскликнул Кастор, воспользовавшись паузой, когда она переводила дыхание.

— Мой бедный друг, — сказала она, — я могла бы воспользоваться вашим языком и сказать — мой бедный олух. Просто я вас любила.

Он посмотрел на эту седеющую даму, слегка располневшую, но, как обычно, изящную в своем не бросающемся в глаза платье.

— Хорошо. А теперь вы меня не любите.

— Теперь мне невыносим даже звук вашего голоса, вашего прославленного голоса.

— Хорошо, — машинально повторил Кастор. — Очень хорошо.

— Перестаньте повторять каждую минуту «хорошо». Иначе я заору!

— Вижу. Ну, а если от всего этого абстрагироваться, что вы намерены делать?

Она вернулась к окну и ответила, стоя спиной, что собирается обсудить с садовником, как побыстрее привести в порядок лужайку, обсудить с поваром наиболее подходящее меню для приема арабского шейха, принять председательницу профсоюза брошенных матерей, подписать ответы на триста писем, полученных ею на этой неделе, но так, чтобы каждый ответ был по существу.

— Ладно, — сказала она, — я буду исполнять свой долг.

— Хорошо, — сказал Кастор. — Очень хорошо.

Она обернулась, и в какой-то момент ему показалось, что она сейчас даст ему пощечину.

— Я буду исполнять свой долг до конца срока вашего пребывания на этом посту, в знак уважения к тем, кто вас избрал. Но затем... Что касается вас, то надеюсь, вы выполните свой долг в отношении ребенка, о котором мне говорили... А теперь пошли обедать, иначе прислуга начнет теряться в догадках.

— Мне наплевать на прислугу, — ответил Кастор.

И, схватив трость, сбросил вазу с камина.

— Если мне хочется что-то разбить, я разбиваю, — заявил он.

В столовой дома, который занимали его родители в Ницце, Пьер увидел по телевизору некоторые кадры парада 14 июля.

Живя у матери, он снова оказался в обстановке постоянной грызни на фоне нежности, к которой они оба издавна были приучены. К его вящему удивлению, человек, которого он всегда называл мужем своей матери или «полковником», пораженный односторонним параличом, потерял дар речи. С той минуты, как он замолчал, бедняга стал безвреден. Его выкатывали теперь на балкон, выходивший на море, и он молчал. Во время парада он начал буквально извиваться при виде президента, которого ненавидел. «Все они одинаковы, — говаривал он в лучшие времена. — Бедная Франция! Подумать только, что ради них мы жертвовали своей шкурой...»

Теперь, впервые за двадцать лет, мать Пьера была свидетельницей согласия между мужчинами.

— Нет, ты видел рожу этого типа? — говорил Пьер.

И тот неистово кивал головой.

Превратившись в старого розовощекого ребенка, с которым проворно обращалась сиделка, полковник мог лишь выражать с помощью неразборчивых звуков свою ярость, которую вызывала в нем эта особа, когда подходила к нему и повязывала вокруг шеи салфетку, говоря: «А теперь мы будем паинькой, съедим наш компотик и отправимся бай-бай». Иногда ему удавалось сбросить тарелку на пол, и это была лучшая минута в его жизни за текущий день.

— Он страдает? — спросил Пьер, пораженный видом поверженного колосса.

— Нет, не страдает. Мы просто капризничаем. Если мы начнем сначала, то получим трепку, — ответила сиделка.

Вместо симпатии, которую, казалось бы, должно было вызывать у него всякое существо, способное унижать полковника, Пьер заявил, что убил бы эту бабу.

— Прошу тебя, не заводись, — сказала ему мать. — Это святая. Не знаю, что бы со мной было без нее.

В прежние времена, когда он приезжал, полковник встречал его неизменным: «Чему мы обязаны?», полагая, что это остроумно. Пьер отвечал: «Если я мешаю, могу уехать». А мать плаксивым тоном подхватывала: «Прошу тебя, не заводись...»

Остальное было так же стереотипно, если не считать деталей. «Ты можешь только заставлять плакать свою мать», — говорил полковник. Однако теперь, пригвожденный к месту, лишенный языка, он был вне игры.

Но роль представителя власти взяла на себя сиделка.

Когда в первое утро Пьер сошел вниз из своей бывшей детской, то услышал: «Значит, мы встаем так поздно?», что заставило его поспешно ретироваться.

Тем временем жизнь наладилась. Возвращаясь с пляжа, он видел, что постель прибрана, окна закрыты, чтобы избежать проникновения удушливой жары, белье лежит проглаженным в комоде, тюбики с зубной пастой и для бритья стоят с завинченными колпачками, умывальник — вымыт до блеска, а в термос налита свежая вода. И, естественно, его ждал завтрак.

Он работал всю вторую половину дня. Услышав в семь часов на лестнице удаляющиеся шаги сиделки, означающие, что путь свободен, что полковник умыт и накормлен, напомажен и уложен спать с рукой на звонке, он откладывал перо и приходил побродить около матери, спрашивал: «Что на ужин?» — и завладевал террасой.

За две недели материнская кормежка, солнце и отдых превратили тощего черного волка в лощеного молодого человека.

Однажды утром, когда он подтаскивал к берегу доску от серфинга, которую хозяин пляжа, его бывший лицейский товарищ, одалживал ему, он увидел подставленные солнцу груди, показавшиеся ему знакомыми.

«Элизабет», — произнес тихо он.

Глаза за большими фарами очков открылись, и Элизабет — это была именно она — поднялась, опираясь на локти. Ах, это ты, как поживаешь? У меня порядок, а у тебя, тоже порядок, обожди, я тебе представлю жениха, мы обвенчаемся в будущем месяце, видишь, это он там на водном велосипеде, нет, меня ждут, привет.

Он сбежал, а вернувшись раньше обычного, столкнулся с сиделкой, когда на кухне стал рыться в холодильнике.

— И вам не стыдно нагружать всей этой работой мать? — спросила она. — Ох, уж эти мужчины! Все одинаковы. Разве вы не видите, как она устает?

— Она обожает жертвовать собой, — сказал Пьер, и был не так уж не прав. Тем не менее он поискал ее. Она читала на террасе полковнику, который иначе отказывался есть.

Прежде Пьер никогда не замечал, что его мать пользуется для чтения очками. Он их тихонько снял.

— Что ты делаешь? — спросила она. — Зачем?

Он взял ее за руку и заставил встать.

— Идем. Я приглашаю тебя в ресторан. Надень красивое платье, чтобы не позорить своего сына.

Но она и слышать об этом не хотела. И как обычно, когда их разговор выходил из избитых фраз, они стали ссориться, в то время, как, лишенный своей газеты, полковник недовольно ерзал на месте. Мать и сын явно готовы были к разлуке, о которой потом станут жалеть.

Пьер сообщил о своем отъезде.

Собрав вещи в чемодан, который стал тяжелее от трех банок варенья, он крепко прижал к себе мать.

— Поцелуй отца перед отъездом, может статься, ты его больше не увидишь.

Он заворчал, сказав, что это еще не повод, но она тихо добавила:

— Он был добр к тебе, малыш, и добр ко мне.

Тогда он послушался. Притронулся губами к исхудавшей щеке, и тут возникла сиделка.

— Значит, мы уезжаем, не простившись? Господи, для чего мы только рожаем детей!

— Чисто случайно. В отношении меня могу заверить, это не было сделано нарочно.

Он схватил чемодан и скатился по лестнице, проклиная себя за то, что опять оставил мать в слезах. По дороге на вокзал он отправил ей три букета незабудок.

В конторе Эрбера Пьер узнал, что толстяк в Швейцарии, где проходит курс омоложения. Оттуда он вернется в конце месяца, потеряв несколько килограммов и с намерением побыстрее наверстать упущенное.

Издательство было погружено в полусон летних отпусков. Он вручил сто страничек перевода машинистке и забрал продолжение рукописи, доставлявшейся из Германии по кускам.

Девушка, которая принимала его, заметила, что он прекрасно выглядит, очень хорошо. И они пошли вместе пообедать. Это была очень милая девушка. Она знала решительно все о литературной жизни Парижа, о которой Пьер не имел ни малейшего представления, и жонглировала именами, которые он никогда бы не смог снабдить фамилиями. Пьер спрашивал, кто такой этот Жорж или Бернар, и она смеялась. Он что, с луны свалился? Зато, когда заговорили о кино, Пьер взял реванш. Он мог назвать имена японских операторов, турецких сценаристов, бразильских актеров второго плана, все фильмы Гриффита и боготворимого им Луиса Буньюэля. Лучшие часы в годы учебы он провел в синематике.

Она два или три раза сказала, что он рассуждает, как Филипп-Андре, он спросил, кто это такой? И узнал, что это весьма знающий парень, с которым она рассталась, так как поняла, что одной привязанности все же маловато.

Она была миленькая, с небольшим прямым носиком и очень длинными, как у матери, волосами. Он спросил, не арлезианка ли она. Нет, она была из Бретани. И пожелала заплатить свою часть по счету.

В тот день у него не было дел, а она вернулась к себе лишь в пять часов. Но никто этого не заметил, потому что издательство напоминало пустыню.

На другой день Пьер упрекнул ее — она оставила на его ночном столике свои сережки.

Жюли проявила догадливость, на которую даже Клер не рассчитывала. Подруги отправились в спальню, освещенную солнцем и хорошо освеженную кондиционером. Клер чихнула и на минуту пожалела о темной и теплой комнате, защищенной от солнца шторами, через которые лишь пробиваются полосы света.

Южный дом с плотными стенами и жалюзи на окнах напоминал им об их юности, времена, когда они проводили каникулы в старом и ветхом доме родителей Клер, с крыши которого во время августовских гроз сыпалась черепица и где не было ванных комнат.

Дом был продан, оливковые плантации тоже, продано и фиговое дерево, под пышными кронами которого можно было обедать вдесятером. Все великолепие кленовых лесов, весь комфорт дома в Коннектикуте, включая бассейн, не шли ни в какое сравнение с ушедшими в прошлое теми летними днями.

Может быть, потому, что Клер и Жюли отбросили в сторону привычные и удобные фразы, присущие обычно их разговорам, и снова были вместе, как во времена своих детских откровений, Клер внезапно вспомнила старый дом, в котором они когда-то говорили друг другу все.

Жюли была настолько резвой и живой, насколько задумчивой и молчаливой оставалась Клер. Первая всегда брала на себя принятие смелых решений и, будучи еще девчонкой, говорила, что станет авантюристкой. Однако она вместо этого стала женой вполне уравновешенного человека и матерью огромного семейства, поглощавшего все ее время. Тогда как Клер превратилась в деловую женщину, родившую вне брака ребенка, чей отец стал президентом Франции и которому грозил теперь скандал. Такова жизнь.

Приговор Жюли был прост и ясен. Клер сошла с ума. Первое: вся история с похищением гроша ломаного не стоит. Государственный деятель не рискнет похитить американского мальчика, пусть даже своего собственного сына. От такого скандала он никогда не оправится. Наверняка самым лучшим было не прятаться с Майком, а, наоборот, как можно чаще появляться с ним на людях. Два: Европа — конченый материк, пригодный разве что для туризма, конченый, как старый дом, оливки. Майк совершенно приспособлен к американской жизни. Вместо того, чтобы увозить его в Париж, почему бы Клер не перебраться со своей фирмой в США, похоронить прошлое, поискать себе достойного мужчину. В ее 38 лет самое время. Надо это сделать до того, как кожа с внутренней стороны бедер станет вялой и дряблой.

Пока Клер изучала внутреннюю сторону бедер — тут ей нечего было пока опасаться, — Жюли продолжала. Три: что бы Клер ни решила, она всегда может рассчитывать на Жюли, в том числе на то,

чтобы разговаривать по-французски с Майком, дабы он не забывал свой родной язык.

Клер заговорила о матери, с которой не очень ладила — в конце каждого года та начинала жаловаться на то, что ее дочь не замужем, ты еще увидишь, дитя мое, как печальна одинокая старость, я с тех пор, как твой бедный отец меня покинул...

— Она глупа, — сказала Жюли. — Она всегда была глупой. Я думаю, что твой отец так рано умер, чтобы ему не надо было ее терпеть.

Да, она, конечно, глупа, но может ли Клер ее бросить? Звонить ей что из Парижа, что из Нью-Йорка — одно и то же, только стоит дороже. Если она уедет, у матери появится новое основание хныкать, возразила Жюли, отличавшаяся неизменным здравым смыслом.

Пришел Майк и сообщил, что намерен прыгнуть в воду с верхней площадки и просит мать пойти посмотреть.

— Неужели ты запрешь его в одной из ваших веселых школ, где на гимнастику отводится час в неделю? Сможет ли он еще где-нибудь скакать верхом в твоем халате? — спросила Жюли.

Клер согласилась, что нет. Ей было ясно: она устала, страшно устала.

За обедом обсуждали предстоящую поездку в Грецию, где все семейство должно было встретиться через неделю. Дети ссорились, как обычно, говорили все сразу, кроме упорно хранившего молчание Майка.

Внезапно он спросил по-французски:

— А я куда еду?

— С нами, конечно, — ответила Жюли.

— Ты обещала, что мы поедем во Францию, в твой дом, — сказал Майк, посмотрев на мать. — Ты обещала.

Он встал и с достоинством вышел.

— Вы ему обещали, — строго сказала старшая из дочерей Гофманов и побежала за Майком. Четверо остальных начали хныкать, залаяли собаки. Тогда в первый, а может, и в последний раз в жизни Клер выругалась, прошептала «простите» и разрыдалась.

— Ну, ладно, — спокойно сказала Жюли. — Я давно этого ждала. Дайте Клер спокойно поплакать. А ты сходи и принеси бумажные платки...

Президент ненавидел лето.

Дни, впрочем, проходили спокойнее, как только члены правительства, профсоюзные деятели, журналисты, учителя уезжали в отпуск и основными событиями в национальной жизни становились лесные пожары, пропавшие парусники, пробки на дорогах и загрязнение морей. Кастор ждал «начала сезона», которое обещало быть жарким. Но он стал президентом не для того, чтобы прозябать, и всеобщая психологическая разрядка была ему тем более не по вкусу, что он никогда не имел права надолго отлучаться из Парижа в любой компании, кроме жени-

ной. Но в нынешнем году их вынужденный тет-а-тет рисковал быть отнюдь не веселым.

Под предлогом того, что отношения между двумя «великими державами» внезапно стали более напряженными, как говорят журналисты (лично он не любил такое выражение, так как неизменно спрашивал: а Франция? Разве она не великая держава?), он отправил свою супругу в их фамильный дом и остался в Париже один. Внимание газетчиков было привлечено к слухам о предстоящей перетасовке в кабинете министров, он сам распространил этот слух. Ему нравилось таким образом напоминать членам правительства, сколь эфемерно их положение.

На самом деле он решил дождаться января, но, как обычно, его решение скрывалось до последней минуты. Удивлять было составной частью его таланта.

На сегодня только один министр, повинный в несдержанности выражений, был сменен по требованию премьер-министра, которому наскучило вечно исправлять его промахи. Президенту же нравился этот пылкий человек. Слишком молодой, чтобы его достоинства могли вызвать подозрения, и достаточно молодой, чтобы вызвать к себе уважение. Когда-то он сам открыл ему дорогу в Париж.

После того как премьер-министр сообщил ему об отставке, виновник неуместных заявлений был приглашен к президенту.

Машина высадила его перед Елисейским дворцом, он представился охране и был вынужден пешком пересечь лужайку по скрипевшему под ногами гравию. Он был неглуп и уязвлен тем, что его унизили. Поэтому он вошел в президентский кабинет, куда его пригласили впервые, с недовольным видом. Но президент принял его по-отечески, и бывший министр несколько ободрился. Прощенный за несдержанность своих выступлений, он был приятно удивлен, узнав, что его одобряли по существу, что «старик» пожертвовал им с болью в сердце, что премьер-министры не вечны, не надо отчаиваться, это просто пауза. Ободренный тем, что остается при дворе, он сделал то, что считал нужным сделать, то есть разделал под орех предполагаемого кандидата на пост президента, занимавшего, кстати, немаловажный пост в правительстве.

Но «старика» нельзя было так просто провести. Как ни ласкала его слух спетая песня, он оборвал певца, удержав в памяти лишь то, что Ненавидимый Соперник пользуется благосклонностью министра внутренних дел, которому внутри партии поручено отговорить Кастора выставлять снова свою кандидатуру.

Значит и Поллукс предал его. Даже Поллукс?

Однако подтверждения этим слухам не было. К тому же он в глубине души слишком хорошо знал, в чем заключается искусство отравления мозгов. Он знал также об умении Поллукса находиться со всеми в добрых отношениях, чтобы эти россказни обеспокоили его всерьез. Но интуиция его не подводила, когда он заподозрил Поллукса в том, что тот на стороне Клер. Глупо говорить, что ребенка нельзя найти, когда располагаешь такими возможностями. А так как вечным недо-

статком Поллукса была недооценка противника, он недооценил и Кастора, полагая, что сможет его провести.

Инспектор, заменивший одного из двух охранников Поллукса, постоянно сопровождавший его, был агентом президента. Таким образом Кастор установил за Поллуксом слежку и знал о его отношениях с Клер. Эти встречи его явно раздражали своим постоянством и интимностью. В прежние времена в их трио Поллукс был запасным, удобным и одновременно полезным другом. Узнав, что теперь между Клер и Поллуксом установились добрые отношения, он сначала рассердился, затем укрепился в своей подозрительности. Слова Поллукса о том, что надо бы похитить мальчика, чтобы держать ее «на крючке», не ускользнули от его внимания. Почему этот болван не сказал ему сразу: мол, ты не можешь так поступить! В твоем положении нельзя допустить, чтобы Клер объявила тебя похитителем ребенка. А тот вместо этого повел себя, как мальчишка. О, одиночество власти! Даже Поллукс не откровенен с ним. Все негодяи, все развращены страхом... А он так мечтал о собеседнике, способном противостоять ему, противоречить, быть откровенным. Кастор действительно так думал, хотя терпеть не мог слов «будет дождь» после того, как сам сказал «будет ясно».

Короче, он установил слежку за Поллуксом и через своего человека узнал часть разговора в машине, когда Поллукс провожал Клер после ужина в китайском ресторане. Это позволило Кастору пойти сильной картой, сказав Поллуксу, что ребенок больше не находится в Америке.

Хорошо. А раз он встал на сторону Клер, почему бы ему не быть на стороне Ненавистного Соперника? Он решил поставить все точки над «i» и пригласил Поллукса на обед. Им накрыли на маленьком столике в сером салоне, единственном без обшивки деревом и позолоты.

Кастор перешел на «ты» и разыграл роль озабоченного человека. Семилетний срок — немалый сам по себе... Кстати, и жена требует, чтобы он отошел от дел... К тому же он чувствует, как стареет... Да, да, стареет, память стала отказывать, рефлексы не те, все более чувствительным стал физический недостаток, все труднее бороться с растущей усталостью... Не пора ли уступить место более молодому, более современному по тону речей и поведению человеку?.. В общем, Поллукс понимает, о ком он говорит. Не пройдет и нескольких месяцев, как тот созреет, чтобы занять его пост, к тому же популярность того растет, по крайней мере, судя по опросам общественного мнения... Что говорят об этом в партии? Кастор просит Поллукса быть абсолютно искренним, он имеет на это право, учитывая их долгую дружбу и понимание национальных интересов. И так далее, и так далее.

Он просил дать ему ответ, и он его получил. Поллукс сказал, что он прав и его слова — свидетельство ясности восприятия вещей и умения предвидеть будущее. Он сказал, что счастлив и чувствует облегчение, узнав о решении Кастора — выражении его ума и здравого смысла.

— Хорошо, — произнес Кастор, прикрыв глаза. — Очень хорошо.

И только после этого произошел взрыв. Значит, то, что ему говорят, правда? Даже Поллукс! Стало быть, заговор внутри партии с целью его

обескуражить и подтолкнуть к принятию кандидатуры Ненавистного Соперника получил поддержку старого, самого старого друга, самого верного союзника! Очевидно, его преследуют какие-то жалкие амбиции. Все честолюбцы! Так что ему пообещал тот, другой? Вероятно, пост премьер-министра? Такова должна быть плата за измену. А Франция? О Франции никто не думает, ни тот, ни Поллукс... Все одинаковы. Заняты только своей карьерой, забывают о насущных интересах нации. За кого он себя принимает? Кем бы он стал без него?

Он был груб, бил сильно, жестоко, награждая каждого убийственной характеристикой. Он был мерзок, он был самим собой и закончил словами: «Я вас уничтожу, всех уничтожу!» — сделав тем самым предупреждение, которое подчас у него сопровождалось действиями, привычными, когда противились его воле.

На этот раз Кастор был действительно ранен.

Он почувствовал удар еще сильнее, когда Поллукс вместо того, чтобы его успокоить, перейти к защите, просить прощения, сказал:

— Это ты забыл об интересах нации. Ты хотел меня выслушать — изволь. Я не отказываюсь ни от одного сказанного мною слова. Что касается заговора, я в нем не состою, и тебе это прекрасно известно. Более того, если он не получил размаха, то не без моего вмешательства. Я считаю недостойным ослаблять твою власть в последние месяцы... Да и вообще, нет никакого заговора. Просто ведутся разговоры между людьми, считающими, что если ты выдвинешь свою кандидатуру, то будешь побит. Я тоже так считаю. Об этом я уже говорил тебе несколько месяцев назад.

Кастору выпало пережить пренеприятные минуты, пока Поллукс описывал поведение президента за последнее время — без всякой предвзятости, но и без какого-либо снисхождения. Очень неприятные, ибо, как уже было сказано, Кастор умел признавать свои ошибки, впрочем, по преимуществу старые.

Начав ему отвечать, Поллукс сказал себе: он выбросит меня вон, ну и пусть! Рано или поздно такой разговор должен был состояться.

Но Кастор молча его выслушал и сказал:

— Хорошо. Нам следовало обсудить все это. Ты несправедлив. Но почему ты не сказал мне об этом раньше?

Поллукс ответил, что это и есть самое худшее: никто не берет на себя смелость поговорить с ним, сказать что-то другое, кроме того, что он сам хочет услышать. Ведь тогда можно оказаться в лагере заговорщиков, занимающихся происками.

— Ты считаешь, что я стал невыносим? — спросил Кастор.

И, следуя своему праву говорить правду, Поллукс ответил:

— Ты всегда был невыносим. Немного параноиком, как говорит Клер. Невыносимым и незаменимым параноиком.

— Клер так... действительно так считает? — проворчал Кастор. — Хорошо. Очень хорошо. Стало быть, вы с Клер...

Надо было бы сказать: «...плетете заговор против меня», но он продолжил иначе:

— ... теперь в близких отношениях, весьма близких?

— Нет, — ответил Поллукс. — Их лучше назвать теплыми.

— Что слышно по поводу поисков ребенка?

— Я не ищу его, никогда не искал и искать не буду.

Поллукс встал. Его худое лицо сделалось еще более серым, чем обычно.

— Мою отставку ты получишь через полчаса.

— Не веди себя, как олух, — сказал Кастор. — И садись. Нам еще надо о многом поговорить, а я предпочитаю пить кофе за столом.

Когда самолет из Нью-Йорка приземлился в Руасси, из него вышли Клер, Майк и семеро Гофманов. Гофманы отправились в зал для транзитных пассажиров, а Клер с Майком двинулись по длинному белому туннелю.

— Неделя, только неделя, — сказала Клер Жюли, — и мы присоединимся к вам в Греции.

Майка восхитили прозрачные, пересекающиеся переходы. У него уже был некоторый опыт, но этот аэропорт не походил ни на какой другой. Разве что выдача багажа заняла много времени, как и всюду, а пассажиры всюду одинаковы...

Клер приняла лишь одну меру предосторожности: она вернулась под вымышленным именем, предъявив фальшивый паспорт, в который был записан и Майк.

Ранним утром они приехали на улицу Гренель, где Красавчик, издалека учуяв их шаги, как это бывает со всеми кошками, уже ждал у двери. Но едва только они вошли и побросали багаж, как его стало невозможно поймать.

Ставни были закрыты, холодильник — пуст, в нем находились только молоко и печенка для Красавчика. На счетчике ответчика значилось 32 вызова. Становилось жарко. К тому же Клер уехала, бросив малярные работы, так что вид квартиры был довольно живописный.

Открыв окна — нет, Майк, тут нет кондиционера; раскрыв чемоданы — нет, Майк, кошки не реагируют на свист; осторожно, он тебя оцарапает; приняв душ — нет, Майк, здесь нет утренней программы по телевидению, — они отправились за покупками.

Вернулись, когда в доме уже находилась прислуга, и Клер сказала ей:

— Разрешите познакомить вас с моим сыном...

— Меня зовут Майк, а тебя?

Наступил священный момент для ребенка-короля, обладавшего прекрасным аппетитом, да нет же, мадам, я позабочусь об этом сокровище, ты как предпочитаешь есть яйца, моя прелесть, вот уж точно — вылитый мать!

Но когда Майк покончил с корнфлексом и яйцами в мешочек, он сам положил грязную посуду в мойку. Он не привык у Жюли, чтобы его обслуживали.

Наконец он обосновался на высоком табурете перед рисовальным столиком, попросил включить музыку и пообещал не скучать, пока его мать будет отсутствовать.

Клер пренебрегла властным требованием Кастора, настойчивой просьбой Поллукса, дружеским призывом некоторых других, которые извещали об отъезде в отпуск, полным юмора сообщением ее не часто появляющегося любовника. На работе ее ждали куда более срочные и важные дела.

Вернувшись часам к семи, она обнаружила Майка спящим в обнимку с Красавчиком. Этой стороной он тоже был признан. Клер накинула на него одеяло, которое тот отбросил, не проснувшись, подобрала разбросанные ботинки и пустой стакан из-под молока, засунула в конверты пластинки, закрыла тюбики от краски.

Это был непривычный для ее дома беспорядок. Клер еще не вступила в тот возраст, когда страдаешь от беспорядка, вносимого другими, и всячески сокращаешь свой собственный. Однако, прожив долгое время одна, она привыкла к роскоши иметь ванну, которую ни с кем не надо делить, к свету, который гасишь сама, к музыке, которую слушаешь, телевизору, в определенное время включенному, и к еде либо досыта, или никакой.

Жизнь в токийском отеле определялась чрезвычайными и в общем-то временными обстоятельствами. Здесь, у себя дома, невинный беспорядок напомнил ей, что значит жить в однокомнатной квартире, какой бы большой она ни была, с мужчиной, пусть и десяти лет от роду.

Во сне от него исходил приятный здоровый запах. Она не удержалась от соблазна поцеловать его, задвинула шторы, схватила кусок ветчины, съела, управляясь руками. Усталая, но не способная уснуть, пока ее биологический будильник показывал американское время, то есть середину дня, она снова принялась малярить на кухне.

К полуночи, совершенно обессиленная, она приняла снотворное. В шесть утра Майк разбудил ее — свежий и готовый на все.

Он перемазался краской, когда рылся в холодильнике, и теперь не знал, чем отмыться.

В десять минут девятого зазвонил телефон. Майк поднял трубку и сказал «И-йе». Это был Поллукс.

— Наконец-то вы вернулись, — сказал он. — Вы не одни?

— Да. Вам ответил мой сын. Знаете, предпочитаю оказаться в пасти льва, чем бегать от него, пока он не поймает.

— Лев ранен. С этой стороны нет опасности. Я не знал, куда вам позвонить, чтобы сообщить об этом.

Что касается письма, там тоже все тихо. Она сказала, что пробудет в Париже дня три, а затем присоединится к друзьям в Греции и вернется к 1 сентября.

— Что нового у вас?

У Поллукса не было отпуска. Свой довольно длинный уик-энд он намеревался провести в Италии. Ему хотелось посмотреть картины

Карпаччо, пока очередная мировая катастрофа не уничтожила их вовсе.

— Не хотите присоединиться? — спросил он.

— Нет, — ответила Клер, смеясь. — У меня в программе Эйфелева башня, могила Наполеона и Дворец открытий. Карпаччо хорош. Созвонимся по возвращении.

Она также пообещала Майку прогулку на катере по Сене. Клер ничего подобного никогда бы не пришло в голову, не будь Майка, который все это требовал по подсказке гофмановских детей.

Прислуга пришла проститься. И она уезжала в отпуск. Как мадам намерена в этом году поступить с Красавчиком, ведь консьержка тоже уезжает? Эта особа обладала умением четко формулировать свои мысли. Она говорила поставщикам о Клер: «Мадам — это машина, которая зарабатывает деньги, чтобы покупать машины», имея в виду оборудование кухни. Клер она заявляла: «Вы умеете делать то, что я умею, но я не умею делать то, что умеете вы».

Она сказала, что охотно взяла бы Красавчика, но тот вряд ли подружится с ее мужем, у которого собачий характер.

— Мы увезем его с собой, — сказал Майк, который больше не расставался с сиамским котом.

— Придется тогда купить специальный мешок для транспортировки животного — с окошечками для обозрения и воздуха, — сказала женщина.

Короче, всем вокруг предстоял трудный день.

Поллукс не был обременен обычными заботами. Он не очень рассчитывал на согласие Клер. Приятные особы, с которыми он проводил подчас, и даже весьма регулярно, свои вечера, были не из тех, кого могла бы увлечь живопись. К тому же там можно было напороться на знакомых. Он полистал блокнот, набрал два телефона — безуспешно! Хорошо. Жребий брошен, он едет один.

В 8.45 секретарша принесла почту. Это была заместительница его постоянной секретарши, которая находилась в отпуске. Ему требовалось досье по одному личному делу, и он с раздражением ждал, когда его принесут.

— Позвоните мадам Селль, — сказал он. — Она вам подскажет, где его найти. Надеюсь, вы знаете, где она?

— О, да, господин министр, — ответила молодая женщина. — Мадам Селль в Венеции. Она оставила свой номер телефона.

Поллукс любил мадам Селль. Он был бы в отчаянии, случись потерять ее. Ни одна женщина не могла похвастаться ни тем, что провела с ним столько часов, ни тем, что была ему столь необходима. Однако при мысли, что он может встретить ее где-нибудь на площади Святого Марка и ему придется разделить ее одиночество, он погрустнел. Часы пробили девять. Надо было думать о другом.

По окончании совещания он задержал начальника канцелярии.

— Когда вы уходите в отпуск? — спросил Поллукс.

— Когда угодно, господин министр. Я ведь холостяк...

Не хочется ли ему прокатиться в Венецию?

— В Венецию в августе? Откровенно говоря, господин министр, я предпочитаю Лозьер. Но могу я знать...

— Нет, нет, ничего...

Нельзя сказать, что он долго оплакивал жену, когда она его бросила, настолько жизнь его упростилась. Но два-три раза в год он понимал, почему люди женятся, даже жалея потом об этом.

В 12.30 он узнал, что министр сельского хозяйства был задержан студентами-демонстрантами и его самолет не вылетел в положенное время. Звонил префект департамента. Обедал Поллукс один, чего с ним никогда не случалось на неделе. Окончательно подавленным он почувствовал себя при виде семги под татарским соусом. Он ведь запретил подавать ему это блюдо, которым его так часто угощали на разных приемах. Но его обычный повар был, как все, в отпуске, а заместитель ничего не знал об этом распоряжении.

Он вызвал своего начальника канцелярии, чья машина уже выезжала из ворот, и тот поспешно поднялся к нему.

— Вы любите семгу под татарским соусом? — спросил Поллукс.

— Когда она хорошая, господин министр.

— Тогда садитесь и ешьте. Вы нужны мне.

Даже убежденные любители одиночества проявляют подчас желание поговорить с кем-нибудь, хотя бы с собственной тенью, умей она говорить.

Его подчиненный повиновался, отменив назначенную встречу. Он так и не понял, зачем министр в течение часа рассказывал о метаморфозах венецианского искусства, освобожденного от византийского влияния, о хроматических кристаллах и космическом построении сюжета карпаччской «Святой Урсулы», а также о волнении, которое вызывает «Буря». Но одно было ясно — министр явно не в своей тарелке и ему срочно необходим отдых.

2 августа розовощекий и похудевший Эрбер испытал живейшее удовольствие, обнаружив в оставленной ему секретаршей почте записку Пьера: «Я зайду за вами во вторник, чтобы вместе пообедать, если... вы найдете работающий ресторан».

Он сделал несколько звонков, и в конце концов нашел столик в достойном для такой встречи заведении.

— Вы превосходно выглядите, мой мальчик! Прекрасно! — сказал он, увидев входящего еще загорелого Пьера, действительно в отличной форме. — Как приятно вас увидеть снова!

Дверца его сейфа была открыта, и он как раз собирался положить туда одно досье и уже стал было его запирать, когда Пьер сказал:

— Отдайте мне письмо, ну, того типа.

— Пожалуйста. Но зачем оно вам?

— Нужно.

Эрбер вынул письмо из сейфа и отдал Пьеру, который положил его в карман.

— Смотрите, не потеряйте, — посоветовал толстяк. — Пошли? Было бы жаль. У меня есть идея, которая может вас позабавить.

— У меня тоже. Пошли. А то у меня сегодня еще одно свидание.

Эрбер пожелал взять такси — выбранный им ресторан находился довольно далеко.

— Садитесь-ка сзади, — сказал ему Пьер, показывая на свой мотоцикл. — Я сам вас отвезу. Только держитесь крепче. Куда нам ехать?

И они покатили.

— Все-таки помедленнее, — попросил Эрбер.

— Ладно уж, папаша, — смеясь, ответил Пьер. — Исключительно ради вас.

Только после выбора меню к Эрберу вернулся его обычный апломб.

— Я вижу, вы не изменились, — заметил Пьер. — Главное для вас — пожрать.

Пьеру хотелось поговорить о своей работе. Он принес несколько страниц перевода, чтобы посоветоваться с Эрбером, они ему никак не давались. Эрбер поднял на лоб очки, чтобы прочесть протянутый ему текст. Обнаружил смысловую ошибку, подчеркнул точный перевод фразы, из которой ушел, однако, ее язвительный смысл. Но помимо этих ошибок, работа была сделана отлично.

— Вы ухватили самое главное — музыку, движение немецкого текста.

Пьер забрал свои листки. Телятина с рисом, которую им принесли, на некоторое время целиком поглотила внимание Эрбера.

— Помните ту официантку? — спросил Пьер. — Ну, из кафе, откуда я звонил?.. Она умерла.

— Как вы об этом узнали?

— Я пошел туда... Мне захотелось ее отблагодарить. Хозяин был один. Он сказал: «Вы спрашиваете мадам Берту? Представьте себе, однажды утром ее нашли мертвой в собственной квартире. Виновники пока не обнаружены. С тех пор не могу найти ей замену».

— Ну и что?

— Ничего.

Эрбер вздохнул. Что делать с этим парнем, способным на всякие глупости?

— Вы думаете, было благоразумно туда ходить?

— Мне хотелось ее отблагодарить.

— Сколько вам лет, мой мальчик?

— Ровно двадцать.

— Я бы сказал — двенадцать. Да нет — одиннадцать.

— Вам неизвестно чувство благодарности. Есть люди, которым хочется сказать спасибо за их поступок.

Он взглянул на часы.

— Ах ты черт! Я опоздаю... Так я вас оставлю... Вы найдете такси. Спасибо! До скорого!

Клер и Майк вернулись с прогулки мертвые от усталости. Майк отмокал в ванне, когда около семи позвонили у входа. Набросив цепочку, Клер приоткрыла дверь и увидела Пьера.

— Не бойтесь, — сказал он. — Вы меня не узнаете? Я приходил в связи с опросом...

— Нет, нет... Этого достаточно!

И Клер захлопнула дверь.

— Кто это был? — крикнул Майк.

— Не знаю. Он ошибся дверью.

— А я думал, не сюрприз ли это? — сказал Майк.

— Какой еще сюрприз?

Он вышел из ванной, наследив как следует на полу.

— Иди, я тебя оботру.

Заворачивая его в полотенце, она увидела подсунутую под дверь бумажку.

— Пошли. Поставим пластинку.

И стала ему объяснять, какие у нее есть пластинки.

— В твоей системе трудно разобраться. Почему у тебя нет каталога?

— Купим его завтра.

— И побольше кассет!

— И много кассет. Постарайся найти свою любимую пластинку.

И пока Майк искал, она подняла записку и прочитала: «Не бойтесь. Я хотел поговорить с вами об одном письме... из Токио. Я скоро вернусь».

Она бросилась к телефону и вызвала министра внутренних дел. Новая секретарша не знала имени Клер и отказалась соединить ее с министром.

— Скажите ему, что речь идет о письме из Токио. И побыстрее, прошу вас.

— Я еду, — бросил Поллукс. — Если он придет раньше меня, задержите его.

Наконец-то произошло то, о чем он все время думал. Он извинился перед посетителем, передал его начальнику канцелярии, потребовал машину. Скорее! Через двадцать минут он был у Клер.

Через двадцать минут Пьер снова приехал на улицу Гренель. Перед дверью стояла министерская машина с флажком, за рулем был шофер. Охранник, Андриен, — он вернулся — стоял, облокотившись на открытую дверцу. Пьер, увидев флажок, прошел мимо дома прямо в соседний. В китайском ресторане он видел Клер с министром внутренних дел. И он понял, что она позвала его. Ну нет, он не попадется на эту удочку.

Пьер обождал некоторое время, вышел из подъезда, снова прошел мимо машины и спокойно удалился. Он поискал работающее кафе, с трудом обнаружил такое. Казалось, весь район погрузился в спячку.

Когда зазвонил телефон, Клер бросилась к аппарату и услышала мужской голос: «Напрасно, мадам, вы якшаетесь с полицией. Тем хуже. Не ждите меня».

Клер стояла ошарашенная.

— Он не придет. Он так сказал. И еще сказал, что напрасно я якшаюсь с полицией.

Поллукс схватил трубку и вызвал шофера. Не проходил ли мимо высокий брюнет, не подходил ли к машине?

— Нельзя сказать, чтоб подходил. Но действительно, мимо прошел, а потом вернулся... высокий молодый брюнет. Минут десять назад... Или с четверть часа.

— Он опознал мою машину, — сказал Поллукс. — Я идиот.

— А что это за машина такая? — спросил Майк. Но не получил ответа. Поллукс снова звонил. А Клер после нескольких дней покоя опять ощутила страх.

— Ты не получишь сюрприз, — сказал ей Майк.

Клер ничего не понимала.

— Его обещал сделать один человек вчера, — спокойно сказал Майк. — У него был сюрприз для тебя.

— Один человек? Вчера?

— Да.

Пока он рисовал в отсутствие матери, позвонили в дверь. Он открыл, и вошел мсье. Какой мсье? Мсье? С обветренной кожей.

— Загорелый, — поправила Клер. — Обветренная кожа — это по-английски.

... Загорелый. Симпатичный. Они поболтали.

— О чем?

— О футболе. Он не знает настоящего — американского.

— Об этом, старина, мы еще потолкуем, — сказал Поллукс.

А помимо футбола? Он спрашивал, целует ли его мама перед сном, умеет ли она готовить варенье из малины, такие вот вопросы, и Майк ему сказал, что с матерью они видятся редко, но в остальном она очень хорошая, что имя отца ему неизвестно, но он его узнает в 14 лет.

— С ума можно сойти, — произнесла Клер. — Отчего же ты молчал?

— Потому что он попросил, сказал: «У меня есть для твоей мамы прекрасный сюрприз, она будет рада».

Он снова поставил пластинку.

— Выключи музыку, — сказал Поллукс. — Ты же видишь, я звоню.

Оскорбленный Майк отправился на кухню. Как ему надоели все эти тайны, он начал нервничать. Вернувшись, он сказал, что нечего есть и что у Жюли все иначе, там холодильник всегда набит. Поглядел недовольно на Поллукса, сел на диван, погруженный в раздумья, и сказал:

— Где я ночую сегодня?

Клер почувствовала приближение бури.

— Мне надо приготовить обед и позаботиться о нем, — сказала она.

Но Поллукс не выразил ни малейшего желания уйти.

Она отвела ребенка на кухню, показав на сковородку, где готовилось, по ее словам, отличное блюдо, приласкала его, сказала, что он будет снова спать в своей постели. И он успокоился.

— Хотите поужинать с нами, Поллукс? — спросила Клер.

— Мне не хочется вас затруднять, — неуверенно ответил тот.

Майк вяло оценил приготовленное блюдо, он устал, и когда его мать сказала ему: иди спать, он не стал противиться и уснул, едва коснувшись головой подушки.

Клер присоединилась к Поллуксу, который зато высоко оценил ее кулинарные способности.

— Завтра он будет другим. Ему давно пора вернуться к нормальной жизни.

Поллукс спросил, когда она намерена покинуть Париж? Билеты заказаны на послезавтра, но лучше бы уехать раньше.

— Я не могу вас отпустить, Клер. Вы нужны мне.

Он объяснил ей, что теперь она единственная может опознать того, кого Майк называет «мсье» и кто, вероятно, похитил у нее сумочку. Теперь всех подозреваемых снова вызовут для опознания. С другой стороны, ее телефон будет прослушиваться, и если «мсье» позвонит снова, ей надо будет подольше держать его на проводе, чтобы они успели установить, откуда он звонит, и задержать. Но это может случиться и через месяц, и завтра. Нет, она не может уехать. Кстати, он тоже.

Но Клер словно с цепи сорвалась. Она сказала, что с детьми в такие игры не играют, во всяком случае, с ее ребенком. Майк расстроен, взволнован, вот отчего он такой противный. Ему нелегко пришлось за последние три недели, теперь все. Ему пора вернуться к нормальной жизни среди Гофманов, увидеть море и ощутить вкус каникул. Оттуда он прямо вернется в США.

— Кстати, я тоже намерена покинуть Францию, — сказала она. — Не насовсем, но так, чтобы работать в основном там.

Она явно приняла окончательное решение.

— Вы можете помешать нам найти письмо. Это ведь и вас касается.

— Мне все равно. Надо уметь выбирать из двух зол.

А то, что этот «мсье» украл у нее пять тысяч франков? И он заговорил о Касторе. На что Клер ответила, что слышать о нем не желает.

— Значит, я вас больше не увижу? — спросил Поллукс.

Увидит, конечно, пусть не волнуется! Ведь ее дела нельзя уладить в мгновение ока. Она снова приедет в сентябре. Клер приняла решение в принципе.

После того как Поллукс наконец уехал, она прибрала квартиру и поставила будильник на восемь часов. Афинский самолет вылетал в 13.10. Они успеют. Лишь бы нашлось два места!

Давненько не было у Поллукса такой скверной ночи! С тех пор, как он едва не погиб в автокатастрофе.

Когда в 7.55 он вышел на авеню Мариньи, то вместо поворота к своему министерству оказался на Фобур-Сэнт-Оноре. Вахтеры Елисейского дворца удивились, увидев министра внутренних дел так рано.

В восемь часов Клер разбудил звонок будильника. Майка не было рядом. Она вскочила. Но Майк спокойно беседовал с Красавчиком за завтраком, который сам себе приготовил.

В 8.10 она узнала, что может получить билеты до Афин на сегодня, выпила кофе с молоком и быстро собрала вещи. Майк проделал то же со своими.

Первым, кого увидел Эрбер, очутившись утром в своей конторе, был Пьер. Открыв дверь, Эрбер попросил его войти.

— Что случилось?

— Я сделал глупость.

Да уж, по правде говоря, это была суперглупость.

— Честное слово, — сказал Эрбер. — Вы все делаете для того, чтобы себя погубить.

Он метался по комнате, обдумывая услышанное.

— Значит, вы крали сумочки, прежде чем познакомились со стариной Эрбером?

— Все из-за девушки...

— Прекрасное оправдание.

— И вообще, черт побери, не такое уж преступление — украсть сумочку у бабы, которая разгуливает с пятью тысячами, — сказал Пьер.

— Этот вопрос можно обсудить, но не сейчас. Глупостью было заявиться к этой бабе, как вы выразились. Вы, часом, там не оставили свой адрес и телефон?

— Я видел ее малыша. Потрясный парень! Только подумать, что он сын того мерзкого типа...

— Вы бы лучше подумали о себе. Вы уже по уши в дерьме, мой друг.

— Поэтому я и пришел к вам так рано. Что мне делать? Смыться? У меня осталась еще тысяча франков. На них далеко не уедешь.

Через час они были на квартире Эрбера, куда никто никогда не приходил. Эрбер запер его, запретив открывать окна и пользоваться телефоном.

— То, что я делаю, я не сделал бы ни для кого в мире, слышите? — сказал Эрбер. — Ни для кого.

— Я знаю, — ответил Пьер.

Эрбер ушел, сказав, что у него на уме несколько вариантов, но он пока не знает, на каком остановиться. Главное в настоящий момент заключалось в том, чтобы Пьера нельзя было обнаружить. Тут его никто не станет искать.

Оставшись один, Пьер стал кружить по комнате. Потом прошел в соседнюю и от нечего делать начал читать одно досье, потом другое, потом третье.

Обалдеть можно от того, как живут люди...

Клер и Майк прибыли в аэропорт Руасси за три четверти часа до вылета самолета. Она сдала багаж, оставив себе только мяукающего Красавчика, упакованного в мешок с иллюминаторами.

У самого выхода на трап двое в штатском подошли к ней и вежливо попросили следовать за ними.

Она тотчас поняла все и сказала: «Позаботьтесь о моем багаже», и отдала билеты.

— Все уже сделано, мадам, — ответил один из них.

— И куда это мы? — спросил Майк.

Клер по-английски успокоила его, сказав, что потом все ему объяснит, пусть чуть-чуть потерпит. Этим господам не обязательно все знать.

В черной машине, которая мчалась по шоссе, она притворилась спящей. Майк вытащил Красавчика из мешка, обнял его и стал с ним беседовать по-английски.

Через несколько километров Клер удивилась: Париж остался в стороне.

— Куда мы едем? Куда вы меня везете?

— Не надо опасаться, мадам, — сказал один из мужчин. — С вами ничего дурного не случится. — И добавил: — Уверяю вас.

Майк еще сильнее прижался к матери. Ну и удивительная страна эта Франция!

— Ты превысил скорость, — сказал он шоферу. — Тебя заставят платить штраф.

И действительно, их засекла дорожная полиция — машину остановили. Один из людей достал удостоверение. Мотоциклист козырнул, и машина поехала с той же скоростью. Нет, правда, удивительная страна!

— У меня дома все платят, — сказал Майк.

— Где это у тебя? — спросил мужчина, сидевший рядом с Майком на заднем сиденье.

— В Америке, — ответил Майк. — Нельзя ли остановиться? Меня тошнит.

— Нет, нельзя, мой дружок, очень сожалею.

— Что-то не кажется мне, что я твой дружок, — заметил Майк.

Клер по-английски твердым тоном попросила его помолчать и потерпеть.

Наконец машина миновала ворота, охраняемые двумя вахтерами, въехала в типично французский парк, прокатила по гравию и остановилась перед пышным зданием XVIII века, механически отметила про себя Клер. Она вылезла из машины, оправив смятое платье. Майк последовал за нею. Красавчик вырвался и исчез.

Клер взяла Майка за руку и вошла в дом.

— Какой большой дом! — сказал Майк. — Больше нашего.

Их провели в прекрасно обставленную комнату, двери которой выходили прямо в парк. Именно из этого парка появился мужчина, опирающийся на трость. Он сказал:

— Наконец-то. Выходит, чтобы повидать тебя, мне следует прибегать к помощи полиции?

— Кто это такой? — спросил Майк.

Кастор взглянул на него.

— Здравствуй, — сказал он.

— Привет. Меня зовут Майком. А тебя?

— Меня? — спросил Кастор. — Меня зовут президентом.

— Это твой дом?

— И мой тоже.

— Значит, тебе известно, где находится ванная, — сказал Майк.

В этот день девушка из издательства напрасно стучала в дверь комнаты Пьера. У них на пять часов была назначена встреча. Она ушла. Снова вернулась в половине восьмого. Они договорились вместе поужинать. И вот Пьера нет. Странный парень. Приятный, хрупкий, немного беспокойный. Ей не нравилось, когда ее надували. Можно сказать до свидания, я ухожу, но вежливо. Ладно, она ему еще отомстит!

Вечер был теплый и светлый. Она прошлась по улице Вожирар, разглядывая витрины лавочек с неизменной надписью «закрыто до 1 сентября» и оказалась на перекрестке улицы Ренн. Там в конце был ресторан Липпа, открытый в августе. Может, встретится кто-нибудь из знакомых? Немного дороговато для нее, куда разумнее вернуться домой. Но охота ли сидеть дома в эти длинные летние вечера?

Она зашла в магазин, купила газету, сигареты и увидела в глубине толстого мужчину, выбиравшего еду. Этого журналиста она немного знала, слегка кивнула, он рассеянно ответил.

«Липп» был забит до отказа. Но если она обождет... Через три четверти часа... Она поискала знакомых — никого! Вздохнув, села ждать на террасе, где как раз освободилось место. Скоро и у нее отпуск, съездит в Бретань к матери. Проводить отпуск в Бретани или Морване стало модным. Подобно поездке в Бангкок. Но ей-то просто больше некуда ехать.

Эрбер обычно питался за пределами дома. В старенькую кухню в глубине коридора он заглядывал только по утрам, чтобы согреть воду для чая. Он взял такси, вернулся домой, нагруженный свертками, и застал Пьера у телевизора.

— И надо же было оказаться у вас, чтобы увидеть все это, — сказал Пьер, выключая приемник. — Пища для дебилов!

— Ну не всегда...

Эрбер порылся в сундуке, нашел посуду, положил копченую семгу на тарелку, колбасные изделия на другую, шоколадный торт на третью и занялся поисками тостера, но безуспешно. Положил в салатницу массу разных фруктов, достал запыленные рюмки, которые вымыл под

умывальником и вытер салфеткой-промокашкой. Затем очистил столик от папок, разместил на нем тарелки и пододвинул стулья.

Пьер наблюдал за ним полурастроганными, полунасмешливыми глазами.

— Вы словно отец мне, — сказал он.

— Я забыл купить масло, — сказал тот.

— Всегда что-нибудь забывается, — заметил Пьер примирительно, уселся, сказав, что ему плевать на масло, и предложил лучше распечатать бутылку.

— Здесь душно. Позвольте открыть окно.

— Нет. Я задвину шторы, чтобы зажечь свет. Никогда не знаешь, кто за тобой наблюдает с той стороны улицы.

И Эрбер тщательно задвинул шторы.

— Так какая идея пришла вам в голову? — спросил Пьер.

— Я достал для вас удостоверение личности. На паспорт ушло бы слишком много времени. Но с этим тоже можно разъезжать по Европе.

И он показал ему удостоверение, выписанное на чужую фамилию, но с именем Пьера.

— Где вы раздобыли мою фотографию? — спросил удивленно Пьер.

— У меня много ваших фото. Помните, мы однажды обедали в Булонском лесу? Вы спросили тогда, что у меня в руке?

Эрбер вытащил из кармана фотоаппарат размером с зажигалку и билет до Женевы на первый утренний рейс.

— Есть, конечно, риск. Они могли сообщить ваши приметы на погранпункты. Но не думаю. Они скорее всего будут искать во Франции мелкого воришку, вознамерившегося заработать на письме. Тем не менее мы вам загипсуем ногу. Вы будете ходить с костылями.

— Прекрасная возможность привлечь к себе внимание.

— Вот именно: костыли заметят, а пассажира нет. Стюардесса вам поможет, и вы как миленький пройдете границу.

— А потом? Жизнь в Швейцарии стоит кучу денег.

Эрбер ответил, что это не проблема. Волноваться следует о другом.

В шесть утра молодой человек с загипсованной ногой и с костылями вылез из такси в Орли. Водитель помог ему. В холле какая-то девушка подобрала обroненный им костыль, стюардесса помогла занять место в первом ряду, чтобы он мог вытянуть ногу.

Эрбер дал Пьеру женевский адрес своего старого друга-врача, гипс лучше сразу по приезде снять.

— Но он увидит, что у меня нет никакого перелома.

— Я предупрежу его.

Въезд в Швейцарию прошел так же просто, как выезд из Франции. Расставаясь с Пьером, Эрбер забрал у него токийское письмо и положил в свой бумажник. «Если с вами что-нибудь случится, это будет нашей последней пулей. Но вы сможете выстрелить и в воздух».

В аэропорту Куэнтрен Пьер взял такси и отправился к врачу. Было еще рано, и тот сам открыл ему.

— У меня болит нога... Мне кажется, что надо снять гипс.

— Посмотрим ... Идите сюда. — И ввел его в кабинет.

— Ваше имя и адрес? — спросил он, беря карточку.

Пьер назвал свое вымышленное имя и согласно инструкции Эрбера сообщил, что приехал из Франции и ищет тихий пансион, чтобы отдохнуть в течение нескольких дней.

— Их полным полно.

Он освободил ногу от гипса.

— Ваш перелом давно зажил. Но будьте осторожны.

Затем вынул из сейфа несколько банковских билетов и сказал:

— Если будет болеть, примите лекарство. Но не утруждайте ногу.

Пьер положил деньги в карман.

— Хотите пансион с видом на озеро? — спросил врач.

И протянул ему бумажку с адресом.

— Спасибо, — сказал Пьер.

— Вы должны мне 75 франков, — сказал врач. — До свидания, мсье. Не забудьте свои костыли... Я же предупреждал вас об осторожности!

Выйдя из кабинета врача, Пьер встретил молодую женщину, которая проводила его до двери. Он снова оказался на улице, несколько растерянный, и, благоразумно прихрамывая, дошел до остановки такси.

Его высадили перед большим магазином, где он купил маленький чемодан, предметы туалета, немного белья.

Семейный пансион действительно размещался около озера.

Каким мирным казался город, разлегшийся около этой плоской водной глади.

Рано утром Эрбер заехал на квартиру Пьера, чтобы забрать листки с рукописью и переправить их в Женеву. Надо же было парню там чем-то заниматься, а то он так быстро находит себе самые опасные формы развлечения!

Когда инспектор полиции постучал в дверь меблированных комнат, он увидел записку от издательской девушки, тщетно ожидавшей Пьера накануне. Эрбер тоже прочитал записку и аккуратно вернул на место.

Спустя несколько часов другой инспектор полиции явился к матери Пьера в Ницце и застал группу одетых в траур женщин, говоривших шепотом. Мать Пьера сказала, что сын уехал давно. Нет, она не знает, где он.

— Вы же видите, что говорить об этом сейчас неуместно, — сказала возмущенно одна из женщин.

Полковник таки умер.

— Если ваш сын приедет на похороны, скажите ему, чтобы он зашел к нам, — попросил инспектор. — Нам надо у него кое-что узнать.

Чтобы Пьер приехал на похороны, долго будут ждать! Но что он опять натворил?

Тем временем в полицию снова были вызваны молодые, высокие брюнеты, отобранные после радиопередачи. Всех их по распоряжению полиции просили никуда не отлучаться. Некоторым это испортило отпуск, посеяло тревогу в семьях других и уменьшило число почитателей президента.

Информатор Эрбера из уголовной полиции сообщил ему, что вокруг той истории опять пошли волны. Толстяк обрадовался, что его меры оказались столь действенными. Нет, старина Эрбер, как прежде, предусмотрителен и осторожен.

Закончив работу над очередным выпуском «Листка Э.», который переставал выходить в августе между 5-м и 20-м числами, Эрбер навел порядок в переписке, проведал старого друга и стал собираться в дорогу.

С помощью слуги Майк нашел то, что именовал ванной, забыв, как это называется по-французски.

Выйдя оттуда, он вспомнил про Красавчика. Слуга сказал, что животное, вероятно, в парке. И Майк отправился на поиски.

Уставившись в настенный ковер, Клер явно не желала смотреть на Кастора и отвечать на его вопросы.

— Ты сердишься? — спросил он. — Мне не оставалось ничего другого, раз ты отказалась нам помочь.

Он повторил ей уже сказанное Поллуксом. Она одна могла установить личность человека, владевшего письмом из Токио. Всех подозреваемых как раз должны собрать. Поллукс ждал от нее хоть приблизительного портрета.

Нарисовать она, конечно, могла, но при условии, что ее освободят. И тут на пороге с трагическим видом появился Майк.

— Красавчик потерялся! — сказал он.

— Найдется.

— Нет, он пропал.

И от усталости, волнений и страха, вызванного необъяснимыми приключениями, он горько разрыдался.

— Не плачь, — сказал Кастор. — Мужчинам не подобает плакать.

— А ты, — ответил Майк сквозь слезы, — ты вообще мне надоел! Красавчик пропал из-за тебя!

Клер сделала знак Кастору и постаралась успокоить ребенка, пообещав, что Красавчик появится, когда ему этого захочется. Кошки всегда находят дорогу домой.

Кастор ничего не мог понять в этой истории с кошкой. Клер объяснила ему.

— Хорошо. Нет причин устраивать драму.

Майк мрачно поглядел в его сторону.

— Что мы тут делаем? — спросил он мать. — Я хочу уехать.

— Я тоже, — ответила Клер. — Но ты видишь, нас взяли в плен, и этот господин не хочет нас освободить.

— Вот скука-то будет. Тут даже телевизора нет.

— Если хочешь, у тебя их будет сразу три, — сказал Кастор. — И еще лошадь, раз уж ты любишь ездить верхом.

Верховая езда была его подвигом в период выздоровления. Это был единственный доступный ему вид спорта.

— Пошли, — сказал он. — Этим стоит заняться.

Весь персонал был приведен в боевую готовность, и через полчаса Майк уже сидел на лошади, а Кастор с удовлетворением поглядывал на него.

Вернувшись с прогулки, Майк спросил, где находится в этом доме кухня.

— Кухня? Понятия не имею. А что ты собираешься там делать? — спросил Кастор.

— Я голоден.

Кастор тоже был голоден. Шел третий час. Они нашли Клер в салоне. Она не тронулась с места.

— Так ты еще не устроилась? Хочешь, чтобы тебе показали твою комнату?

— Нет, — ответила Клер.

— Хорошо. Очень хорошо.

Дворецкий объявил господину президенту, что кушать подано, и увел Майка мыть руки.

— Он хорошо ездит верхом, но ведет себя запанибрата со слугами, — сказал Кастор.

— Он понятия не имеет, что такое слуги, — ответила Клер. — И, надеюсь, никогда не узнает.

Обед прошел в менее натянутой обстановке, но вдруг Кастор стал расспрашивать Майка, знает ли он историю Франции. Оказалось, что ему не известно ровно ничего, ни одного имени.

— Чему только вас учат в школе? — спросил возмущенный Кастор.

— У нас прекрасная школа, — ответил Майк. — Мы первые по футболу. Я первый по плаванью. Если бы тут был бассейн, я бы тебе показал. Но я видел только жалкий ручей.

Кастор спросил, кем Майк хочет стать, когда вырастет. Тот не знал. Может, космонавтом, а может, будет разводить животных. У отца одного из его товарищей по школе есть ранчо. Отличное местечко!

Ранчо?

— Послушай, что я тебе скажу, — сказал Кастор.

Это была история мальчика, чей отец был булочником в маленьком провинциальном французском городке, — мальчик проявил такие способности в классе, что всегда был первым. Мать говорила: «Ему дорога в политехнический». Но тринадцати лет мальчик заболел. И только сила воли помогла ему не отстать от товарищей и побороть болезнь. Из-за ноги он не смог поступить в политехнический, который был военным учебным заведением, он сдал куда более трудные экзамены в педагогический институт, и, когда он прошел туда первым, его мать плакала от радости.

Клер увидела, как он растрогался, рассказывая поучительную историю сына булочника, который так старался, что стал президентом.

— Президентом чего? — спросил Майк, который перебил его только раз, чтобы что-то уточнить.

— Президентом Франции.

— Франция — маленькая страна.

— Нет, — возразил Кастор. — Это великая страна. Я тебе объясню...

— Как-нибудь потом, — ответил Майк и вышел в парк поискать Красавчика.

— Нельзя сказать, что он плохо воспитан, но у него забавные манеры.

Клер упорно молчала. Она едва притронулась к изысканной пище.

— Когда ты ему скажешь?

— Не знаю. Ты все спутал. Если я объясню ему сейчас, кто его отец, что, по-твоему, он сделает? Бросится тебе на шею? Ты держишь его заложником, пристаешь, заставляешь сидеть прямо перед тремя хрустальными стаканами и шестью серебряными кувертами. Метрдотель его спрашивает, хочет ли мсье шампиньонов, а он не понимает, о чем речь, так как никогда в жизни не видел шампиньонов. Ему хочется быть на море вместе с друзьями, а приходится одному гулять по парку вокруг ручья, в котором ему запретили купаться. К тому же по твоей вине у него пропал кот.

Кастор вздохнул и встал.

— Я не привык общаться с детьми, что поделаешь... Итак, займемся кошкой.

Он вызвал к себе начальника охраны и приказал мобилизовать людей на поиски сиамского кота, находящегося где-то в парке или в ближайших его пределах.

— Слушаюсь, господин президент, — ответил офицер, не моргнув глазом.

— Лучше бы ты отпустил нас, — сказала Клер, — вместо того, чтобы демонстрировать свое могущество. Отпусти нас, я очень прошу тебя...

— Нет, — сухо ответил Кастор.

Майк вернулся, обследовав несколько подстриженных кустарников. Ему было скучно, он нахмурился. Увидев на розового дерева столике шахматную доску, он сказал матери:

— Поиграешь со мной?

— Охотно. Но я не умею. Научишь?

— Зато я умею, — сказал Кастор. — Сыграем в шахматы? А ну-ка, сразимся, мой мальчик.

На этот раз вздохнула Клер. Она оставила игроков наедине и поднялась к себе в комнату. Вещи были разложены и развешаны по местам. Она легла на кровать под балдахином и тихо заплакала.

Когда к пяти приехал Поллукс, Кастор добился некоторого успеха, позволив Майку дать мат в первой партии и выиграв вторую.

— Ты довольно сильно играешь, — сказал Майк. — Но лет через пять я не дам тебе выиграть ни одной партии.

Такое честолюбие наполнило Кастора чувством гордости — Майк и теперь не так уже плохо играл в эту игру королей.

Майк вежливо спросил у Поллукса:

— Он тебя тоже держит заложником?

— Да. Это бандит. Он ужасен.

— Не смей говорить такие глупости, — возмутился Кастор.

— Это чистая правда.

Майк недоверчиво посмотрел на Кастора и запросился к матери, слуга провел его во второй этаж. Он улегся рядом с нею, и тут назревавшая весь день буря разразилась.

— Симпатичный малыш, — сказал Поллукс, следуя за Кастором в кабинет. — Красив, как Клер, и одновременно странным образом похож на тебя.

— Что тут странного?! Это мой сын.

Пошел дождь, и стало темно.

— Лишь бы нашли его кота, — сказал Кастор.

Послышался грохот — похоже, что от ветра упала труба.

Кастор позвонил.

— Скажите мадам, если ее волнует гроза, она может спуститься к нам.

Слуга застал Клер и Майка у окна, промокших и зовущих Красавчика.

— Мы не хотим спускаться вниз, — сказала Клер. — Спасибо.

— Мадам не хочет спускаться вниз, — доложил слуга.

Внезапно дверь из кабинета в парк распахнулась. Кто-то бросился ее закрывать. Зажгли одну, две, три, четыре лампы. Комната снова приняла свой безличный и торжественный вид. Кастор выпрямился, попросил виски и сказал:

— Итак, каковы наши дела, господин министр внутренних дел?

Поллукс вкратце обрисовал принятые им меры. Набросок Клер лишь слабо воспроизводил облик человека, которого она видела. Он был размножен и разослан повсюду, в том числе на погранпункты. Теперь он должен непременно попасться в сети. Но Клер придется обождать до тех пор, пока он не будет пойман.

— Это непросто, — сказал Кастор. — Но мы ее подержим.

Поллукс ввел его затем в курс других, не менее срочных дел. Ширились крестьянские демонстрации. Воздушные диспетчеры грозили начать 15 августа забастовку. Премьер-министр хочет посоветоваться с президентом по какому-то вопросу и ждет его звонка после 17.30. У него тоже есть новости.

Кастор говорил по телефону, когда слуга принес виски и сказал Поллуксу, что начальник охраны хочет видеть президента, кажется, срочно:

— Пусть войдет, — ответил Поллукс. — Президент кончил разговаривать по телефону.

— Он говорит, что не может войти, господин министр.

— Кто не может войти? — спросил Кастор.

— Начальник охраны. Но у него что-то срочное.

— Что еще такое? — проворчал Кастор.

Замызгав грязью бесценный паркет, двое охранников просили принять их извинения, но ступить в таком виде на ковер они просто не могли. Кот забрался на вершину дерева, снять его оттуда пока невозможно: лестница чересчур коротка. К тому же стоит к нему приблизиться, как он перескакивает на другую ветку.

— Что вы предлагаете? Думаю, животное меня тоже не послушается. Где это дерево?

— Метров восемьсот отсюда, господин президент. Мои люди оцепили его. Иначе кот еще где-нибудь спрячется. Эти звери очень подвижны.

— Есть только один способ, — сказал Поллукс. — Пусть его позовет сам Майк.

— Я тоже так думаю, господин министр. Тут есть кое-какой шанс.

Дело оказалось непростым. Кастор поехал с Поллуксом на машине — он хотел все видеть лично. Но, чтобы достичь холма с рыжим столетним вязом, на вершине которого Красавчик выбрал себе убежище, пришлось миновать трясину. Дождь стих, и снова стало светло. В своих летних сандалиях на босу ногу Клер вся перемазалась. Майк кричал: «Где он? Где?»

Окружившие величественное дерево люди отдали честь, в листве на самом верху что-то белело.

Клер снова позвала Красавчика. Майк тоже. Тщетно!

— Я полезу, — сказал Майк.

— Будь осторожен! Не подходи к нему близко.

— Знаю, — ответил Майк, ставший за четыре дня экспертом в обращении с котами.

С лестницы он ступил на ветку и стал взбираться наверх по сучьям. Красавчик, поднявшись на задних лапах, с интересом наблюдал за Майком.

Снизу к ним была обращена дюжина лиц. Время шло.

— Что он там делает? — спросил Кастор.

— Беседует, — ответила Клер.

Майк нежно звал Красавчика, говоря ему всякого рода ласковые слова. Затем умолк и притворился, что смотрит в другую сторону. Прошло две минуты. Кот вытянул сначала одну лапу, затем другую, прыгнул на ветку, на которой стоял Майк, и улегся у его ног.

Майк взял его на руки. Теперь надо было спуститься.

— Он сломает себе шею. И тебя это нисколько не волнует, — сказал Кастор с упреком. Клер не удостоила его ответом. Она видела, что Майк был в замешательстве, не зная, как добраться до лестницы — руки его были заняты. Он позвал:

— Мама, ты меня видишь?

— Да, — спокойно ответила Клер.

— Мне прыгнуть?

— Нет. Не двигайся. Я лезу к тебе.

Когда она оказалась на верхней ступеньке. Майк протянул ей Красавчика, затем спустился, перелезая с ветки на ветку, в то время как его мать добралась до земли. Наконец они все были вместе. Красавчик лизнул своим шершавым языком руку Клер.

— Высоко забрался, — сказал Майк.

— Да, очень.

Майк взял ее за руку, потянул к джипу охраны и сказал шоферу:

— Я хочу, чтобы ты нас отвез, пожалуйста. Я устал.

Начальник кивнул, чтобы они ехали.

Кастор, совершенно ошеломленный, наблюдал за этой сценой. В сопровождении Поллукса он дошел до своей машины и молча сел на заднее сиденье.

— А вы? — обратился он к Поллуксу.

— Ничего, я дойду пешком, — ответил тот. — Мне хочется пройтись.

— Как угодно. Поехали, — сказал Кастор шоферу.

Машина отъехала.

— Видели? — спросил Кастор шофера.

— Да, господин президент. Смелый парень, как и его мать.

— А я разве не смелый?

Шофер поглядел в зеркальце. Сидящим впереди плохо слышно то, что говорят им сзади.

Когда в 8 часов вечера Клер спустилась вниз, Поллукс уже прибыл. Она не перемолвилась с ним ни словом.

— Где он? — спросил Кастор.

— Я его покормила в постели.

— Хорошо, — сказал разочарованно Кастор. — Очень хорошо.

— Постель с балдахином — отличная штука, но вода едва теплая.

Вопреки своему намерению она искупалась и переоделась, потому что изорвала платье.

— Черное идет тебе, — сказал Поллукс, не получив ни ответа, ни улыбки.

Молча они пошли к столу.

Кастор употребил все свое искусство, чтобы разговорить Клер, заставить ее улыбнуться. Он был остроумен, блистал разнообразными знаниями. Он был легкомыслен и одновременно нравоучителен, словом, развлекал, как умел, но Клер сидела, точно каменная, точно Красавчик на дереве.

— Через два-три дня ты будешь свободна, — сказал наконец Кастор. — Стоит ли дуться? Это ведь плохо действует на печень.

— Кто меня выберет, получит то, что заслуживает, — парировала она.

Не имел успеха даже Шекспир. Но упрек ее тронул. Когда-то она умела отгонять от себя всякий призрак печали, особенно если предстояла их встреча.

Его сына хотя бы познакомили с Шекспиром?

Кастор ответил, что, конечно, не имеет никаких прав на ребенка (действительно, никаких, кивнула Клер), и тем не менее он позволит себе удивиться: зачем было увозить его так далеко? Клер сказала, что поначалу нужно было, чтобы Майка с Кастором разделял по крайней мере океан. Иначе она бы не выдержала... Затем... А затем все уладилось благодаря Жюли — ее настоящей сестре, и она могла лишь этому радоваться.

— Я и сама собираюсь перебраться в США.

На дворе прояснилось, но воздух был влажный. Кастор предложил ей пройтись по парку. Она согласилась.

— Значит, он родился в США. И стало быть, может стать там президентом.

Клер ответила, что такое ей никогда не приходило в голову... А, впрочем, действительно... Однако если он будет с нею, то этого никогда не случится.

— Признай, что это было бы забавно!

— Что значит забавно?

Кастор покачал головой. Женщины действительно стали невыносимы. В былые времена, когда им не приходилось рассчитывать на карьеру, они нянчили своих детей, и хорошо поступали! А теперь все озабочены честолюбивыми намерениями! И еще утверждают, что хотят сделать потомство счастливым! Удивительно ли, что из детей вырастают растяпы, лодыри, подхалимы?!..

Генеральный секретарь просил президента позвонить.

Кастор вернулся в дом медленной и тяжелой походкой.

В Женеве Эрбер нашел Пьера в отвратительном расположении духа. Что он делает в этом незнакомом городе под чужим именем? В какой западне оказался? И что это за странный врач? Кто такой сам Эрбер?

Они обедали на воздухе у берега неподвижного озера.

Пьер ненавидел озера. К тому же он никак не мог припомнить строчку из Гёльдерлина, где говорилось, что надо бы разорвать озеро. Трата-тата и разорвать озеро.

— Сколько раз вы говорили — я цитирую, — что вам опротивела наша мерзкая страна, закрываю кавычки, и вам хочется оказаться в другом месте? — спросил Эрбер. — Вот и пользуйтесь этим и не задавайте глупых вопросов! Ресторан отличный. Отель комфортабельный. Край красивый. Надеюсь, денег у вас достаточно, но если нужно еще, могу помочь. Климат тут мягкий — это для вас тоже полезно.

— Деньги, деньги... Я не шлюха!

— Не задавайтесь, мой мальчик! Вы просто мелкий воришка, который должен был бы сейчас сидеть за решеткой.

— Я ненавижу, ненавижу себя, до посинения.

Эрбер предложил пойти в кино. Пьер уже видел фильм — дрянь!

На живопись ему наплевать. Концерт? Почему бы не партия в бридж с двумя старухами, тогда я и вовсе сдохну, сказал Пьер.

С ним было тяжело.

И вообще, что вы тут делаете вместо того, чтобы заниматься своим листком? Мелкой спекуляцией? Или еще чем-то?

— Я питаю к вам дружеские чувства, — сказал Эрбер. — Я думал, вы это поняли.

Пьер резко поднялся.

— К черту! Я возвращаюсь в Париж.

Эрбер не пошевелился. Не произнес ни слова.

— Вы слышите? — Старик оставался неподвижен. — Отдайте письмо.

— Какое письмо?

— Письмо того типа. Отдайте. Оно мое.

— Не кричите, прошу вас. Вы можете уехать или остаться, но в любом случае сядьте. Мы в приличном месте, где меня хорошо знают.

Пьер сел.

— Отдайте письмо, или я сейчас дам вам по морде, — сказал он тихо. — У вас не останется зубов, чтобы грызть сладости!

Эрбер медленно вынул бумажник из кармана пиджака. Пьер выхватил его, вынул письмо, встал и ушел.

— Пьер! — крикнул вслед Эрбер.

Наблюдавший уже некоторое время за столиком метрдотель подошел к нему. Эрбер взял себя в руки.

— Он забыл свою зажигалку, — сказал он, показав на свою. — Счет, прошу вас.

— Но вы уже его оплатили, мсье Эрбер.

Конечно! Где его голова? Сегодня он решительно все забывает!

Он поболтал с метрдотелем. Много приезжих в Женеве? Да, много иностранцев, как обычно. Какая погода стоит в последние дни? В Париже тоже жарко. Пойду пройдусь. До скорого.

Выходя, он увидел немецкого коллегу и поинтересовался последствиями поездки канцлера в Москву и его заявления.

Эрбер вытер платком взмокший лоб.

— Присядьте, — сказал немец. — Вам плохо?

— Ничего. Легкое недомогание. Очень жарко.

Он сел и попросил стакан воды.

Выйдя наконец на улицу, он поймал такси. В отеле увидел, что ключ Пьера не висит на щитке, и постучал к нему.

— Войдите! — крикнул тот.

Ключ был в дверях, Эрбер вошел. Раздетый до пояса Пьер работал за столом.

— Я перевожу. Увидимся позднее? Не разыщете ли вы мне томик Гёльдерлина? Найдется же он в этом проклятом городе?

— Разумеется. Я попробую найти.

Клер мыла голову в своей комнате.

Кастор работал в кабинете, когда пущенный кем-то мяч влетел в его комнату. Один из охранников попросил президента не беспокоиться и убежал. Ему было приказано развлечь Майка, и он дал ему «покидать мяч». Приученный, как и каждый истинный американец, к бейсболу, Майк обладал верным глазом и хорошим броском. Он брал мяч двумя руками, поднимал ногу, раскачивался всем туловищем и бросал с необыкновенной точностью, к великому изумлению охранников. В конце концов он сам стал их учить, и теперь было совсем непонятно, кто кого развлекает.

При виде того, как Майк командует его «гориллами», заставляя их бегать по парку, Кастор испытал минутную гордость. Из состояния задумчивости его вывели мотоциклисты, доставившие два пакета от Поллукса — один для президента, другой — для Клер.

Поллукс сообщал, что вынужден знакомиться с записью всех звонков к ней и почтой, доставлявшейся на улицу Гренель, что он посылает ей письма, в том числе доставленное утром и имеющее огромное значение, что приедет поговорить с ней в середине дня.

Клер спустилась в парк, чтобы подсушить волосы на солнце. Она вынула из конверта два листка, исписанных незнакомым почерком, и прочитала.

«Мадам, однажды мартовским вечером кто-то толкнул вас и вырвал сумочку. Это был я. В тот вечер любимая мной девушка была голодна, вот так. Я больше не люблю ее. Но в этой сумочке еще был бумажник, а в нем письмо из Токио, автор которого мне омерзителен. Его немного подразнили. Это сделал я. В июле к вам заходил человек под предлогом опроса общественного мнения. Это тоже был я. Мне понравились ваши ответы. Мне понравилось ваше лицо, мне понравился ваш взгляд. У вас был печальный, усталый, расстроенный вид, но вы тем не менее приняли меня.

В августе один человек пришел к вам отдать письмо. Это снова был я. Взамен я хотел получить только одно обещание: безнаказанность за

кражу сумочки. Дело в том, что у меня есть мать, и я не хочу, чтобы она увидела меня в тюрьме. Но вы вызвали вашего друга полицейского, и я сбежал.

Теперь я за пределами Франции и намереваюсь вернуться. Я предлагаю сделку: вам — письмо, мне — свободу! Если вы скажете «да», я поверю. Если «нет» — прости-прощай!

Я позвоню вам в среду в шесть вечера, чтобы узнать ответ. Если не застану вас дома, буду звонить в то же время каждый день».

В постскриптуме Пьер добавил: «Я вам верну эти пять тысяч франков, непременно верну».

— Ты, конечно, в курсе, — сказала она Кастору.

— Конечно. Все именно так, как я думал, мелкий жулик — анархист, который пытается еще читать мораль.

— Скорее мальчишка, натворивший глупостей. Я припоминаю его... Мальчишка, которого наказывали, запирая в шкаф.

— Меня тоже запирали в шкаф. Но я, как видишь, не стал ни вором, ни шантажистом.

— Так ты принимаешь его условия?

— Разумеется, принимаю!

— Ты даешь слово, что с этим парнем ничего не случится?

— Это уж дело министра внутренних дел. Я командую армией, а не полицией.

Он вышел в парк, чтобы посмотреть на Майка. Теперь партнеры учили того бить по мячу ногой.

— Значит, когда все уладится, я его больше не увижу? — спросил он.

— Увидишь, когда он вырастет и если он сам того пожелает. В тот день, — засмеялась Клер, — тебя будут ждать великие радости!

— Ты жестока. Прежде ты не была такой жестокой.

Подкатила машина Поллукса, и Клер удержалась от ответа, который едва не сорвался у нее с губ.

Было решено, что Клер вернется на улицу Гренель, чтобы ответить на звонок молодого человека, что она назначит ему свидание у себя, что пообещает ему прощение. Поллукс дал слово.

Он стал было выговаривать право посадить двух своих людей на кухне, чтобы в случае чего обезопасить Клер. Но она отказалась — риска, по ее мнению, не было.

— Позвольте, по крайней мере, быть там мне самому.

Она позволила. Он предложил подвезти ее и Майка в Париж.

— Что ты будешь делать с Майком в такую жару в Париже? — спросил Кастор. — Дай ему поиграть тут. Шофер отвезет его вечером.

Это предложение Клер отклонила.

— Тогда останься с ним.

Она была в нерешительности. Сделать ему такой подарок? Чтобы он пробыл еще несколько часов с Майком? В конце концов она сказала:

— Если хочешь...

После обеда она объяснила Майку, что они свободны.

— Ты получил выкуп? — спросил тот у Кастора.

— Пока нет. Но получу.

— Его внесет мой отец?

— Да, — ответила Клер. — Твой отец.

— Как зовут твоего отца? — спросил Кастор.

— Это секрет.

Майк встал, сказал, что пойдет посмотреть, хорошо ли пообедал Красавчик.

— Тяжелый получился выкуп, — сказал Кастор. — Никогда бы не подумал.

— Через неделю ты все забудешь, — ответила Клер.

Он спросил, куда она собирается на следующей неделе, увидит ли он ее в сентябре, действительно ли она решила перебраться в США? Он признался, что там есть прекрасные университеты, что надо бы выбрать для Майка самый лучший, что, если Клер согласна, он будет платить за учебу.

— Может быть, я попрошу тебя об этом, — ответила она. — Там действительно дорого... Пока я как-то выпутываюсь.

Он захотел узнать, кто такие Гофманы, за кого они голосуют, как Клер познакомилась с Жюли, что у них за дом в Коннектикуте...

Кастор играл с Майком в шахматы, когда пришло время ехать.

Клер наблюдала за ними. Ее охватило смутное волнение. Ей вдруг захотелось сказать Кастору, что она обязана ему и худшим, и лучшим, двумя-тремя прекрасными минутами, каких у нее уже наверняка в жизни не будет, что...

Но сдержалась, подумав, что для Кастора она теперь только мать Майка.

Он проводил их. Когда машина исчезла, Кастор вернулся в пустой салон, постоял неподвижно, затем ударил тростью по шахматной доске — фигуры посыпались в разные стороны.

Час спустя президентский самолет доставил его в Париж.

Вечером, около восьми, Эрбер постучал в комнату Пьера. Горничная сказала, что тот вышел. В течение двух дней Пьер был неузнаваем, говорил, что снимет шале в горах, чтобы там спокойно завершить работу, после чего поедет на несколько дней в Англию, хотя ужасно говорит по-английски. Может быть, Эрбер съездит с ним? Извинился за свою несдержанность, и, когда Эрбер пришел с Гёльдерлином, купленным за баснословную цену, сказал:

— Вы по-своему уникальны...

И весь вечер читал ему «гимны», и они долго спорили относительно символического характера реки в творчестве поэта, не переставая искать строчку трата-тата и «разорвал озеро».

Весь следующий день тоже прошел без стычек. Поэтому Эрбер спокойно ждал возвращения молодого человека.

К девяти он начал беспокоиться. Добился, чтобы горничная открыла ему комнату Пьера. Маленький чемодан, рукописные листки исчезли.

Эрбер помчался в аэропорт, где тщетно пытался узнать, улетел ли в Париж молодой человек под таким-то именем. Эти сведения никому не сообщались.

Он вернулся в отель в тщетной надежде увидеть там Пьера, который, сощурив свои черные глаза, скажет ему, смеясь: «Ну что? Долго ли вас дожидаться? Куда мы едем ужинать?»

Позвонив Клер ровно в шесть, Пьер сел на семичасовой самолет. В 8.30 он постучался на улице Гренель. Клер сама открыла ему. Здесь же был и Поллукс, ужинавший с Майком на кухне. На сей раз он благоразумно отослал машину.

— Входите и не бойтесь, вам ничто не угрожает.

— Я знаю. Я вам верю.

Он вынул письмо.

— Вот оно. Можете убедиться.

— Я тоже вам верю, — ответила она.

— Но не прощаете за сумочку?

— Забыто. Всеми забыто. Только не делайте этого снова. Глупо. В конце концов вас запрут в шкаф.

— Ваш сын тут? — спросил Пьер.

— Да.

— Я могу его видеть?

— Нет. И пожалуйста, сразу уйдите.

— Ладно. Тогда до свидания.

— До свидания.

Дверь закрылась. Клер проверила, вернул ли он то самое письмо, а потом присоединилась к Поллуксу и Майку.

— Кто это был? — спросил Майк.

— Один господин. Он принес мне письмо.

— То самое? — поинтересовался Поллукс.

— То самое.

— Что ж, вот и конец этой неприятной истории.

Но тут снова раздался звонок. Клер вздрогнула.

— Вы позволите, я сам открою дверь? — предложил Поллукс.

— Нет, если это он, он еще подумает...

Это был действительно он.

— Прошу прощения. Я хотел позвонить, а кругом нет ни одного телефона — все закрыто.

Клер проводила его к телефону и сказала:

— Валяйте.

Пьер набрал десять цифр и сказал:

— Алло, мама? Нет-нет, все в порядке, не волнуйся. Я могу приехать? До завтра.

Он взглянул на Клер и спросил:

— Можно еще разок?

— Два, если нужно.

Он набрал телефон из двенадцати цифр, спросил господина Эрбера, обождал минуту и сказал:

— Привет, старик... Я в Париже. Тот тип меня больше не интересует, и я его тоже. Я звоню, потому что не хочу, чтобы вас нашли утонувшим в Женевском озере. Кстати, я нашел фразу: «Отбрось желанье, разорви народы и разорви озеро». Прощайте! И, как говорят в романсах, не ищите меня.

Он повесил трубку, взял Клер за плечи, поцеловал в обе щеки и ушел, прокричав: «Спасибо, и до свидания, теперь окончательно!»

Он сбежал вниз, счастливый, как никогда в жизни. Ему нужно было теперь найти, где переночевать, — ключ от его комнаты был у Эрбера. Он порылся в карманах и наскреб ровно столько, сколько нужно на билет до Ниццы. И еще мелочь. Но даже зал ожиданий лионского вокзала казался ему теперь вполне пристойным местом.

Было тепло и влажно. Он решил пройтись до станции метро.

Поллукс выходил из двери дома, когда появился человек и сказал:

— Сюда, господин министр.

Он прошел вверх по улице к Дворцу Инвалидов. Еще не стемнело. И он сразу заметил около эспланады скопление людей. Узнав министра, из толпы вышел человек и подошел к нему.

— Что случилось? — спросил Поллукс.

— Несчастный случай. Он хотел перебежать дорогу и попал под машину.

Около распростертого тела Пьера суетился водитель:

— Но вы же видели сами! Он просто бросился мне под колеса! Господин свидетель! И вы тоже... Прошу, запишите ваши имена!

— Очистите улицу, — приказал Поллукс, — и перегородите движение, вон там...

Когда водитель, возмущенный молчанием «свидетелей», уехал, Поллукс подошел ближе. Он тронул ногой маленький чемоданчик, который выронил Пьер.

— Это его? Вы посмотрели, что там?

— Бумаги, господин министр, — сказал полицейский, заглянув внутрь.

— Переправьте их ко мне.

— А что делать с ним?

— Боюсь, что больше ничего. Отвезите в больницу. Если выживет, посмотрим... Я воспользуюсь вашей машиной.

Перебегал? Как бы не так! Он бежал, дурак! Не могли же они так просто отпустить человека, который осмелился грозить главе государства, они должны были разобраться что к чему...

Прибыв в министерство, он прочитал запись разговоров по телефону Клер и узнал, что самому ему звонил Кастор.

— Так, кто этот тип? — спросил президент.

— Еще не знаю.

И кратко рассказал о происшествии.

— А письмо?

— Клер сожгла его.

— Хорошо, — сказал Кастор. — Очень хорошо.

В маленьком чемоданчике оказался странный для похитителя сумочек багаж. Гранки исследования о немецком романтизме, рукописные странички с пометками Эрбера, томик Гёльдерлина. При Пьере было удостоверение личности. Проверка быстро установила, что молодой человек — переводчик с немецкого и в издательстве уже начали беспокоиться по поводу его отсутствия. Естественно, парижский адрес Пьера им известен, но где он сам, они не знают. Девушка из издательства, отвечавшая на вопросы инспектора, имела все основания так говорить.

Обыск в комнате Пьера никаких результатов не дал, в полицейской картотеке имя его не значилось, он упоминался только среди лиц, которых вызывали по подозрению в инциденте с радиопередачей. Но это не было открытием.

Поллукс уже стал укладывать содержимое маленького чемодана на место, когда из листков выпала желтая карточка, выданная на другое имя, но с фотографией пострадавшего.

Скажите, пожалуйста! А что говорят результаты прослушивания телефона Клер?

Звонил матери... Ладно. Даже у жуликов есть матери. Надо тактично сообщить ей о несчастном случае. Господину Эрберу в Женеву. Проверка установила, что его уже там нет, вернулся в Париж. Консьерж отеля не знал его французского адреса, но речь шла именно об Эрбере, журналисте.

Эрбер! Так, так!..

Поллукс потребовал его досье. Оно оказалось настолько любопытным, что он затребовал другое, секретное. Оказалось, что у господина Эрбера большие связи.

Сидя в своем пустом кабинете, Эрбер раздумывал. Накануне в Женеве звонок Пьера произвел на него действие кинжала, который все еще торчал в его груди.

Что же такое наделал парень, если мог сказать, что тот тип его не интересует больше и я его тоже? Вероятно, заполучив письмо, этот

дурачок почувствовал себя вне опасности. Однажды Эрбер узнает, что тот сидит в тюрьме. Если он уже не находится там.

Едва вернувшись в Париж, Эрбер тотчас попросил одного из своих осведомителей узнать, не схвачен ли Пьер парижской полицией? Оказалось, нет. Стало быть, его отпустили, установив наблюдение...

Вполне возможно, что Пьер придет к нему и скажет: «Я натворил глупостей», а на хвосте у него будут двое инспекторов полиции!

В какую-то минуту Эрбер подумал: «Надо бы скрыться». Но этот кабинет был единственным местом, куда Пьер мог позвонить, куда он мог прийти. К тому же старик Эрбер имел запасы...

Он, который с таким тщанием читал газеты от первой страницы до последней (просто трудно себе представить, сколько разного рода информации можно найти в объявлениях, если только умеешь их расшифровать!), изменил этой привычке, так его взволновало происшедшее. Он спустился вниз за газетами и стал их читать, расположившись около телефона.

Когда прозвенел звонок, он вздрогнул. Но это был пресс-отдел министра внутренних дел. Его приглашали на обед. Да, именно завтра, если он, конечно, свободен. Но ведь в это отпускное время все более или менее свободны, не так ли?

Эрбер принял приглашение и позвонил двум коллегам, которые, как и он, принимали участие в министерских приемах. Они отсутствовали. Третий ответил, что приглашен тоже. Значит, ничего серьезного.

Он все еще читал, вырезая некоторые вещи для коллекции, когда внезапно натолкнулся на следующее сообщение: «Преследуемый полицией неизвестный бросается под колеса машины на улице Гренель. Он отправлен в больницу в тяжелом состоянии».

Он позвонил еще одному осведомителю. Может ли он назвать имя парня, которого преследовала полиция и которого сбила машина вчера вечером на улице Гренель. Он стал ждать, сказал, что не вешает трубку.

— Никакая полиция его не преследовала, старина, — услышал он. — Не понимаю, с чего они это взяли. Он сам бросился под машину... Этот парень интересует вас?

— Не очень. Но дело в том, что я проходил мимо и был свидетелем...

— Значит, вам известно, что никто его не преследовал. Не так ли?

— Конечно. Можете сообщить его имя?

— Если не обнаружу его потом в вашем «Листке».

— Ладно уж. Вы меня знаете.

И Эрбер услышал то, чего больше всего боялся. Он объехал все больницы Парижа. Но в этом мире у него не было связей, и ему отказались отвечать.

На другой день он вовремя был на обеде у министра. Обед был превосходный, и он воздал ему должное. Разговор велся исключитель-

но на политические темы, как обычно, и Эрбер показал большую проницательность.

До президентских выборов оставалось чуть больше года. Решение президента станет известно только в октябре. Но уже строились всякие предположения.

— Он выставит снова свою кандидатуру и будет побит, — сказал Эрбер.

— Он не выставит, зная, что будет побит, — сказал другой.

— Если он выставит, то будет переизбран, — сказал министр, — но я могу вас заверить, что пока он не принял решения. И вам известно, что я не занимаюсь интоксикацией печати.

Когда гости стали прощаться, он попросил Эрбера ненадолго задержаться. Поллукс вытащил из кармана удостоверение личности Пьера и спросил:

— Вам знаком этот парень?

— Да, — сказал Эрбер. — Я давал ему подработать.

— Подработать... где?

— В «Листке Э.», господин министр.

— Ну, да, конечно. И что это за человек?

— Очаровательный. Легкий, немного психованный, но прекрасный редактор. Он защитил диссертацию по немецкой литературе, кажется.

— Понимаю. Так вот, вы больше не сможете с ним работать, господин Эрбер. Он умер.

— Умер?! Не может быть!

— Несчастный случай на улице. Один из тех, которые так часто бывают в сумерках на улице...

— Умер, — повторил Эрбер. — Бедняга...

— А вот что еще нашли у него, — сказал Поллукс и вручил Эрберу фальшивый документ. — Вы могли бы сказать, кто мог это сделать для вашего сотрудника?

— Понятия не имею, господин министр.

— Действительно?

— Действительно.

— Хорошо. Как вам угодно. Вероятно, вас вызовут в полицию... Рутина... Я лично хотел вас об этом предупредить.

Он встал.

— Я вас не провожаю. Вы знаете дорогу.

Сидя в такси, Эрбер почувствовал, как кто-то вытащил кинжал из его груди, и ему показалось, что он умирает. Ох, эта боль, которая согнула его вдвое на сиденье. Шофер спросил:

— Вам плохо?

— Ничего. Это от жары. Я опущу окно.

Несчастный парень! Сам бросился в волчью пасть. Отныне он уже никогда не выберется из продолговатого шкафа, в который его заперли. Пусть уж хищники играют друг с другом. Несчастный ребенок, кото-

рого он больше не увидит щурящим свои черные глаза, не услышит: «Как дела, старик? Вы заставляете себя ждать!»

Старик... Да, для него старик... А кем же ты был еще, Эрбер? Доктором философии? Мойщиком машин? Торговцем подержанными вещами? Пианистом в кабаре? Литературным агентом и разведчиком?.. Ты был даже красив, да, ты, который давно уже не смотрит в зеркало и закрывает глаза, когда бреется у парикмахера. Ты даже... Но поздно рассказывать свою жизнь. Это следовало сделать раньше. Теперь время не терпит. По его следу идет министр внутренних дел. Правда, в сейфе имеется нечто, чем его можно остановить: фотокопия письма из Токио. Эрбер мог уладить это сразу — моя безопасность в обмен на молчание. Но, согласитесь, господин министр, теперь это ни к чему! Теперь Эрберу абсолютно наплевать на свою безопасность. Он смертельно ранен, и у него осталось лишь одно желание: убивать. Их убивать. Он так и поступит. Но сделает это чисто. Все описав своими словами.

Увидев приехавшего в типографию Эрбера, начальник наборного цеха удивился: на этой неделе они не работали для «Листка Э.».

— Вы не могли бы сделать четыре странички? — попросил Эрбер. — И одно клише.

— Сегодня... Это сложно. Лучше завтра утром.

— Нет, мне крайне нужно сегодня.

Он был хорошим клиентом, платившим всегда в срок.

— Попробую узнать, что можно сделать. Когда будет готов текст?

— Он уже готов, — и Эрбер вытащил документ для клише, который он поставил в макете таким образом, чтобы оно заняло три четверти первой странички. Текст для набора был снабжен всеми указаниями, каким шрифтом набирать: двенадцатым для заголовка, сообщающего о документе, в котором раскрываются неизвестные стороны биографии президента Республики. Такие выражения, как «сенсационный», «разоблачение», «исключительный», были изгнаны из «Листка Э.», что в немалой степени способствовало его популярности. Написанная строгим и безличным языком, присущим «Листку», — никакой полемики, наскоков, инсинуаций, — статья Эрбера, предшествовавшая полному тексту письма из Токио, не оставляла от главы государства живого места. В заключение Эрбер добавлял, что согласно полученному от министра внутренних дел сообщению президент Республики не выставит снова свою кандидатуру на выборах.

Сидя в тесном кабинете начальника цеха, Эрбер ждал, когда будет набрана статья, изготовлено клише и сделана верстка по нарисованному им макету.

Он любил запах, шум, особого рода беспорядок таких стареньких типографий, как эта. Скоро их совсем не останется. Где это он

читал о медленной агонии типографии? У Бальзака. Но где? Или у Золя?

Два наборщика тщательно, быстро и безразлично к тому, что было в их руках, как этого требует профессия, выполнили всю работу. Эрбер покинул типографию, где машина начала печатать тираж. Он унес первые экземпляры, естественно, забрав и клише документа.

В глубине его квартиры находилось несколько поленьев. Он снес их к камину и поджег. Затем стал отбирать досье и бросать в камин. Фотографии горели плохо, иные документы тоже, приходилось рвать каждую страничку. Жара стояла невыносимая. Он снял пиджак.

Он вспомнил, что конец типографии описан Бальзаком в самом начале... какого только романа?

Когда звонок в двери прозвенел четыре раза, он вынул старый пистолет, зарядил и только после этого посмотрел через глазок двери, кто пришел.

— Где вы пропадали? — спросил его человек, которому он открыл дверь. — К вам едут с обыском!

И исчез на лестнице.

Значит, у старого Эрбера еще есть друзья. В сейфе лежал запасной паспорт. Только где ключ от сейфа? В пиджаке. А где пиджак? Под грудой досье. Вытаскивая его, он выронил ключ. Он стоял на полу и искал его, когда снова прозвенел звонок. На этот раз дважды.

Уже.

Пусть так. Может быть, даже к лучшему.

История с типографией описана в начале «Утраченных иллюзий»...

Снова звонок.

Когда Эрбер выстрелил в дверь, раздался крик. Он повернул дуло к сердцу. Ему больше не нужно было это сердце.

Пожарные обнаружили истекающую кровью консьержку. Она поднялась к Эрберу предупредить, что по его вине начинается пожар.

Под струями воды погибли многие бумаги, которые не уничтожил огонь. Затем на дверь были наложены печати.

Рано утром тысяча экземпляров «Листка Э.» была помещена на грузовичок для отправки в агентство, занимавшееся его распространением.

Как ни странно, но вся пачка исчезла, когда грузовичок прибыл по назначению. За рулем в этот день был не обычный шофер, но в период отпусков совершенно неизвестно, с кем имеешь дело.

Она загорела, располнела и пропиталась солью после нескольких дней у моря, расслабленная установленным Гофманами режимом —

сами убирайте постели, если не сделаете, никто этого вместо вас не сделает, и от этого еще не умирают! Клер начала наконец ощущать простые радости бытия, когда однажды доктор Гофман после поездки в город привез ей кучу старых французских газет.

Лежа на песке, она пробежала заголовки, потом статьи и сунула в свой пляжный мешок, когда Майк, вытянувшийся на подстилке, заявил, что голоден.

После обеда, дав по требованию Жюли детям самим вымыть посуду, она уселась под фиговым деревом с Красавчиком у ног.

— Что происходит в мире? — спросила Жюли. — Мы здесь живем как дикари.

Клер вынула из сумки газету, чтобы рассказать Жюли о зимней моде, снятии эмбарго США на поставки пшеницы, о закладке французской атомной подлодки, увеличении цен на горючее и одном или двух государственных переворотах, когда ее внимание привлекла информация: «Преследуемый полицией, неизвестный бросается под колеса машины на улице Гренель. Он отправлен в больницу в тяжелом состоянии».

Полиция... Улица Гренель... Она посмотрела, от какого числа газета.

— Что происходит? — спросила Жюли.

— Мне нужно позвонить.

Снова, как и в Париже, лицо ее стало насупленным, загар больше не молодил ее, а, напротив, старил. Показав газету Жюли, она сказала:

— Если он так поступил, значит, это убийца. Он никогда не увидит Майка. Никогда!

Но в доме не было телефона.

Когда Клер наконец соединилась с Елисейским дворцом, секретарша Кастора сказала ей, что тот проводит уик-энд в семейном кругу и что не может быть и речи о том, чтобы сообщить ей номер телефона. Если угодно, она может передать. Клер повесила трубку. В семейном кругу... Ну и семейка!..

В министерстве внутренних дел ей сказали, что министр как раз едет в аэропорт, он намерен провести два дня в Венеции. Да, с ним могут связаться и попросят позвонить из аэропорта. Она дала номер телефона ближайшего от дома отеля, откуда звонила, и стала ждать под игривым взглядом дежурного. Разговаривая, он словно раздевал ее. Затем к ней обратился француз, который хотел поговорить об ужасной греческой кухне.

Наконец она услышала голос Поллукса. Он был обеспокоен ее звонком. Что? Она что, совсем голову потеряла? Да нет же, это совсем не тот молодой человек! Как она могла подумать!.. Что Майк? Плохие воспоминания не мешают ей спать? Браво! Я вас целую обоих, до свидания, малышка Клер! Да нет же, вы меня не беспокоите, вам

известно... Отдыхайте, и до скорого. Не забывайте своего старого Поллукса.

Клер повесила трубку. Как только она могла подумать!

Она щедро вознаградила игриво улыбающегося дежурного отеля и вернулась домой походкой молодой девушки.

Если поторопиться, то еще можно застать Майка на пляже.

Для купания в августе шесть часов вечера — самое лучшее время.

Перевел с французского А.БРАГИНСКИЙ

Константин ГЕРАСИМЕНКО
МАХНО
ОЧЕРК

Особенности гражданской войны заставили меня пробыть у Махно довольно продолжительное время, что дало мне возможность наблюдать не только самого Махно и его приближенных, но и основательно окунуться в самую глубину крестьянского движения, возглавляемого Махно. С этими наблюдениями я и считаю своей задачей познакомить читателя.

МАХНО ДО РЕВОЛЮЦИИ 1917 ГОДА

Нестор Иванович Махно родился в 1884 году в селе Гуляй-Поле Екатеринославской губернии в семье малоземельного и бедного крестьянина, который занимался скупкой рогатого скота и свиней по заказам мариупольских мясников.

До одиннадцати лет молодой Махно, посещавший школу, помогал отцу в разделке свиных туш, а затем мальчика определили в один из галантерейных магазинов Мариуполя.

С первых же дней службы в магазине для всех было ясно, что приказчика из Махно не получится.

— Это был, — как рассказывал впоследствии старик приказчик, у которого Махно был подручным, — настоящий хорек: молчаливый, замкнутый, сумрачно смотрящий на всех недобрым взглядом необыкновенно блестящих глаз. Он одинаково злобно относился как к служащим, так и к хозяину и покупателям. За три месяца я обломал об его голову и спину совершенно безо всякой пользы до сорока деревянных аршинов: наша наука ему не давалась.

От мальчика требовали покорности, почтительности и выполнения мелких услуг, но будущий крестьянский вождь, презирая старших, вместо скучного дела за прилавком предпочитал ловлю бычков в море или шатанье с шумной ватагой праздных уличных мальчишек по порту или окрестностям города.

На побои, которыми щедро награждали его со всех сторон, мальчик отвечал местью: он ловко и незаметно отрезывал пуговицы с костюмов приказчиков, подливал касторовое масло в чайник с чаем, а своего учителя-приказчика однажды после порки сгоряча облил кипятком так, что старика в обморочном состоянии отвезли в больницу. Но этим

не кончилось. Когда жена хозяина магазина сделала попытку выдрать мальчика за уши, он до крови искусал ей руки и, боясь наказания, сбежал из магазина, скрываясь неизвестно где.

Хозяин, желая избавиться от непокорного Махно, вызвал из села отца. Мальчика разыскали, выпороли и устроили в типографию для обучения делу наборщика.

Типографское дело пришлось Махно по вкусу: он с интересом присматривается к работе наборщиков, расспрашивает их, учится разбирать шрифт, проявляет бойкость, сметливость. В типографии его начинают ценить, поощрять, и это вернее всяких побоев достигает цели: Махно с утра до вечера просиживает в типографии, он уже умеет держать в руках верстатку, его рука быстро и ловко бегает по клеточкам кассы.

Порт и ловля бычков забыты, забыты и детские шалости с ватагой уличных мальчуганов. Махно не узнать. Он берется за книги, тетради, появляется жажда знаний: Махно работает над самообразованием упорно, настойчиво, проявляя несомненные способности.

На мальчика обращает внимание работавший в той же типографии анархист Волин, который заинтересовывается занятиями Махно и помогает ему пройти дома курс городского училища.

После ареста Волина занятием Махно руководит эсер Михайлов. По его совету Махно сдает экзамен на звание сельского учителя и в 1903 году получает место учителя в одном из сел Мариупольского уезда.

С первых же шагов своей учительской деятельности Махно принялся за проповедь среди крестьян анархического учения. На этой почве у него начались неприятности с полицией и начальством. В результате этих столкновений Махно лишают места учителя и высылают в село Гуляй-Поле под надзор полиции.

В родном селе Махно сразу приобретает популярность и неограниченное влияние на крестьянскую молодежь. Это было вполне понятно. Сверстники Махно помнили его по школе, по играм и шалостям, и вдруг этот маленький Нестор, которого они часто били, возвращается домой с дипломом учителя, «героем», пострадавшим за убеждения, «борцом» за народ и правду. В результате он настолько подчиняет своему влиянию крестьянскую молодежь, что фактически становится хозяином села: его распоряжений никто не смел ослушаться.

— Я приказал, и надо исполнять, — властно распоряжался Махно, сверкая блестящими глазами.

И его приказы исполнялись. Махно и его товарищи занимались тем, что совершали налеты на погреба и сараи зажиточных крестьян и помещиков и по ночам устраивали бесшабашные кутежи, о которых потом говорила вся деревня.

Старики недовольно покачивали головами, поговаривали о том, что пора прекратить безобразия, но молодежь только посмеивалась и все больше и больше озорничала.

Слава о подвигах Махно и его молодцах разносится далеко за пределы Гуляй-Поля. Помещики побаиваются Махно, полиция бессильна

с ним бороться. Впрочем, с полицией Махно умел ладить, и в этом сказывается его двойственный, коварный характер. Проповедуя анархические идеи, Махно в то же время ведет самую тесную дружбу с урядниками и даже приставом, устраивая с ними невероятные попойки. И эти попойки всегда устраивались после ограбления чужого погреба или после того, как он возьмет откуп с крестьянина, устраивающего свадьбу. Откуп брался под угрозой разгрома свадебного кортежа. Когда товарищи укоряли Махно за его дружбу с полицией, Махно только загадочно улыбался.

— Не вам, дуракам, давать мне отчет, — резко говорил он им, обрывая разговоры на эту тему.

К Махно потянулась молодежь с окрестных сел, Махно стали подражать. Крестьянская молодежь отбилась от дела, пьянствовала и озорничала. Кто знает, может быть, уже тогда зародилась та «махновщина», которая в дни революции запылала зловещим огнем по всей Новороссии?

Дружба с полицией дала свои результаты. В 1905 году Махно получил политическую благонадежность, ему разрешили учительствовать и дали школу в селе Петровском Бердянского уезда.

Однако и на этот раз Махно недолго пробыл учителем. Подошли октябрьские дни, зазвучали речи о свободе, страна всколыхнулась, и Махно с головою окунулся в революционную стихию.

В начале 1906 года он организовал смелое нападение на бердянское уездное казначейство. Во время налета Махно совершил тройное убийство, захватил кассу и скрылся. Один из соучастников выдал Махно, и его арестовали. До суда Махно содержался в бердянской уездной тюрьме, но за попытки к побегам его перевели в херсонскую губернскую тюрьму, где за ним строго следили. В 1907 году таврическим судом Махно был приговорен «за разбой и убийство» к бессрочным каторжным работам и переведен для отбывания наказания сначала в орловский централ, а затем в Акатуй и Зарентуй.

По рассказам одного из «атаманов», Чалого, бывшего «потемкинца», отбывавшего вместе с Махно наказание в Акатуе, Махно не сразу сумел приспособиться к тюремному режиму, многократно делал попытки к побегу, поражая администрацию тюрьмы своей изобретательностью. За попытки к побегу Махно наказывали карцером и плетьми. Но Махно не расставался с мыслью о свободе. Его последняя попытка к бегству была совершена во время групповых работ. Махно удалось скрыться. Но произведенной облавой он был найден спрятавшимся в сарае с дровами и долго не сдавался, отбиваясь топором. За этот побег он понес особенно тяжелое наказание.

С этого момента Махно становится неузнаваем: он стал болеть, хиреть, пассивно относиться ко всему окружающему и не принимать участия в обычным для бессрочных каторжан протестах. Часами, как маньяк, Махно возится где-нибудь в темном углу со своими тяжелыми ножными и ручными кандалами, точно пытаясь снять их и изломать.

Каторжане относились к Махно с несвойственной им предупредительностью. Их пугало необычайное выражение его глаз, в которых отражалась безмерная бешеная злоба ко всему и ко всем.

В 1917 году по общей амнистии Временного правительства Махно был освобожден и осенью 1917 года приехал в село Гуляй-Поле, где вскоре приобрел трагическую известность под именем «батька Махно».

МАХНО-ПАРТИЗАН

Начало и развитие деятельности Махно на юге России нужно отнести к марту 1918 года, что совпало с окончательным развалом Румынского фронта, уходом из Крыма в Новороссийск Черноморского флота и последними днями существования Украинской центральной рады. В это время Махно располагал небольшой шайкой, составленной из преступников и севастопольских матросов.

Со всей шайкой Махно совершал дерзкие, но, в общем, обычные для того времени грабежи, кочуя из одного уезда в другой. По дороге к нему приставали недовольные и обиженные гетманским режимом и матросы Черноморского флота, которые поодиночке просачивались через немецкие кордоны из Крыма. Отряд численно разрастался, и Махно от случайных грабежей перешел к налетам на имения помещиков, на небольшие города и железнодорожные станции. Налеты сопровождались зверскими убийствами. Махновцы начали сводить личные счеты с теми, кто так или иначе обидел их или на кого они были злы.

Насколько свободно чувствовал себя Махно, можно судить по рассказу управляющего одного из крупнейших имений Таврической губернии. Имение это находится в 15 верстах от Николаева. Махно явился туда за 150 верст с целью свести счеты с одним из служащих имения, которого, к счастью, в то время случайно не было в имении.

— Мы его подождем, — с усмешкой заявил Махно, — нам спешить некуда.

Три дня Махно хозяйничал в имении: его вольница предавалась безудержному пьянству и удалилась только тогда, когда получила солидную контрибуцию. Уходя, махновцы пообещали завернуть вскоре еще в гости.

В июне к Махно прибыли из Киева анархисты группы «Набат» во главе с анархистом Бароном. В том же месяце к шайке примкнуло много анархистов других толков и социалистов из разных городов юга России. С этого времени деятельность шайки Махно получает иное направление. Махно мечтает о создании Запорожской Сечи, он лихорадочно набрасывает перед слушателями грандиозные планы создания крестьянской республики; анархисты пытаются придать махновскому движению идейный характер.

Обстоятельства благоприятствовали Махно. Крым и Украина были оккупированы иноземными войсками, которых крестьянское населе-

ние ненавидело. Полицейские и гражданские части гетмана наводили порядок в селах: в села заходили карательные отряды «для наведения порядка», причем производили аресты, а иногда и расстрелы крестьян. Кроме того, из городов возвращались помещики, которые, опираясь на вооруженную силу, жестоко расправлялись с крестьянами, мстя им за те убытки, которые они понесли в своих разоренных поместьях. Крестьяне все больше и больше ожесточались и искали защиты у разных атаманов, как это было в Киевской, Полтавской и Черниговской губерниях, на юге же все симпатии были направлены к смелому и решительному Махно.

К этому следует добавить, что в июне месяце военным министром гетмана генералом Рагоза был издан приказ, по которому из украинской армии увольнялись все офицеры военного времени с предоставлением им сомнительного права доучиваться на положении юнкеров в военных училищах. Это распоряжение не только понизило количественно армию гетмана, но и создало врагов армии, чем, как известно, не преминул воспользоваться Петлюра, который и вербовал в свою армию этих офицеров.

Из этой среды вышли наиболее активные атаманы: Зеленый, Струк, Соколовский, Григорьев и другие. Из них к Махно присоединился прапорщик Петриченко и много других не менее выдающихся махновцев.

С каждым днем шайка Махно усиливалась все новыми и новыми кадрами, переформировывалась и получала правильную организацию. В шайке были пехота, кавалерия, пулеметы и даже артиллерия. Из этих кадров потом и развернулась махновская армия.

Однако под давлением регулярных немецких отрядов Махно был вынужден отходить от крупных городов, к которым постепенно подбирался, и опираться исключительно на села, вербуя в свои ряды крестьян. Партизанскую войну на юге России Махно начал с того, что стал нападать на карательные отряды, грабить поезда, захватывать железнодорожные станции, уничтожая небольшие гарнизоны немцев и полицейских властей гетмана. Смелые и неожиданные нападения Махно всегда сопровождались неизменными успехами. Его имя стало именем крестьянского героя.

«Идем к Махно» — сделалось лозунгом крестьянских масс.

В дальнейшем, поощренный успехом, Махно перешел почти к открытой войне с немцами и австрийцами. Австрийцы были так терроризированы махновцами, что боялись показываться дальше Екатеринослава и стали отзывать из сел и небольших городов свои отряды, но немцы взглянули на это иначе.

Дерзкие нападения Махно выводили из себя высшее немецкое командование в Киеве, и по его приказу для полного уничтожения отрядов Махно в Новороссии начали сосредоточивать крупные воинские силы.

Под давлением немецких отрядов Махно отступил и в Александровском районе попал в кольцо. Однако немцы и на этот раз остались

верными своей тактике: они слишком много времени потратили на артиллерийскую подготовку общей атаки. Махно, испытав действие сосредоточенного артиллерийского огня и понеся большие потери, сумел все же найти выход из кольца охвативших его немецких войск и с небольшим уцелевшим отрядом ушел, сделав в одну ночь переход более чем в 60 верст.

В особом приказе немцы торжественно объявили: «Бандит Махно уничтожен», но уже на пятый день Махно вырезал захваченный им врасплох отряд австрийцев возле станции Константиноград и заставил всех офицеров, взятых в плен, в том числе и начальника отряда, играть с ним в карты в течение двух суток, после чего офицеров расстрелял якобы за то, что они осмелились его «обыграть».

В октябре начался отход с Украины сперва совершенно разложившихся после революции австрийцев, а затем и немцев. Отход принес Махно ряд побед над теми и другими, а главное, дал в его руки огромное количество вооружения и всевозможного технического снаряжения.

Трудно сказать, во что обошлось немцам и астрийцам знакомство с Махно. По официальным данным гетманских властей, за апрель — июнь месяцы Махно совершил 118 налетов и грабежей, сопровождавшихся человеческими жертвами.

Но все эти налеты, грабежи и нападения на эшелоны уходивших домой немцев и австрийцев кажутся незначительными по сравнению с первым захватом г. Екатеринослава в декабре 1918 года.

С этого дня имя Махно приобрело всероссийскую известность. Он «с боя» взял город, выпустив по нему до двух тысяч снарядов из шестидюймовых отнятых у немцев орудий. Петлюровцы, только что занявшие Екатеринослав, разбежались в паническом страхе, и население оказалось во власти махновцев.

Это был такой разгром цветущего города с пятидневным грабежом, которого до того еще не видел ко всему, казалось, привыкший юг России даже в дни нашествия красного Муравьева.

Трудно подвести итоги всему тому, что сделал Махно за девять месяцев, но несомненно то, что немцы и австрийцы заставили Махно изучить все оттенки партизанской войны, изучить в совершенстве самые глухие места днепровских плавней, таких своеобразных в Таврической и Екатеринославской губерниях, все леса и прилески. Недаром знаменитый Черный бор, лес Гаркуши назван теперь «гаем Батьки Махно».

Попустительство гетманского правительства помещикам и крутые меры последних вынудили Махно выступить на защиту крестьян. И если бы не эта недальновидная политика, может быть, не было бы и махновщины. Она так тесно связала Махно с крестьянами, что все испытания последующих четырех лет не смогли нарушить и порвать эту связь.

Борьба с немецкими отрядами и властями гетмана закалила отряды Махно, приучила их делать смелые нападения, производить разведку, находить и использовать слабые стороны своих противников, наносить

им быстрые и короткие удары, а затем так же быстро скрываться, как и нападать.

Но самое главное — борьба эта создала в крестьянской массе легенду о «неумирающем запорожце Батьке Махно», который борется за крестьянскую свободу и крестьянскую правду.

Этим заканчивается партизанский период жизни Махно. В дальнейшем он начинает играть крупную роль в ходе гражданской войны на юге России.

«БАТЬКА МАХНО»

Кто хоть раз видел Батьку Махно, тот запомнил его на всю жизнь.

Небольшого роста, с землисто-желтым, начисто выбритым лицом, с впалыми щеками, с черными волосами, падающими длинными прядями на плечи, в суконной черной пиджачной паре, барашковой шапке и высоких сапогах — Махно напоминает переодетого монастырского служку, добровольно заморившего себя постом.

По первому впечатлению — это больной туберкулезом человек, но никак не грозный и жестокий атаман, вокруг имени которого сплелись кровавые легенды.

И только небольшие темно-карие глаза с необыкновенным по упорству и остроте взглядом, не меняющие выражения ни при редкой улыбке, ни при отдаче самых жесточайших приказаний, глаза, как бы всезнающие и раз навсегда покончившие со всеми сомнениями, вызывают безотчетное содрогание у каждого, кому приходилось с ним встречаться, и придают совсем иной характер его внешности и тщедушной фигуре, в действительности крайне выносливой и стойкой. Махно — человек воли, импульса, страстей, которые бешено кипят в нем и которые он старается сдерживать железным усилием под холодной и жестокой маской...

Махно не оратор, хотя и любит выступать на митингах, которые по его приказу устраиваются на площадях и в театрах захваченных и разоренных им городов. В речах Махно нет даже демагогии, казалось бы, столь необходимой в его положении. Мне приходилось часто наблюдать Махно во время митингов, и я видел, как чутко слушает его буйная и хмельная толпа, как запоминается каждая его фраза, подкрепленная энергичным жестом, как влияет, словно гипнотизирует, Махно на крикливую, никому не желающую подчиняться и ничего святого не признающую толпу...

Вот Махно на площади. Он окружен своей всегдашней свитой. Здесь и теоретики анархизма — Волин, Артем, и Барон, и красавец Лященко в матросской шапке и высоких шнурованных ботинках со шпорами, и Гуро, тонкий, как шест, и гориллообразный палач Кийко, и массивный Петриченко с круглым, как луна, рыхлым лицом, и много других...

Махно говорит резко, нескладно, то понижая, то повышая голос, повторяя за каждой фразой, состоящей из 5 — 10 слов, свою постоянную, полную гнева фразу: «и только»; он говорит о неизбежной гибели городов, о том, что города не нужны в жизни свободных людей, о необходимости горожанам, не исключая рабочих, к которым Махно вообще относится холодно, сейчас же, немедленно бросать города и идти в села, степи, леса и там строить новую, свободную крестьянскую жизнь.

После Махно почти всегда выступает Волин. Убедительность доводов, которыми оперирует старый теоретик анархизма, искусное построение речи, рассчитанное на понимание аудитории, и умение угадать тайные желания этой толпы, необычайный пафос, равный по силе, может быть, только одному Троцкому, — все это все же проходит куда-то мимо толпы, завороженной нескладной речью Батьки Махно.

И Махно это знает, чувствует, понимает. Он стоит у всех на виду, спокойный и самоуверенный, и лишь одними глазами с неизменным, до боли колючим взглядом лениво скользит по толпе. Чуть заметная улыбка, вернее складка, на губах Махно выражает не то удовольствие, не то презрение, а может быть, и то и другое вместе.

Не спеша Махно поворачивается, чтобы уйти или сесть на тачанку (он обыкновенно не дослушивает речей Волина до конца), и сгибаются могучие фигуры Кийко и Петриченко, только что демонстрировавших револьвер, из которого был убит подлинный контрреволюционер Григорьев, а толпа, как один, тянется к Махно, давя друг друга, и безумно, и в исступлении ревет со слезами на глазах:

— Батько, наш Батько!..

Уже давно не видно тачанки, не видно, куда свернули лошади, умчавшие Махно, а толпа все еще продолжает орать:

— Батько, наш Батько!..

Много и долго говорят потом Волин, Артем и Барон: говорят все о том же, что власть — зло, что анархия — мать порядка, что все люди равны и т.д., но постепенно толпа начинает забывать о Махно, махновцы снова хвастливо заявляют, что не только Махно, которого они завтра могут убить, но и весь мир им нипочем, и, слыша это, Волин, а за ним и другие ораторы незаметно исчезают, боясь, что дикая и безбожная толпа расправится с ними, как с кадетами или большевиками.

После митинга махновцы, распаленные речами безответственных ораторов, наводят ужас на мирное население тем, что стреляют из винтовок и пулеметов неизвестно куда и зачем. Во время стрельбы они выпускают в невероятном количестве патроны, а еще больше поглощают самогон и вино из разграбленных складов...

Махно властен и непоколебим. Десятилетняя каторга ожесточила его, лишила способности разбираться в добре и зле. Махно испытывает бешеную безграничную радость при виде гибели в огне цветущих городов; его глаза горят восторгом от взрывов тяжелых снарядов на улицах

города. В Махно — жестокая потребность наблюдать мучительную смерть часто совершенно невинных людей...

Я вспоминаю трудно передаваемую кошмарную картину. Но в ней — весь Махно...

Перед Махно стоит группа оборванных стражников с текущей по лицам кровью. Запуганные и избитые стражники дрожат мелкой дрожью и пугливо озираются, боясь встретиться с острым взглядом Махно, который, хищно изогнувшись, в упор смотрит на них горящим безумным взглядом.

Долгая пауза...

Махно быстро выдергивает руку из кармана брюк и почти кричит:

— Порубить их, и только...

Не успел еще смолкнуть резкий голос Батьки, как палач Кийко взмахнул острой шашкой и стал неумело рубить несчастных, нанося им удары по нескольку раз, словно срубая кочаны капусты. Забрызганный кровью Кийко устал, вспотел, едва переводит дух. Его сменяет более ловкий, смеющийся Лященко, которому помогают любители из махновского конвоя.

Махно с блуждающей рассеянной улыбкой спокойно наблюдает, как «работают» его молодцы, и больше ничего нельзя прочесть в его остром взгляде.

Но вот вместо испуганных, но живых людей — куча кровавых изуродованных тел. То там, то здесь валяются отрубленные головы и руки с судорожно скрюченными пальцами. Махно порывисто срывается с места, собачьей рысью подбегает к этой куче тел, носком сапога отбрасывает попавшуюся по дороге голову, вскакивает на грудь, на живот убитых, топчется, пачкая сапоги в крови, и затем почти спокойно говорит:

— И только...

Еще раз торжествующе, гневно и злобно, точно спрашивая кого-то, кричит он свое «и только», подбегает к другой группе изрубленных тел, топчет их, повторяя все сначала.

Все человеческие чувства давно заглохли в Махно. Его не тронут ни слезы женщин — а к ним он падок, ни плач детей, ни клятвы мужчин.

Впрочем, бывают и исключения, но они допускаются чаще всего для актеров, реже для приказчиков и еще реже для людей, умеющих каким-либо отчаянным поступком поразить Махно.

Однажды стражник в тот момент, когда Кийко замахнулся на него шашкой, как-то так ловко ударил палача ногой в живот, что Кийко долгое время находился в глубоком обмороке. Махно был так поражен смелым поступком стражника, что милостиво даровал ему жизнь и даже отпустил домой, после того как стражник отказался у него служить. Но таких счастливцев бывало мало. Обыкновенно те, которые попадали в плен к Махно, живыми не возвращались.

Трудно найти даже в среде повстанческих атаманов равного Махно по жестокости. Ко всему этому следует добавить неизмеримое болез-

ненное тщеславие, которым, несомненно, болел Махно. Он не выносил никакой конкуренции, ни даже намека на нее.

Никто не смеет, не может быть грознее, что значит и свирепее, чем он — «Батька Махно»...

МАХНО НА СОВЕТСКОЙ СЛУЖБЕ

При нашествии немцев и австрийцев, которые были призваны на Украину Центральной радой, советский главковерх Антонов, боровшийся с радой во имя Советов, вынужден был отступить с остатками своей армии в пределы Курской и Орловской губерний и здесь выжидать тех событий, которые тщательно подготовлял Х.Раковский. Под видом заключения мира с гетманом советский дипломат вел переговоры с атаманами повстанческих отрядов, среди которых были Шинкарь, Григорьев и Махно. Переговоры дали прекрасные результаты: атаманы подчинились Москве и готовы были по первому требованию двинуть свои отряды туда, куда будет приказано, а пока разрушали тыл гетмана. Не сидел сложа руки и Антонов.

В то время штаб Антонова-Овсеенко находился в Орле и помещался в здании кадетского корпуса. Штабом главковерха, который состоял исключительно из кадровых офицеров, был разработан детальный план завоевания Украины; согласно этому плану главнейшая тяжесть в предстоящей борьбе была отнесена за счет повстанцев, с которыми под шумок успел сговориться Х.Раковский.

Нужно отдать должное советскому командованию — оно сумело блестяще выполнить намеченный план и так целесообразно использовало повстанческие силы, что для боевых действий Красной Армии не оставалось места.

Красная Армия победоносно двигалась по Украине по услужливо расчищенной атаманами дороге.

Советское командование, заняв в декабре 1918 года после отхода немцев Харьков, почти без сопротивления стало продвигать в киевском направлении повстанческие силы Шинкаря и других, более мелких атаманов, сочувствующих Советской власти, в одесском — Григорьева и в екатеринославском — Махно.

Расчеты, построенные на точном учете борющихся сил, а главное, на настроении крестьянских и рабочих масс, предварительно распропагандированных множеством агентов Х.Раковского, оправдали надежды Москвы, гетмана свергнул Петлюра, Петлюру — повстанческие атаманы, и в результате за три месяца второй украинской кампании Советская власть получила в свое распоряжение не только чрезвычайно богатый и обширный край, но и выход к портам Черного и Азовского морей. Кроме того, советские армии получили возможность теснить казаков, а за ними и добровольцев.

Однако, блестяще выполнив основную цель своего плана, советское командование допустило ряд второстепенных ошибок, впоследствии оказавшихся роковыми.

Советское командование, создав до начала военных действий «украинскую» армию численностью не более 25 000 человек, не прошедшую боевого обучения и малодисциплинированную, как, впрочем, и вообще вся Красная Армия того периода, не учло расходов этой армии на организацию комендантских команд, штабов и различных частей чисто вспомогательного характера, презназначенных для укрепления тыла, чему Советская власть, в противоположность Деникину, Колчаку и Врангелю, придавала и придает первенствующее значение. В результате «украинская» армия, разбитая на ряд мелких отрядов, распылилась по всей Украине, ослабляя боевую мощь Советов, и красному командованию пришлось довериться политически неустойчивым и преследовавшим исключительно свои цели повстанческим атаманам. Таким образом, из отрядов Махно была сформирована 45-я стрелковая советская дивизия, а из партизан Григорьева — 44-я дивизия.

В апреле 1919 года состоялось свидание главковерха Антонова-Овсеенко с Махно, обставленное весьма торжественно.

Беседа Махно с Антоновым была продолжительна. Садясь в автомобиль, Антонов, по-видимому, очень довольный своей встречей с Махно, сообщил спутникам, что Махно будет еще полезен Советской власти, а его партизан надо направить не в Крым, а на казаков и добровольцев.

А Махно в это время задумывался над тем, как бы уничтожить своего опасного конкурента Григорьева.

Дыбенко, прибыв в Симферополь в качестве командующего 4-й украинской Советской Армией, каковым до тех пор считал себя Махно, потребовал, чтобы Батька явился к нему.

Махно ввели к Дыбенко, который молча протянул несколько оторопевшему Батьке, привыкшему к почестям, солидную пачку приказов Военного революционного совета республики.

— Для чего это? — осведомился Махно, бегло взглянув на приказы.

— Читать... Вы назначены начальником 45-й стрелковой советской красной дивизии, а Григорьев — 44-й такой же дивизии.

Махно сначала хотел отказаться, заявив, что он не нуждается ни в каких назначениях, но, услышав о Григорьеве, назначение принял. Дыбенко, любящий позу, сделал величественный жест рукой, милостиво отпуская Махно.

— Я, товарищ, уже послал вам спецов... До свидания.

Возвратившись к себе «в ставку», где-то возле Цареводаровки (он не любил жить в больших домах, напоминающих ему тюрьму), Махно нашел арестованными присланных из штаба армии для формирования дивизии спецов.

— Кто там под арестом? — поинтересовался Махно.

— Да кто их знает, какие-то спецы, — ответил Гуро.

Бывший капитан Генерального штаба Васильев представился Махно как начальник штаба дивизии и попросил разрешения представить остальных товарищей по работе.

— Катай, — махнул рукой Батька.

Свирепо сдвинув брови, слушал Махно, как Васильев представлял ему начальников оперативного, разведывательного, артиллерийского, инженерного, административного и других отделов и отделений будущего штаба.

После представления Махно поблагодарил всех за желание с ним работать и тут же отправил спецов обратно в сарай под арест, предложив остаться только Васильеву и начальнику артиллерийского отдела. С ними он занялся главным образом вопросами о сосредоточении артиллерийского огня по опорным пунктам противника. Знания Васильева и его умение делать необходимые практические указания махновским артиллеристам на последовавшей после доклада практической стрельбе решили участь Васильева: он навсегда остался начальником штаба Махно, причем Махно, зная слабую сторону Васильева, держал его в неизменно полупьяном состоянии, что поручено было Кийко.

Остальные чины штаба после недельного ареста были пешком отправлены в Симферополь с приказом больше никогда не возвращаться.

Все должности в штабе были распределены между ближайшими помощниками Махно, причем он сформировал свой штаб не по штату дивизии, а по штату штаба армии, назначив председателем Военного революционного совета армии анархиста Волина.

При помощи Васильева, пользуясь его объяснениями, по данным Дыбенко приказам Махно усидчиво принялся за изучение администрации Красной Армии и в этом отношении достиг многого. В то же время Волин энергично заработал по организации штаба, поставив агитационную и разведывательную часть на должную высоту.

МАХНО И ГРИГОРЬЕВ

Разгром Екатеринослава не прошел бесследно для махновцев: его богатая добыча привела к полной бездеятельности махновскую армию. Правда, махновцы по инерции могли еще занять часть Азовского побережья, где им не оказывалось почти никакого сопротивления, но перешагнуть через Акмонайский рубеж, обороняемый генералом Шиллингом, им было не по силам. Махновцы, встречая со стороны добровольцев организованный отпор, после некоторых безуспешных попыток оставили Шиллинга в покое и занялись ликвидацией екатеринославской добычи.

Не тем, чем раньше, стал и Махно: он с головой окунулся в радости семейной жизни, мечтал о хуторе и собственном хозяйстве, о том, что пора бросить атаманство и сесть на землю. Об этом не раз вел беседы со своими приближенными, восхваляя перед ними радости семейной жизни.

Помощники Махно, как и рядовые махновцы, позабыв обо всем, предавались безудержной, бесшабашной жизни.

Без конца лилось вино, гремела музыка. Столица махновской республики Гуляй-Поле, переименованная в честь Батьки в «Махноград», переполненная тысячными толпами празднично гуляющего народа, напоминала крикливую пеструю ярмарку.

В толпе сновали неизвестно откуда появившиеся темные дельцы, которые скупали за бесценок драгоценности и старались придумать для махновцев все новые и новые удовольствия.

Открывались картежные притоны, где проигрывались колоссальные суммы, рестораны и кафе, парфюмерные магазины и парикмахерские, появились портные «из Варшавы» и сапожники; махновцы делали маникюр, щеголяли невероятными прическами, над которыми ломали головы доморощенные «Жаны из Парижа», выливали на щегольские френчи флаконы духов.

Деньги и драгоценности пускали по ветру, как пух. Махновцы прогуляли, пропили всю екатеринославскую добычу. Постепенно предусмотрительные дельцы стали покидать махновскую столицу, закрывая магазины и кафе. Угар проходил. Наступали серые, унылые будни.

К этому времени и Махно стал уставать от радостей семейной жизни. Мечты о собственном хуторе потускнели. Махно всё больше и больше начали раздражать те похвалы, которые расточались советской прессой атаману Григорьеву.

«Григорьев взял Херсон»... «Григорьев взял Одессу»... «Григорьев победил Антанту»...

Имя Григорьева пользовалось огромной популярностью. Григорьев — революционный герой. Махно видел, что на советском небе взошла новая яркая звезда, в лучах которой меркнет его слава.

Махновцы, разгруженные от екатеринославской добычи, не желающие идти на простой, случайный грабеж, все назойливее и нетерпеливее указывали Махно на Григорьева и даже промеж себя поговаривали о том, что пора идти к новому атаману...

Перед Махно стал вопрос, чем и как удовлетворить непомерно разросшиеся аппетиты своей шайки. Нужен был какой-то выход, иначе от него уйдет к опасному конкуренту все, что есть лучшего в шайке. И Махно задумал коварный план: спровоцировать Григорьева на совместное выступление против Советской власти.

Этим Махно достигал двоякой цели: уничтожал соперника и завладевал его богатой одесской добычей, о которой день и ночь бредили махновцы...

И вот Махно посылает к Григорьеву своих «дипломатов» — Козельского и Колесниченко, с которыми передает атаману свой братский привет и вместе с тем порицание за отступничество от «подлинных заветов революции».

Махновские «дипломаты», встреченные с торжественной помпой «двором» Григорьева, с успехом выполнили возложенную на них миссию. Они легко сговорились с легкомысленным Григорьевым, который

и сам не раз до приезда махновской делегации задумывался над тем, что ему пора разойтись с большевиками, которые не оценили его заслуг перед революцией и по распоряжению какого-то Дембровского выгнали его из Одессы.

Во время первого свидания с махновской делегацией Григорьев колебался дать определенный ответ: он не сказал — ни да, ни нет. Но по возвращении из штаба 3-й советской армии, куда его вызывали для служебных объяснений, Григорьев решил стать на скользкий путь, на который его толкнул Махно. В штабе армии Григорьеву объявили, что он всего лишь начальник 44-й советской украинской стрелковой дивизии, чем было чувствительно задето честолюбие Григорьева, который мечтал о посте чуть ли не главнокомандующего войсками на Украине.

Вследствие этого он по возвращении в свой штаб передал «дипломатам» Махно согласие на выступление против Советской власти.

Махно торжествовал и, заручившись согласием Григорьева, стал рыть ему яму.

Началась подготовка к совместному выступлению: разрабатывался общий оперативный план, Григорьев развил среди населения деятельную агитацию и открыто заявлял, что он скоро примется за уничтожение ненавистных народу коммунистов.

Большевики, догадываясь о заговоре Григорьева и Махно, но ничего определенного не зная, накануне выступления вызвали Махно для переговоров, причем последний, конечно, поклялся в верности Москве, а на другой день, 4 мая, Григорьев, рассчитывая на Махно, открыто выступил против большевиков под лозунгом: «Власть Советам, но без коммунистов».

Выступление Григорьева не на шутку встревожило советское командование на Украине. Силы восставших не только количественно, но и качественно превосходили силы большевиков. Симпатии населения, которому Григорьев передал часть мануфактуры из числа захваченной им в одесском порту, также были всецело на стороне восставших. Однако в самом начале выступления Григорьев допустил непоправимую ошибку. Эта-то ошибка и спасла большевиков от гибели.

Григорьев приказал своему начальнику штаба Тютюнику (впоследствии много нашумевшему петлюровскому атаману) наступать с большим отрядом в сторону Харькова и Киева. Тютюник после демонстраций в сторону этих городов предал Григорьева. Он повернул на Каменец-Подольск и навсегда перешел на сторону Петлюры.

Вместо того чтобы ударить по беззащитной Одессе, где, кроме штаба армии с ротой китайцев и двух бронепоездов, ничего не было, Григорьев, соблазненный обещаниями Махно о совместных действиях против Крыма и у Екатеринослава, уклонился к Елисаветграду, где и произвел еврейский погром. Григорьеву следовало бы быть активным и повести стремительные атаки на растерявшихся большевиков; но он пропустил несколько дней, и это решило его судьбу.

За это время советское командование быстро оправилось от предательского выступления, вырвало инициативу из рук Григорьева и с

бронепоездами, которых у Григорьева не было, а также с помощью махновской вольницы перешло в решительное наступление.

Возле Елисаветграда, а затем под Лозовой Григорьев потерпел жестокие поражения и потерял все, что вывез из Одессы. Однако Махно не удовольствовался доставшейся ему григорьевской добычей, ему нужна была смерть Григорьева.

Снова Козельский у Григорьева. Снова коварный «дипломат», отрицая участие махновцев в разгроме Григорьева, уговаривает его встретиться, чтобы разработать план дальнейшей борьбы с коммунистами.

Потерявший голову Григорьев снова попался в расставленные сети. Махно устроил в сарае митинг, на котором Лященко предательски убил Григорьева.

Махно торжествовал полную победу.

В то время как шла борьба Григорьева с большевиками, началось осторожное продвижение добровольцев в Донецкий бассейн, и завязались кровопролитные упорные бои, которые, как известно, привели к тому, что большевики были вытеснены из Донецкого бассейна и попятились к Москве...

Неблагоприятно для большевиков складывалась обстановка и на Керченском полуострове, Красная Армия тоже не смогла перешагнуть через Акмонайский рубеж. Надежды на восстания в Керчи и в других местах не оправдались: восстание быстро и решительно подавил энергичный генерал Ходаковский, который, сменив раненного в грудь генерала Шиллинга, с отрядом в 3500 человек взял Феодосию и после ряда боев заставил большевиков быстро покатиться на север.

Дивизии Махно было поручено занять мариупольский фронт. Махновцы, влившись в большевистский фронт, быстро разложили соседние дисциплинированные и, в общем, довольно стойкие советские войска. Генерал Май-Маевский медленно подвигался вперед, и махновцы, встречая организованный отпор, а в особенности при появлении танков, бежали с фронта, увлекая с собой и советские войска. Южный фронт большевиков зашатался. Началось стремительное наступление добровольческой кавалерии. Красная Армия покатилась на Орел.

В это время Махно продолжал вести с Советской властью такую же двойственную и коварную игру, какую вел с Григорьевым, и на все требования Москвы подтянуться он, ведя явно противосоветскую агитацию в деревнях, отвечал все более и более неприемлемыми требованиями.

Первым понял, в чем дело, Троцкий, который, удалив главковерха Антонова-Овсеенко, продолжавшего поддерживать Махно, стал расформировывать украинскую армию и вливать ее состав в общерусскую.

Главнокомандующего Вацетиса, который не мог справиться с разразившейся катастрофой, сменил полковник Генерального штаба Каменев, которому впоследствии суждено было закончить благоприятно для Советов борьбу на всех белых фронтах...

Троцкий из Харькова потребовал, чтобы Махно лично явился к нему, но хитрый Махно послал для переговоров делегацию. Тогда

Троцкий приказал расстрелять делегацию, а Махно и Волина объявил вне закона как изменников рабоче-крестьянской власти.

Так закончилась служба Махно у большевиков.

МАХНО-ПЕТЛЮРОВЕЦ

Разрыв с Советской властью Махно предвидел еще задолго до посылки к Троцкому делегации.

На это указывает предательское для коммунистов отступление махновской дивизии на северо-запад, в сторону Волочиска, тогда как по общему плану наступление предусматривалось за Донецкий бассейн, в сторону Харькова.

Это подтверждается также и работой махновских агентов по дискредитированию Советской власти, что, конечно, не могло быть секретом для большевиков.

В первых числах августа 1919 года махновская армия, значительно уменьшившаяся численно за время тяжелых боев с добровольцами и обремененная значительным числом раненых, достигла линии петлюровского фронта: Калинковичи — Казатин.

Махно немедленно приступил к переговорам с петлюровским командованием о сдаче на попечение украинского Красного Креста раненых махновцев, которых он, вопреки обычаю, не смог вследствие быстроты отступления сдать на попечение крастьян.

Переговоры вскоре увенчались успехом, хотя и без санкции Петлюры, пожелавшего, очевидно, сохранить в отношении Махно свободу действий на случай удачных переговоров с Деникиным, которые в то время под шумок уже вел этот пресловутый «головной атаман».

В результате переговоров от Махно были приняты не только все раненые, но и самому Махно с остатками его армии было предложено занять возле Умани отдельный участок на петлюровском фронте. Махно, заняв участок фронта, попал в совершенно родственную для его махновцев обстановку.

Все эти «курени смерти», разные черно-красно-серошлычники и другие с не менее эффектными названиями полки, составлявшие как бы гвардию петлюровских войск, по существу, были худшим видом партизан, не останавливающихся перед любым видом насилия, и понятно, что вольница Махно с ее полным отрицанием даже признаков дисциплины, которая в петлюровских войсках все же существовала хотя бы в отношении деления чинов армии на казаков и старшин (офицеров), привлекала к себе все их симпатии, и скоро началось дезертирство петлюровцев к махновцам, значительно пополнившее состав махновской армии.

В то время на петлюровском фронте было полное боевое затишье. Мимо фронта тянулись бесчисленные обозы отступающих из Крыма и одесского района советских войск, перегруженных многочисленными

семьями коммунистов из оставленных районов, а добровольцы были еще далеко.

Эти колонны обозов с рассыпанными среди них мелкими единицами войск, деморализованных быстро разразившейся военной катастрофой, лишенных возможности рассосаться среди местного населения из-за общей ненависти, были заняты одной лишь мыслью: как можно скорее достигнуть линии Чернигов — Брянск и тем спасти себя от окончательного разгрома.

Эти-то обозы большевиков и привлекли все внимание петлюровцев.

Петлюровцы, а с ними и Махно, не удаляясь слишком далеко от линии своего фронта, ежедневными короткими ударами наносили проходившим большевикам чувствительные удары, отбивая лошадей и обозы со всевозможными грузами.

Особенно свирепо усердствовали махновцы, производя колоссальные разгромы колонны большевиков, часть которых еще так недавно они сами составляли.

В результате Махно быстро пополнил всю материальную часть армии, в особенности лошадей, в которых он тогда нуждался, а также и увеличил численный состав армии за счет пленных красноармейцев и петлюровцев.

Вот тут-то Махно и пригодились приказы, полученные им от Дыбенко в Симферополе.

Махно лихорадочно начал работу по реорганизации своей армии, не задевая своих свободолюбивых махновцев ломкой нравившегося им внешнего порядка.

Между тем для Советской власти события принимали все более и более грозный характер. Деникин занял Курск и подходил к Орлу.

Казалось, революция кончена, и настали последние дни большевизма.

Но, углубляясь на Украину в поисках сочувствия у населения, привыкшего владеть собственной, а не общинной землей, стремясь использовать живые силы этого населения и получить хлеб, Деникин вместе с тем не посчитался с пронесшимся по всему этому обширному краю вихрем национального подъема, принявшим во многих случаях нездоровую окраску крайнего шовинизма.

Рассматривая все украинское движение лишь как кабинетно выдуманное изобретение кучки интеллигентов зарубежного происхождения, Деникин допустил открытое столкновение с петлюровцами в первый же день занятия Киева из-за поднятия флага над зданием городской думы.

Это столкновение привело впоследствии к образованию нового фронта, потребовавшего оттяжки значительных сил за счет главного, и, кроме того, у армии с этого момента оказался неустойчивый, часто враждебный ей тыл.

Не повторяя здесь ставших уже общеизвестными обстоятельств, приведших в конечном результате к разгрому деникинского движения,

укажу лишь кратко на то, что слишком длительное оставление деревень и сел без государственной власти создавало на местах чистейшую анархию, доходившую до кошмарных размеров от произвола военных властей, среди которых нашли себе место авантюристы всех оттенков.

Эти ошибки скоро привели к полнейшему расхождению, а затем и к открытому выступлению крестьянских масс против Деникина.

Итак, вскоре начались ожесточенные и кровопролитные бои между добровольцами и махновцами, причем впервые махновцы познакомились с действием нового орудия гражданской войны — бронепоездами и с установленной на них мощной тяжелой артиллерией.

Махновцы вообще не выносили действия артиллерии, а огонь с быстро и притом совершенно неожиданно появляющихся бронепоездов заставлял их разбегаться куда глаза глядят.

Махно это видел и упорно начал искать выход из тяжелого положения, грозившего ему гибелью.

Следует еще добавить, что Махно слабо владел украинским языком, а «ридна мова», на которой пришлось тогда ему и его махновцам изъясняться, все больше и больше наводила его на мрачные мысли и вопросы: чем все это для него кончится?

Махно совершенно ясно видел, что среди украинцев ему не то что первой, но даже и последней скрипки играть не придется, и он решил изменить Петлюре, как раньше изменил Григорьеву, а затем Советской власти.

Между прочим, 18 августа 1919 года на рассвете при производстве смелой разведки был опознан и убит одетый в кубанскую бурку и шапку родной брат Махно — Григорий Махно.

Долго после смерти брата вымещал Махно свою ярость над тяжелоранеными офицерами, попадавшими лишь в таком состоянии в его руки, так как каждый строевой офицер предпочитал смерть махновскому плену.

Махно в то время не знал пощады для офицеров, и для его палача Кийко было достаточно работы по устройству кровавых поминок по брату своего Батьки.

МАХНО В ТЫЛУ ДЕНИКИНА

К осени 1919 года Махно окончательно усвоил преподанные через Дыбенко уроки Троцкого и успел применить их на практике.

Оставляя без внимания внешний вид своей недисциплинированной армии, он путем упорной и энергичной работы почти незаметно успел реорганизовать ее так, что армия уже не была той шайкой грабителей, какой, по существу, являлась, а представляла собой кадры для подлинно народной партизанской армии, и в борьбе со своими противниками Махно начал применять и новую тактику.

Махно решил, что необходимо действовать не только быстро, но, главное, производить операции вдали от железных дорог или, как он определял, «перенести борьбу с рельс на проселки, в леса и поля»...

Свою пехоту он посадил на четырехколесные легкие тачанки с установленными на них пулеметами и, имея прекрасный конский состав, перебрасывал ездящую на тачанках пехоту с поразительной быстротой то в один, то в другой участок боя, появляясь преимущественно там, где его меньше всего ждали.

Кавалерию Махно вообще берег и употреблял для нападений на подвергшиеся крушению воинские железнодорожные эшелоны или для преследования убегавших в панике войск противника.

Не ждали Махно и в тылу у Деникина, войска которого победоносно двигались по московским дорогам.

В то время, когда Мамонтов возвращался на отдых со своего знаменитого рейда по советским тылам, Махно со своей летучей армией совершил неожиданный рейд по тылам Деникина. Бросив Петлюру, стремительным натиском уничтожив бывший против него Симферопольский полк, он стал появляться там, где его никто не ждал, неся с собой панику и смерть и спутывая все карты Деникина.

Махно у Полтавы, Кременчуга, Константинограда, Кривого Рога...

В первых числах сентября он занял Александровск, отрезав Крым от центра. По пути Махно распускал собранные по мобилизации пополнения для армии Деникина; часть из них добровольно переходила к нему.

Махно идет дальше — он занимает Орехов, Пологи, Токмак, Бердянск, Мариуполь и смело продвигается к Таганрогу, где была расположена ставка Деникина.

Нужно было видеть, что творилось в эти «махновские дни» в тылу Добровольческой армии.

Военные и гражданские власти растерялись настолько, что никто и не думал о сопротивлении.

При одном известии о приближении Махно добровольческие власти бросали все и в панике бежали в направлении Ростова и Харькова.

Это был небывалый, не имевший примера в истории разгром тыла, который по своим последствиям не может быть даже сравним с рейдом Мамонтова.

На сотни верст с большим трудом налаженная гражданская и административная жизнь в городах и отчасти в селах была окончательно сметена. Уничтожены и сожжены огромные склады снаряжения и продовольствия для армии. Нарушены пути сообщения и распущены запасные.

Крестьянская масса с этого момента открыто стала не только в оппозицию к власти Деникина, но и перешла к вооруженной с ним борьбе.

Не оценивая в должной мере махновского движения, генерал Деникин лишь кратко приказывал генералу Слащеву: «Чтобы я больше не слышал имени Махно».

Против Махно был выдвинут корпус Слащева, почти весь конный корпус Шкуро и все запасные части, которыми в то время располагало главнокомандование.

Одним словом, для «ликвидации» Махно были сняты с фронта, быть может, лучшие части добровольцев, но ликвидировать Махно им так и не удалось, несмотря на то, что конница Шкуро в первые же 10 дней столкновений с Махно потеряла до 50 процентов лошадей.

Мне пришлось пешком пройти от Александровска, после нападения на него Махно, до Чаплина и наглядно убедиться как в исключительном влиянии Махно на крестьянские массы, так и в невероятной растерянности властей, которая предшествовала движению Махно.

К утру той ночи, когда Махно неожиданно напал на Александровск, я прошел около 20 верст. Попадавшиеся на пути станции и полустанки были уже брошены, и только поздно утром от оставшегося телеграфиста мне удалось узнать, что все служащие вместе с государственной стражей ночью выехали в Орехов.

Оставив полотно железной дороги и свернув на проселочную дорогу, я увидел, как на улицах и дворах проходимых мною сел собрались толпы крестьян, что-то горячо обсуждающих и подозрительно меня осматривавших.

Так и прошел весь день. Вечером в небольшом селе меня арестовали и лишь после заявления, что я учитель и хорошо знаю Батьку Махно, отпустили.

Почти до самого Чаплина нигде нельзя было встретить никаких признаков государственной стражи или других представителей власти, и даже в Чаплине, несмотря на наличие в особом поезде воинского отряда, можно было заметить растерянность и нервность среди всех агентов власти, а крестьяне, не стесняясь, открыто заявляли, что «скоро явится Батька Махно и всех вырежет»...

Из Чаплина вечером я попал в Бердянск, который в ту же ночь был занят Махно. Еще поздно вечером в гостинице, где я остановился, меня уверяли, что Махно находится где-то далеко, потерпел поражение, что городу ничто не угрожает и что напрасно производили эвакуацию. Мне тогда было не до Махно: измученный продолжительной дорогой, я крепко заснул, но ночью был разбужен артиллерийской стрельбой. Быстро одевшись, я выбежал на улицу...

По тротуарам и мостовой густой толпой неслись военные, срывая на ходу погоны, сбрасывая верхнюю одежду, бросая винтовки. В толпе скакали верховые, тяжело громыхали повозки, дребезжали железом походные кухни. Перебежав с трудом бульвар и несколько улиц, я очутился на набережной, где удалось установить, что стрельба велась со стороны кладбища на горе и рыбачьего поселка Лиски. На набережной стали появляться группы бегущих военных. Из моего убежища во дворе рыбака отчетливо были видны огни кораблей, стоявших на рейде верстах в 10 от порта. Это были суда, на которых эвакуировались из города гражданские власти и учреждения и уже три дня ожидавшие в море развязки событий. В порту дымил маленький катер, как я узнал

впоследствии, «Екатеринославец». У входа в порт стоял броневик и вел усиленную пулеметную стрельбу по атакующим порт махновцам. По всей территории порта рвались беспрерывно снаряды. Скоро махновская артиллерия стала обстреливать порт со стороны города. Катер, переполненный военными, торопливо начал отчаливать от пристани. При повороте катер перевернулся и затонул. Все бывшие на катере погибли.

Сопротивление добровольцев, засевших в порту, было отчаянное, но силы были неравны. Часам к 11 утра порт был занят махновцами, которые затем повели наступление в сторону грязелечебницы. Несомненно, участь города и последовавшего боя решило организованное Махно выступление рыбаков Лисок, захвативших ночью с тыла артиллерию, установленную на позицию за кладбищем.

Два дня по дворам города ходили махновцы, разыскивая офицеров и полицейских, и тут же их расстреливали, привлекая для успешности розысков уличных мальчишек, платя за каждого найденного по 100 рублей. Обыватели города испуганно попрятались и, кроме рыбаков из Лисок, участия в событиях не принимали... Так прошло два дня...

На третий день появился махновский комендант города, на четвертый прибыл Военный революционный совет армии, а еще через день приехал на несколько часов и сам Махно со своим штабом.

Расстрелы прекратились, стала выходить газета «Вольный Бердянск», а город и жители были объявлены вольными. С первых же дней «вольный» город был наводнен тысячами крестьянских подвод, на которых грузилось из магазинов все, что было, и почти три недели на подводах вывозились снаряды, патроны, оружие, снаряжение, уцелевшие при взрыве складов. Все это везлось крестьянами в свои деревни.

Необходимо отметить, что все крестьяне считали себя настоящими махновцами, а коренной элемент махновской армии они иронически называли «раклом».

Городское население в большинстве относилось к Махно отрицательно: торговцы жаловались на грабежи и плохую торговлю; интеллигенция молчаливо осуждала махновскую власть и пряталась от нее; рабочие и ремесленники считали Махно врагом Советской власти; рыбаки, принимавшие вначале активное участие, негодовали на невозможность заниматься рыбной ловлей. Одни портовые рабочие громко выражали свое удовольствие, внося в жизнь города свой пьяный и шумный восторг...

В силу близости района военных действий подвоз продуктов в город с первых же дней прекратился. Цены на все съестное начали достигать невиданных доселе размеров, пока не появился краткий приказ коменданта города, гласивший: «Батько Махно приказал, чтобы и хлеб и продукты в городе были».

К вечеру того же дня хлеба было сколько угодно по цене 3 рубля за фунт вместо существовавшей цены 5 рублей до махновского прихода. После издания этого приказа подводы приходили с продуктами и уходили обратно с награбленными вещами...

Одна лишь эта мера может служить достаточным показателем как отношения крестьян к Махно, так и тяжести борьбы добровольцев с Махно, что в свое время учтено не было.

БОРЬБА МАХНО С КОРПУСОМ ГЕНЕРАЛА ШКУРО И ГУБЕРНАТОРОМ ЩЕТИНИНЫМ

Быстро откатившись под ударами добровольцев от Мариуполя к Волновахе, а затем в сторону Токмака и Полог, Махно 16 октября 1919 года покинул Бердянск и после бомбардировки с моря селений Петровского и Новоспасовки стал, хотя и медленно, с боем отступать к Екатеринославу. В районе этого многострадального города у Махно завязалась продолжительная борьба со Слащевым.

Упорно задерживаясь на линии Бердянск — Чаплино — Синельниково почти всю вторую половину октября, Махно не сумел учесть сил, стойкости, а главное, уменья Слащева вести борьбу с его партизанами. Не мог Махно предугадать и направления главного удара по своей армии, ожидая его со стороны Таганрога, а получил его со стороны Лозовой.

Не придал Махно и должного внимания густой железнодорожной сети Донецкого бассейна, что, однако, не преминуло использовать добровольческое командование, втянув Махно в борьбу на рельсы, вернее, вдоль рельсового пути, пока не подошли части корпуса Шкуро, которые, усилившись бывшей уже там конницей, перешли к стремительной атаке по всему фронту растерявшихся от неожиданного, энергичного нападения махновцев.

Махно пришлось под ударами всюду наседавшей конницы оставлять четырехугольник Токмак — Чаплино — Синельниково — Александровск и спешно углубляться в район днепровских плавней.

Это десятидневное метание из стороны в сторону хотя и заставило выдохнуться конные части Шкуро и загнать почти 50 процентов лошадей, но все же нанесло наибольший вред всей армии Махно.

В этих боях погибло много помощников Махно, большая часть кавалерии под командой известного Долженко, почти на 75 процентов уменьшилась пехота, частью погибшая в боях, а в большинстве рассосавшаяся по деревням, да и сам Махно лишь случайно избег плена и казни.

Случилось это, когда проливные холодные дожди, часто смешанные со снегом, окончательно испортили дороги и даже легкие махновские тачанки стали вязнуть в грязи.

Махно со своим штабом, конвоем и советом армии, размещенным более чем на трехстах тачанках, после тяжелого ночного перехода расположился на отдых, кажется, в селе Ходунцы.

На рассвете его окружила 2-я терская казачья дивизия, которая так неожиданно понеслась в атаку на колонны тачанок, что только с неко-

торых махновцы успели открыть пулеметный огонь, не остановив этим почти полный охват колонны. Хвост колонны, воспользовавшийся заминкой, понесся к лесу по еле приметной полевой дорожке, а преследовавшие его терцы наскочили на распустившееся от дождей болото, завязли в нем и не могли преследовать убегавших махновцев.

Все же терцам досталась богатая добыча: более 200 тачанок с лошадьми и награбленным добром, включая сюда и до 400 женщин, служивших в разведывательном отделении штаба махновской армии, досталась им и тачанка самого Махно, а в ней короткая из черной дубленой овчины шуба с пришитой надписью на холсте — «Батька Махно». Сам же Махно, его штаб и военно-революционный совет исчезли...

С первых дней появления махновских отрядов в тылу добровольцев в борьбу с ними вступил екатеринославский губернатор Щетинин, в непосредственном подчинении которого находилось несколько отрядов, составленных в большинстве случаев из чинов государственной стражи. Вскоре, однако, стало ясным, что борьба с махновцами была не под силу Щетинину. Его отряды проявляли излишнюю мстительность, раздражая население...

В эту операцию пришлось втянуть дивизию генерала Вицентьева, который, как офицер Генерального штаба, не соглашался с методами борьбы, проводимыми губернатором Щетининым; к тому же генерал был недоволен тем, что ради какого-то Махно его на неопределенное время оторвали от работы на фронте. Между губернатором и Вицентьевым начались трения. Вицентьев стал избегать массовых облав, проверок, обысков, а это замедляло быстроту действий карательных отрядов и дало возможность махновцам отдохнуть и произвести переформирование.

В распоряжении губернатора находились агенты государственной стражи, которые скрывались в местах операций Махно и имели возможность наблюдать не только ход махновского движения, но и знать активных руководителей из крестьянской среды. Вот эти-то агенты, уже не ради личного обогащения, а испытав на себе и своих близких всю беспощадность махновских расправ, «заработали на совесть», решив раз и навсегда покончить с ненавистным им Махно.

Благодаря им у Щетинина имелись точные данные о подлинной махновщине. Но Щетинин, понимая, что удовлетворить крестья в тогдашних их желаниях, шедших вразрез со всеми государственными интересами, у него не было никакой возможности, остановился на плане уничтожения активного и пришлого махновского элемента и, таким образом, старался поставить крестьян перед наглядным уроком возмездия за бунт, заставить их, смирясь, подчиниться властям.

Положение осложнялось еще и тем, что в результате операций кавалерии Шкуро почти в каждом селе накопились сотни махновцев, припрятавших оружие и выжидавших лишь подходящего случая для того, чтобы пустить его в дело. Наступившие вскоре морозы сковали дороги и превратили их вновь в проезжие, а проникавшие всюду мах-

новские разведчики разносили радостные для них вести, что Махно недалеко и вновь наступает на кадет. Все это не только не располагало их к примирению и покорности, но повело к ряду разрозненных активных выступлений.

В силу этого почти каждое село приходилось попросту завоевывать, а засевших там махновцев вытеснять в плавни и леса, что роковым образом затягивало дело, создавая неустойчивость положения, и усиливало силы Махно, давая ему возможность не прекращать борьбу со Слащевым.

При назначении общей облавы приднепровского леса с участием двух полков дивизии генерала Вицентьева у Щетинина имелись точные данные о силах махновцев, скрывавшихся в этом лесу после изгнания их из соседних деревень, под общей командой Петриченко.

Начатая с утра облава никаких результатов не дала, и генерал Вицентьев, посмеиваясь над точностью сведений Щетинина, приказал по телефону прекратить облаву и полкам возращаться в места своих стоянок.

Иначе посмотрел на дело командовавший особым отрядом полковник К. Потратив немало времени на переговоры с генералом Вицентьевым о продолжении облавы, полковник К. решил закончить ее силами отряда, находившегося в его распоряжении.

Конец облавы оказался далеко не таким, каким представлял Вицентьев. Уже через полтора часа после ухода полков из кустарников за опушкой пройденного леса началась ружейная стрельба, к которой вскоре присоединилась и пулеметная, а затем на растянувшийся небольшой отряд, кстати сказать, составленный почти из одних стражников и подростков-гимназистов, махновцы повели атаку. Стражники не растерялись, а встретили атакующих интенсивным огнем.

В самый острый момент атаки, когда враждующие стороны разделяло расстояние в 30 — 40 шагов, перелом и исход боя решил 17-летний гимназист, сын полковника К., бывший у него ординарцем. Мальчик поскакал к обозам, собрал всех, кто там находился, и с организованным таким образом конным отрядом стремительно обрушился на правый фланг дрогнувших от неожиданности махновцев. Вовремя поддержанные стражники быстро перешли в атаку. Через 40 минут почти все было кончено, кустарники пройдены, а махновцы уничтожены.

В суете этой поспешной бойни вблизи полковника К. какой-то прапорщик в кожаной поношенной куртке, из которой красовались золотые погоны, подбадривая стражников, требовал пулемет, из которого продолжал вести стрельбу стражник по засевшим невдалеке махновцам, говоря, что он сам перебьет этих бандитов. Полковник никак не мог вспомнить, где он видел этого офицера и как он попал в его отряд, но подъехавший в это время сын полковника громко закричал: «Это Петриченко» — и, вихрем наскочив на прапорщика, ударил его по голове шашкой, а стражник в упор выстрелил в Петриченко.

Так погиб один из главнейших боевых помощников Махно при попытке применить свой излюбленный безумно дерзкий прием, заключавшийся в том, что он проникал в ряды добровольцев переодетый офицером и, завладев пулеметом, уничтожал на близкой дистанции добровольцев, давая возможность своим товарищам ворваться в линию врагов.

Вечером того же дня отряду полковника К. посчастливилось захватить еще трех видных коренных махновцев, которые на следующее утро были повешены.

Вскоре после этого Щетинин был уволен от должности екатеринославского губернатора, и борьбу с Махно повел исключительно Слащев.

МАХНО И СЛАЩЕВ

Генерал Слащев, изгнавший Махно из Екатеринослава, упоенный победой, считал вопрос с Махно покончённым.

Самоуверенный генерал сообщил об этом в ставку Деникина и торжественно прибыл в Екатеринослав со всем своим штабом. Но оказалось, что победить Махно было не так легко. В то время, когда по прямому проводу летела преждевременная весть о слащевской победе, Махно возвратился назад и захватил станцию, на которой находился поезд Слащева. Кругом поднялась обычная в таких случаях паника, махновцы наседали со всех сторон, казалось, что вот-вот Слащев со своим штабом попадет в плен, и только личная храбрость молодого генерала спасла положение. Слащев со своим конвоем стремительно бросился в атаку, отбил нападение и возвратил город в свое распоряжение.

Однако железнодорожный мост через Днепр почти до момента прекращения борьбы с Махно из-за общего отступления остался как бы нейтральной зоной.

Эпизод с неожиданным занятием станции положил начало новой упорной войне Слащева с Махно. В начале махновской кампании Слащеву пришлось иметь дело с большими массами крестьянских полков, которые ему и удалось частью уничтожить, а частью заставить разбежаться по домам. Отсюда та легкость победы, в которую поверили и генералы, и его штаб. После занятия добровольцами Екатеринослава Махно располагал исключительно войсками, составленными из основного элемента его армии, пополненного наиболее активными и стойкими крестьянами.

Конечно, для махновцев были не по плечу затяжные бои, да еще чуть ли не позиционные, где прежде всего требуются устойчивость и дисциплина. Махно это учитывал и в борьбе со Слащевым стал применять старую тактику, давшую ему столько успехов в войне со всеми своими противниками.

На слащевские войска, которые привыкли к открытым столкновениям, со всех сторон посыпался целый ряд мелких, совершенно неожиданных нападений, которые беспокоили и нервировали добровольцев, не знавших, откуда ожидать удара. Махно появлялся то там, то здесь; сегодня его отряды были в одном месте, завтра они появлялись в другом. Ни днем, ни ночью не было покоя от назойливости махновцев, которые совершали свои налеты с необычайной смелостью, как бы щеголяя буйной удалью... Все это привело к тому, что добровольцы очутились словно в осажденной крепости, причем обнаружить осаждавшую армию не было никакой возможности, хотя войска Слащева только и делали, что беспрестанно маневрировали в разных направлениях в поисках исчезавших как дым махновцев.

Перед нападением на добровольцев Махно говорил своим:

— Братва! С завтрашнего дня надо получать жалованье.

И назавтра «братва» действительно получала жалованье из карманов убиваемых ими офицеров. Впрочем, мародерство процветало не только среди махновцев; ему не были чужды и слащевцы...

Затяжной характер борьбы с Махно выводил из себя Слащева, стремившегося как можно скорее «ликвидировать» Махно, дабы отправиться добывать славу в направлении Москвы. В то время белые генералы вели спор о том, кому первому войти в Москву. Однако борьба затягивалась, и, видя это, самолюбивый Слащев решил нанести Махно «последний» удар. Для охвата махновского фронта по его настоянию были стянуты все добровольческие части Крыма и одесского района, находившиеся в распоряжении генерала Шиллинга.

Само собой разумеется, что такая операция требовала предварительной подготовки, и штаб занялся детальным обсуждением плана Слащева.

Но махновцы, конечно, не ждали: их нападения становились все смелее и смелее. Слащев сначала приходил в ярость, но вскоре стал восторгаться предприимчивостью и храбростью махновцев.

— Вот это я понимаю, — громко восклицал генерал, выслушивая донесения о нападении махновцев, — это противник, с которым не стыдно драться.

Сперва махновцев, захваченных в плен, обыкновенно вешали как бандитов, потом стали расстреливать как храбрых солдат и под конец их всеми способами старались переманить на свою сторону.

По мере развития операций у Слащева рос интерес к личности Махно. Он не пропускал ни одного махновца, чтобы не расспросить его о том, видел ли он Махно и кто он такой, но узнать что-нибудь положительное о прошлом Махно из сбивчивых и противоречивых рассказов пленных Слащеву не удалось. Это обстоятельство еще больше разжигало его любопытство, и у него явилось непреодолимое желание видеть Махно, встретиться с ним и поговорить.

С этой целью Слащев отправил к Махно своего парламентера, которого сопровождал отпущенный из плена махновец. Посланец пе-

редал Батьке, что генерал хочет с ним встретиться, на что Махно ответил:

— Видеться я согласен на митинге, где мы и поговорим, как я раньше говорил с Григорьевым.

Все же страсть Слащева к махновцам от этой неудачи не прошла, и под конец операции у него собралось порядочное число махновцев, которых он и захватил с собой в Крым, где они оправдали возложенные на них надежды и действительно отличились как храбрые солдаты. В ноябре 1919 года начался отход добровольцев от Курска, общая стратегическая обстановка изменилась, и Слащев, не закончив борьбы с Махно, ушел в Крым.

Несмотря на то, что крымская операция покрыла Слащева славой, он не раз, вспоминая Махно, говорил:

— Моя мечта — стать вторым Махно...

МАХНО И ВРАНГЕЛЬ

Знакомство Слащева с махновцами толкнуло его в крайне тяжелых условиях первого периода крымской эпопеи искать сближения с Махно. В то время Слащев просто бредил атаманами. Первые попытки не дали положительных результатов, но когда к Махно был командирован полковник генерального штаба Л., более известный под именем атамана Вержбицкого, дело начало налаживаться, и ему удалось связаться со штабом Махно. Перемена отношений Слащева и настойчивость, которую проявили его агенты в поисках примирения с Махно, крайне поражали последнего, тем более что ловкий и льстивый Вержбицкий не стеснялся в выборе выражений для похвал махновским талантам и вообще вел себя крайне дипломатично.

Это настроение Махно стремился использовать начальник его штаба Васильев, который в обращении Слащева увидел возможность для себя чуть ли не полной реабилитации перед добровольцами. Он даже перестал пить и сам лично поехал в Вержбицкому.

Встреча Васильева и Вержбицкого состоялась в селе Н., в плавнях, и была чисто приятельская. Тут же на месте были улажены все острые недоразумения, определен район действий лично Вержбицкого, ему были подчинены несколько мелких махновских отрядов и даже предоставлено право формировать новые отряды под прикрытием имени Махно. Васильев пошел еще дальше, заявив Вержбицкому, что независимо от дальнейших переговоров с этого момента отношения Махно и добровольцев необходимо считать как союзные. Вержбицкий был упоен успехом, но с отъездом Васильева и прибытием к Вержбицкому нескольких неудачных офицеров от Слащева из всей этой затеи, вначале сулившей успех, ничего не вышло, главным образом в силу того, что Вержбицкий не обладал волевыми данными, необходимыми для атамана; не нашлось их и у его помощников.

Необходимо припомнить, что Махно, возвратясь домой с каторги, как нельзя лучше сумел использовать то шаткое положение власти, которое из центров передавалось на места.

Осенью 1917 года, вскоре по приезде, Махно был уже председателем волостного гуляй-полевского исполкома. Главной обязанностью в этой должности Махно считал проверку на ст. Гуляй-Поле проходивших поездов, занимаясь при проверке открытым грабежом пассажиров.

При проверке одного из поездов, в котором под видом простых пассажиров оказалось несколько десятков переодетых офицеров, стремившихся на Дон, Махно неожиданно встретил сопротивление и был вынужден не только спешно оставить поезд, но и в поисках спасения бежать из села.

Из этого эпизода раздосадованный Махно создал целую историю о попытке офицеров овладеть Гуляй-Полем и отнять все завоевания революции.

В результате поднятой Махно шумихи волостной сход решил организовать для защиты революции волостное войско в составе одной роты, подчинив ее Махно как председателю исполкома. Эту роту Махно организовал в два дня и начал выводить ее целиком на станцию для проверки, вернее грабежа, поездов.

Быть может, первое махновское войско, переутомив себя грабежом, на этом бы и остановилось, но в то время по пути на Дон офицерский отряд известного впоследствии полковника Дроздовского занял Бердянск и начал вводить в городе и его окрестностях порядок. До Дроздовского дошли вести о махновском войске, которое он принял за большевистское, и для уничтожения его послал часть своего отряда в особом поезде.

Как всегда, для встречи прибывающего поезда Махно вывел свою роту, но с подходившего поезда посыпались на роту пули, а когда быстро высадившиеся офицеры открыли пулеметный огонь и повели атаку, махновцы бросились бежать куда попало. Дроздовцы почти без сопротивления заняли Гуляй-Поле.

Махно, лишившись в несколько часов власти и вынужденный скрываться вне Гуляй-Поля, успел собрать оставшихся в живых людей своей роты и с ними направил всю свою мстительную ярость на офицеров. Вскоре после захвата дроздовцами Гуляй-Поля Махно удалось захватить возле Волновахи поезд, в котором он уничтожил всех, кто хотя бы приблизительно имел сходство с офицерами. Непримиримая ненависть Махно к офицерам оставалась неизменной вплоть до момента, когда Слащеву через Вержбицкого удалось ее поколебать.

Этому-то Махно Врангель предложил союз и дружбу.

— Мои союзники — хоть сам черт, лишь бы он был с нами, — так определял Врангель свое отношение к возможным союзникам.

В связи с таким определением в выборе своих союзников вскоре изменилась и физиономия штаба главнокомандующего, из которого удалились все старые элементы, которые, быть может, были совершенно незаменимы в войне дисциплинированных войсковых масс, но вряд

ли могли постигнуть особенности гражданской войны, все ее колебания и разновидности. Штаб заполнился молодым и энергичным элементом, среди которого было несколько офицеров Генерального штаба, побывавших в повстанческих отрядах, как, например, полковник Б., пробывший около четырех месяцев у атамана Зеленого.

Эти перемены дали много положительного в смысле перемен форм ведения борьбы с большевиками, но в то же время принесли ряд отрицательных результатов.

Дело в том, что к началу 1920 года в Добровольческой армии окончательно выродилась идея государственного розыска, главным образом в органах контрразведки, которые образовали ряд самостоятельных единиц, в некоторых случаях вовсе не признававших распоряжений центра. Личный состав контрразведок в большинстве случаев состоял из весьма сомнительного, часто авантюристического и даже преступного элемента, стремившегося вести совершенно обособленную политику.

Справиться с этим злом, а в особенности в короткий срок, штаб главнокомандующего не смог. Между тем, зная сущность дела, штаб поторопился отдать распоряжение о подчинении непосредственно ему, минуя штабы корпусов, всех агентов, оставшихся за фронтом. Это распоряжение внесло крайнюю путаницу и привело к тому, что, когда к Слащеву прибыла депутация от Махно, из состава которой несколько человек во главе с молодым энергичным атаманом Вдовенко были отправлены в Севастополь в штаб главнокомандующего, контрразведка генерала Кутепова депутацию арестовала и затем всех ее членов повесила на телеграфных столбах города Симферополя.

Такой прием депутации быстро докатился до Махно и страшно раздражил его. Казалось, что все дело лопнуло и агентам добровольцев не избежать лютой махновской расправы, но Васильев и здесь выручил, сгладив неприятное известие за счёт отрицательных сторон Вдовенко, у которого, кстати, оказалось немало личных врагов среди махновских приближенных.

Извещение врангелевской печати, в самый разгар борьбы Врангеля с Советской властью, о заключении союза Врангеля с Махно могло быть продиктовано только полным непониманием сущности махновщины и отчасти просто увлечением штаба Врангеля атаманщиной.

Правда, махновские газеты и прокламации того времени были наполнены горячими призывами к крестьянам не доверять и не помогать коммунистам, сменившимися после призывами к открытой борьбе с Москвой, но это были чисто политические приемы, имевшие в виду больше всего страховку самого Махно на будущее время и сохранение налаженных с крестьянами отношений; это создавало благоприятные для Врангеля обстоятельства и делало тыл большевиков неустойчивым, но отсюда до заключения союза Махно с Врангелем, конечно, оставалась «дистанция огромного размера».

Разве мог быть действительный союз Махно с Врангелем при наличии в военно-революционном совете армии Махно почти всех анархи-

стов России, возглавляемых Волиным? Чем же мог соблазнить и что мог вообще предложить анархистам Врангель? Свой земельный закон? Но говорить об этом серьезно с анархистами, само собой разумеется, было бы смешно. Своим земельным законом Врангель хотел перетянуть на свою сторону крестьян, то есть оторвать их от Махно, а крестьянство на 75 процентов, если не больше, до конца борьбы просто не знало о существовании этого закона и как бы в ответ на этот закон отказывалось, несмотря на угрозы, вступать в русскую армию, в то же время выполняя махновскую мобилизацию в течение нескольких часов беспрекословно и, главное, без всяких угроз и насилий.

Махно это знал и, конечно, учитывал по-своему.

Правда, для Махно было тогда выгодным и даже необходимым затянуть борьбу Врангеля с большевиками, которые пока оставляли Махно в покое, хотя и оттиснутым в западном направлении от его основной базы, где как раз происходили самые решительные бои, и это стремление Махно затянуть борьбу позволило агентам Врангеля работать с Махно.

Нужно знать, что Махно все время имел не только связь со всеми атаманами Украины, которые в большинстве случаев после временных поражений находили у Махно приют и возможность, оправившись, вновь приниматься за свою работу, но даже к основному ядру его армии причисляло себя большое количество мелких атаманов, которых Махно очень часто использовал для достижения своих целей.

На предложенный ему Врангелем союз Махно, безусловно, дал свое согласие и действительно помогал Врангелю работой мелких атаманов, как, например, Ященко.

Но это согласие и этот союз фактически выливались в следующую форму: «Пока у большевиков есть чрезвычайки, мы с ними будем вести войну, как с контрреволюционерами. Врангель также против чрезвычаек и обещал нас не трогать».

Вот это заявление Махно и послужило версией считать союз его с Врангелем заключенным, но союз этот был чисто «махновский».

Такой союз, если бы он в действительности существовал, дал бы Врангелю настоящих бойцов из крестьянской среды, несомненно, выполнивших бы приказ Махно, а главное, привел бы к тому, что в Крыму, да и везде, где был Врангель, не существовали бы «зеленые».

Махно понимал, что удовлетворить в то время крестьянство не могла ни одна власть, считающая себя государственной, поэтому он предпочитал показывать вид о желании заключить союз с Врангелем и одновременно вел переговоры с Советской властью о своем поступлении к ней на службу.

Врангелю он передавал, что не прочь получить генеральский чин, а коммунистам указывал на свои заслуги перед революцией, обещая, как революционер, сохранить нейтралитет до окончания борьбы большевиков с Врангелем, а под шумок этих переговоров грабил и тех и других, причем его «братва» получала на этот раз жалованье из карманов убитых комиссаров.

В Крыму, у Керчи, в каменоломнях, по всем деревушкам на Еникале, а также от Темрюка до Тамани ютились «зеленые», и все они считали себя только махновцами и редко коммунистами.

Яд махновщины проник слишком далеко, и справиться с ним было не под силу государственной власти.

Союз Махно с Врангелем, как и переговоры Махно с большевиками, был только коварной двойственной уловкой. Это был чисто махновский союз, как раньше с Григорьевым, Советской властью и Петлюрой.

В союзники кому бы то ни было Махно не подходил, а его фраза: «Мы еще подурачим генералов, а с ними и коммунистов», — говорила сама за себя.

АРМИЯ МАХНО

К концу 1919 года все, что группировалось вокруг Махно, носило одно общее название: «Армия имени Батьки Махно».

Основное боевое ядро армии, наиболее активное, служащее как бы кадром, из которого потом развертывались отряды, пополненные крестьянами, состояло из:

1) личного штаба и конвоя Махно численностью до 300 человек. Во главе конвоя, в роли коменданта штаба, находился бывший слесарь Кийко, а начальником конвоя состоял матрос Лященко, щеголявший добытой в Екатеринославе ильковой богатой шубой даже в летнюю жару;

2) кавалерии — 1000 всадников, как это определил сам Махно, под командой бывшего вахмистра Долженко;

3) пулеметных полков, то есть ездящей пехоты — 800 тачанок с 1 — 2 пулеметами на каждой и по 3 — 4 — 5 человек на тачанке, считая кучера. В общем, до 3500 человек под общей командой бывшего матроса Гуро;

4) артиллерии — шесть 3-дюймовых полевых орудий с полной запряжкой и зарядными ящиками. В общем, до 200 человек под командой бывшего фейерверкера Зозули;

5) комендантских команд и других вспомогательных частей, передвигавшихся также исключительно на тачанках и иногда принимавших участие в боях; в общем, до 500 человек.

Постоянных чисто пехотных частей, санитарных учреждений и интендантских обозов в армии Махно не имелось.

Таким образом, численность постоянных сил Махно, составленных преимущественно из бывших матросов военного флота, уголовного элемента, дезертиров из Красной и белых армий, лишь в небольшом числе из крестьянской молодежи, нужно определить в 5000 человек, не считая состава реввоенсовета армии.

Кроме этих постоянных частей, имелись временные, в большинстве пехотные части, собираемые по мобилизации из крестьян. В зависимо-

сти от района мобилизация давала в одну ночь 10 — 15 тысяч бойцов и больше, частью с артиллерией и кавалерией. Эти части состояли исключительно из крестьян и распределялись по полкам, носящим название сел, давших контингент (Петровский, Новоспасский и т.д.).

Численный состав таких полков и их вооружение были самые разнообразные. В большинстве случаев это были самостоятельные отряды из всех трех родов оружия.

Наступательный порыв мобилизованных частей в первые дни бывал очень велик, но по мере удаления от родных сел или затяжке военных действий крестьяне «выдыхались»...

Успех махновских мобилизаций зависел от того, что во всех селах Таврической, Екатеринославской и южных уездов Полтавской и Харьковской губерний имелись махновские организации, поддерживающие через особых агентов и разведчиков постоянную связь со штабом Махно, который благодаря этому всегда был точно информирован о положении на местах. Раскрыть эти организации при занятии сел противником было немыслимо, так как почти все жители сел так или иначе бывали замешаны в махновском движении, а главари держались крайне конспиративно.

Постоянная осведомленность о настроениях крестьян, возможность через посредство агентов и руководителей на местах создавать эти настроения позволяли Махно избегать ошибок с объявлением мобилизации в неподходящий момент, и поэтому мобилизации всегда проходили с успехом.

Тайные махновские организации скрывали раненных в боях, разведчиков, облегчали всякие административные и хозяйственные заботы, наконец, они прятали оружие, до тяжелых пушек и танков включительно, выдавали это оружие мобилизованным, словом, служили тем надежным тылом, в котором нуждается каждая армия, а партизанская в особенности.

Такая организация, доведенная до последней степени гибкости и совершенства, определяла и характер тактических действий Махно. Имея основной кадр армии из людей, терять которым нечего, посаженных на лошадей (кавалерия) или тачанки, Махно совершал в одну ночь переходы в 50-60 и более верст. На остановках он находил отдых, корм для людей и лошадей. Следует отметить, что расчеты за все забранное у сельского населения Махно немедленно производил деньгами или товарами с большей щедростью, нежели его противники, которые, впрочем, старались ничего не платить крестьянам. Эти расчеты, помимо других причин, приводили к тому, что крестьяне радовались появлению махновских отрядов. Таким образом, Махно, достигнув за полперехода пункта, намеченного для нападения, располагал собранными по секретной мобилизации свежими боевыми частями. Внезапная и быстрая атака почти всегда приводила к успеху. От неожиданности нападения противник терялся и отступал в паническом бегстве.

При захвате крупных пунктов грабежу подвергалось все, что только возможно вывезти на крестьянских подводах. Часть награбленного,

преимущественно легковесные ценности, оставалась в распоряжении Махно, а большая часть — товары, снаряжение противника и пр. — увозилась мобилизованными крестьянами по своим селам. После этого грабежа задача мобилизованных крестьян, если противник не успевал организовать сопротивления, считалась законченной, и крестьяне возвращались к своей повседневной жизни.

К этому необходимо добавить, что в некоторых случаях Махно прибегал к устройству внутренних выступлений в тех пунктах, где, по его данным, он мог бы встретить стойкое сопротивление, как, например, в Бердянске, где ему удалось организовать выступление рыбаков предместья Лисок, захвативших с тыла артиллерию, что дало Махно возможность обойти со стороны моря весьма сильную естественную позицию добровольцев. При вторичном занятии Екатеринослава Махно перевез винтовки и пулеметы под продуктами крестьян, якобы ехавших в город на базар.

Деление армии на постоянный и временный состав отражалось на внешнем и бытовом укладе армии.

Неизменными и постоянными спутниками основного ядра армии были грабеж, пьянство, буйство... Рядом с пулеметами на тачанках, прикрытых дорогими коврами, помещались бочки с вином и самогоном. Увидеть махновцев в трезвом состоянии было трудно. Махновцы самовольно партиями снимались с позиции, являлись в ближайший город, заезжали в любой двор и открывали невероятный, дикий кутеж, привлекая к участию в нем всех, кто подворачивался под руку, открывая тут же во дворе или на улице ради своего развлечения пулеметную стрельбу. Ни один двор или дом не был гарантирован от подобного налета, а это вызывало озлобление. Махновцы не признавали над собой никакой власти и ни с чем не считались. Вечно пьяные, покрытые паразитами, страдая накожными и другими болезнями, разнося всюду заразу, они беспомощно гибли, но на их место спешили попасть те, для которых единственным идеалом была праздная и пьяная жизнь.

Именно этот элемент наводил ужас на городское население, а из деревень их часто выпроваживали пулеметным и даже артиллерийским огнем...

Основное ядро махновской армии крестьяне иначе и не называли, как иронически «ракло», и только себя считали настоящими махновцами. Кадровых махновцев можно было определить по их шутовским, часто маскарадным запорожским костюмам, где цветные дамские чулки с трусиками уживались рядом с богатыми шубами.

Крестьянские же полки по внешнему виду ничем не отличались от крестьян. Правда, крестьяне тоже выпивали, но это не были махновские кутежи, и, наконец, их, по-видимому, никогда не оставляли хозяйственные заботы, а также исход борьбы, которая велась на их родных полях.

Симпатии крестьян были на стороне Махно, и если с коренным махновцем можно было вести любой разговор с самой злой критикой Махно, то за один неодобрительный отзыв о Махно при крестьянине-

махновце можно было ждать смерти. Крестьяне не смешивали Махно с его вольницей и терпели последнюю лишь в силу необходимости и часто самосудом расправлялись с наиболее надоевшими и буйными махновцами.

Фактически в городах, занятых Махно, власть производилась через комендантов города, но они не имели достаточной силы, чтобы воспрепятствовать буйству и грабежу «кадровых» махновцев. Коменданты выдавали пропуска для передвижений жителей в районе, занятом Махно; они же арестовывали и судили.

В Бердянске мне пришлось наблюдать картину махновского суда. На площадке против комендатуры собрались человек 80-100 махновцев и толпы любопытных. На скамейку поднялся комендант города, молодой матрос, и объявил:

— Братва! Мой помощник Кушнир сегодня ночью произвел самочинный обыск и ограбил вот эту штуку, — он показал золотой портсигар. — Что ему за это полагается?

Из толпы 2 — 3 голоса негромко крикнули:

— Расстрелять...

Это подхватили остальные махновцы как, очевидно, привычное решение.

Комендант, удовлетворенный голосованием приговора, махнул рукой, спрыгнул со скамейки и тут же из револьвера застрелил Кушнира.

Народный суд кончился, а махновцы, только что оравшие «расстрелять», довольно громко заявили: «Ишь, сволочи, не поделили»; комендант же, опустив портсигар в карман брюк, не спеша отправился выполнять свои обязанности.

Так в жизни махновской армии уживаются крестьяне-собственники, а рядом уголовная безудержная вольница, которую почему-то все и считают идейными анархистами.

МАХНО И АНАРХИСТЫ

Сам Махно, как и все организации, на время борьбы считались подчиненными исключительно военно-революционному совету армии. Но это было на бумаге, на деле же руководящую роль в боевых операциях армии играл личный штаб Махно, во главе которого находился всегда пьяный Васильев, так как у махновцев существовало глубокое убеждение, что Васильев проявлял свои воинские таланты лишь в минуты полного опьянения, а потому напаивание Васильева поощрялось всеми, начиная с самого Махно.

В совете Махно заседал весьма редко, удовлетворяясь докладами Волина на дому. Махно предпочитал находиться на передовых позициях, часто принимая непосредственное участие в боях, вызывая восхищение «братвы» артистической стрельбой из пулемета. Это было, с одной стороны, потребностью самой натуры Махно, а с другой — вы-

зывалось и необходимостью личного примера для его недисциплинированных войск.

Постоянные заявления анархиста Волина в речах на митингах и в газетах, что лично Махно никакой власти не имеет и является лишь простым исполнителем указаний коллегии военно-революционного совета, необходимо рассматривать не более как чисто дипломатическую уступку слишком прямолинейным взглядам находившихся в этом совете анархистов.

На самом деле Махно через Волина проводил в жизнь все, что только находил необходимым, вплоть до печатания денежных знаков.

Действительная власть Махно, а не мнимое подчинение его совету, была настолько всеобъемлюща, с чисто диктаторскими замашками, что двойственность власти никаких трений или вредных для дела разногласий между Махно и военно-революционным советом не вызывала.

Во время затишья или временного прекращения военных действий Махно не мешал совету делать все, что только ему вздумается, предпочитая заполнять свободное время игрой в карты, кутежами и женщинами.

Официально в компетенцию военно-революционного совета армии Махно входили: оперативная, административная, разведывательная, агитационная, культурно-просветительная и другие части и, кроме того, совету принадлежало право созыва съездов крестьян, устройства конгрессов и митингов.

Совет издавал газеты, из которых две постоянные: «Известия военно-революционного совета армии имени Батьки Махно» и «Набат» — партийный орган анархистов.

Наконец, совет руководил грабежом и распределением по деревням награбленного, а также решал все вопросы об активных выступлениях армии.

Председателем военно-революционного совета был известный анархист Волин, а членами — представители различных социалистических и анархических партий, сбежавшихся сюда чуть ли не со всей России, большинство коих производило впечатление определенных авантюристов.

Из всех многочисленных отделов военно-революционного совета идеально были поставлены разведывательный, большая часть секретных агентов в котором были женщины, и агитационный, для целей которого были использованы почти все сельские учителя.

Постоянный состав совета доходил до 299 человек, но состав его находился в беспрерывном движении и трудно поддавался учету. Во всяком случае, общий состав его можно определить не менее чем в 2000 человек, считая и многочисленных подвижных агентов.

Политическое кредо военно-революционного совета, разделяемое молчаливым согласием Махно, сводилось к следующему: коммунистическая партия и все московское правительство считались контрреволюционерами, захватившими власть обманом и ведущими социальную революцию по ложному пути к гибели.

Идеалом махновцев, подлежащим немедленному проведению в жизнь, являлись Советы, но построенные без признаков какой бы то ни было власти (очевидно, политической), ведающие чисто экономическими вопросами. Союз таких экономических Советов является верховным органом в жизни интернационального человечества. Продолжение революции в России и возможная революция на Западе Европы признавались только под знаком синдикализма, а не социализма.

На митингах Волин и другие анархисты всегда подчеркивали, что они непосредственно связаны с анархистскими группами Запада.

Слишком длительное участие в жизни махновской армии активных анархистов и тяготение к ним Махно привели к тому, что анархисты влияли на все дела армии. Влияние же бывших в военно-революционном совете социалистов было ничтожно.

Но вряд ли махновская вольница могла впитать в себя анархические идеи. Волин не раз сознавался, правда, негодуя, что проводимая им идеология дальше членов совета, и то только некоторых, слабо воспринимается.

«Братва» шла за Махно не потому, что уверовала в идеалы Волина, а в силу того, что ей была по вкусу полная приключений, буйная и пьяная жизнь.

Волин был, несомненно, самой яркой фигурой среди махновских политических «деятелей».

Отвлеченный теоретик, он направлял свою энергию на полемику с Троцким, и все номера махновских газет пестрели несколькими статьями, подписанными Волиным, неизменно заканчивающимися признанием Троцкого вне закона. Несомненно, в этом сказывалась больная натура Волина.

Лет пятидесяти, преждевременно состарившийся и поседевший, среднего роста, с беспокойным взглядом, направленным куда-то вдаль, Волин производил своей растрепанной фигурой, мало знакомой с водой, щеткой и гребнем, впечатление человека, только что выскочившего из дома умалишенных.

Преображался Волин лишь в минуты, когда произносил свои блестящие речи, довольно удачно лавируя среди зловещей махновской действительности, так как крестьяне, совершенно не понимая и мало интересуясь идеями, проповедуемыми Волиным, довольствовались своей упрощенной идеологией, смысл которой сводился только к возможности избавиться от властей, осмелившихся требовать от них выполнения государственных повинностей, а также к грабежу городов, называемому ими «возвратом всего того, что городские пауки повытянули у них за прежние годы».

Попытки военно-революционного совета дать работу своему культурно-просветительному отделу после первых же шагов повели к тому, что отдел раз и навсегда отказался от мысли посылать своих членов к крестьянам для прямой работы, совершенно правильно полагая, что в крестьянской среде подобная работа обречена на полный провал.

Вообще, на крестьянский быт анархисты имели очень мало влияния, и крестьяне, как и раньше, несмотря на махновские мобилизации, участие в боях и грабеже и анархистскую агитацию, как только возвращались к себе в село, сразу же обращались в ярых собственников-кулаков и начинали ходить в церковь.

Да и сам Махно, как это ни покажется странным, по-видимому, в угоду крестьянам, не раз во время богослужения заходил в церковь, ничуть не считаясь с авторитетными осуждениями таких поступков Волиным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После захвата Крыма и окончания борьбы с Врангелем Советская власть, несомненно, поставила себе задачей полную ликвидацию Махно, переговоры с которым о его подчинении Советам ни к чему не привели, несмотря на его указания большевистским делегатам, что он, как подлинный революционер, держался нейтрально во время борьбы коммунистов с Врангелем.

Такие объяснения, не удовлетворяя руководителей Советской власти, по существу, затягивали активное выступление Махно и отсрочивали начало военных действий против него коммунистов, что по условиям крайне суровой зимы 1920/21 года являлось для обеих сторон необходимым, но в руки советского командования попали точные данные о местонахождении самого Махно и его отрядов.

С наступлением весны 1921 года Махно не замедлил перейти к своим излюбленным коротким налетам. Перед Советской властью вставал грозный вопрос о срыве всего продналога на Украине. Медлить дальше с ликвидацией Махно было невозможно, и Фрунзе получил приказ ликвидировать Махно. С этого времени над Махно нависла грозная и ничем уже не предотвратимая гибель.

Фрунзе дальновидно и планомерно хотел затянуть на шее Махно веревку, стараясь постепенно оттеснить его в сторону Донецкого бассейна, но Махно, разгадав его намерение, бросил свой родной район и быстро перенесся к Антонову в Воронежскую губернию, затем в Орловскую, но здесь он успеха уже не имел, и ему пришлось быстро переброситься через Харьковскую губернию в Херсонскую. К концу лета 1921 года постепенными маневрами своей многочисленной кавалерии Фрунзе прижал Махно к Днестру, к румынской границе.

Лично Махно удалось, хотя и легко раненным, перейти границу и скрыться у румын, но зато в Бутырки в Москве попал почти в полном составе военно-революционный совет его армии во главе с самим Волиным, который даже из тюрьмы продолжал кричать о контрреволюционности коммунистической партии.

У румын Махно нашел часть своих военных помощников, перебравшихся туда ранее. Ловкий Козельский, не жалея колоссальных

средств, заблаговременно вывезенных в Бессарабию, сумел безопасно и удобно устроить своего Батьку, обойдя все неприятности, которым подвергаются интернированные румынами русские. Рана Махно давно залечена, но тяжелые переживания не сломили беспокойной, жаждущей вечных приключений натуры Махно, и румыны имели в своих руках довольно неприятное для Советов орудие.

На митингах и в особенности в пьяном виде у Махно очень часто вырывались словечки и фразы, которые никак не подходят под обычный для него тип речей, выдержанных все же в анархическом духе.

На одном из митингов, отвечая на заданный вопрос, Махно сказал:

— В России возможна или монархия, или анархия, но последняя долго не продержится.

Часто Махно говорил и о памятнике разбойнику Ермаку Тимофеевичу, почему-то не упоминая ни о Пугачеве, ни о Стеньке Разине.

Странным кажется и его показное стремление держаться особняком от своих идейных руководителей-анархистов, не говоря уже о социалистах, коих он вообще называл полукадетами, а «кадет», по махновской терминологии, было чуть ли не самое страшное слово, по крайней мере, для тех, к кому оно относилось непосредственно.

В среде наиболее близких к Махно людей, с которыми он держал себя откровенно, не было ни одного анархиста и вообще партийных работников.

Возможно, что и в этом случае Махно следует своей потребности быть везде первым, попросту не терпя вблизи себя людей, могущих чем-либо выделиться перед ним, но несомненно то, что у Махно слишком многогранная, жестокая и коварная душа, не знающая ни в чем удержу.

Его исключительное знание крестьянского быта и самых сокровенных желаний крестьян, его несомненная личная храбрость, решимость и уменье проводить довольно сложные военные операции, огромная энергия и организаторские способности — вот причины успеха Махно.

Однако надо иметь в виду, что основа этого успеха сводилась к тому, что Махно имел возможность через своих агентов узнавать о настроениях крестьянских масс и немедленно реагировать на них отдачей соответствующих духу этих настроений приказов. Но создавать эти настроения Махно не может; он — не вождь; он умеет лишь плыть по течению.

Несомненно, что настроения крестьянства неустойчивы и, во всяком случае, теперь резко изменились, и это заставляет меня признать, что история махновщины закончена, а для самого Махно остается лишь роль простого бандита, каким он, по существу, всегда и был.

НЕОБХОДИМОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вадим ЧЕРНЯК

ПУТЬ И ГИБЕЛЬ «НОЕВА КОВЧЕГА»

Воспоминания К.Герасименко возвращают нас в один из самых драматических и противоречивых периодов истории Украины — годы гражданской войны. Об авторе, к сожалению, почти ничего не известно. Судя по его собственным словам, он какое-то время имел возможность довольно близко наблюдать ход крестьянской войны, руководимой Нестором Махно, однако некоторые данные, приведенные в воспоминаниях (они публикуются по альманаху «Историк и современник», кн.III. Берлин, 1922), нуждаются в уточнении. Например, годом рождения Н.Махно автор называет 1884-й. В советских изданиях фигурирует другая дата, на наш взгляд, более точная — 17 октября 1889 года. Посвятив основную часть своего труда борьбе Н.Махно с белогвардейскими частями, автор почти ничего не говорит о столкновениях махновцев с большевиками. Между тем бои эти были не менее остры и кровопролитны, особенно на Полтавщине, где крестьянские отряды подверглись сокрушительному разгрому под Миргородом. Не мог знать К.Герасименко, по вполне понятным причинам, и об эмигрантской судьбе самого Н.Махно — об этом мы еще скажем в дальнейшем. Значительно занижена К.Герасименко численность «армии имени Батьки Махно» — в конце 1919 года так называемая «Революционная повстанческая армия Украины» насчитывала в своих отрядах до восьмидесяти тысяч бойцов и выглядела достаточно грозной силой. И у Н.Махно, думается, были немалые основания претендовать на роль «мужицкого» Наполеона, совершающего на Украине третью социальную, на этот раз осененную черными анархистскими знаменами революцию.

Справедливо считается, что основной питательной средой «махновщины» было зажиточное крестьянство левобережной Украины, наиболее чувствительно воспринявшее и германскую оккупацию, и прямолинейную политику «военного коммунизма», и полное непонимание крестьянских проблем со стороны первых советских руководителей на Украине. Во всяком случае, разоряющая даже среднее крестьянство «продразверстка» и нелепые задержки с разделом помещичьих земель вызывали в деревне повсеместное недовольство.

Борьба Н.Махно с немцами описана у К.Герасименко довольно подробно. Стоит только добавить, что организационные ее формы, связанные в первую очередь с возможностью быстро собрать в кулак и сосредоточить на нужном направлении боевые силы, а если возникнет надобность, столь же быстро распустить их и «спрятать», в дальнейшем так и остались существенной особенностью военной стратегии «махновщины». Педантичных и стремящих-

ся воевать «по правилам» немецких генералов такая тактика просто-напросто шокировала, и найти против нее действенные возражения они не смогли. Впоследствии, когда к движению Н.Махно примкнуло немалое число совершенно деклассированных людей — дезертиров, городских уголовников, юродивых разного толка, столь характерных для всякого русского бунта, и т.д., действия махновцев пополнились десятком иных способов, сделались тактически более изощренными, но проиграли — и существенно — в идейности.

Вообще же идейная сторона «махновщины» долгое время советской историографией освещалась пристрастно и неточно. Усиленно «педалировалась» критика махновского бандитизма, безусловно, имевшего место, но столь же рьяно затушевывались расхождения Н.Махно с коммунистами, а ведь именно на этой струне часто играли деникинцы, а затем и врангелевское командование. Ось расхождений проходила по самым каверзным вопросам: о мире, о земле, о воле — они в первую очередь волновали тогда любого сельского жителя. Большевики не смогли дать мира по не зависящим от них обстоятельствам; хуже, что они сразу же пошли по пути организации централизованной системы тотального и жестокого контроля, которая, конечно, способствовала установлению относительного порядка и спокойствия, но лишала людей едва ли не главного из революционных завоеваний — свободы. Как много в этом смысле говорит одна из телеграмм Н.Махно на имя красноармейского командования: «Я и мой фронт останутся неизменно верными рабоче-крестьянской революции, но не институтам насилия в лице ваших комиссаров и чрезвычаек, творящих произвол над трудовым населением... Такие органы принуждения и насилия, как чрезвычайки и комиссариаты, проводящие партийную диктатуру, встретят в нас энергичных противников».

Земля... Кардинальный вопрос. Большевики, заимствовавшие у эсеров лозунг о безвозмездной передаче всей земли в крестьянские руки и громогласно заявившие о намерении немедленно провести его в жизнь, довольно быстро отодвинули собственно решение на второй план, частью по причине все тех же обстоятельств, частью ввиду неспособности наиболее рациональным для них образом сбалансировать ситуацию с землей — вопрос, сколько мы знаем, не решен и поныне! Командование добровольческой армии, к слову, тоже объявляло о намерении передать крестьянам землю без выкупа, на условиях, «вырабатываемых в каждой губернии съездом крестьян». Увы, и это был чистый обман — никто даже не потрудился предложить сколько-нибудь приемлемый механизм такой передачи, да и невозможно было в условиях гражданской войны осуществить все это на практике. Крестьян обманывали с двух сторон!

Столь же неосуществленным осталось обещание широкой демократической автономии местного самоуправления, данное крестьянам белогвардейским командованием. И вскоре у крестьян с этой властью началась подлинная борьба, принимавшая порой весьма ожесточенный характер. К лету 1919 года, когда деникинская армия, одержав крупные победы на фронте, вплотную приблизилась к Москве, на захваченных (или, по лексике белогвардейских газет, «освобожденных») территориях стал формироваться аппарат чиновников, как правило, ведущих себя по отношению к местному крестьянству крайне развязно, если не сказать — разнузданно! Его поощряли реакционные элементы, принадлежащие к разным слоям общества, но направляемые в своих поступках, по-видимому, словами генерала Кутепова о том, что

Россию возможно восстановить во всем ее дореволюционном единстве, неделимости и величии лишь при помощи кнута и виселицы. Население юга России испытало на себе эти методы в полной мере.

Власти утверждали, что действия, предпринимаемые ими, направлены в первую очередь против влияния большевиков. На самом же деле отношение крестьянства к большевизму на юге было до поры скорее нейтральным, а вот прелести «добровольческой» жизни оно узнало в полном объеме. Отсюда и едва ли не поголовная тяга крестьянского населения в «зеленые».

Если обещание широкой демократической автономии местного самоуправления, провозглашенное деникинским командованием, оказалось фикцией, то коммунисты никакого самоуправления просто не обещали, отделываясь преимущественно лозунгами общего порядка (к слову, оказывающимися зачастую гораздо более эффективными!) или проталкиванием на деревенских сходах «своих» людей во властные структуры — это были в основном представители деревенской бедноты, мало что умеющие и уж точно — не любящие что-либо делать.

Довольно быстро крестьяне поняли, что с карательными отрядами «добровольцев» или с реквизиторами-красноармейцами им не справиться без соответствующей организации. По селам стали проходить съезды и сходы, на которых формировались отряды «зеленых», определялись и уточнялись общественные позиции. Против этих деревенских попыток противостояния с одинаковым рвением сражались и белые и красные. Деникинцы и врангелевцы, поддерживаемые из-за рубежа, конечно же, не могли стать идеалом в крестьянских чаяниях, но и красноармейцы с их рабочими отрядами, непонятными «коммунистическими» воззрениями, опорой на «голодранцев» и т.д. вызывали в селах одну лишь неприязнь. Кроме того, идущую из «Московии» Красную Армию большая часть украинского крестьянства считала орудием покушения на свою национальную независимость — идеи сепаратизма как на левом, так и на правом берегу Днепра всегда находили союзников. Вот почему с восторгом воспринимались речи Н.Махно типа той, что была произнесена на Втором съезде «повстанческих, рабочих и крестьянских депутатов» в феврале 1919 года в Гуляй-Поле:

— Если товарищи большевики идут из Великороссии на Украину помочь нам в тяжелой борьбе с контрреволюцией, то мы должны сказать им: «Добро пожаловать, дорогие братья!» Но если они идут сюда с целью монополизировать Украину, скажем им: «Руки прочь!» Мы сами сумеем поднять на высоту освобождение трудового крестьянства, сами сумеем устроить себе новую жизнь, где не будет панов, рабов, угнетенных и угнетателей.

Н.Махно неоднократно подчеркивал, что он борется за освобождение трудящихся от гнета власти и капитала, «как частного, так и государственного». Интересно, верил ли он сам в то, о чем кричал с трибуны?! Как бы то ни было, речи «Батьки» неизменно попадали в «яблочко» — ни власть имущие, ни обладатели капитала никогда не пользовались на Руси особой популярностью... Что касается анархистских лозунгов, которые часто повторял Н.Махно, то гораздо серьезнее самого «Батьки» к ним относились люди из его окружения.

Анархизм Н.Махно — особая тема. Это был, безусловно, не анархизм, близкий, скажем, таким идеологам движения, как князь П.А.Кропоткин, — тот видел государство, управляемое группой просвещенных и близких друг к другу единомышленников, это в том случае, если без государственного

устройства обойтись невозможно... Все махновское «безвластие» укладывалось, пожалуй, в истеричный призыв немедленно приступить к уничтожению городов. Впрочем, К.Герасименко об этом упоминает. Не бог весть какая по глубине мысль, что город есть зло, тоже бытует в крестьянской среде по сию пору. Свободная крестьянская жизнь без городов понималась Н.Махно, в общем-то, смутно, как и его помощниками.

Описывая ближайшее окружение «Батьки», Юрий Кларов в своей повести «С резолюцией «Расследование возобновить...» употребляет термин «Ноев ковчег» — образ, очень меткий и емкий для данного случая: «Среди людей, терпихся возле «Батьки», были садисты типа Щуся, выкалывавшие глаза пленным и бросавшие людей в паровозные топки; благородные разбойники вроде участника восстания на броненосце «Потемкин» Дерменджи, такие скопцы-фанатики, как Аршинов-Марин; заоблачные теоретики, живущие в мире фантазий, ничего общего не имеющих с реальностью, каким был, например, Барон; сбитые с толку трескотней красивых слов рабочие; украинские националисты; озлобленные неудачники и профессиональные уголовники, по которым не то что плакали, а просто рыдали тюрьмы...» Понятно, сколь широк был в махновском движении спектр политических пристрастий.

И все же «махновщина» — это опять-таки видно по воспоминаниям К.Герасименко — была отнюдь не той бесформенной вольницей, к трактовке которой привыкли мы все, знающие о Н.Махно больше по кинокартинам «Красные дьяволята» или «Неуловимые мстители». Кое для кого, видимо, окажется откровением тот факт, что в армии Н.Махно существовал и активно действовал реввоенсовет, что в Гуляй-Поле выходили газеты «Путь к свободе», «Голос махновца», «Вольный повстанец», что в результате большой и трудной организаторской работы, во многом благодаря усилиям самого Н.Махно и его ближайшего друга и помощника Н.Волина был создан «Всеукраинский центральный повстанческий комитет», действовавший подпольно даже в контролируемых белыми или красными войсками губерниях.

Пишущие о Н.Махно весьма часто упоминают о его коварной и, откровенно говоря, подловатой натуре. Факты подтверждают: «Батька» мог провести и обмануть кого угодно. Такой демонстративный, прямо-таки ницшеанский отказ от нравственности делал фигуру Н.Махно по-настоящему зловещей и в конце концов привел его к гибели. Советская власть даже в «медовые» месяцы не особенно доверяла украинскому народному вождю. Белые же пытались неоднократно, порой даже подобострастно привлечь вольницу Н.Махно на свою сторону, но из этого выходили только казусы. По свидетельству известного мемуариста князя В.Оболенского, Н.Махно расстрелял врангелевского парламентера.

К слову, существуют различные версии смерти брата Нестора Ивановича — Григория. По воспоминаниям К.Герасименко, его убили белые, и Н.Махно, как помним, еще «долго после смерти брата вымещал свою ярость над тяжелоранеными офицерами, попадавшими лишь в таком состоянии в его руки, так как каждый строевой офицер предпочитал смерть махновскому плену». Однако вот что пишет В.Оболенский: «Я очень хорошо помню рассказ самого Врангеля о том, как он получил от Н.Махно записку такого содержания: «Большевики убили моего брата. Иду им мстить. Ужо когда отомщу, приду к вам на подмогу». Судя по некоторым дальнейшим событиям, Врангель действительно верил Н.Махно. Он, к примеру, тотчас же распорядился выпустить из тюрьмы сидевших там махновцев и их атамана Володина, более

того — поручил последнему сформировать боевой отряд. О дальнейшем сообщает тот же В.Оболенский: «Володин нарядился в фантастический костюм вроде запорожского и вербовал в свой отряд отчаянных головорезов и уголовных преступников... Потом повел свой отряд в Мелитопольский уезд, где воевал преимущественно с мирными жителями, грабил и насильничал. В конце концов за целый ряд преступлений он был повешен военными властями».

Отряд в несколько тысяч штыков по распоряжению Н.Махно участвовал на стороне красных в штурме перекопских укреплений. Но и с красными, как всегда, союз у Н.Махно был временной мерой — вскоре после падения Врангеля обеими сторонами было нарушено так называемое «Старобельское соглашение» от 2 октября 1920 года. К.Герасименко умалчивает или не знает о том, что к весне 1921 года Пятый Всеукраинский съезд Советов объявил амнистию всем крестьянам, выступавшим против Советской власти с оружием в руках, но желающим вернуться к мирному труду. Амнистия сразу подорвала корни «махновщины». Возглавляемое М.Фрунзе «Военное совещание» сосредоточило против Н.Махно части Первой Конной армии, 2-ю кавалерийскую дивизию, ряд подразделений корпуса червонного казачества, войска ВЧК и ЧОН.

О конце «махновщины» К.Герасименко вообще пишет скупо. Возможно, что с чужих слов... Добавим, что уже к осени 1921 года прекратили сопротивление остатки махновских армий в Херсонской, Киевской и Полтавской губерниях. С Н.Махно осталось не более 2,5 тысячи бойцов, но короткий срок спустя и этот отряд был разбит и рассеян красными. 26 августа близ г.Ямполя под Винницей в сопровождении полусотни всадников Нестор Махно перешел Днестр и сдался румынским властям.

К.Герасименко считает средства, вывезенные Козельским в Бессарабию, колоссальными. Вероятно, это большое преувеличение... Еще через год Н.Махно, залечив легкое ранение, полученное в последнем бою с красной конницей, переправился в Польшу, а оттуда во Францию. Он вспомнил о своих рабочих навыках. Должно быть, нуждаясь в деньгах, поступил на работу сапожником, затем перешел в типографский цех. Французам его имя мало что говорило, но в русской эмиграции Н.Махно помнили до самой его смерти. Он старательно трудился над мемуарами, написал целых два тома и отправился к кому-то из солидных писателей за предисловием. Писатель, выслушав его просьбу, попросил немного обождать в прихожей, вернулся в свой кабинет, открыл окно и сбежал... Как видно, отказать Н.Махно не решился, а писать предисловие не нашлось сил.

Нестор Махно умер 6 июля 1934 года в Париже в возрасте всего лишь 45 лет — сказались, видимо, излишества и лишения революционной поры. «Махновщина» как таковая тоже умерла, осталась в истории; у нее не нашлось последователей. И приходится согласиться с К.Герасименко: Н.Махно не был идейным вождем, хотя и умело ориентировался в крестьянских настроениях своего времени. Когда настроения изменились, он стал не нужен.

СОДЕРЖАНИЕ

Содержание библиотеки детектива, героики и приключений «Подвиг» в 10-ти томах
(с учетом изменений и дополнений)

Классический детектив

Том 1-й: Р. Чандлер «Золотой дублон Брашера», Д. Чейз «Что лучше денег», А. Збых «Слишком много клоунов».

Том 2-й: М. Спиллейн «Поцелуй меня, дьявол», Р. Чандлер «В горах не бывает преступлений», Г. Шерфлинг «Западня на сцене».

Том 3-й: Д. Чейз «Еще один простак», Ч. Хеймс «Беги, негр, беги», К. Коркозович «Белое пальто в клетку».

Политический детектив

Том 4-й: Д. Ладлем «Уик Энд», Ж. Сименон «Президент».

Том 5-й: А. Авторханов «Загадка смерти Сталина», Ф. Жиру «Шантаж», К. Герасименко «Махно».

Психологический детектив

Том 6-й: С. Лем «Насморк», М. Лебрэн «Фоторобот», Р. Томас «Желтая тень».

Том 7-й: Ш. Дюрк «Шкода № ZM 00 28», А. Словин «Бронежилеты».

Том 8-й: У. Фолкнер «Ход конем», М. Спиллейн «Адская машина».

Исторический детектив

Том 9-й: М. Алданов «Ключ», А. Раскопыт «Дикое поле».

Приключения

Том 10-й: В. Шрайер «Адъютант», П. Буль «Мост через реку Квай».

А 22 «ПОДВИГ». Библиотека детектива, героики и приключений в 10-ти томах T.V. А.Авторханов. Загадка смерти Сталина; Ф.Жиру. Шантаж. Пер. с франц.; К. Герасименко. Махно. Под ред. В.Черняка и А.Шевелева. Сер. оформл. В.Кухарука.
Спб. — Москва: АО «Прибой», журнал «Сельская молодежь». 1992 г. 320 с. (Политический детектив).

ISBN 5-7041-0072-4

Пятый том «Библиотеки детектива, героики и приключений «Подвиг» (раздел «Политический детектив») составили произведения политолога А.Авторханова, романиста Ф.Жиру и мемуариста К.Герасименко.

А $\frac{4701000000-007}{Д93(03)-92}$ Без объявл. ББК 84Р7

Редактор В.Черняк
Художник С.Родимов
Художественный редактор В.Кухарук
Технический редактор Н.Александрова
Корректоры В.Авдеева, Е.Сахарова, И.Ларина
Компьютерный набор и верстка выполнены АО «ВПМ ЦЕНТР»
т. (095) 939-88-02

Н/К

Сдано в набор 04.02.92. Подписано в печать 23.11.92. Формат $60\times90^1/_{16}$.
Бумага офсетная. Гарнитура «Тип Таймс». Печать офсетная. Условн. печ. л. 2(
Учетно-издат. л. 20,1. Тираж 150 000 экз. Заказ 1632. С007

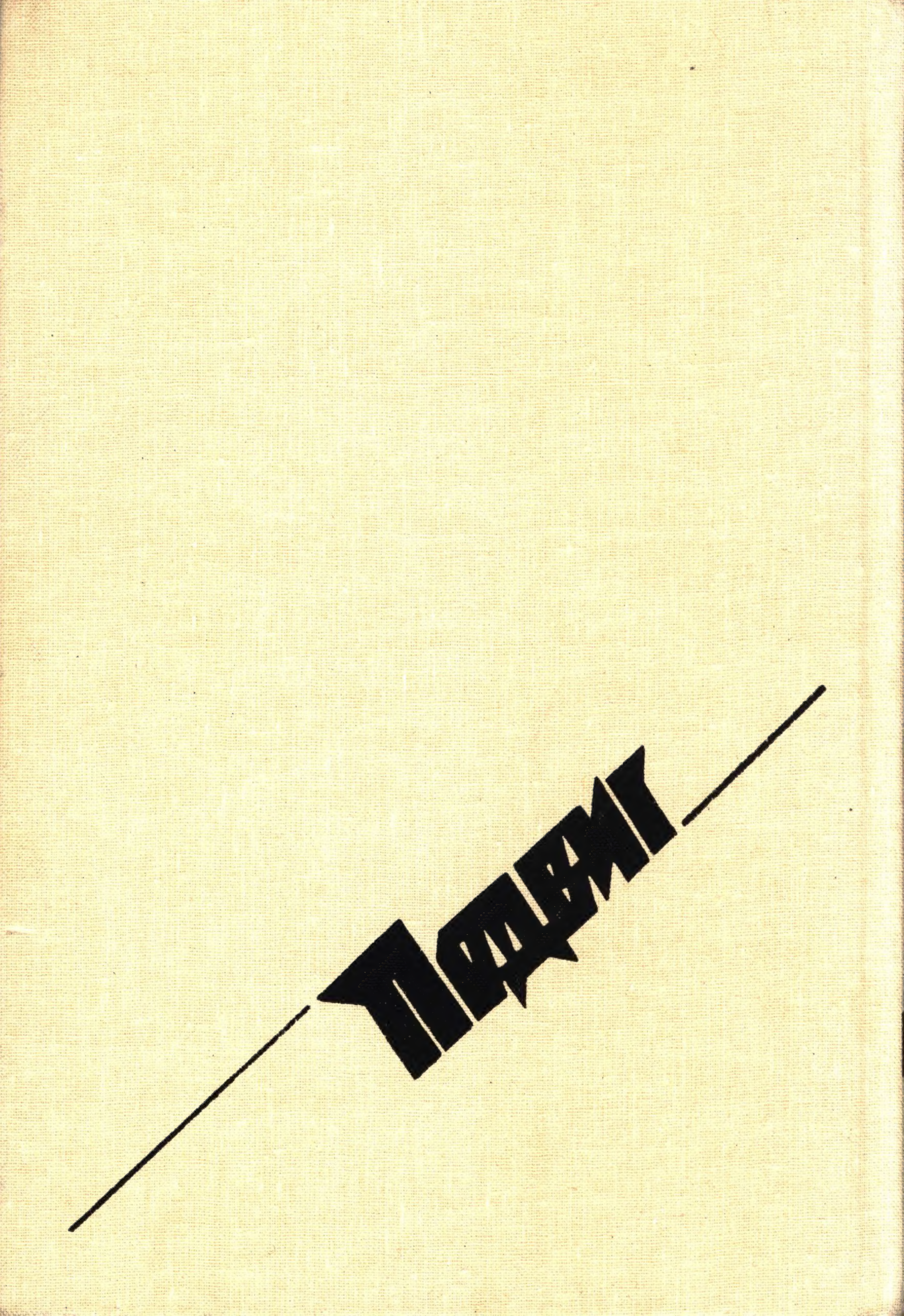
АО «Прибой» 103001, Москва, Трехпрудный пер., д.9.
Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литератур
им. 50-летия СССР Министерства печати и информации Российской Федерации
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

. л. 2

ератуј
ераци

Подвиг

5
Подвиг
ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ